Моя фронтовая лыжня

Геннадий Иосифович Геродник

SHOUT
SHARE
IT

- Геродник Геннадий Иосифович

Городник Геннадий Иосифович
Моя фронтовая лыжня

Городник Геннадий Иосифович

Моя фронтовая лыжня

{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Тяжелая участь досталась на фронте лыжному батальону, сформированному на Урале: лыжникам пришлось под блокадным Ленинградом, в окружении, сражаться с врагом. Голод, холод, отчаянный натиск сильного врага мужественно выдержали уральцы. В их рядах сражался и автор предлагаемой книги. День за днем показывает он все тяготы окопной жизни солдата, заставляет читателя сопереживать все фронтовые перипетии, эти воспоминания помогают глубже понять истоки героизма наших воинов.

Содержание

Часть 1. Чалдонбат
Часть 2. Едем на фронт
Часть 3. Мясной Бор -Ольховка
Часть 4. Гажьи Сопки
Часть 5. Пора подснежников
Часть 6. Встречи с прошлым

Быть под началом у старшин
Хотя бы треть пути.
Потом могу я с тех вершин
В поэзию сойти.
Семен Гудзенко

Часть 1.Чалдонбат

Размышления на солдатских нарах

Проснулся и не сразу сообразил: "то я и где я? Последнее время меня, привыкшего к оседлой и размеренной жизни учителя, так мотает по белу свету, попадаю в такие неожиданные перепы, что подчас начинаю сомневаться в реальности происходящего.

А может - пытаюсь вспомнить, - со мной произошла какая-то катастрофа? Попал под машину? Избили до полусмерти грабители? Заболел тяжелой болезнью? Быть может, уже несколько недель подряд нахожусь между жизнью и смертью и все маловероятные злоключения, которые происходят со мной, - всего лишь игра болезненного воображения?

Загорается надежда: открою сейчас глаза - и увижу свою могилевскую комнату. На столе слева - недавно купленный

радиоприемник, посреди - роскошный букет алых и белых пионов, которые мне преподнесли на выпускном вечере десятиклассники. И еще увижу: у кровати стоят в белых халатах моя жена Ася и ее коллеги - врачи. У Григория Петровича вырывается радостный возглас: "Наконец-то наш Геннадий приходит в себя! Теперь он будет жить!"

Но глаза пока не открываю, медлю. Еще не выйдя окончательно из состояния полудремы, шевелю головой, туловищем... подо мной шуршит солома. Значит, я не в своей постели в Могилеве - там были перяные подушки и мягкий пружинный матрац.

Прислушиваюсь. Да, обстановка явно не могилевская: там было тихо, разве что с легким присвистом посапывала Ася. А тут настоящий симфонический оркестр, вовсю храпят мои однополчане. Рядом со мной выводят рулады труба-геликон Авенира Гаренских и саксофон Гоши Одинцова.

Открываю глаза и слегка приподнимаюсь. Со своей верхотуры вижу длиннющие ряды двухъярусных нар. Вдали при слабом свете маломощной лампочки еле различаю у двери фигуру дневального.

До подъема еще часа два с лишним. Опять укладываюсь в свою солдатскую постель и обдумываю ситуацию. Теперь я полностью сориентирован в пространстве и времени. Начало октября сорок первого. Я - рядовой запасного лыжного полка. Бушующие ныне на нашей планете военные вихри занесли меня из Белоруссии в Пермскую область.

И все это - и мои однополчане, и барачного типа казарма, и Кама, и война объективная реальность. Нет, не смогла бы моя фантазия сочинить те приключения и злоключения, которые я пережил за последние месяцы! Нет, не смог бы я придумать из ничего эти пермские края, моих однополчан Авенира Гаренских, Гошу Одинцова, Мусу Нургалиева и многих других...

Перебираю в памяти череду злоключений, которые обрушились на мою голову начиная с 22 июня. До этого моя жизнь текла по какому-то определенному плану, с большой степенью вероятности я мог предвидеть, что будет со мной через два-три года, даже спустя десятиия. Каждый последующий этап жизни логично и закономерно вытекал из предыдущего. Вдруг началось нечто невообразимое, противоречащее здравому смыслу, и я уже не мог предугадать, что будет со мной через несколько дней, через два-три часа...

Тот самый длинный день в году,
С его безоблачной погодой,
Нам выдал общую беду

На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И стольких наземь положила,
Что двадцать и тридцать
Живым не верится, что живы...
Константин Симонов
Куда девать столько пионов?

Июнь 1941 года застал меня в Могилеве. Ранним утром злополучного воскресенья я в самом благодушном настроении шагал по безлюдным еще улицам города. В это время на западных рубежах нашей страны уже вовсю шли ожесточенные бои, фашистские воздушные армады бомбили наши города. А я, ничего не ведая об этих грозных событиях, с блаженной улыбкой беспечно думал о делах сугубо мирных.

И надо сказать, для приподнято-радостного настроения у меня были весьма веские основания. Я, молодой преподаватель математики, только что закончил учебный год. Выпускники нанесли в школу уйму цветов, одарили всех учителей. А мне, классному руководителю десятого класса, досталось больше всех. Несу и раздумываю об удовольствиях предстоящих них каникул. О поездке в родные края на Полотчину, о рыбалке и грибных походах, о накопившихся к у непрочитанных книгах и журналах, о приднепровских пляжах...

Но вероятен и другой вариант: придется загорать не на пляжах, а в другом месте и в другой обстановке. Дело в том, что до университета я освобождался от призыва как сельский учитель. В университете проходил высшую вневойсковую подготовку, из мехматовцев готовили артиллеристов-зенитчиков. Но лично у меня обстоятельства сложились так, что я не смог завершить курс военной подготовки. Сейчас же, став городским педагогом, льготами больше не пользуюсь. Так что предстоит пройти ний лагерный сбор, после чего мне должны присвоить звание лейтенанта.

Во мне противоборствуют два желания. Чувство долга и здравый смысл подсказывают: хорошо бы поскорее привести свои воинские дела в порядок! И вместе с тем после напряженного учебного года очень уж хочется иметь ние каникулы в своем полном распоряжении.,.

Шагаю по пустынным улицам еще не проснувшегося Могилева, сжимая охапку белых и алых пионов... В раздумья о предстоящем отпуске вклиниваются эпизоды из только что отшумевшего выпускного бала. Слышу радостные, возбужденные голоса, вижу юные счастливые лица...

Сейчас, в эпоху радио и телевидения, наша молодежь

разучилась петь хором. Предпочитает слушать исполнителей, порой даже абсолютно безголосых. Увлекается всевозможными модными ансамблями. А в предвоенные годы добрая традиция коллективного пения, родившаяся вместе с комсомолией, еще не была утрачена.

Пели на комсомольских вечерах и собраниях, пели на семейных торжествах и субботниках, пели в пути на грузовиках и в поездах, пели во время обеденного перерыва на заводе и на большой перемене в школе... Пели с увлечением, самозабвенно...

Много пели и на этом выпускном вечере. "Любимый город" и "Каховку", "Наш паровоз" и про курганы темные...

Вот и сейчас, спустя несколько десятиий, как только услышу эту знакомую мелодию, в памяти всплывают полузабытые имена, воображение воскрешает стертые временем лица. Песня, как машина времени, переносит меня в сорок первый год, в Могилев, в актовый зал 8-й средней школы. Этот выпуск навсегда сохранился в моей памяти поющим "Спят курганы темные".

Где вы, мои питомцы - выпускники грозного сорок первого? Кто из вас уцелел в вихрях войны и дожил до нынешних времен? Кто из вас помнит учителя математики и классного руководителя Геннадия Иосифовича?

Идти мне довольно далеко: надо пересечь весь город и еще километра два протопать до пригородного поселка Печерска. Там, в Могилевской психолечебнице, работает врачом-психиатром и живет в больничном городке моя жена Ася.

Наконец добрался. Хожу по комнате на цыпочках, стараюсь не разбудить Асю. Куда же девать такую уйму пионов? Ладно, цветами займусь после, когда отосплюсь. А пока что поставлю в ведро с водой. Ух ты, еле влезли!

Примостился на кушетке и без малейших скверных предчувствий, все в том же блаженном состоянии, сразу же провалился в небытие.

Как следует отоспаться мне не удалось, разбудила Ася:

- Послушай, что передают по радио! На нас напала Германия...

Сидя на кушетке, стараюсь понять услышанное. Страшный смысл слов жены до меня доходит не сразу. Война? Нет, не может быть! Вот сейчас умоюсь холодной водой - и наваждение сгинет.

Полностью вернулся в реальный мир... Нет, не наваждение! По радио четко звучит голос: "Сегодня в 4 часа утра... германские войска напали на нашу страну... Советским правительством дан нашим войскам приказ отбить разбойничье нападение..." На восток идут длинные составы:

станки и поэты, дети и архивы,

лаборатории и актеры,
наркоматы и телескопы.
Илья Эренбург
Путешественник поневоле

И сразу же размеренный темп мирной жизни сменился лихорадочно-нервозным ритмом. События развивались с калейдоскопической быстротой и абсолютно непредсказуемо. Пионы так и остались стоять в ведре.

Уже на второй день войны призвали в армию Асю. Она уехала в Гжатск, там формировался ее госпиталь. Несмотря на нашу малоопытность в житейских делах, мы все-таки догадались предположить, что война может далеко и надолго разбросать нас друг от друга. И поэтому предусмотрительно условились держать связь через несколько конкретных городов - Ленинград, Москву, Ульяновск, писать родственникам, знакомым, на центральный почтамт "до востребования".

Последние поцелуи, последние взаимные наставления, последние взмахи рукой. Последний раз мелькнуло в окне уплывающего вагона родное лицо. Увидимся ли когда-нибудь? Быть может, эти минуты нашего общения вообще последние?

Получил повестку из военкомата и я. Но, оказалось, пока что призвали меня не в армию, а на оборонные работы. Вместе с тысячами могилевчан рою на подступах к городу траншеи, противотанковые рвы, укрытия для артиллерии и автомашин. С непривычки очень устаю, руки в кровавых мозолях.

Однако и возвращение после работы домой нисколько не радует. В квартире пусто, все меньше и меньше остается соседей: полным ходом идет эвакуация. Особенно неуютно, более того, жутко стало в больничном городке, когда по высоковольтке прекратилась подача в Могилев электроэнергии. Погас свет, умолкло радио. С 26 июня начались бомбежки города...

Обстановка в Могилеве резко изменилась. Подходит к концу эвакуация предприятий и учреждений. Еще немало чего следовало бы вывезти на восток, но не хватало транспорта. Схлынули сплошные потоки беженцев из западных областей Белоруссии, их сменили более близкие соседи: бобруйчане и быховчане, из Червеня, Кличева и Белынич.

Уже не на основании слухов, а достоверно известно, что 4 июля в сорока километрах южнее Могилева фашисты заняли райцентр Быхов, а севернее танковый клин гитлеровцев нацелился на Шклов. И невоенному понятно, что Могилеву угрожает окружение.

Количество горожан уменьшилось в несколько раз, на улицах все чаще попадаются военные. Школы и административные

здания занимают прибывающие с запада прифронтовые госпитали и тыловые службы.

Возникли первые трудности с продуктами. Они коснулись прежде всего транзитных беженцев и таких непрактичных и незапасливых одиночек, как я. Спохватился, что у меня в буфете пусто и в кладовке только брусок свиного сала. А в магазине уже ничего не купить. Выручили меня более дальновидные соседи.

Оборонительные рубежи, возведенные руками могилевчан, занимают воинские части. На наш участок прибыла кадровая 172-я стрелковая дивизия. Мобилизованных на окопные работы распустили по домам.

...Раннее утро. За окном в палисаднике возятся воробьи. Их беспечный щебет никак не гармонирует с моим подавленным настроением. Теперь, когда я полностью оказался не у дел, с особой остротой чувствую свою неприкаянность. Мой небольшой учительский коллектив полностью рассеялся. Даже в свою школу не могу зайти: там военные, для них я посторонний человек. К больничному городку имею косвенное отношение.

Прежде чем окончательно признать себя беженцем и покинуть Могилев, я решил еще раз заглянуть в военкомат. После 22 июня я уже дважды побывал там. С опухшими от бессонных ночей глазами военкоматчики принимали меня не очень-то любезно. Дескать, не мешайте работать! Ваше оружие сейчас - лопата. Придет время - вызовем.

В дорогу собрался налегке, как призывник. Рассчитывал, что гражданский костюм сменю на военную форму через каких-нибудь два-три дня. Взял деньги и самые необходимые документы, в том числе университетский диплом. Положил в портфель полбуханки хлеба и остатки сала, нож, вилку, ложку и алюминиевую кружку, пару белья, полотенце и бритву. В плаще-дождевике и в них туфлях с брезентовым верхом, с учительским дерматиновым портфелем отправился в путь. В путь далекий и неведомый.

Очень скоро я стал сожаь: не взял врачебного диплома жены, не отобрал из семейного альбома наиболее дорогие мне и Асе фотографии, не надел более надежную обувь. Жаль было и коллекции марок - памяти мальчишеских , и альбома с открытками, полученными от эсперантистов из многих стран мира, и скрипки, на которой я научился играть в Полоцком педучилище...

Впоследствии, когда мои странствия до призыва в армию растянулись на месяцы, я еще не раз упрекал себя за беспечность, непрактичность, за то, что отправился из Могилева со слишком легкой ношей. Дескать, если бы взял чемодан, то в него вошло бы

и одно, и другое, и третье... В том числе надо было взять одеяло, простыню, еще хотя бы одну верхнюю рубашку... Стоило захватить и некоторые ценные вещи, скажем, отрез бостона на мужской костюм. Для обмена на продукты. Так многие дальновидные беженцы и поступали. Если, конечно, у них были для этого возможности и время...

Спустя годы я разобрался в причинах нашей относительной беззаботности. Имею в виду себя и Асю. Во-первых, накануне войны у нас еще не было детей. Ответственность за близких, особенно за детей, заставляет быть внимательным к повседневным бытовым нуждам. Во-вторых, в начальные дни войны мы еще не представляли себе масштабов обрушившихся на нас грозных событий. Уезжая в Гжатск, Ася оставила свой диплом в шкатулке, запрятанной в таком "надежном" месте, как платяной шкаф. В том же "надежном" месте я оставил выходной костюм и прочные кожаные ботинки. Автоматически сработал навык бережливости. Но, видимо, были и какие-то подспудные надежды: вернусь - и тогда все эти добротные вещи пригодятся. А сейчас трепать незачем.

Понадобилось немного времени, чтобы осмыслить размах катастрофы, вызванной иноземным нашествием. И я мысленно иронизировал над своими недавними наивными представлениями. До меня дошло, что и хитроумный французский замок на наружной двери, и ключи от платяного шкафа, спрятанные под половицей в кладовке, и надежные, честные соседи - все это эфемерно на фоне разыгравшейся военной стихии. И по мере того, как я постигал реальность смертельной опасности, угрожающей нашей стране, - и личные утраты, и личные жизненные планы занимали в моих мыслях все меньше и меньше места.

...Но пока я в Могилеве... Сворачиваю в знакомый комиссариатский переулок - и глазам своим не верю. Обычно военкомат осаждали сотни, если не тысячи людей. А сейчас во дворе чего-то ожидают несколько десятков мужчин. Закусывают, бреются, сушат носки и портянки, спят вповалку на соломе. Оказывается, военкомат уже эвакуировался в район Чаусов. Это в сорока километрах восточнее Могилева. Дежурный лейтенант комплектует из прибывающих самотеком запасников команды, назначает из них же самих старшего и направляет на восток. Хорошо, если находится попутная машина, а то большей частью - на своих двоих.

С очередной такой командой отправился на восток и я. Своего военкомата мы не нагнали: как раз в районе Чаусов немцы пытались замкнуть кольцо окружения и мы чуть было не попали

им в лапы...

С этой командой, слабо сцементированной и постоянно тающей, я был связан в течение полутора месяцев - вторую половину июля и почти весь август. Избегая больших дорог, по которым уже рвались вперед фашистские танки, мы шли по проселкам и лесным тропам... Ехали на открытых платформах и опять шли... Ехали, облепив железнодорожные бензоцистерны, и опять шли, на пределе сил брели... Наконец удалось оторваться от стальной вражеской лавины.

В Унече из нашей команды призвали нескольких человек - врача, младших и средних командиров. Остальных отправили дальше, туда, где обстановка поспокойнее. В Унече, как и в других районах, вдруг оказавшихся прифронтовыми, военкомат не мог охватить, переварить массу призывников - и своих, и нахлынувших с запада.

В Брянске наша команда, порядком истаявшая в пути, хотя и не была призвана в армию, но все же получила конкретную задачу. Нас включили в охрану эшелона с оборудованием какого-то завода.

Погрузка эшелона, по всему видно, происходила в ужасной спешке, так сказать, вчерне. Некоторые станки и огромные ящики-контейнеры оказались в рискованно-неустойчивом положении и при резком торможении поезда могли сорваться со своих мест. Часть заводского имущества, детали машин и металлические заготовки, лежала на платформах навалом и россыпью. Двое суток мы крепко поработали, прежде чем отправиться в далекий путь. Переставляли, перекантовывали, прикрепляли веревками и проволокой. Сколачивали новые ящики и загружали их наиболее ценными деталями.

Во время частых остановок в пути нас осаждали сотни беженцев. Сдерживать их напор было сложнее, чем передвигать с места на место многотонные станки и контейнеры. Очень скоро начальник эшелона своей властью разрешил нам в ограниченном количестве принимать попутчиков, хотя это и противоречило полученным в Брянске инструкциям. Все мало-мальски свободные места между станками и ящиками заняли женщины и дети. Каждая из платформ напоминала цыганский табор, на трансмиссиях развевались сохнущие пеленки...

На узловой станции Грязи в Воронежской области нагнали эшелон с эвакуированными, среди них оказалось много семей работников того самого завода, оборудование которого мы сопровождали. Заводское начальство произвело пересортировку: всех, имеющих отношение к заводу, собрало вместе, а случайным попутчикам предложило перейти из нашего эшелона в соседний.

В числе посторонних оказались и десять человек из могилевской команды. Завод перебазировался в глубинный сибирский городок, и везти туда имело смысл только тех, кто будет там работать.

Наш новый эшелон со станции Грязи повернул на юго-восток, и через сутки всех беженцев выгрузили в Березовском районе Сталинградской области. Мы, могилевчане, попали на хутор Кудиновский, в колхоз "Стена коммунаров", и с ходу включились в уборку урожая.

В колхозе я проработал около месяца. Научился запрягать волов и лихо понукать их: цоб-цобе! Приходилось работать даже на верблюдах. Был возчиком, грузчиком, работал на молотилке, убирал подсолнух и горчицу, неделю пробыл на полевом стане в десяти километрах от Кудиновки...

Лишь только я очутился в колхозе, сразу же написал жене по трем условленным между нами адресам - в Ленинград, Москву и Ульяновск. Наша дальновидная механика сработала безотказно. Хоть в одном случае мы оказались предусмотрительными! В ответ на мой запрос Центральный московский почтамт переслал мне письмо Аси. Она писала, что ее госпиталь, приняв в прифронтовой зоне раненых, перебазировался на Урал. Точнее - в Свердловскую область. В том же письме был официальный вызов на мое имя.

В то время приписанным к определенному месту беженцам, впрочем, как и всем остальным гражданам, разъезжать без особых надобностей не разрешалось. Но если эвакуированный заявлял, что дальняя поездка необходима для воссоединения семьи, ему шли навстречу. Так что из колхоза и Березовского района меня отпустили без особых проволочек. Получил я проездные документы, в которых именовался не беженцем, а переселенцем, выдали мне отличную характеристику о работе в колхозе и сухой паек на семь суток. Полевая бригада устроила мне теплые проводы. Распрощался я со своими спутниками-могилевчанами и колхозниками, с волами и верблюдами - и напрямик по степи зашагал к ближайшей станции. Крутится жизнь кинолентой.

Башне, рожденной в труде,
Окаменевшей легендой
Жить на уральской гряде.
Степан Щипачев. Невьянская башня

Призван в Невьянске

Кировград получил свое нынешнее название всего за пять до начала войны. Поэтому в сорок первом многие уральцы еще называли его по-старому: Калата.

Этот город известен своим крупным медеплавильным комбинатом. Когда я приехал на станцию Ежевая, то увидел на

горизонте высоченные заводские трубы с желтовато-рыжими "лисьими хвостами". Дело в том, что в медных рудах обычно содержатся добавки соединений серы. А противодымные фильтры в ту пору были еще далеки от совершенства.

Кировградцы и до войны жили не ахти как просторно.. А сейчас пришлось уплотниться до предела. Даже сверх любого мыслимого предела. Не считая сотен семей стихийно и в плановом порядке прибывших эвакуированных, здесь разместились госпиталь и вывезенный с запада завод.

В магазинах - хоть шаром покати; все самое необходимое - по карточкам; на рынке - умопомрачительные цены. Особенно на хлеб и картошку, на теплую одежду и обувь, на курево и спирт.

С трудом привыкаю к внешнему виду жены. На ней гимнастерка, шинель, пилотка, кирзовые сапоги. В петлицах - шпала. Ася возглавляет одно из отделений госпиталя, уже вовсю делает операции. Работает много. С утра и до позднего вечера, без выходных. Часто дежурит по ночам. Живет Ася в небольшом частном домике на городской окраине. Рядом тайга. Хозяйка - Пелагея Андреевна Уфимцева - женщина добрая, участливая, тактичная.

Прописываюсь, становлюсь на воинский учет, оформляюсь на работу. В средней школе до зарезу нужен преподаватель математики в старших классах, и моему появлению здесь очень обрадовались. Правда, военнообязанный, без брони работник не ахти какой надежный. Но в таком положении сейчас подавляющее большинство мужчин.

Итак, уже на третий день после прибытия в Киров-град я знакомил старшеклассников с основными теоремами стереометрии и выводил формулу суммы арифметической прогрессии. И закружилось-завертелось колесо школьной жизни. В две смены уроки, классное руководство, педсоветы, собрания, политинформации, методические совещания, субботники и многое другое.

В конце сентября в горняцком поселке Лёвиха состоялось методическое совещание учителей нашего района. На секции математиков я сделал доклад: "Геометрические задачи на построение в 8-10 классах". На этом моя кратковременная педагогическая деятельность на Урале закончилась. Дома меня ждала повестка из военкомата.

Наш райцентр - старинный уральский город Невьянск. Долгое время он был столицей обширных владений известных горнопромышленников Демидовых. В 1702 году они построили здесь свой первый "железоделательный" завод. До сих пор сохранилась Невьянская дозорная "падающая" башня, о которой и

ныне рассказывают немало легенд и былей. В местном краеведческом музее можно увидеть образцы редчайшего минерала - невьянскита.

Однако все мои вынужденные путешествия за последние месяцы складывались таким образом, что для ознакомления с местными достопримечательностями у меня не было ни времени, ни настроения.

Я надеялся попасть в артиллерию, хотел стать зенитчиком. Но, оказалось, Невьянский военкомат в этот день направлял в запасные полки только пехотинцев и лыжников. Так что у меня выбор был только между этими родами войск. На вопрос, умею ли ходить на лыжах, я ответил утвердительно.

У двери указанного кабинета стал в очередь, состоящую из моих будущих однополчан. И скоро предстал перед лейтенантом и пожилым писарем. Лейтенант забрал у меня мой "серпастый-молоткастый" и военный би, писарь старательно, каллиграфическим почерком, выписал квитанцию на забранные документы и занес меня в список. Лейтенант скомандовал:

- А сейчас - в парикмахерскую. Следующий!

Парикмахерская оказалась рядом. На военкоматовском дворе стояло несколько табуреток и около каждой из них орудовал машинкой самодеятельный стригаль из самих же призывников. В углу двора возвышалась внушительных размеров копна уже снятых волос.

Парень с засученными рукавами безжалостно прогнал на моей голове, так сказать, вдоль Пулковского меридиана первую полосу. И я всеми фибрами души ощутил, что, говоря языком физиков и химиков, перехожу из одного агрегатного состояния в другое - из штатского в военное.

Полсуток в Невелик-городке

И вот мы, будущие лыжники, приехали из Невьянска в соседнюю область Пермскую. Выгрузились из теплушек.

По правде сказать, этот мал-городок не приглянулся ни мне, ни моим спутникам. Он выглядит провинциально-запущенным, неприветливым. Зелени мало, домики большей частью одноэтажные, и среди них много обветшалых. Мощеных улиц - из десяти одна. Колеса подвод увязают в грязи. Балансируя на узких дощатых тротуарах, пешеходы жмутся к домам и заборам.

Неуютность невелик-городка усугубляется еще тем, что сегодня он переполнен сотнями, если не тысячами призывников. По улицам и переулкам месят грязь команды мужчин, одетых еще в гражданское. Рядом семенят заплаканные женщины и девушки.

Большинство призывников одето во что попало. Они подобрали из своих гардеробов то, что можно без особого

сожаления бросить, получив казенное обмундирование. У одного кепочка-восьмиклинка и видавший виды, засаленный ватник; у другого со сломанным козырьком картуз и старомодное пальто; у третьего на голове плешивая зимняя шапка, сшитая невесть когда и неведомо из какого зверя, а на плечах чалдонский азям; четвертый совсем без шапки, в короткой городской курточке и в желтых полуботинках. Сегодня городок напоминает большую железнодорожную станцию времен гражданской войны - грязную, обшарпанную, набитую плохо одетыми людьми, мешочниками.

Шлепает по грязи и наш будущий батальон. На мне кепка, глубоко охватывающая затылок. Такую кепку носил Маяковский. Истрепавшийся и сильно помятый могилевский костюм. Брюки заляпаны снизу грязью чуть ли не до колен. Полностью утопающие в грязи полуботинки с брезентовым верхом. Прямо-таки непостижимо, что они держатся до сих пор! А в руке неразлучный портфель, в котором я еще недавно носил ученические тетрадки и планы уроков.

Ведет нас пожилой военкоматовский лейтенант. Сам он в навакшенных сапогах пробирается стороной, по узким тротуарам, а мы, как и положено строю, шпарим посреди улицы, так сказать, по стрежню грязевой реки.

- Ну и городок! - ворчит шагающий впереди меня парень. - Вот уж действительно - дыра!

- В этакой дыре не только заноешь, но и завоешь! - добавляет его сосед.

- В Москве живут москвичи, в Туле - туляки, а этих захолустных провинциалов как назовешь? - острит мой сосед.

Тут я должен извиниться перед ныне здравствующими "провинциалами" и за себя, и за моих однополчан, хотя делаю это с большим опозданием. Скорее всего, наши впечатления от вашего города были очень субъективны. Охотно верю, что в мирное время, вдобавок весной или ом, в недождливую пору, это место показалось бы нам даже симпатичным. Да если бы еще экскурсовод провел нас по улицам, познакомил с здешними достопримечательностями...

Тот квартал, куда лейтенант привел невьянцев, не показался нам ни красивым, ни примечательным. Пустырь, группа нежилых домов. Некоторые с разбитыми окнами, без дверей. Похоже, предназначены на снос. И вокруг, и внутри копошатся сотни призывников. Здесь мы провели остальную часть дня. Нас кормили, водили в баню, пропускали через медкомиссию. Осмотр проходил в быстром темпе, отсевали очень редко.

Разбили нас на батальоны, роты и взводы. Номеров у подразделений пока нет, их именуют по фамилиям временных

командиров.

- Рота Басаргина, выходи на построение!

- Батальону Куварзина собраться у двухэтажного кирпичного дома без крыши!

- Лейтенант Гарусов, веди своих молодцов в сороковой!

- А ты, Чехонин, - в двести восьмидесятый!

Так из невероятной человеческой толчеи, из хаотического скопления людей, напоминающего старинную ярмарку, постепенно выкристаллизовываются сцементированные воинской дисциплиной подразделения. Колонны - пока еще далеко не стройные, шагающие вразнобой, - одна за другой уходят по главной магистрали.

Часто называемые цифры поначалу были для нас загадкой. Но постепенно выяснилось: это номера запасных лыжно-стрелковых полков.

Большая часть невьянцев, в том числе и я, попали в батальон Чехонина. Опять выбрались на главный "проспект", опять месим грязь. Снова на посадку. Уже смеркается, в деревянных одноэтажных домиках зажигаются огни.

Вот один домик выгодно выделяется среди неказистых соседей. Он окрашен в веселые тона, у него кружевные наличники. На подоконниках сквозь занавеси видны цветы. Из этого уютного домика вышел интеллигентного вида мужчина. Без шапки, в пижаме и тапочках. У его ног, радостно повизгивая, вертится собачонка. Мужчина неторопливо закрыл ставни, без особого интереса скользнул взглядом вдоль нашей колонны, затем позвал собачку и направился к калитке.

Эта идиллическая картина вызвала у меня приступ тоски по утраченному домашнему уюту. В такие часы я обычно возвращался из школы. Тоже переодевался в пижаму, закрывал ставни. Приходила Ася, готовила ужин. Я рассказывал ей о школьных новостях, она мне - о больничных. После ужина я садился за письменный стол, проверял тетради, готовился к урокам. Затем располагался на кушетке, просматривал газеты, читал журналы, книги...

Но это чувство сожаления о довоенном житье-бытье скоро уучилось. Его сменили раздумья о происходящем. И сегодняшний суматошный день, и непролазную грязь я принял как должное. Кончились мои мытарства по случайным, неустойчивым командам. Наконец-то я зачислен в настоящую воинскую часть!

Прибыли в запасной

Добрались мы до места назначения поздно ночью. Домики и бараки длинной узкой полосой вытянулись вдоль правого берега реки. Безлунная звездная ночь, кое-где тускло горят уличные

фонари. В просветах между домами виднеется берег, заваленный бревнами, и темная полоса реки. Терпко пахнет смолой, свежим тесом и опавшими листьями.

Тихо. Только кое-где лениво лают собаки, и, несмотря на ночное время, в отдалении взвизгивает циркулярная пила. Источник электроэнергии в поселке, видимо, очень слабый: при каждом рабочем ходе пилы уличные лампочки заметно тускнеют.

Подошли к группе высоких дощатых бараков. После выяснилось, что это складские помещения для пиломатериалов. Запасной полк приспособил их под казармы.

Наш комбат, по всему видно, уже имеет опыт устройства солдатского быта. В барак нас с ходу не пустил. Несмотря на поздний час, по его распоряжению, в ротах сделали перекличку, затем дали нам свободных полчаса. За это время мы ознакомились с прибрежными кустиками, помыли в реке обувь. Я отмывал не только полуботинки, но и брюки. Высохли они на мне в течение ночи.

В барак заходим повзводно. Вверху тускло светится единственная лампочка, свеженастеленный пол покрыт слоем стружек. И на том спасибо! Каждый взвод располагается не где попало, а на определенном месте. Когда, более или менее разместились и умостились, комбат скомандавал:

- Ложись потесней! Оставить проходы!

Назначил комбат дежурный взвод и наконец объявил, вернее, скомандовал: "Отбой!"

Впоследствии, когда наш солдатский быт полностью наладился, заботы о соблюдении повседневного режима перешли к ротным старшинам. Но на первых порах, в совершенно новом месте, комбат сам вникал в каждую мелочь. Да и не было еще у нас старшин.

Итак, укладываемся спать. Разуваемся - это приказ комбата. В большинстве своем народ собрался опытный, бывалый, как организовать ночлег вдалеке от домашней постели, подсказывать не надо. Разбиваемся на пары, прижимаемся друг к другу спинами. Если нет возможности раздеться до белья, надо хотя бы снять пальто, плащ, ватник и верхнюю одежду использовать в качестве одеяла. Причем выгоднее накрываться не каждому в отдельности, а тоже по два.

Моим напарником оказался сосед по строю, молодой татарин Муса Нургалиев. Его имя и фамилию я запомнил во время вечерней переклички. Ватник Мусы источает целую гамму запахов: дегтя, дыма, прелой ваты, человеческого и конского пота. Мой плащ, не считаясь с командой "отбой", безбожно шуршит при каждом нашем движении. Но эти мелочи не

помешали мне почти мгновенно уснуть. Думаю, что и мой напарник в эту ночь не страдал от бессонницы.

Казалось, только уснул и вдруг слышу громогласную команду: "По-о-дъем!" Прошло несколько минут, и опять: "Взять полотенца! Выходи на построение!" Только успели построиться: "Бе-го-ом ма-а-арш!"

После гражданской вольницы такое начало дня вряд ли кому нравится. А мне оно особенно не по душе. Мои физиология и психика не любят крутых, мгновенных переходов от одного состояния к другому. На резкий скачок от сна к бодрствованию, тем более к кроссу по пересеченной местности, бурно реагирует сердце. Кажется, оно вот-вот выскочит из груди.

Однако ничего не попишешь, надо привыкать. На то и армия. Когда на фронте скомандуют: "В атаку!" - там не будет времени на раскачку для "плавного перехода из одного состояния в другое". К тому же трудно не мне одному - вон как задыхаются бегущие рядом со мной здоровяки! А Муса Нургалиев даже отстал от меня.

Прибежали к реке. Над водой стеся утренний туман. Умываемся, черпая воду пригоршнями. После утренней поверки завтракаем. Это наш первый в запасном полку завтрак. Кашу получаем в алюминиевые миски из стоящей под открытым небом походной солдатской кухни. Едим, сидя на штабелях бревен и досок, прислонившись к стене барака или к дереву, устроившись прямо на земле. Муса сидит на корточках; видимо, его эта поза нисколько не затрудняет.

Постройки общего пользования, рассчитанные на две-три сотни сезонных рабочих, - барачного типа общежитие, столовая, клуб, баня, уборные, разумеется, ни в малейшей мере не могли удовворить потребностей запасного полка. Вот почему в первую неделю пребывания на новом месте мы в основном помогали стройбатовцам: плотничали и столярничали, работали лопатой и киркой.

Строили разнообразного назначения бараки: под жилье, для учебных классов и клуба, кухни и столовой, интендантских складов и конюшен. Утепляли склады пиломатериалов, настилали полы, переделывали под казармы сушилки. Печники вмуровывали на кухне многоведерные чугунные котлы. Копошились кровельщики и электрики. Специальная команда пилила бревна. И циркулярными пилами, и вручную. В ход шли и доски, и брусья, и горбыли.

В числе первоочередных новостроек оказались и строения специального назначения в районе "кустиков". До нас тут стояли кое-где скособочившиеся "скворечники", нацеленные на Полярную

звезду и рассчитанные на раздумья в одиночку. Вместо них построили многоместные 00-сооружения.

Вспомнились мне иронизирования антирелигиозных сатириков над тем местом библии, где подробно описывается, как и на каком удалении от жилья следует строить общественные уборные. Вслед за сатириками над подобными "божественными откровениями" вовсю смеялся и я. Однако в запасном я воочию убедился, что при большом скоплении людей проблема санузлов приобретает первостепенное значение и решать ее надо незамедлительно.

Эта проблема, начиная с древнейших времен, всегда занимала правителей больших городов, полководцев. Ею не гнушались ни Александр Македонский, ни Юлий Цезарь, ни Петр Великий. Так что если из библии отсеять мистику и невежественные выдумки, то в числе наиболее ценных, реалистических сведений окажется и эта санитарная инструкция, адресованная древнеиудейским кочевым племенам.

Впрочем, командиру 280-го майору Борейко при строительстве нашего городка нет никакой нужды руководствоваться библией или описаниями походов Александра Македонского. По всему видно, он имеет немалый опыт хозяйствования в частях Красной Армии.

А третья рота 1-го батальона, в которой оказался я, получила особое задание. Нам поручено оборудовать военно-спортивный плац. Для этой цели используем расположенный на окраине поселка пустырь и примыкающий к нему выгон.

Срезаем бугры и засыпаем колдобины. Ставим турники и бумы - горизонтальные брусья для упражнений в равновесии. Сооружаем из балок гигантские буквы "П" и к поперечинам подвешиваем канаты, шесты и кольца. Прислоняем наклонно длинные спортивные лестницы.

На этом же плацу возводим полосу препятствий, состоящую из забора, трехметровой деревянной стены с окнами, полного профиля окопа, противотанкового рва, заграждений из обычной колючей проволоки и спирали Бруно... Оставили на плацу и ничем не занятую площадь - для строевой подготовки.

Почему у пермяков соленые уши?

В нашем запасном преимущественно уральцы - свердловчане, пермяки. Таких, как я, эвакуированных из западных или южных областей, единицы. Постепенно вживаюсь в непривычную для меня обстановку, вслушиваюсь в разговоры, привыкаю к своеобразному уральскому говору.

Перекур. На бревне сидят свердловчанин и пермяк. Беседуют.

Свердловчанин (в полушутливом тоне). Ты объясни мне

толком, по какой причине про вас говорят: "Пермяк - соленые уши"? К примеру, украинцев хохлами прозывают. Так это всякому ясно почему: в старину запорожцы голову наголо брили и только на макушке чуб, хохол, оставляли.

Пермяк (пренебрежительно махнув рукой). Э-эт, трепотня это, пустомельство. Бывает, и без всякой причины на веки вечные прозвище прилепят. Говорят: "Рязань косопузая". Так какой дурак поверит, будто и на самом деле у рязанцев пузо с перекосом? Уши у нас вполне нормальные. Не веришь? Так попробуй - лизни у меня за ухом. Вот спины у пермяков часто соленые бывают. Что правда, то правда. Потому что пермяки к трудной работе народ привычный, мы какую хошь работу робить можем.

Свердловчанин (явно неудовворенный таким ответом). Мы, свердловчане, не меньше вашего робим, однако ни про наше пузо, ни про наши уши никаких особых прибауток не сложено. Слыхал я, будто вы уши и лицо от гнуса огуречным рассолом мажете. Может, от этого и пошло?

Пермяк (с возмущением). Однако это уж совсем глупая напраслина. Давай-ка на себе попробуй - намажь морду и уши рассолом. Так гнус тебя облепит, как мухи дохлую ворону.

Другой свердловчанин (сидящий на том же бревне). А по-моему, дело с пермяцкими ушами вполне ясное. Ведь Пермская губерния издавна славилась добычей каменной соли. Взять хотя бы Соликамск, Боровск, Березники, Усолье... Там кое-где и поныне стоят старые солеварни. Из солеварен соль грузили в вагонетки и привозили в сараи. Насыпали в рогожные кули. Из сараев по узкому дощатому настилу соленосы несли кули на горбу к баржам. Сквозь рогожу соль просыпалась на спины и шеи, затылки и уши. Волосы вылезали, кожа покрывалась волдырями и язвами. Выходит, каторжная работа на солеварнях просолила пермякам уши. Да так крепко просолила, что до сих пор отмыть не могут...

"Робить" и "однако"... Без этих двух слов не может обойтись ни один коренной уралец. Первое из них понятно: работать, трудиться, делать, вкалывать, состоять на службе...

"Мой старший брат Федор по броне оставлен. Он в Нижнем Тагиле машины робит".

"Моя Антонина Матвеевна в детсадике робит".

Понять функции в уральском лексиконе второго слова значительно сложнее. Иногда уральцы употребляют его и в общепринятом смысле. Но чаще всего используют "однако" на свой лад. Это слово, как будто совершенно не обязательное, даже лишнее, служит своеобразным трамплином. С "однако" уралец может и вступить в беседу, и начать отдельную фразу в уже

текущем диалоге.

"Однако ты, парень, здоров храпеть!"

"Однако сегодня опять дождь зарядил..."

Вокруг знакомятся друг с другом, рассказывают, кто откуда родом, каким военкоматом призван. Одни уральские города знаю, о них упоминается даже в школьных учебниках: Соликамск, Березники, Нижний Тагил, Краснокамск, Невьянск... Названия других городов и поселков вызывают какие-то смутные воспоминания, ассоциации. Скорее всего читал о них у Мамина-Сибиряка и Бажова, у Евгения Федорова в его "Каменном поясе".

Старшина батальонного хозвзвода Комаров - из Висимо-Шайтанска... Висимо-Шайтанск? Уральской стариной, уральской глубинкой веет от этого названия! И как будто о чем-то важном напоминает оно... О чем же именно? Наконец вспоминаю: Висимо-Шайтанск - родина Мамина-Сибиряка.

Гаренских - из Кыштыма, Воскобойников - из Шадринска. В этих городах жили и "робили" герои произведений Мамина-Сибиряка. Фунин, Жирнов, Рудометов - из Невьянска.

В нашем батальоне несколько Пьянковых. Один из них живет рядом с Нижним Тагилом, в поселке Сан-Донато. А это что за географическая новость? Ведь звучит совсем не по-уральски. Каким образом это явно итальянское название забрело на Урал, помог мне разобраться сан-донатовец Пьянков.

Династия горнозаводчиков Демидовых постепенно выродилась в космополитов, окончательно оторвалась от своей родины. Один из отпрысков рода - Анатолий Демидов - купил себе во Флоренции титул, стал князем Сан-Донато. Экзотическое название поселка сохранилось с тех времен, когда Демидовы уже обытальянились, но еще владели некоторыми уральскими рудниками и заводами.

Муса и Гриша Итальянец

Постепенно знакомлюсь с моими однополчанами. Начну с Нургалиева.

Это мы с ним первые ночи спали на полу барака впритык спина к спине. Как математику мне прежде всего бросилось в глаза, что основу крепкой стати Мусы составляют две наиболее совершенные геометрические формы. Квадратная спина, квадратное лицо, квадратные ладони, а коротко остриженная голова - шар. Шар еще более правильный, чем наша планета Земля. Именно такими, как Муса, коренастыми, широкими в кости, круглоголовыми, - я представляю себе волжских грузчиков-татар, о которых во времена раннего Горького частенько писали русские прозаики.

По характеру Муса добродушен и покладист. Но если уж

выйдет из своего благодушно-уравновешенного состояния, тогда берегись.

На третий день нашего пребывания в запасном я оказался свидетелем стычки между Мусой и озорным парнем Гришей Пьянковым. После обеда до начала работы у нас оставалось еще с полчаса. Муса растянулся на муравке и задремал. Проказник Гриша вздумал позабавиться: стал щекотать былинкой Мусе ухо.

- Однако не надо... - сонно пробормотал Муса. Пьянков продолжает щекотать.

- Однако брось! - уже не просительно, а требовательно сказал Муса, и в его голосе послышалась угроза. Но назойливый Пьянков опять лезет былинкой в ухо...

Тут Муса вскочил, левой рукой приподнял Пьянкова за шиворот и правой надавал ему увесистых шлепков.

- Ты чего это взъелся?! - испуганно моргая, заикливо проговорил Пьянков. Уж и пошутить нельзя...

- Однако и я только мала-мала пошутил, - ответил Муса. - А ежели б взаправду поколотил, так тебя понесли бы в больницу, а меня отдали бы под суд. Так что не вздумай меня по-настоящему рассердить.

Этот урок Пьянков крепко запомнил. Никогда больше не приставал к Мусе.

Из нескольких Пьянковых, которые оказались в 1-м батальоне, в нашу третью роту попал тот самый Гриша Пьянков, которому Муса надавал пониже хлястика. Как уроженца поселка Сан-Донато его прозвали Гришей Итальянцем.

Гриша невысокого роста, не особенно крепкого телосложения. Но и заморышем его никак не назовешь. В нашем батальоне щуплых и хилых нет.

Поначалу Гриша Итальянец претендовал на роль ротного балагура, зачинщика смешных розыгрышей. Но попытка оказалась с негодными средствами. Василия Теркина из него не получилось. Чаще солдаты подшучивают над ним самим.

У Гриши Итальянца хватает уязвимых мест. Во-первых, частенько всплывает вопрос - за какие такие достоинства предки Гриши получили столь примечательную фамилию? Во-вторых, поводом для всевозможных острот служит "итальянское" происхождение Пьянкова. То у него спрашивают, какой в этом году урожай апельсинов. То справляются о здоровье Муссолини. То сообщают Грише Итальянцу радостную весть: специально для 280-го прибыло несколько вагонов с макаронами.

Чаще всего с Гришей Итальянцем бывает так: он смешит однополчан помимо своего желания - влипает то в одну забавную историю, то в другую.

Двухэтажный Авенир

Рослых детинушек в 1-м батальоне хватает. Но среди них выделяется наш ротный и батальонный правофланговый Авенир Гаренских. Настоящий былинный богатырь! Рост - два метра с гаком, нога - сорок восьмого размера. Ребята прозвали его Двухэтажным Авениром.

Не знаю, существует ли в армии официально узаконенный порядок - выписывать современным Ильям Муромцам и Василиям Буслаевым двойной паек. В нашем запасном полку Двухэтажный Авенир этим правом пользуется. И все солдаты считают, что так оно и должно быть. Понимают, что такой махине на норме простых смертных никак не продержаться.

Со временем для силы Авенира найдется применение: он будет таскать пулемет. Но на опыте нашего батальона мы убедились, что брать в лыжники слишком уж крупногабаритных мужчин не стоит. Им куда удобнее служить, например, в сверхмощной артиллерии РГК. Пусть подают вручную многопудовые снаряды.

Первые неудобства из-за своего роста Двухэтажный Авенир испытал уже в запасном, на полосе препятствий. Пролезть через отверстие в дощатой стене трудно, застревает. Проползти ужом под колючей проволокой - еще труднее. Когда стали на лыжи, оказалось, что под сверхтяжеловесом слишком вминается снег.

Впоследствии, на фронте, Двухэтажному Авениру больше, чем любому из нас, будет угрожать снайперская пуля. Слишком уж заметная мишень. Ему же труднее всех будет продираться сквозь лесные чащобы, в которых нам придется воевать.

Но факт остается фактом: подбирая лыжников, Невьянский военкомат великана Авенира Гаренских не забраковал.

Кокоулин и Одинцов

В послевоенной художественной литературе, в киноискусстве, а потом и в телевидении установилась традиция: ротный старшина должен быть украинцем. Это исполнительный служака, пунктуальный, дотошный, требовательный. Внешне как будто черствоватый, но в глубине души сентиментальный. Говорит с сильным миргородским акцентом, густо пересыпая свою речь словами и выражениями вроде таких: нехай, трэба, нэма, грець, трохы, бисов сын, шоб тоби повылазило...

Такой старшина в общем-то замечательный малый. Он является для молодого солдата и наставником-воспитателем и отцом родным. Но вместе с тем его ежечасная, ежеминутная опека, его жесткий курс по отношению к нерадивым и ершистым, его наряды вне очереди приходятся по душе далеко не всем. Так что таких старшин солдаты с умилением вспоминают уже после

окончания срока службы.

Эти строки я пишу в марте 1977 года. Оторвался от письменного стола, чтобы посмотреть телевизионный "Огонек", посвященный 8 Марта. И вот выступает артист эстрады Винокур с имитацией своего ротного старшины Ковальчука. Это был один из лучших номеров программы.

А ведь и правда, подумалось мне, сколько за годы службы в армии мне довелось встречать таких старшин! И один из них был с точно такой же фамилией - Ковальчук. Надо же!

Бели бы я писал не документально-автобиографическую повесть, то, очень возможно, поддавшись поветрию моды, сотворил бы еще одного старшину Ковальчука. Но я задался целью рассказать о реально существовавших моих однополчанах. Поэтому ходить с Урала к варягам, за старшинами-украинцами, не стану.

Итак, в нашем запасном полку вполне хватает старшин из местных, уральцев. Другое дело, что они удивительно похожи на украинского Ковальчука. Тоже денно и нощно пекутся о солдатах, тоже зорким соколиным оком подсчитывают пылинки в канале ствола винтовки. Тоже зычным голосом приструнивают строй: "Рра-а-аз-го-вор-чи-ки!" Тоже не дают ржаветь своей старшинской "катушке": щедро оделяют нарядами вне очереди строптивцев и разгильдяев.

Вот такой старшина-уралец достался и нашей роте: Геннадий Кокоулин. Правда, лексикон у него иной, чем у Ковальчука. Он прекрасно обходится без "нехай", "трохы" и "бисового сына". Непроворному, неуклюжему солдату он может сказать: "Ты что это - словно росомах, еле-еле раскачиваешься!" Любителю понежиться после команды "Подъем!": "А ну-ка, немедленно встать! Не к теще на шаньги приехал!" Плохо вычистившему винтовку: "Э-ге-ге, брат! Да у тебя в канале ствола пригоршню кедровых орехов собрать можно!"

Из других младших командиров в нашей роте наиболее колоритная фигура сержант Гоша Одинцов. Тертый калач, бывалый малый. Сам себя он аттестует так: "Я, брат, не только огонь, воду и медные трубы прошел - я даже голую бабу в крапиве видел!"

Служил Гоша Одинцов матросом на пассажирском пароходе, обивал кедровые шишки и собирал женьшень, носил теодолит и вехи-рейки в партии геодезистов, мыл золото, был мотористом на лодочной спасательной станции в южном курортном городе... Призывная повестка застала Одинцова в роли дрессировщика и вожатого служебных собак при областном угрозыске.

Одинцов любит рассказывать солдатам о своих похождениях

и приключениях. При этом не прочь прихвастнуть. Очень быстро обрастает дружками и заводит полезные для себя знакомства. Не пробыли мы в запасном и недели, а у него уже появились приятели в других батальонах, и в полковой АХЧ, и среди штабных писарей.

Поначалу ходовой сержант был правой рукой у старшины Кокоулина и комроты Науменко. Надо за чем-либо направить в ближайший поселок разбитного младшего командира - посылают Одинцова. Надо от роты послать на станцию команду солдат разгружать вагоны - старшим назначают Одинцова.

Однако скоро Одинцов попал во временную опалу. Оказалось, он злоупотребляет доверием начальства и своей относительной вольницей. Оставляет команду на своего помощника, а сам уходит в поселок. Там у него какие-то неотложные дела... Там у него уже успели завестись знакомые девицы...

Вася Философ

Есть у нас в батальоне нештатный философ - Василий Воскобойников. Очень немногословный парень. Молчит, молчит, а потом и сказанет что-нибудь, обычно впопад, к месту. Причем свои сентенции черпает в основном из двух источников.

Воскобойников - плотогон, и это чувствуется в его образной речи. То поучительную бывальщину расскажет из своей сплавной практики. То, отзываясь положительно или отрицательно о каком-либо однополчанине, сравнит его с деревом, птицей, зверем.

О солдате Якове Стуколкине - о нем речь впереди, - который никак не поддавался перевоспитанию в коллективе, Воскобойников сказал: "Такое крепко усохшее бревно окорке не поддается".

Вторая струя, питающая самодеятельного философа мудрыми мыслями, дедовское наследие. По словам Воскобойникова, его дед, старообрядческий начетчик, приучал внука к чтению божественных книг. Сейчас Василий верующим себя не считает, но крылатыми фразами из священного писания иногда пользуется.

У Васи Философа есть своя собственная, довольно своеобразная, система взглядов на жизнь. В одних случаях с ним вполне можно согласиться, в других хочется поспорить, в третьих - его позиция для меня неприемлема.

Однажды после политинформации между солдатами завязался откровенный неофициальный разговор о перспективах войны. Свое мнение на этот счет Воскобойников высказал так:

"Таежного гнуса, по-моему, людям никогда не удастся на нет вывести. А фашистскую гнусь обязательно изничтожим!"

Что же, вполне резонная постановка вопроса.

В другой раз солдаты разговорились о том, кому в каких войсках хотелось бы служить. На тот нереальный случай, если бы у каждого спросили, куда он хочет в авиацию, артиллерию, в танковые части?

Авенир Гаренских высказался за артиллерию, Саша Вахонин хотел бы попасть в связисты, Муса Нургалиев - в кавалерию. Нашлись добровольцы в авиацию и разведку, в подводники и саперы. Гриша Пьянков водил бы танк. И он же категорически высказался против авиации и морского флота. Дескать, собьют само - и загремишь вниз, разобьешься в лепешку, торпедируют корабль - и камнем пойдешь на дно морское. А на земной тверди и тяжелораненому есть надежда на спасение.

Воскобойников на это возразил:

- А может и так случиться: чик с подбитого самоа потихонечку к своим приземлится, а ты, сухопутный вояка, на этой самой "земной тверди" на мине свою смерть найдешь.

Не успел я мысленно стать на сторону Васи Философа, как он резюмировал:

- И вообще, ребята, армия совсем не то, что гражданка, а как раз наоборот. Ни в коем разе никуда не просись, куда тебя сунули - там и будь. А то ежели станешь на том самом выпрошенном месте калекой, так до самой смерти будешь казниться: чево рыпался, зачем не служил там, куда вначале назначили!

У такой философии, изрядно приправленной фатализмом, приверженцы нашлись. Но они оказались в меньшинстве. И спор разгорелся бы с новой силой, если бы не команда: "Кончай перекур! Выходи на построение!"

Симулянт

Этого солдата я хорошо приметил еще в городе. Среди людской толчеи он катался по земле и благим матом вопил:

- Ой, братцы, помираю! Ой, смертынька моя пришла! Скорей зовите дохтура, мать вашу растуды!

Когда солдат садился, он держался обеими руками за живот. Можно было подумать, будто у него острый приступ аппендицита или заворот кишок. Весь вывозился в грязи. Правда, отправляясь в военкомат, облачился в такие обноски, что их не стоило жаь.

У меня этот человек не вызвал ни малейшего сочувствия. Я заподозрил его в притворстве. Слишком уж демонстративно извивался он и вопил. Причем делал это как бездарный артист.

Предполагаемого больного забрала "скорая помощь". Скоро я позабыл об этом эпизоде. И вот дней десять спустя Якова Стуколкина - оказалось, так его зовут - прислали в нашу роту. И следом за ним просочился слух: "Положили Стуколкина в

больницу, обследовали и признали: махровый симулянт. Строго предупредили: дескать, на первый раз прощаем, а станешь опять выкамаривать, так угодишь под суд".

Симулянта прислали в третью роту на перевоспитание. Угрюмый, нелюдимый, Стуколкин поначалу ни с кем не общался. Потом сблизился с Воскобойниковым. В свободные минуты они обособлялись вдвоем, о чем-то беседовали, иногда спорили. Мы решили, что Вася Философ учит симулянта уму-разуму. Примерно так оно и было. Но только примерно. Кроме общих разговоров была у них одна конкретная тема, строго засекреченная. Причем втянуть Философа в свою затею усиленно пытался Стуколкин. Однако разгадка этого секрета - впереди.

Не раз беседовал со Стуколкиным комиссар батальона Емельянов. Хотел вызвать его на откровенность, выяснить намерения: или солдат искренне раскаялся в своем неблаговидном поступке, или замышляет преподнести какой-то новый сюрприз.

- А што я могу сказать! - уклончиво отвечает комиссару Стуколкин. - У нутра моего спрашивайте. Разве я знаю, когда оно меня схватит!

- Но ведь врачи прислали нам официальный документ: у Якова Стуколкина и с животом и вообще со здоровьем все в порядке; годен к военной службе без всяких ограничений.

- Да чо те врачи понимают в моем нутре! Коновалы они, а не врачи! Я сам чую, што мой желудок насквозь прохудимшись и кишки одна около другой перепутамшись.

- Ладно, на сегодня хватит. Но мы еще вернемся к этой теме. А пока что по-хорошему предупреждаю: мы включили тебя в батальон с испытательным сроком. Одумаешься, исправишься - останешься с нами, вместе поедем воевать, Родину защищать. А если опять возьмешься за свое - тогда уж нам придется с тобой расстаться...

Солдатам третьей роты Емельянов сказал:

- Не попрекайте Стуколкина симулянтством. Относитесь к нему так, будто ничего не знаете о его прежних выходках. Попробуем гладить его по шерсти. Может, внимательным подходом удастся приобщить к солдатской семье.

Соблюдая наказ комиссара, большинство солдат роты старается не напоминать Стуколкину о его неудачной попытке симуляции. Но поддерживать с таким типом дружеские отношения трудно. К тому же сам Стуколкин непрерывным нытьем провоцирует насмешки.

Прежде всего не поладил со Стуколкиным ротный приставала Пьянков.

- Эй, земляк, ты вот говоришь, будто сильно животом маешься, - сказал он Стуколкину во время обеда нарочито громко, чтобы слышали и другие. - Так я тебе советую: от живота нет лучшего средства, чем строгая диета. Коли у тебя в борще жирные куски мяса попадутся или в каше шкварки окажутся, ты эту отраву немедля в мою миску перекидывай!

- Я те перекину! - вместо того чтобы отшутиться, всерьез огрызнулся Стуколкин. - Вот сейчас выйдем из столовки, так я тебя, хорька вонючего, через забор перекину!

Тихий Вахоня

В нашей роте не более дюжины некурящих. В том числе комроты Сергей Науменко, я, учитель Федоров и молодой паренек из Перми - Александр Вахонин. В роте его почему-то называют не Вахониным, а Вахоней. Пожалуй, такой вариант более подходит Саше, парню на редкость добродушному, покладистому, не по возрасту инфантильному.

Вахоня очень трудолюбив. Каждую свободную минуту он с чем-то возится, говоря по-уральски, что-то робит. В казарме по своей инициативе законопачивает щели и дырки от выпавших сучков, на учебном плацу во время перекура подравнивает лопатой землю, соскабливает с бума грязные натоптыши. Или сядет в сторонке и вырезает перочинным ножом из дерева забавные фигурки: кикимор и леших, персонажей басен Крылова и народных сказок.

В запасном Вахонин - малоприметный солдат. Если и обращает на себя внимание, так своей чудаковатостью. Но на фронте тихоня еще покажет себя, прославится на весь лыжный батальон, на всю гвардейскую дивизию.

Мы еще встретимся с тихим Вахоней.

Дмитрий Михайлович

Есть кроме меня в нашем батальоне еще один педагог - преподаватель истории в средней школе Федоров. Я подружился с ним по пути в полк, в эшелоне. Когда мы остаемся вдвоем, то называем друг друга по имени-отчеству.

Но впервые услышал я об учителе Федорове еще до того, как познакомился с ним лично. Дело было так. Когда в Невьянске военкоматовский писарь каллиграфическим почерком записывал меня в лыжники, в кабинет быстрым шагом вошел капитан с какой-то бумажкой в руке.

- Учителя Федорова еще не оформляли? - спросил он, одновременно обращаясь к писарю и сидящему за соседним столом лейтенанту.

- Учителя Дмитрия Федорова десять минут назад оформили, - приподнимаясь степенно, соответственно своему возрасту, а не

воинскому званию, ответил писарь. - Вот он, под семидесятым номером записан.

Лейтенант вскочил куда проворнее и подбежал к старшему начальнику. Вдвоем они уставились в список, оформленный с таким тщанием, будто это был аттестат зрелости выпускника средней школы.

- Экая досада! - воскликнул капитан. - Из округа пришло предписание: Федорова направить на курсы армейских политработников. Что же будем делать?

- Разумеется, Федорова можно кем-то заменить и весь лист начисто переписать, - ответил лейтенант. - Но эта канитель займет не менее получаса. А нам железная дорога на пятки наступает. И так опаздываем!

- А если эту семидесятую строчку зачеркнуть и сверху надписать красными чернилами? - повернулся капитан к писарю.

- Это сделать очень просто, - ответил писарь. - Но, само собой разумеется, вид документа будет уже не тот...

Капитан некоторое время колебался, поглядывая то на список, то на предписание из округа. Наконец принял решение:

- Ладно! Ничего переделывать не будем. Пускай Федоров едет с лыжниками. Член партии, с высшим образованием - в любом месте выдвинется. А в округ ответим: поздно, Федоров уже призван в армию.

На основании единичного факта я не имею права зачислять капитана и писаря в бездумные формалисты. Этот случай навел меня на грустные философские размышления иного плана. Дескать, и в мирное время в судьбы людей нередко вмешивается случай. А в годы войны он еще более претендует на власть.

Вот как в этой истории с учителем Федоровым. Принесли бы в военкомат пакет из округа на несколько минут раньше, попал бы Федоров на регистрацию в лыжбат на несколько минут позже - и дальнейшая жизнь человека потекла бы совсем по иному руслу.

Но и сам конкретный факт не мог оставить меня равнодушным. Из-за такого пустяка, как внешний вид списка, возмущался я про себя, так легко решили человеческую судьбу?

И теперь, когда я хорошо знаю учителя Федорова, передо мной возникла проблема: стоит ли ему рассказать о том, что мне случайно довелось услышать в Невьянском военкомате? После некоторых колебаний решил: пожалуй, стоит. Даже обязательно надо рассказать! Возможно, Дмитрий Михайлович что-то сумеет предпринять из запасного?

Выслушав меня, Дмитрий Михайлович даже расстроился.

- Очень обидно, что так получилось! - сказал он с досадой. - Я ждал этого вызова на курсы и знал, что он вот-вот должен

прибыть в Невьянск. Ну что ж, будем надеяться, что моя судьба еще исправит свой промах. А нет - так и рядовым солдатом повоюю.

Владимир Фунин

Скоро наша дружная пара, состоявшая из двух педагогов, переросла в не менее дружное трио. К нам присоединился невьянский инженер Фунин, работавший до призыва в тресте Уралзолото.

Владимир Федорович - человек несловоохотливый, с пристальным, оценивающим взглядом, наблюдающий за тем, что происходит вокруг. Но своими наблюдениями и выводами с другими делится неохотно.

Немного медлителен. И характер у него такой, и солидная фигура не располагает к повышенной подвижности. Владимир Федорович прибыл из трестовской конторы в запасной с лишними килограммами. Первые дни и недели этот балласт лимитирует его. Фунину труднее, чем многим из нас, приходится и во время утренних бросков к реке, и на полосе препятствий, и особенно на спортивных снарядах. Но Владимир Федорович стоически переносит трудности солдатской жизни. Не ворчит, не жалуется даже нам, самым близким своим друзьям. Изо всех сил старается не отставать от других.

На малоподвижной учительской работе я тоже начал было отяжелевать. Но рытье окопов, странствия в эшелонах, работа в колхозе и скромная карточная диета в Кировграде не только привели меня в норму, но и захватили килограмма два-три из НЗ. Этот процесс можно проследить на брючном ремне. Между могилевской и теперешней дырочками расстояние в несколько сантиметров.

Когда я рассказал Владимиру Федоровичу о своих наблюдениях над брючным ремнем, он последовал моему примеру. Поначалу переходил от невьянской дырочки к последующим довольно быстро. Затем процесс стал все более и более замедляться. Мы вдвоем, шутки ради, вычертили примерный график "уменьшение окружности ремня лыжника Владимира Фунина". Он представляет собой замедленно нисходящую кривую, напоминающую ветвь гиперболы в первой четверти координат.

Молчаливость Фунина относительна. Там, где надо, он не скуп на слова и даже красноречив. Это выяснилось, когда его, меня и Федорова стали привлекать к проведению текущих политинформаций во взводах третьей роты.

Ускоренный Сережа

Пожилого капитана, который принимал наш батальон и

первые дни отечески опекал нас здесь, забрали в штаб запасного полка. Как выразился Вася Философ, для фронта он уже перестарок. А жаль! Новый комбат, старший лейтенант Касаткин, по ряду статей уступает Чехонину - опытному и заботливому старому вояке. Главный недостаток его, на мой взгляд, состоит в том, что он редко бывает в подразделениях, мало общается с солдатами. Слишком уж поглощен штабной канцелярщиной.

Приехал постоянный командир третьей роты - лейтенант Сергей Науменко. Придирчиво приглядываемся к нему. Совсем молоденький, можно сказать, мальчишка. Высокий, худой, бледнолицый. Сдержанный и вежливый.

Отношение к новому командиру в роте поначалу было настороженное и даже скептическое.

- Ему бы старшим пионервожатым в школу, и то вряд ли справится! - говорили между собой солдаты. - Мягок, чересчур деликатничает. Вдобавок - совсем молокосос, ему и двадцати нет. Что видел он на свете, кроме школы и училища? С таким командиром навоюешь!

Скоро в общих чертах нам стала известна несложная биография комроты. Сразу после средней школы поступил в Алма-Атинское пехотное училище. Война помешала проучиться положенный срок. Кончал училище по ускоренной программе, выпущен досрочно. Это дало повод нашим острякам наделить юного лейтенанта прозвищем: "ускоренный Сережа", "досрочный Сережа".

Но прогнозы и опасения ротных скептиков не оправдались. Да, Науменко как будто слишком уж деликатен, никогда не прибегает к помощи матов-перематов. Вообще не позволяет себе выражений грубых, унижающих достоинство солдата. Но вместе с тем умеет взять в оборот самых ершистых нарушителей дисциплины. По сравнению с гвардейцами нашей роты выглядит жидковатым, однако во время тренировочных походов не отстает от наиболее неутомимых уральских следопытов. А на спортивных снарядах каждому из нас может преподать урок. Вот вам и "ускоренный Сережа"!

Науменко чуть ли не самый младший в роте. Первое время это сковывает его. Заметно, что юному лейтенанту неудобно командовать людьми, которые намного старше его. Недавний ученик средней школы особенно стесняется меня и Федорова, вчерашних учителей. Когда немного свидетелей, комроты называет нас по имени и отчеству.

Но с каждым днем лейтенант Сергей Науменко все более и более входит в свою роль.

Что такое мулёк и антабка?

Стройбатовцам мы помогали недолго. Уже через неделю приступили к занятиям по твердому расписанию. И конечно же, начали со строевой подготовки и изучения мосинской винтовки образца 1891-дробь-1930 года. Сколько раз приходилось мне разбирать и собирать ее! И на уроках военного дела в педучилище, и в осоавиахимовских кружках, и в университете. И вот - опять.

За мной закрепили ветераншу: серия СЩ, номер 75-30-705. Как математик, я первым делом всесторонне исследовал это семизначное число и остался очень доволен им. Установил, что сумма цифр делится на 9. Не каждому так везет! Подобрал мнемонический прием запоминания серии и номера. СЩ - Салтыков-Щедрин. 75 - мой тогдашний вес, 30 - возраст, 705 - опять две первые цифры, но раздвинутые нулем.

Пофантазировал о возможных моих предшественниках. Быть может, еще в первую мировую некий солдат - то ли косопузый рязанец, то ли вологодский бочарник, то ли владимирский богомаз - шагал с этой винтовкой на плече и распевал: "Наши жены - ружья заряжены..." И этой же винтовкой под командованием генерала Брусилова нагонял страху австриякам? А спустя несколько тот же солдат или его преемник, держа эту винтовку над головой, по грудь в воде форсировал Сиваш и гнал врангелевцев из Крыма?

Но о своих исследованиях номера винтовки и исторических экскурсах в прошлое я рассказал только Федорову и Фунину. Отделенному, командиру взвода и ротному старшине эти забавы ни к чему. Они с меня спросят другое.

Во-первых, я должен уметь разбирать и собирать винтовку столь же уверенно и в таком же быстром темпе, как опытная домохозяйка свою мясорубку. Во-вторых, надо знать назубок названия частей. Уверен, если когда-нибудь - пусть даже у самой гробовой доски! - меня вздумают спросить названия семи частей винтовочного затвора, я вскочу со смертного ложа, стану по стойке "смирно" и без запинки перечислю: боевая личинка, стебель затвора с рукояткой, курок с пуговкой и так далее.

Есть и такие второстепенные детали винтовки, о которых упоминается не во всех инструкциях и наставлениях. Знание их одни командиры считают излишним, другие - желательным, третьи - обязательным. Например, мулёк - прорезь в ушке штыкового хомутика для прохода мушки при отмыкании и примыкании штыка и антабки - вделанные в деревянное ложе винтовки металлические пряжки, в которые продевается ремень.

Старшина Кокоулин желает дать своим питомцам военное образование самого широкого профиля, а посему эти детали

относит не к факультативному, а к обязательному курсу изучения боевого оружия. Рассказал он нам такую быль, а быть может, и выдуманную в педагогических целях назидательную историю.

- Учился я в полковой школе младших командиров. И вдруг нагрянула в полк инспекторская проверка. Не из дивизии, не из округа, а что ни на есть самая высокая - генштабовская. Не только мы, курсанты, трясемся - сам комполка от страху стал заикаться.

Во время урока по изучению боевого оружия зашли проверяющие к нам в учебный класс. Самый старший начальник, с ромбом, вызвал меня и давай гонять, и давай гонять. А я ему на каждый вопрос без запинки отвечаю и все точно показываю. Тогда напоследок задает он мне еще два вопроса, и оба с подвохом.

- Сколько граммов весит мулёк?

- Ноль целых и ноль десятых грамма, товарищ комбриг, - отвечаю я. Потому что это не деталь, а отверстие в детали. Вот он, этот самый мулёк.

- Правильно, и это знаешь. Теперь самый последний вопрос. Как устранить дефект в винтовке, если задняя антабка начнет задевать за переднюю?

- Такое с моей винтовкой никак не может случиться, товарищ комбриг, отвечаю ему. - Потому что я непьющий. А чтоб задняя антабка стала задевать за переднюю, надо самое малое пол-литра в один присест выпить. Вон они, обе антабки. Наглухо в дерево вделаны, и расстояние между ними около метра.

Засмеялся ромб, а следом за ним и все шпалы. Похвалил меня комбриг, благодарность объявил. А представьте себе, если бы я в этих самых мульках-антабках ни в зуб ногой?

Итак, разборка и сборка винтовки, названия деталей и, в-третьих... О, в-третьих - самое главное! Личное оружие надо содержать в образцовой чистоте. Школу чистки винтовки прошли десятки миллионов солдат и поныне проходят. И все же коротко расскажу об этой увлекательной процедуре. Ветеранам - для приятных воспоминаний, молодежи - с учебной целью, невоеннообязанным - для расширения кругозора.

За длинными дощатыми столами стоят солдаты. Перед ними разъятые на составные части винтовки. Металлические детали надо почистить, притом не один раз, затем смазать. Для этой цели, то есть для чистки и смазки, имеются специальные причиндалы. Познакомимся с некоторыми из них.

Масленка. Небольшой жестяной пузырек, разделенный пополам внутренней перегородкой. Два горлышка, на них навинчиваются крышки. В одной половине масленки щелочь, которой удаляют с металла ржавчину и копоть, в другой смазочное масло.

Говорят, в довоенные времена была мода: старшины заначивали себе масленку и пользовались ею как табакеркой. Был очень распространен рассказ, будто некоторые скуповатые хозяева таких табакерок в отделении "масло" держат табак повышенного качества, для собственного пользования, а в половинке "щелочь" табак поплоше, для угощения других.

У старшины Кокоулина такой табакерки мы не видели. Если и есть, то при нас ею не пользуется.

Ершик и протирка. Каждая хозяйка знает приспособление для мойки бутылок изнутри: стержень с торчащими во все стороны жесткими волосками. Такой же ерш в свое время служил для чистки ламповых стекол. Такая же штуковинка, только во много раз меньшая, служит для смазывания канала ствола винтовки. Это - ершик, он в рабочем положении навинчен на конец шомпола.

Но до смазки канал ствола надо хорошенько прочистить. Это делают еще одной штуковинкой - протиркой. Она без волоса, на нее наматывают паклю, чистую тряпочку.

В отличие от гражданского ерша, который в нерабочее время смирно висит на персональном гвозде, военнослужащие ершик и протирка - ужасные непоседы. Они ведут себя как живые существа. Словно верткие ящерицы, норовят забраться в щель между досками стола или солдату в сапог, соскочить со стола и зарыться в мусор или землю, притаиться среди использованных тряпок и оказаться на мусорной свалке.

Молодому солдату следует прежде всего опасаться козней со стороны ершика и протирки. У нас из-за этих коварных штуковин первым пострадал невезучий Гриша Итальянец. За утерю протирки получил три наряда вне очереди.

Уж как он ее искал, окаянную! И мы всем взводом помогали ему. Так и не нашли, будто в воду канула. Ее и поныне хранят прикамские недра. Осталась последняя надежда - на археологов грядущих стоий.

Ветошь. Для чистки оружия нужна пакля, нужны тряпки. Не думайте, будто пренебрежительно звучащие названия - ветошь, тряпки - дают солдату право расходовать эти материалы как попало, расточительно. Ни в коем случае!

Скажем, приносит Кокоулин в учебный класс давным-давно отжившую свой век, но дочиста выстиранную нижнюю рубашку. Немыслимое бэ-у-пере-бэ-у старшина разрывает на небольшие тряпицы и раздает их нам с таким видом, будто это золотые листки, предназначенные для обшивки Адмиралтейской иглы.

Я не хочу незаслуженно изобразить армейских старшин ужасными скаредами. И в мыслях этого нет, я целиком на их

стороне. Армия должна научить бережливому отношению не только к оружию, но и вообще к казенному имуществу, которое одновременно является народным добром. Без этих навыков солдат был бы на фронте никудышным воином.

Если сравнивать винтовку с женой, как это делается в старинной строевой песне, то одним солдатам попадаются очень покладистые боевые подруги, другим более или менее терпимые, а третьих, невезучих, военная судьба временно наделяет спутницей жизни с прескверным характером. Такому солдату-бедолаге от его ненаглядной образца 1891-дробь-1930 года достается не меньше, чем когда-то доставалось древнегреческому философу Сократу от его сварливой и зловредной супруги Ксантиппы.

Иначе говоря, бывают учебные винтовки хоть и старенькие, но прилично сохранившиеся. Однако попадаются и такие инвалидки, которые давно просятся на музейный стенд или а переплавку. Чтобы такую содержать в чистоте, солдату приходится затрачивать труда вдвое-втрое больше обычного.

Мне пофартило. Моя брусиловка-перекопка имени Салтыкова-Щедрина оказалась без особых изъянов. Чистить ее одно удовольствие. А у Итальянца его синьора вся в царапинах и раковинах, будто оспой побита. Сам Итальянец пренебрежительно называет ее то цацой, то допетровской пищалью.

Вот подходит к Грише Пьянкову старшина Кокоулин. Берет его синьору и, нацелившись в окно, против света, заглядывает в канал ствола.

- Н-да... - говорит он тоном, не предвещающим ничего хорошего. - Одним словом, еще тот пейзаж!

- Разве не совсем чисто? - встревоженно-плаксивым голосом лепечет Пьянков. - Я уж так старался, так старался!

- Что старался, это видно, - соглашается старше на. - Но что недостарался - еще более заметно. Смотри: рядом с патронником будто неочищенная гречневая крупа насыпана.

- Так это раковины, товарищ старшина. Из них ржавчину и грязь никак не достать.

- У старательного и находчивого солдата и раковины блестят. Словно рефлекторы, свету добавляют.

- Я уж так драил, так драил! Раз пятьдесят протиркой прошелся.

- Значит, пятьдесят - мало. И не только взад-вперед надо. Попробуй с поворотом: винтом, штопором.

И, сделав вращательное движение рукой, старшина продемонстрировал, как именно надо действовать, чтобы избавиться от "гречневой крупы".

- Вторую протирку не потерял?

- Никак нет, товарищ старшина! Вот она. Теперь уж берегу ее, стерву, как подарочные золотые часы.

Разумеется, "ксантиппы", "цацы" и "допетровские пищали" водятся только в тыловых запасных полках. Близко к фронту их не подпускают.

К концу обучения в 280-м нас познакомили с ППШ - пистоом-пулеметом Шпагина. Короче - с автоматом. Их прислали в полк всего десять штук. Но все же каждый из нас подержал новое оружие в руках, научился набивать 35-ю тупоносыми патронами магазин-рожок и 71-м патроном - магазин-барабан.

Пострелять из автоматов с учебной целью нам довелось позже, по пути на фронт.

Чалдонбат

Следующие уроки по расписанию - строевые занятия и физподготовка. После перекура все взводы третьей роты собираются вместе. Пойдем на учебный плац. Старшина Кокоулин подает команды:

- Ста-а-но-вись! Ра-ав-няйсь! Смир-но! На-ле-оп! Ша-а-гом а-арш! Ать-два, ать-два!

"Экий молодец наш старшина!" - восхищаюсь про себя. Во всем батальоне никто не умеет так четко и с таким шиком подавать строевые команды. Особенно эффектно у него получается "на-пра-оп!" и "на-ле-оп!". Звук "п", который лингвисты относят к глухим согласным, с уст Кокоулина срывается с силой выстрела из петарды.

- Шире взмах рукой! Вперед - до пряжки ремня, назад - до отказа. Ать-два, ать-два! За-а-пе-вай!

Семен Белых, бывший ротный запевала в кадровой, приятным тенорком затягивает:

По долинам и по взгорьям

Шла дивизия вперед...

Мы подхватываем не очень-то дружно, вразнобой. Еще не успели овладеть искусством строевой песни. Навстречу нам попадаются прикамцы: женщины, девушки, старики, школьники... Нет, пока что в их взорах не заметно признаков восхищения! И поем мы не ахти, и шаг чеканить не умеем, и, главное, никакого внешнего вида. В казенное нас еще не обмундировали, ходим в том, в чем приехали. Одним словом, до гусар, которыми когда-то восхищались провинциальные барышни, нам далеко. Недавно мы узнали, что местные между собой называют нас "чалдонбатом".

Спору нет, строевая подготовка для солдата - дело необходимейшее. Но, откровенно говоря, занятие довольно нудное, надоедливое. Что-то я не встречал в художественной

литературе захватывающего описания этого этапа военной подготовки. Писатели и многочисленные зрители являются на готовенькое: когда роты и батальоны действуют слаженно, как симфонический оркестр, когда солдаты или курсанты под звуки музыки чеканят парадный шаг.

Увы, до синхронности нам еще далеко. Пока что мы, чалдонбатовцы, без особого блеска месим осеннюю грязь.

Пришли на учебный плац. Один взвод марширует, делает повороты на ходу, другой - одолевает полосу препятствий, третий - отрабатывает воинское приветствие и рапорт. Роль командира, принимающего рапорт, выполняют отделенные, комвзвод, старшина. Или по их указанию один из солдат. Для этой цели особенно подходит Авенир Двухэтажный. С его статью хоть самого маршала изображай!

Но до маршала дело ни разу не дошло. Наши командиры на такие вводные не отваживаются. Считают, что нам и генерал-майора за глаза хватит.

- Разве так приветствуют! - поучает комвзвод Чехломин уже знакомого нам Стуколкина, любые упражнения выполняющего с ленцой. - Ведь перед тобой сам командир полка! (Имеется в виду Авенир Гаренских.) Вот как надо: пальцы вместе, плечо, предплечье и ладонь на одной линии, сильный рывок вниз. А у тебя что получается? Пальцы растопырены, будто курицу ловишь, мах рукой слабый. И уж совсем лишнее - рукой по бедру хлопать, слышно, как мелочь в кармане звенит. Небось, когда тебе комар в ухо вопьется, так ты попроворнее козыряешь!

Переходим на полосу препятствий. Да... здесь даже потруднее, чем на маршировке. Взять хотя бы ползание по-пластунски. Читая в мальчишеские годы о героической Севастопольской обороне, я восхищался подвигами пластунов. С тех пор запомнилось мне имя бесстрашного матроса Петра Кошки. И вот сейчас сам овладеваю этим нелегким искусством.

Итак, подобно легендарному Антею, приникаю как можно ближе к земле. На этом сходство кончается. То, что делал далее Антей, и то, что предстоит проделать мне, уж никак не совпадает. Опираясь на локти, ползу по земле метров пятьдесят и с большим трудом пролезаю под рядами низко нависающей колючей проволоки. Мой многострадальный дождевик явно не намерен действовать заодно со мной. В самый опасный момент он предательски топырится на спине и на заду, пытаясь зацепиться за колючки.

Наконец все виды препятствий позади. Несколько минут можно отдохнуть. Наблюдаю, как изображают из себя Антея и Петра Кошку Федоров, Фунин, Гаренских, Пьянков, Стуколкин... Надо сказать, зрелище занимательное. Для стороннего наблюдателя - настоящий развлекательный аттракцион.

Физподготовка. Прежде, чем она полностью наладилась, нам пришлось преодоь психологический барьер. В школе физкультура - любимый урок для большинства учеников. Любят часы физподготовки и недавние школьники в кадровой армии. А наши лыжбатовцы (пока что - чалдонбатовцы!) после школы и армии уже успели "поробить" по три, пять, семь, десять . Мускульную мощь они нарастили, "о в гибкости, в подвижности суставов по сравнению с мальчишескими и юношескими годами много потеряли.

Взять хотя бы наших главных силачей - Авенира Гаренских, Мусу Нургалиева, Родиона Анкудинова. На разгрузке вагонов с пяти-шестипудовыми мешками играючи справляются, а с турником и параллельными брусьями не ладят. Даже начальный минимум - шесть подтягиваний - пока что не могут одоь.

Отставание на уроках физподготовки сильно бьет по самолюбию многих могучих чалдонбатовцев. На первых порах отношение к спортивным снарядам у них критическое. Дескать, и это лишнее; и это не понадобится. Где на фронте встретится такая ситуация, чтобы пришлось делать "волны", которые с таким трудом даются на брусьях? Зачем устраивать цирк, выламываясь на турнике?

Но при составлении программы физподготовки высшее начальство с нами не советовалось. Вертеть "солнце" на турнике оно не заставляет, но подтягиваться на перекладине столько-то

раз - обязывает. Эта же программа предусматривает прыжки через "козла" и "кобылу".

Кстати, вот она, эта упрямая скотина. Стоит, растопырив в стороны ноги. Историки утверждают, что лошадей и коз предки приручили еще в дописные времена. Видимо, так оно и есть. Но что касается "кобыл" и "козлов", то их обуздывают и поныне. Усесться верхом на необъезженном мустанге и удержаться на нем для ковбоя уже победа. Для нас же сесть верхом на "козла" или "кобылу" полная неудача.

"Козла" я приручил в педучилище, с "кобылой" поладил в университете. Но с тех пор прошли годы. Как дело пойдет сейчас?

Итак, моя очередь. Разбег, толчок ногами и руками и - гоп! "Козел" остался за мной. Ура, победа! Знать бы такое петушиное слово, чтобы и "кобылу" покорить... Разбег, толчок ногами и руками, гоп - и... сижу верхом. Как Дон-Кихот на своем Росинанте или Александр Македонский на Буцефале.

Вокруг раздаются смешки. И хоть бы одна сочувствующая физиономия! Посмеиваются даже те, для кого и "козел" - проблема. Особенно ехидно хихикает Итальянец. А ведь он до меня уже несколько раз на "козле" посидел.

А для Авенира Двухэтажного ни козлиной, ни кобыльей проблемы не существует. Оба снаряда свободно проскальзывают у великана между ногами. Даже зазор остается.

Наибольшими симпатиями у нас пользуется бум. Польза от упражнений ни у кого не вызывает сомнений: ясно, что на фронте по бревнышкам да по кладкам придется перебираться через ручьи и канавы. И отстающих по этому снаряду у нас почти нет.

Философ комментирует каждый вид упражнений. Вот и сейчас, у бума:

- Так это ж пустяк, детская забава! Вот у нас на сплаве с бревна на бревно приходится перескакивать. И все они склизкие, и каждое на плаву. А это бревно стоит недвижимо.

На учебном плацу раздается многоголосица всевозможных команд и рапортов. Слышен глухой топот сотен ног, обутых в кожаные, кирзовые и резиновые сапоги, в легкие городские полуботинки. Из чалдонбата в трудной учебе выкристаллизовывается боевая воинская часть.

По-па-ди! По-па-ди!

По особому расписанию ходим на стрельбище. Это уже вне пределов части. Помню, до войны на мишенях для стрельбы из боевой винтовки изображение человеческого бюста было сильно стилизовано, вместо головы какая-то бесформенная болванка. Теперь наш смертельный враг известен. Даже слишком хорошо известен! И голова на мишенях приняла вполне конкретные

очертания: разбойничья фашистская рожа и увенчанная рожками каска.

По-па-ди! По-па-ди! По-па-ди! - напутствует хорошо знакомой мелодией горнист. И еще одно напутствие. Вернее, это страстный призыв, повеление. Перед глазами стоит женщина с плаката "Родина-мать зовет", который недавно повесили в красном уголке. Она держит лист с текстом "Военной присяги".

На огневой рубеж одновременно выходит по шесть стрелков. В нашей шестерке Гаренских, Федоров, Фунин, Нургалиев, я, Воскобойников. По команде ложимся, принимаем удобную позу.

- Заряжай!

Досылаем в патронник первый патрон.

- Огонь!

Мы отстрелялись успешно, "в молоко" не угодила ни одна пуля. Эти мишени послужат еще нескольким шестеркам, поэтому все пробоины старшина перечеркивает химическим карандашом. Философ по этому поводу шутит:

- Однако приедем на фронт, так на живых фрицах экономию разводить не станем!

Глафира Марковна

Возле учебного плаца стоит несколько деревянных домиков, к которым примыкают небольшие сады и огороды. Грядки поздней осенью выглядят неряшливо и уныло. Валяется неубранная картофельная ботва, торчат капустные кочерыжки, кое-где стоят с пожухлыми листьями будылья обезглавленных подсолнухов. Пользуясь тем, что в такую пору года никто не занимается прополкой, пышно растут сорняки, особенно лебеда, осот и чернобыльник.

Неказистые избушки привлекают солдат своим домашним уютом. Во время перекуров мало кто остается на плацу, скажем, у бума или проволочного заграждения. Солдаты группами собираются у заборов, калиток, палисадников.

Особенно многолюдно бывает у домика одинокой старушки Глафиры Марковны. Во дворе у нее опрятный колодец, рядом на скамейке - ведро и алюминиевая кружка. Возле калитки, на улице, удобная скамейка. Из палисадника пряно пахнет прихваченными заморозками цветами. Хозяйка приветливая и разговорчивая. Ее "перекуры" часто совпадают с нашими.

Стоит Глафира Марковна в калитке или присядет на краешек скамейки, сострадательно смотрит на нас. И обязательно посочувствует. То ветер студеный, то дождь идет, то старая усомнится в сытности казенных харчей.

Сегодня старушка завела разговор о занятиях на плацу.

- Ох, сынки, сынки мои! Погляжу я в окошко - и заплачу. Уж

вас так дрючат, так дрючат, как цыган медведя на ярмарке. Вить не школьники, слава богу, мужики в самом соку, а вас вон как выламываться заставляют!

- Ничего, Глафира Марковна, это нам на пользу пойдет, - успокаивает старушку Федоров. - Как говорил Суворов, трудно в учении, зато легко в бою.

- И то правда! - соглашается старушка. - А все равно жалко мне вас.

В другой раз, крепко пригорюнившись:

- Чует мое сердце, скоро вы шух-шугель отсюдова! - Выразительный жест в сторону запада. - Зашила бы я каждому по святому образку в шинелку, да где их наберешься на всех вас? И не помогают образки-то... Мужика свово, Тимофея, когда на японьску угоняли, матери божией припоручила. Сына Сергея, когда на гражданьску шел, со святым Георгием отправила. И ни тот, ни другой не возворотились. Я уж без образков-то, своим материнским словом благословлю вас...

Доброволец Тишка

Я назвал Глафиру Марковну "одинокой старушкой", но это не совсем так. Есть у нее дойная коза Фима и молодой козел Тишка.

Фиму Глафира Марковна или сама пасет, не выпуская из рук веревки, или привязывает веревку к загнанному в землю колышку.

- Уж она такая пройда у меня, такая пролаза! - иногда жалуется бабка на свою козу. - Ни на минуту не могу отпустить одною. Мигом в чужой огород вопрется. У соседки цвет, ваньку мокрого, на подоконнике сожвакала. Видать, горький он, ванька мокрый, противный, а она все равно сожвакала. Для нее, коли чужое да краденое, так послаще капусты.

Назначение козы ни у кого из нас не вызывает сомнения: Фима заменяет Глафире Марковне корову. А для какой надобности бабка держит козла, она и сама толком не знает. Тишка, по ее словам, вырос "сам собой", как самосевом вырастает на грядке подсолнух.

- Как прижмет меня покрепче, так зарежу окаянного на мясо, - делится с нами своими хозяйственными планами Глафира Марковна. Но бабку, видимо, пока что "не прижимает", и, пользуясь этим, Тишка благоденствует. Да и любит его бабка. Даже слово "окаянный" произносит ласково.

За свое примерное поведение Тишка, по сравнению с Фимой, пользуется важной привилегией: старушка не держит его на привязи. Молодой козел, так сказать, на правах расконвоированного свободно бродит по окраине поселка.

Хотя Фима кормит бабку, а от козла, как известно, ни шерсти,

ни молока, и бабкины симпатии и наши целиком на стороне Тишки. Очень уж забавно он выглядит. Лобастенький, с трехсантиметровыми рожками, грациозный... Ступает кончиками копытцев, как балерина на пуантах. Очень любознательный и понятливый.

Стоя у своей калитки, Тишка первые два-три дня с интересом наблюдал за нашими занятиями на плацу. Но скоро роль пассивного наблюдателя ему надоела. Стал он пристраиваться то к одному взводу, то к другому и маршировать наравне с солдатами. Правда, в ногу у него не получается. Ведь у четвероногого существа ритм ходьбы иной, чем у двуногого.

Конечно, в строю стали оглядываться назад, стали смеяться. Комвзвод приказал Вахонину отвести Тишку к хозяйке. Тот поручение выполнил деликатно, Тишку не обидел, не унизил его козлиного достоинства.

Так состоялось знакомство Вахони и Тишки. Они, что называется, сошлись характерами. В последующие дни во время перекуров Вахоня стал понемногу дрессировать Тишку и добился некоторых успехов. Козлик научился выполнять команды "Шагом марш!", "Стой!". Но больше всего ему нравилась команда "Бегом марш!".

По своему почину Тишка стал подражать нам и на занятиях физподготовки. Конечно, турник, кольца и шест для него недоступны. А вот по буму ходит виртуозно, получше многих солдат. А на полосе препятствий отлично прыгает через рвы, окопы и заборы.

- Теперь, Глафира Марковна, резать козлика никак нельзя! - в шутку говорим старушке. - Ваш Тишка вступил добровольцем в лыжный полк.

Для боевой закваски

Кроме меня, ни один солдат из первого .батальона не пережил бомбардировки, даже не слышал сигнала воздушной тревоги и гула фашистских самоов. Но и меня никак нельзя назвать обстрелянным солдатом. Ведь в бою мне пока не приходилось бывать.

И вдруг в 1-й батальон прислали сразу двух бывалых фронтовиков. Для боевой закваски.

Во второй половине октября из соседнего райцентра прибыл на должность ротного политрука лейтенант Гилев. Ветеран недавней войны с финнами. Среднего роста, в шикарном белом полушубке, с кобурой на боку. Последнее обстоятельство очень впечатляет: личное оружие в запасном полку пока что имеют только самые старшие командиры.

Гилев очень подвижный, порывистый, стремительный.

Направляясь к кому-либо, развивает такую скорость, что, кажется, сшибет с ног или пронесется мимо. Но нет, останавливается как вкопанный и с ходу начинает разговор.

В свои беседы политрук включает рассказы о боевых эпизодах из собственной практики. Слушаем его с большим интересом. Показал нам искусно наложенную заплатку на плече полушубка. По его словам, это след пули финского снайпера.

Я, Федоров и Фунин заметили и обсудили между собой такую особенность бесед Гилева. Когда он делает обзор нынешнего положения на фронтах, его речь слишком патетична, густо насыщена газетными штампами.

Когда же переходит к тому, что видел и пережил сам, когда начинает рассказывать о притаившихся на вершинах елей "кукушках", об охоте за "языками", о тяжелых боях на "линии Маннергейма", его лексика сразу же меняется. Тут уж политрук говорит обычно, будто сидит в кругу друзей у охотничьего костра. Такой доверительный разговор несравненно более доходчив и полезен, чем официальная политбеседа, в которой слишком много времени тратится на доказательства того бесспорного факта, что советские люди - большие патриоты своей Родины и ненавидят фашизм.

Примерно одновременно с Гилевым в первую роту нашего батальона прибыл новый старшина - Лев Боруля. По национальности еврей, ленинградец. Он уже успел повоевать в народном ополчении, был ранен, лечился в тыловом уральском госпитале. Из госпиталя его направили в 280-й. Теперь ему предстоит "второй фронтовой раунд".

И внешний облик ленинградца, и его манера держаться говорят о том, что он здорово хлебнул военного лиха. У Борули какой-то особенный взгляд. В нем и печаль, и сочувствие тем, кому еще предстоят испытания, им уже пройденные.

Чувствуется, что нервы у Борули напряжены, но он великолепно владеет ими, держит себя в руках. Как и подобает культурному человеку, в обращении с солдатами корректен, никогда не срывается на грубый тон. По отношению к командирам умело сочетает необходимую воинскую субординацию с тактичной, сдержанной заботой о сохранении собственного достоинства. А ведь в армии это умеют делать далеко не все. Это очень тонкая и трудная наука. Иные докладывают и рапортуют старшим слишком уж по-солдафонски, как бездушные автоматы, или с неприятным оттенком подобострастия. Еще хуже, если военнослужащий, оберегая свое человеческое достоинство, не находит иных путей, кроме дерзости и наглости.

Лицо у Борули особого коричневато-красноватого оттенка. До войны я встречал людей с лицами, опаленными студеными ветрами или южным зноем. Такие лица бывают у лесорубов, оленеводов, у геологов, чабанов... Но у Борули лицо иное, оно опалено не извне, а словно бы изнутри... Впоследствии такие лица мне доведется наблюдать у других фронтовиков, побывавших в особо тяжелых боях, у перенесших блокаду ленинградцев, у солдат, долго находившихся в окружении, у бывших узников фашистских концлагерей. Одним словом, у людей, которые одновременно подвергались тяжелейшим физическим и психическим испытаниям. Можно подумать, их перенапряженные нервы источали из себя мельчайшие частицы, которые, застревая в коже, придали ей особую окраску. Так из раскаленной вольфрамовой нити разаются во все стороны микропылинки и затуманивают изнутри стекло электрической лампочки. ..

Старшина Боруля прибыл к нам в удрученном состоянии. Его угнетает не пережитое на фронте, оно для него уже пройденный этап. От ранения он оправился даже намного раньше, чем обещали врачи. Борулю очень тревожит судьба оставшейся в Ленинграде семьи - матери, жены, детей. Пока он странствовал в санпоезде и по госпиталям, связь с родными оборвалась. Где они сейчас? Почему не отвечают? Или умерли от голода? Или погибли во время артобстрела? А быть может, эвакуировались? В таком случае - куда?

Впрочем, о своем душевном состоянии старшина-1 в своей роте, в батальоне не распространяется и службу несет исправно. Человек он волевой и свое личное умеет запрятать далеко-далеко, чтобы оно не мешало делу. Я как-то разговорился с Борулей о Ленинграде, и он, испытывая потребность излить кому-то душу, поведал мне о своих тревогах.

В другой раз я откровенно побеседовал с Борулей еще на одну тему, очень занимавшую меня в то время. Что представляет собой современный бой? Как ведут себя в бою воины, еще вчера бывшие сугубо гражданскими людьми? Как выглядят фашисты? Обо всем этом я читаю в газетах, слышу по радио и на политинформациях... Но лучше всего услышать правду из уст живого защитника Ленинграда...

И Боруля рассказывает мне без прикрас:

- За месяц непрерывных боев, в которых мне довелось участвовать, нашему батальону больше всего доставалось от вражеских минометов. И в окопах нет от них спасения, но все же меньше потерь. Если же захлебнулась атака и батальон залег на открытой местности, тогда уж дело совсем плохо. Настоящая

мясорубка получается! В течение минут погибают десятки людей. И что за люди! Ленинградские ополченцы - это ученые, инженеры, музыканты, поэты, квалифицированные рабочие, художники, скульпторы... Я тоже в такой мясорубке побывал, - продолжает Боруля. - Недо, пере, вилка - и меня всего изрешетило. Хирург вынул пять крупных осколков, не считая мелких.

...А что делать? Надо, стиснув зубы и затянув ремень, учиться воевать, ковать оружие и драться. Иного выхода у нас нет.

Обмотки в свете науки

В своей гражданской одежде мы пробыли в запасном довольно долго - целый месяц. Для зимнего обмундирования еще не пришел срок, да и не было его в полку. А разводить канитель с экипировкой в нее не имело смысла, до наступления холодов оставалось немного времени.

Те уральцы, которые просчитались и явились в военкомат налегке, разобравшись в обстановке, сразу же написали родным. Из дому им прислали по почте надежную обувь, запасные портянки, теплое белье.

Ко многим пермякам и свердловчанам приезжают в гости жены. Они привозят не только одежду и обувь, но и всевозможные угощения: самосад, домашнюю копченину, сушеную и вяленую рыбу, варенья и соленья, нескольких разновидностей шаньги. В том числе шаньги с начинкой из черемуховых ягод. Уральцы щедро делятся яствами с бездомными однополчанами вроде меня.

Моя жена слишком занята, чтобы проведать меня в запасном. И для посылки у нее нет никаких резервов. Без шанег с черемуховой начинкой и ветчины я не страдаю, вполне хватает казенного питания. После кировградской голодухи оно мне кажется вполне приличным. А с одеждой и обувью худо дело. Все на мне оборвалось, истрепалось. Полуботинки с брезентовым верхом окончательно разваливаются. По утрам уже бывают довольно крепкие заморозки, и яознобил ноги. Ступни и особенно пальцы красные и по ночам сильно зудят.

Нескольким пришельцам издалека, в том числе и мне, командир полка в порядке исключения разрешил выдать нее обмундирование. Поначалу старшина подобрал мне на складе тяжеленные, как сапоги водолаза, ботинки сорок четвертого размера и длиннющие обмотки к ним. Оказалось, что обмотки несовместимы с гражданскими брюками, и я получил защитного цвета галифе. В свою очередь, с обмотками и галифе никак не гармонировал мой драный плащ, и мне его заменили засаленной курткой-венгеркой. После всего этого с моим казенным обмундированием не сочеталась гражданская кепка, и ее

заменили пилоткой.

Обмотки... Интересно, кто, когда и в какой стране придумал эту деталь солдатского обмундирования? Получил ли автор гениального изобретения патент и достойное вознаграждение? Я присвоил бы этому человеку пожизненное право надевать обмотки в праздничные дни.

Сегодня, когда пишу эту страницу, я интереса ради заглянул в толковые словари. Дескать, как представляют себе обмотки ученые-лингвисты. И вот в одном из словарей вычитал такое высоконаучное определение, от которого пришел в восторг: "Обмотка - это то, что обматывается вокруг чего-либо".

Однако ж вернемся в далекое прошлое, в сорок первый год. Здесь, в запасном полку, толковых словарей у меня под руками нет. Впрочем, и без их подсказки соображаю: "что-либо", на что наматываются обмотки, - мои ноги. Притом на участке от щиколотки до колена. Это, так сказать, теория. Намного сложнее практика.

Начинаю наматывать снизу, по часовой стрелке. Виток за витком продвигаюсь вверх. Прижимаю обмотку к ноге плотно, но не слишком сильно, иначе нарушится кровообращение. Чтобы обмотки хорошо смотрелись на ногах, расстояние между витками должно быть одинаковым. Или, говоря языком механики, ход винта должен сохраняться постоянным. Заканчивается обмотка матерчатыми шнурками, которые надо по возможности надежнее завязать под коленом.

Моя обнова подверглась в роте самому тщательному обследованию. Ее осматривали, ощупывали, ей давали самые разноречивые оценки. Философ, например, сказал, что пилотка не к лицу мне, лучше подошла бы буденовка. Но, в общем, сошлись на том, что теперь я более или менее похож на солдата.

Затем мое обмундирование прошло осмотр в более узком кругу. В нем приняли участие только самые близкие друзья - Федоров и Фунин.

Федоров (перефразируя слова Тараса Бульбы). А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! И что за чудной обуток! Какую невиданную свитку напялил на тебя старшина Кокоулин!

Фунин. Пожалуй, Философ прав. Надеть Геннадию буденовку, посадить на хорошего скакуна, дать саблю в руки - и получится настоящий чапаевец.

Я (критически осматривая себя). Да, как будто ничего получилось. Только обмотки меня смущают...

Федоров. А что - обмотки! В гражданскую Красная Армия в обмотках и лаптях вон как громила беляков и всевозможных интервентов. У меня перед глазами стоит фото: на нем группа

красных командиров, среди них знаменитый полководец Ян Фабрициус - в обмотках и с ромбами в петлицах.

Я. Спасибо, Дмитрий Михайлович, за моральную поддержку! Если уж Фабрициус в обмотках ходил, то мне и подавно нечего привередничать.

Фунин. Итак, наш Геннадий обмоток уже удостоился. Теперь ему осталось заслужить ромбы.

Федоров рассматривает мои обмотки в историческом аспекте, я и Фунин шутим на их счет, пользуясь сравнениями из физико-математических наук. Дескать, в высшей математике это пространственная спираль, в электродинамике - соленоид, в электротехнике - катушка самоиндукции...

В своих великанских ботинках чувствую себя великолепно. Тепло, ноги всегда сухие, никакая грязь не страшна. А от "самоиндукции" все-таки испытываю некоторые неудобства, хотя психологически и морально смирился с ней.

Во-первых, во время подъемов - особенно среди ночи по учебной тревоге - по сравнению с другими солдатами я оказываюсь в невыгодном положении. На ботиночные шнурки и обмотки требуется дополнительное время, и я еле-еле успеваю вовремя встать в строй.

Во-вторых, я раза два-три испытал неведомое мне дотоле "чувство падающей обмотки". Окажем, маршируешь по учебному плацу и вдруг чувствуешь: правой икре стало посвободнее. Значит, распускается "самоиндукция", разматывается, бессовестная! Внутренне напрягаюсь и гадаю: дотяну до перерыва или не дотяну? Нет, не дотяну - темп саморазматывания угрожающе нарастает. Приходится этаким виновато-просительным тоном обратиться к командиру:

- Разрешите выйти из строя! Обмотка размоталась...

Командир, конечно, разрешает. Но при этом бросает на тебя осуждающий взгляд. Дескать, у исправного бойца таких неполадок не должно быть.

А для взвода, для роты это происшествие - всего лишь забавное приключение, повод развлечься и посмеяться. Надменные сапоги-аристократы не очень-то склонны посочувствовать плебейкам-обмоткам.

Больше всех над моей полутораметровой обновой потешался Итальянец. Но вот с ним самим приключилась беда: вдрызг разорвал о колючую проволоку свои резиновые сапоги. Окончательно расквасились и кирзы у Стуколкина. А родные у них живут довольно далеко. Пока дойдут туда письма да пока придут посылки, побольше недели ждать придется. И старшина выхлопотал им обоим ботинки с обмотками.

Появилось по нескольку обмоточников и в остальных ротах. Но и после этого наш чалдонбат пока что остается чалдонбатом и не производит неотразимого впечатления на местных красавиц.

Мой первый сабантуй

"А кому из вас известно, что такое сабантуй?" - спрашивает многоопытный солдат Василий Теркин новичков из пополнения. И предподносит им собственную классификацию сабантуев. Бомбежка - малый сабантуй, минометный обстрел средний, танковая атака - главный.

Война присвоила многим общеизвестным словам новые смысловые значения. "Катюши" - реактивные минометы, "славяне" - пехота, "фриц" - фашист, гитлеровец, "второй фронт" - американская тушенка, "сидор" - вещмешок, "сабантуй" - некая неожиданно возникшая человеческая толчея, шумная кутерьма, переполох...

Мне кажется, что повсеместное распространение этих неологизмов происходило разными путями. В одних случаях удачная находка из какого-то очага совершала победоносное шествие по дивизиям, армиям и фронтам, растекалась по госпиталям и запасным частям, подхватывалась военными корреспондентами. Видимо, такой путь ко всеобщему признанию проделали, например, "катюша" и "второй фронт".

Другие же крылатые слова где-то бытовали и прежде. Но только в годы войны вышли на всесоюзную арену. Один старик уверял меня, что он в молодости, еще в конце прошлого века, с "сидором" за плечами ходил на сезонные работы.

Вошли новые слова в наш лексикон и прочно обосновались в бытовом разговоре, в литературе. Но каждый из нас тот или иной неологизм услышал впервые при каких-то конкретных обстоятельствах, в какой-то определенный день. Когда именно?

Я пробую решить эту задачу для себя, обращаюсь в прошлое. Иногда получается, но чаще всего - нет. Удалось вспомнить, как в то время мой словарный запас дважды обогатился новыми понятиями, впоследствии ставшими широкоизвестными.

Первая ночь в казарме. Укладываемся после отбоя на отдых. Старшина предупреждает:

- "Сидоры" в ногах не ставить! Спихнете ночью - весь барак разбудите. Устраивайте "сидоры" в головах.

...Конец октября, я уже несколько дней отщеголял в обмотках. В бараке стоит дружный храп. У входа желтушно светится 25-свечовая лампочка. Сидя за столиком, героически единоборствует со сном дневальный. Из поселка доносится пение вторых петухов...

И вдруг это сонное царство взрывает зычный голос

вбежавшего в барак дежурного по полку:

- По-о-дъ-е-ом! Тре-во-о-га!

Нары приходят в движение. Нары скрипят. Нары натужно сопят. Нары недовольно ворчат. Нары торопятся, как на пожар.

Удивительное дело: не прошло после побудки и минуты, а старшина Кокоулин уже на ногах. Или он действительно умеет так молниеносно одеваться? Или, хитрец этакий, знал о предстоящей тревоге и спал не раздеваясь? Так или иначе, он уже снует вдоль нар и подгоняет отстающих:

- Давай, давай, Пьянков! Нажимай на вторую обмотку. А ну-ка, Анкудинов! Если готов, так быстренько-выметайся, не мешай другим. Стуколкин! Что там копаешься, как дедок в омшанике?

Вот уже к выходу мчатся наиболее прыткие солдаты. На ходу они ловко выхватывают из пирамиды свои винтонки . Команда "Становись!" застала Итальянца и меня на пороге казармы. Последний рывок - в спортивном беге это называется спуртом, - и мы на своих местах. После команды "Равняйсь!" выбежавшие из казармы уже зачисляются в опоздавшие. Они просят разрешения встать в строй. Среди них оказался наш третий "обмоточник" Стуколкин.

Построение 1-го батальона по боевой тревоге контролирует полковое начальство: командир полка майор Борейко, комиссар Яковлев и начштаба капитан Ласьков. Они что-то подсчитывают и записывают в блокноты. Им услужливо светят фонариками штабные лейтенанты.

Построил комполка а две шеренги первую роту. Выборочно спросил у нескольких бойцов номер винтовки и тут же проверил, так ли это на самом деле. Некоторые солдаты во время боевой тревоги хватают второпях чужое оружие, и тогда получается большая неразбериха. Именно такой случай выявился при проверке второй роты.

Очередь доходит до нас. Пока что все идет благополучно. Спросил у меня майор номер винтовки - я ответил безошибочно и уверенно. Мой мнемонический прием сработал безотказно. Не подвел роту и Пьянков. Подивился комполка, глядя снизу вверх на Авенира Двухэтажного. Спросил у него, хватает ли нынешнего, увеличенного, пайка. Тот ответил: хватает.

Поскольку вся рота, за исключением троих "обмоточников", пока что в своей гражданской одежде, начальство к нашей выправке особых претензий не предъявляет. Все идет гладко, комполка доволен. Похоже, что третья рота выйдет на первое место... И вдруг - позорнейший провал, катастрофа!

Наметанный глаз комполка уловил что-то неладное у Стуколкина. Майор подошел к нему поближе и пристально

посмотрел на ноги. А надо сказать, что Стуколкин выглядел довольно курьезно. Ему выдали не полный комплект обмундирования, а только ботинки, обмотки и галифе. На нем остались длиннополый дедовский азям и облезлая заячья ушанка. Уже в таком виде Стуколкин представлял собой довольно забавный гибрид. Но, оказалось, дело не в этом.

- Товарищ боец, раздвиньте полы вашего... вашего балахона! - распорядился комполка. Дрожащими руками Стуколкин выполнил приказание и... предстал перед майором в исподнем. Обмотки были намотаны прямо на кальсоны... В строю послышались смешки, но грозный взгляд комполка сразу же погасил их.

- Смирно! Противно смотреть на такое безобразие! - И, перейдя с "вы" на "ты": - На фронте в атаку тоже без штанов будешь ходить?

- На фронте такого не должно случиться, товарищ майор. Там в штанах будем спать. А тут как снял, так и пропали. Шастал, шастал в потемках по нарам, и, хуть плачь, нетути!

- А где твои, гражданские? Почему их не надел?

- Так мои домашни штаны ужо крест-накрест веревочкой перевязаны и на самый низ в "сидор" покладены. Взялся б "сидор" потрошить, так все равно не успел ба...

- Вот как здорово получается! - язвительно сказал майор, обращаясь одновременно к строю и к своим спутникам. - У бойца две пары брюк, а он в строю, перед командиром полка, без штанов стоит. Кто командир роты?

Наш Ускоренный Сережа подбежал к майору и звонким, наполовину мальчишеским голосом доложил:

- Лейтенант Науменко, товарищ майор!

- Разберитесь, лейтенант, с этой бесштанной историей и виновных накажите своей властью.

На этом осмотр построенного по учебной тревоге 1-го батальона закончился. Полковое и наше батальонное начальство направилось к штабу 280-го. Мы успели услышать обрывок разговора:

- Не расстраивайтесь, старший лейтенант, - успокаивал майор нашего комбата. - Для начала вполне удовворительно. И один марокканец на целый батальон - тоже ничего страшного...

Возвращаемся в казарму, укладываемся досыпать. Философ не может удержаться от комментариев:

- Началася жизнь солдатская! Теперь так и пойдет: сабантуй за сабантуем. У нас на сплаве они тоже бывают. То при молевом сплаве на реке затор получится, вода горы бревен широм-пыром нагородит. То паводок запань прорвет. То на перекате быстрина

плот разорвет... Тут уж всей артелью вкалываем, как говорил мой покойный дед, до треску пуповного. И все-таки до сих пор не могу привыкнуть к сабантуям. Характер такой: не сразу со сна прочухиваюсь. До того как глаза открыть и штаны схватить, мне надобно малость посоображать: где я и куды комлем лежу?

- Рр-раз-го-вор-чики! О-от-бой!

Фактически мой первый сабантуй я пережил еще в Могилеве, где несколько раз попадал под бомбежки. Но слово это впервые услышал в 280-м в конце октября сорок первого года. О классификации Василия Теркина узнал значительно позже, в сорок четвертом. Услышал эту главку из знаменитой поэмы Твардовского в исполнении декламатора фронтовой художественной самодеятельности. Это было под Псковом.

У меня несколько иная очередность. Главный сабантуй - бомбежка, средний минометный обстрел, малый - танковая атака. Танки на последнем месте, видимо, потому, что от них мне не особенно доставалось. Для старшины Борули главный сабантуй - массированный минометный обстрел.

Заканчивая эту главку, я не хочу остаться в долгу перед читателями, должен разгадать две загадки.

Загадка первая: куда девались казенные штаны Стуколкина?

Дело было так. Неряшливый, неаккуратный Стуколкин никак не мог приучиться складывать свою одежду в определенном порядке, стопкой. Набрасывал ее возле себя как попало. Ночью то ли сам спихнул свои брюки с верхних нар на пол, то ли это сделал его сосед. Во время сабантуя солдаты затолкали брюки сапогами под нижние нары.

Загадка вторая: почему комполка назвал Стуколкина марокканцем?

Это мне, Фунину и Федорову удалось выяснить через политрука Гилева. Как известно, в Испании на стороне генерала Франко воевали североафриканские колониальные войска, марокканцы. У них было экзотическое обмундирование, в том числе красные фески, белые тюрбаны и белые шаровары. В каких-то частях революционной армии это послужило поводом для такой шутки: тех нерадивых или суматошных солдат, которые во время боевой тревоги не успевали как следует одеться, прозывали "марокканцами". Обычно такие горе-вояки встречались среди разболтанных анархистов. Борейке рассказали об этом его друзья, воевавшие в интербригаде. И комполка иногда пользуется этим удачным сравнением в своей практике.

Конец чалдонбата

25 октября одна из рот 4-го батальона разгружала на ближней станции прибывшие для полка грузы. Солдаты на ощупь

определили: в обшитых рогожей и дерюгой тюках - валенки, сапоги, шинели и прочее обмундирование. Одновременно прибыло много тяжелых дощатых ящиков. Сквозь щели удалось разглядеть каски.

Через неделю началась экипировка 1-го батальона. Мы даже не смели мечтать о таком богатстве. Посудите сами. Сапоги и валенки... Да, да, каждому одновременно то и другое! Портянки простые и теплые, носки простые и шерстяные. Шапка-ушанка, вязаный шерстяной подшлемник, окрашенная в зеленый цвет каска. Матерчатые или вязаные рукавицы - для стрельбы и меховые варежки-мохнашки - кроличьи, заячьи или овчинные - для тепла. Белье бязевое, белье теплое, гимнастерка и свитер, шинель и ватник. Вещмешок и котелок, противогаз и саперная лопатка. И наконец - белый маскхалат. Одетые для пробы полностью по-фронтовому, мы похожи на белых медведей.

С большим трудом обмундировали Авенира Двухэтажного. Одно нашли у себя, другое подобрали в соседнем, 40-м полку, третье сшили по специальному заказу.

Конец чалдонбату! Теперь совсем другое дело: как прошлись впервые по поселку в новом обмундировании, так жители от мала до велика на улицу высыпали.

Слово о солдатском котелке

Для солдата вещный мир человека суживается до предела. Обмундирование, личное оружие, противогаз, вещмешок, котелок, ложка и ножик, зажигалка и кисет, записная книжка с адресами, бумажник с фотографиями родных... И еще кой-какая мелочь. Именно к солдату применимо в буквальном смысле изречение древних: "Omnia mea mecum porto" ("Все свое ношу с собой"). Каждая из этих немногих вещей, принадлежащих солдату, оценивается по особой фронтовой шкале. И эта шкала совершенно несоизмерима с ценами в тылу и тем более в мирное время. На фронте сплошь и рядом бывают ситуации, когда с большим трудом удается раздобыть листок чистой бумаги, карандаш, чтобы перед боем написать письмо, случается, трудно достать клочок обычной газеты на курево. Безотказная зажигалка для солдата настоящее сокровище. Потеряв складной ножик, иной фронтовик может расстроиться больше, чем получив известие о том, что его квартира пострадала от бомбежки.

Причем расценка солдатского достояния по этой фронтовой шкале двойная. Скажем, дело не только и не столько в том, что кисет удобный, красиво вышит. Главное, что он подарочный. Перочинный ножик с несколькими лезвиями и прочими приспособлениями сам по себе незаменимая вещь во фронтовом быту. Еще важнее то, что солдат с этим ножиком провоевал два

или три года. Вместе с ним выходил из окружения, воевал на трех фронтах и побывал в нескольких госпиталях.

Лишь пройдя суровую школу войны, я смог понять поступок Тараса Бульбы, который с большим риском для жизни искал потерянную в бою люльку. Было время, когда этот эпизод казался мне сентиментальным, мелодраматичным. А когда сам побывал в тех местах, откуда "до смерти четыре шага", понял наконец, насколько старому вояке была дорога неразлучная спутница во многих походах и кровавых сечах.

Прежде всего, в солдатском спартанском быту необходим походный котелок. Обладателем этого произведения штамповального искусства я впервые стал в 280-м. Тот уральский котелок явился первенцем в целой серии себе подобных.

Дорогие мои фронтовые спутники! Сколько килограммов пшенных, гороховых и гречневых концентратов я сварил при вашей помощи на огне походных костров! Сколько порций щей, борща и супа - бывало, даже с добавкой - получил из походных кухонь! Со сколькими однополчанами на пару хлебал из вас в землянке, в окопе, в лесу под деревом! Сколько раз подогревал на земляночной печурке! Из каких озер и рек, ручьев и воронок черпал воду!

Хорошие вы друзья, но канители с вами немало. Матрос драит палубу с одной стороны, сверху, а солдатам приходится драить вас с двух сторон: изнутри очищая от остатков пищи, снаружи - от копоти. А ведь у солдат под рукой крана с теплой водой нет. Бывает и так, что даже холодную воду приходится добывать под пулями.

Мой первый, уральский, котелок я по неопытности поначалу переоценил. Он поразил меня простотой конструкции. Идеально правильный цилиндр, дно, проволочная дужка-ручка - и все. Крышка конструкторами не предусмотрена.

Говорят: что гениально, то и просто. К сожалению, обратный тезис справедлив далеко не всегда. Чаще бывает так: очень уж простое, точнее сказать - примитивное, это не изобретение гения, а плод ленивого ума, результат небрежного отношения к нуждам других людей. В этой истине меня лишний раз убедил мой первый солдатский котелок.

В запасном котелками мы пользовались редко, только во время тренировочных походов. Не обратили внимания на их недостатки и в эшелоне. Наши добрые отношения с этими котелками стали у нас портиться с первых же дней пребывания на фронте.

Первая проблема: куда его пристроить? Засунуть в вещмешок? Нет, не годится. И места много займет, и сажей все

перепачкает. Приторочить к тому же вещмешку или к поясному ремню? Очень плохо: здорово бокастый, он сильно выпирает в сторону, в лесу цепляется за кусты и стволы деревьев.

Без крышки пища скоро остывает. А ведь далеко не каждый боец имеет возможность поесть у походной кухни. Частенько котелки с едой несут своим товарищам за сотни метров, за километр и более - в окоп, в дозор, в боевое охранение.

В котелок без крышки попадает всякий сор. Идет солдат лесом - сверху падает хвоя. Припадет солдат к земле во время внезапного минометного наа половину супа расплескает. В землянке во время артобстрелов и бомбежек в котелки сверху сыпся песок.

И еще одна беда: пустой котелок без крышки очень звучен. Он подобен боталу - колокольчику, который навешивают на шею пасущейся скотине. Вблизи противника бренчание таких "музыкальных" котелков демаскирует наших солдат.

На фронте мы быстро разобрались в этих недостатках и обнаружили, что имеются котелки более совершенной конструкции: с плотно закрывающейся крышкой, плоские, выпукло-вогнутой конфигурации. Их поперечное сечение имеет форму почки человека или животных. Оказывается, природа давным-давно изобрела то, до чего не смогли додуматься некоторые горе-конструкторы. Она рассчитала, какой формы должны быть эти органы, чтобы их можно было наиболее удобным образом "приторочить" по обе стороны позвоночника.

Наши лыжники стали охотиться за такими усовершенствованными котелками. Выменивали у солдат из других частей и родов войск, подбирали на поле боя.

Но пока что, в запасном, мы рады и нашим, этим аляповатым посудинам. Ставим на них свои метки. Особым шиком считается выгравировать свою фамилию или инициалы острием гвоздя. Лучше всего это получается у Вахони. Он и на своем котелке поставил метку с искусством кубачинского гравера, и другим охотно помогает.

Я, гражданин Советского Союза...

Канун XXIV годовщины Октября. Принимаем военную присягу.

Наша третья рота выстроилась в виде буквы "П" в празднично убранном полковом клубе. Для принятия присяги выходим из строя повзводно. В руках у нас не учебные винтовки, а боевые. Комиссар Емельянов четко зачитывает отдельные предложения, слишком длинные разбивает на части. Взвод хором повторяет за ним.

"Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик,

вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии..."

Низкие мужские голоса придают торжественной церемонии особый впечатляющий оттенок. Тенорок Гриши Пьянкова и немногие баритоны тонут в гуле густых басов.

"Я, гражданин..."

Крепче сжимаешь рукой приставленную к ноге винтовку и чувствуешь, как тебя всего охватывает волнение, всем своим существом осознаешь значимость происходящего.

Вспоминается церемония военной присяги, описанная Валентином Катаевым в его известной повести "Я, сын трудового народа":

"И вот ежегодно, весной, едва только на Спасской башне окончат играть куранты, на Красную площадь выезжает принимать первомайский парад народный комиссар обороны, маршал Советского Союза Клим Ворошилов. На изящном коне золотистой масти объезжает он войско и здоровается с частями, неподвижно застывшими, точно вырубленными из серого гранита. Потом он слезает с коня, отдает ординарцам поводья и поднимается на левое крыло Мавзолея.

Оттуда, в потрясающей тишине, раздается его сильный, отчетливый и неторопливый голос:

- Я, сын трудового народа...

И молодые бойцы повторяют за ним слова присяги - неторопливо, отчетливо и сильно:

- Я, сын трудового народа..."

Как много вмещает одна неполная страница текста! В нескольких десятках строчек изложены все обязанности и обязательства советского воина перед своей Родиной, предельно ясно выражена мера его ответственности перед своим народом.

"...Торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников".

"...Всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины - Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть Меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся".

Присяга принята. Уступаем место следующему взводу и

становимся в общий строй.

Чапаевцы и буденовцы, воины Ворошилова и Котовского, герои повести Валентина Катаева принимали военную присягу, утвержденную ВЦИК в 1918 году. В клубе 280-го запасного лыжно-стрелкового полка сегодня звучат слова присяги, сменившей первую в 1939 году. Изменений внесено совсем немного. Они сделаны в соответствии с новой Конституцией Советского Союза, принятой в 1936 году.

Пройдут десятиия... Мне, ветерану Великой Отечественной войны, доведется не раз бывать почетным гостем в воинских частях. И я услышу, как молодые воины, родившиеся уже в мирные годы, будут принимать присягу, утвержденную Президиумом Верховного Совета СССР в 1947 году. Церемония станет еще более торжественной, каждый молодой солдат будет сам зачитывать текст перед строем товарищей. На груди у него будет висеть автомат незнакомой мне конструкции.

В эти торжественные минуты, слушая молодых солдат космических десятиий, глядя на них, вместе с ними мысленно повторяя слова присяги, я сам тоже буду стоять в строю - но в ином... Из Прибалтики, где найду свою вторую родину, мое воображение, моя память будут переносить меня на далекий Урал, на берег Камы, в пропахший смолами полковой клуб. Рядом со мной будут стоять мои однополчане: Федоров, Кокоулин, Воскобойников, Белых, Гаренских, Пьянков... Они придут с братских кладбищ, из безвестных одиночных могил, из бездонных болотных топей... И все будет почти так, как в далеком сорок первом. Почти, но не совсем. Третья рота будет, как и тогда, молодая. Но среди двадцати-тридцатиних будут выделяться три-четыре странного вида лыжника: седые ветераны семидесятых - восьмидесятых годов. И все мы - и живые и павшие - будем дружно произносить слова присяги:

- Я, гражданин Союза Советских Социалистических. Республик...

Ура - наконец-то снег!

Лыжной подготовкой занимаемся и в доснежные недели. Имеются упражнения, имитирующие различные лыжные ходы, отдельные элементы этих ходов. Ходьба и прыжки на полусогнутых ногах, отведение ноги назад, поочередный маховый перенос ног, передвижение галопом, прыжки с поворотом таза и так далее.

В соседней с учебным полем роще мы оборудовали стометровую лыжную трассу с искусственным покрытием - соломой. Довольно странное ощущение испытываешь на такой лыжне. Направо и налево - покрытые черничником и

брусничником поляны, между пожухлыми папоротниками - рдеют мухоморы, по старым пням и валежинам карабкаются колонии поздних опят, вверху осенними колерами радуют глаз березы и осины, за рощей, в поле еще пасется скотина... Никому из нас, лыжбатовцев, до сих пор не приходилось ходить на лыжах на фоне такого пейзажа!

Эта эрзац-лыжня частично выручает нас. Но толку от нее все-таки немного. Скольжение слабое, солома то и дело сдвигается, сбивается в кучи. Часто приходится растрясать вновь. И вообще, на сотне метров не очень-то разойдешься.

Теоретически изучаем тактику ведения боя лыжным взводом, ротой, всем батальоном. Знакомимся с правилами движения лыжной колонной во время переходов во фронтовых условиях. Эти занятия кое-какую пользу приносят. Но, конечно же, малоэффективны и кажутся нам ужасно нудными. Обучаться ходьбе на лыжах без снега примерно то же самое, что осваивать плавание, сидя на берегу и не окунаясь в воду. Так что снега ждем, как манны небесной.

Разумеется, все мы, из 1-го батальона, в какой-то мере умеем ходить на лыжах. Но многие уральцы имели дело с охотничьими лыжами, которые шире спортивных, короче и без направляющего желобка.

На эту тему лыжбатовцы-уральцы часто говорят между собой. Охотничьи лыжи они подразделяют на комосные - подшитые мехом с коротким жестким волосом - и голицы, то есть гладкие. Спорят о палках. Некоторые утверждают, что палки ни к чему, только мешают. Дескать, и на охоте и на войне руки в любой момент должны быть свободными.

За три дня до Октябрьского праздника выбежали мы утром на поверку и прямо ахнули: вокруг белым-бело. И не слегка припорошило, а навалило как следует, сантиметров на двенадцать - пятнадцать. Послышались радостные возгласы:

- Гляди, братва, снег!

- Эва, сколько за одну ночь настелило!

- Наконец-то дождались!

- Ур-ра-р-ра! Ур-р-р-а-а-а! Сне-е-ег!

Солдаты радовались словно мальчишки. Стали пулять друг в друга снежками. Гриша Пьянков подсел сзади под Авенира Двухэтажного, кто-то слегка толкнул великана в грудь, и тот под общий хохот поел вверх тормашками. Вскочив, Авенир схватил проказника и напихал ему снегу за шиворот, в ширинку.

- Тебе, Итальянцу, снег в новинку, - приговаривал он. - На, на, попробуй, каков он из себя!

Детские забавы прервала команда старшины:

- Ста-а-на-вись!

В тот же день нам выдали лыжи, так называемые туристские, с пяточно-ременным креплением. Тщательно подбирали лыжи по весу и росту. Мне, весившему тогда 75 килограммов, при росте 180 сантиметров достались 210-сантиметровые.

Подгоняли крепления, разбирались с лыжными мазями, вырезали свои инициалы. Некоторые особо предусмотрительные солдаты на всякий случай ставили дополнительные секретные метки.

Сразу же после Октябрьской годовщины в наш запасной полк приехала из УралВО команда инструкторов - молодых спортсменов-лыжников. В штабе батальона основательно переделали расписание повседневных занятий. Некоторые дни стали полностью лыжными.

И началась наша лыжная страда. Кончились имитационные упражнения, наступило время отрабатывать все движения, все разновидности лыжных ходов в натуре: на настоящих лыжах, на настоящем уральском снегу.

Попеременный одношажный ход, двух- и четырехшажные ходы, одновременный бесшажный... Повороты ножницами, переступанием и упором... Подъемы елочкой и полуелочкой, лесенкой и зигзагом... Торможение при спуске плугом и упором на палки...

Многим уральцам, привыкшим к широким и коротким лыжам, к ходьбе без палок, пришлось основательно переучиваться. Однако это ни в коем случае не значит, что прежние навыки оказались совершенно бесполезными. Физическая выносливость уральцев, их закаленность, способность переносить любые лишения, умение ориентироваться в дремучих лесах - все эти качества очень и очень пригодятся в недалеком будущем на фронте.

С ночевкой в лесу

С тех пор как мы стали на лыжи, прошло пять недель. Мы более или менее обкатались, подравнялись. Охотники и старатели привыкли к палкам и необычным для них лыжам. Отстающие настолько подтянулись, что вместе со всеми могут совершать походы на пятнадцать, двадцать и более километров.

Правда, без мелких ЧП не обходится. Один солдат палку сломает, другой лыжу, у третьего - растяжение связок или вывих. Но в целом 1-й батальон лыжами овладевает успешно, на инспекторской проверке получил по лыжам оценку "хорошо".

В середине декабря состоялось трехдневное учение с ночевкой в лесу. Получили мы сухой паек и в полном снаряжении взяли курс на северо-запад.

Условно считается, что идем к линии фронта и что в пути нас поджидают всевозможные сюрпризы: наы вражеской авиации, засады и неожиданные наы подвижных групп противника. Походная колонна построена так, как и положено в подобных ситуациях по уставу. Последовательность такая: разведотряд, головная походная застава (один из взводов первой роты), первая и вторая роты, штаб батальона, третья рота в роли тыловой походной заставы, по взводу - на левое и правое боковые походные охранения.

Все, за исключением обоза, состоящего из нескольких санных упряжек, идут по снежной целине. Обоз движется по слабо накатанному проселку. Командует нашими тылами Висимский Шайтан - старшина Комаров.

При выезде из части с хозвзодовцами случилось такое забавное приключение. Увязался за обозом Тишка. Попробовали хозвзводовцы прогнать его, заставить вернуться назад - ничего не получилось. Тишка никак не отстает от обоза и жалобно мекает. Дескать, почему лыжника-добровольца на учение не берете? Чем я провинился?

Сжалился над ним старшина Комаров, посадил в свои розвальни. Через встречных знакомцев передал Глафире Марковне, чтобы она не искала своего Тишку и не беспокоилась о нем. Вернется, мол, с военных учений цел и невредим.

Наш взвод движется по правую сторону от дороги, примерно в километре от основного стержня колонны. Выполняя правила маскировки, прижимаемся к рощам, перелескам и кустарниковым зарослям, идем ложбинами и напрямик по редколесью.

Федоров, Фунин и я идем рядом, по соседним лыжням. На ходу переговариваемся о том, о сем: о снеге, о погоде, о красотах зимних уральских пейзажей. А виды здесь действительно великолепные! Деревья празднично убраны инеем. Снегири и синицы стряхивают с ветвей облачка тончайшей снежной пыли, в которой радугами преломляются солнечные лучи. Бесконечной чередой уходят вдаль пологие снежные увалы. Над селениями, которые мы обходим стороной, отвесно вверх вздымаются белые дымы.

И погода отменная. Солнечная, умеренно морозная, безветренная. Предъявить претензии можно только к снегу: слишком он сверкает на солнце, до рези в глазах. Надо бы темные светозащитные очки. Но в оснащении лыжников они не предусмотрены.

Однако сверкание девственно-белого снега - это мелочь, с которой можно мириться. Куда больше хлопот доставляет нам его консистенция. Снег еще не успел уплотниться, лежит рыхлой

воздушной пеленой и слишком глубоко оседает под лыжами.

Основная трудность приходится на долю переднего солдата, который торит лыжню. Его у нас называют "ведущим гусем". Потому что в клину ящих гусей передний рассекает воздушную целину и ему приходится труднее всех. Наиболее сильные гусаки сменяют друг друга.

Используя опыт гусей, лейтенант Науменко через пятнадцать - двадцать минут тоже меняет ведущих лыжников. Чтобы колонна не очень растягивалась, движемся по трем параллельным лыжням. И следовательно, сменяются сразу три "ведущих гуся".

- Глянь-ка, братва, заяц! - вдруг восторженно-истошным голосом завопил Пьянков. И тут же, вспомнив, что в походе нельзя громко разговаривать, а тем более кричать, перешел на свистящий фальцет: - Вунь, вунь, направо! К роще шпарит. Во дает! Во дает!

Кто успел увидеть зайца, а кто и нет. Но каждому хотелось отреагировать на эту встречу. Посыпались реплики:

- Моя тозовка без дела дома висит, а тут - заяц. Экая досада!

- Глядите-ка, хоть Итальянец, а первый косого заметил!

- Скоро нам не такие звери станут попадаться! С гусеницами и пушками.

- Эх, кабы и те, фашистские звери, от нас так быстро улепетывали!

- Ишь, чего захотел! Нет уж, фашистский зверь от одного нашего вида не побежит. На него хорошая рогатина надобна.

- Прекратить рраз-го-во-ры! - прикрикнул лейтенант Науменко. Это большой шаг вперед. Поначалу его командам явно не хватало уверенности, приказного тона. И вот он понемногу овладевает командными интонациями, явно подражая Кокоулину. Но в старшинские "разговорчики" внес некоторые коррективы: добавил "прекратить" и укоротил второе слово.

И еще команда:

- Федорову, Фунину, Героднику - вперед на лыжню!

Это означает, что пришел наш черед идти "ведущими гусями". Я сменяю Авенира. Здорово упарился стодвадцатикилограммовый великан! Его лыжня самая глубокая.

Мы у цели нашего похода. Втягиваемся в лес, в котором батальону предстоит расположиться лагерем. Устанавливаем связь со штабом батальона и с ходу приступаем к работе.

А работы уйма. Первым делом проложили магистральную дорогу, по которой могут проехать сани. От нее расчистили боковые пешеходные дорожки - к ротам и взводам. Орудуем малыми саперными лопатами. И сразу обнаруживаем, что для работы со снегом "малые саперки" слишком

малопроизводительны. Вспомнили о фанерных дворницких лопатах. Их оказалось всего три штуки на батальон, и те хозвзводовцы не хотят выпускать из рук. Быть может, и хорошо, что так получилось? Ведь это учение задумано с наиболее возможным приближением к фронтовым условиям. А на фронте вряд ли будет фанера на дворницкие лопаты.

На расчищенных от снега пятачках построили шалаши из еловых лапок. Для практики соорудили несколько землянок. Одну штабную - в три наката, по одной на каждую роту и для хозвзвода - в один накат.

После того как управились с самыми неотложными работами, нам дали время на приготовление ужина. Перед солдатами вроде меня, не попадавшими в такую обстановку, задачи возникают на каждом шагу. Где искать сухие дрова и как они выглядят? Где найти "быстрик" - и под снегом не замерзающий источник? Как подвесить над огнем котелки? Как закрепить в мерзлой земле стояки с развилками, на которые кладут поперечину?

Но опытных наставников хватает, их в нашем батальоне намного больше, чем учеников.

К ночи бывалые следопыты соорудили специальные костры для обогрева. В одном месте навалили конусом пней и корчей, обставили вокруг сухими плахами; в другом - положили кряж на кряж. Такой костер, называемый у сибиряков и уральцев нодья, может гореть по нескольку часов без подбрасывания поленьев и хвороста.

Над кострами устроили маскировочные навесы: на более чем двухметровые стояки с развилками положили жерди, на жерди - еловые ветви.

Вечерняя поверка проходит на главной лагерной линейке. Затем - отбой и расходимся по своим шалашам. В них стоит густой смолисто-хвойный запах. Вполне понятно: стены и крыша, пол и постель - всё из еловых лапок. Примечаю для себя на будущее важную деталь: еловые лапки следует расстилать "выпуклинками" вверх.

С вечера в шалаше не холодно. Греемся друг о друга, до нас достает тепло соседней нодьи. А кто под утро озяб, тот выбрался наружу и присоседился к огню.

Так мы провели в лесу трое суток. Когда вернулись в свой полк, то и улицы поселка, домишки и наши казармы показались нам какими-то иными: более приветливыми, уютными, источающими спокойствие глубокого тыла. Будто мы и в самом деле побывали на фронте.

- Как хорошо после дальних походов вернуться под родную крышу и залезть в теплую постель! - сказал Философ, забираясь

после отбоя на нары.

Маршевый батальон

Примерно к середине декабря хозвзводовские плотники построили на учебном плацу макет вагона-теплушки. В натуральную величину, с нарами и жестяной печуркой, с отодвигающейся в сторону дверью. Только стоял он не на колесах, а на невысоких козлах.

Каждая рота, каждый взвод провели по нескольку тренировочных занятий. В деталях отработали посадку в вагон и выгрузку из него, каждый боец знал свое место на нарах. Предусмотрели различные варианты выгрузки. Окончательная: следует забрать все личные вещи и имущество подразделения, сделать за собой уборку. Временная, например, по боевой тревоге, во время воздушного наа: надо выскакивать из вагона и рассредоточиваться, захватив с собой только личное оружие и боеприпасы.

Каждый взвод один раз переночевал в учебной теплушке. Сменные дежурные всю ночь поддерживали в печурке огонь.

Наравне со всеми солдатами совершил посадку в учебный вагон и старательный Тишка.

- Однако, Борода, скоро нам с тобой придется распрощаться! - с грустью говорил Тишке Вахоня. - Но ты не горюй. Тебя уже зачислили в постоянный штат полка. Будешь готовить и отправлять на фронт маршевые батальоны.

В канун Нового года 280-й получил приказ из УралВО за подписью командира 22-й запасной стрелковой бригады. Он гласил примерно следующее:

"В трехдневный срок, то есть ко 2 января 1942 года, к 12.00 полностью подготовить к отправке в действующую армию три маршевых батальона по 578 бойцов и командиров в каждом (согласно штатному расписанию за номером таким-то). Отдельным лыжным батальонам присвоить порядковые номера: 172-й, 173-й и 174-й. О точном времени погрузки в эшелон сообщим дополнительно".

Конечно, приказ этот перед строем не зачитывали, но и особого секрета из него не делали. Наш 1-й батальон стал именоваться 172-м отдельным лыжным батальоном. Короче: 172-й ОЛБ.

Оказывается, вон сколько рубежей надо преодоь на пути от гражданки до солдатского звания! Направляясь на призывной пункт, прощаешься со своими близкими и друзьями, с соседями и товарищами по работе. Сдаешь в военкомате паспорт. Тебя наголо стригут, не спрашивая о том, какой фасон предпочитаешь и какие височки сделать - прямые или косые. Сбрасываешь в раздевалке

санпропускника свою цивильную одежду, разовой порцией казенного мыла величиной с кусочек рафинада смываешь с себя гражданский пот - и выходишь полностью обмундированный по форме военного времени.

Хорошо, если обмундирование досталось новенькое. Но не слишком огорчайся, если интендант выдал тебе заштопанное и застиранное. Не вздумай спорить с военной фортуной, если она вместо желанных кирзовых сапог преподнесет тебе увесистые ботинки с обмотками.

Чрезвычайно важным рубежом для молодого солдата на пути к полноправному воину является военная присяга. И наконец - зачисление в маршевый батальон. Как будто малозначащая формальность. Ведь и без того известно, что запасной полк готовит пополнение для действующей армии, что скоро поедем на фронт. Тем не менее в душе маршевика происходят важные психологические сдвиги. Он еще острее чувствует веление патриотического долга и непререкаемую власть воинской дисциплины, он еще явственнее ощущает, как продолжает увеличиваться дистанция, отделяющая его от недавней мирной жизни...

Маршевый... Это значит, что в высших командных сферах этому батальону уже предначертан определенный маршрут. Это значит, что где-то на конкретном участке фронта он должен сменить истаявшую в боях, обескровленную часть или закрыть собой зияющую брешь.

Маршевый... Это значит, что за маршевиками уже мчатся теплушки. Они где-то совсем близко, на подходе. И лишь только закончится погрузка, эшелон на всех парах устремится к фронту. Ему будет открыта "зеленая улица". Скорее, скорее! Дорога каждая минута!

А на конечной станции, полуразрушенной, опаленной огнем войны, где уже слышится грозный гул великой битвы, батальон станет на лыжи и форсированным маршем двинется к месту назначения. Скорее, скорее, скорее! Нельзя терять ни минуты!

Возвращение блудного сына

В середине декабря штаб 280-го получил предписание из УралВО: отобрать кандидатов на курсы военных переводчиков. Требования: образование - высшее, знание немецкого не ниже вузовской программы, звание - не выше старшины. Я подошел по всем статьям. В моем активе сверх университетской программы были еще Центральные заочные курсы - Ин-яз, которые закончил перед самой войной. Заполнил все анкеты, побывал на собеседовании в особом отделе полка, жду вызова в Пермь или Свердловск.

Наступили горячие денечки, началось окончательное укомплектование маршевых батальонов. Возник вопрос: как быть с красноармейцем Геродником? Вдруг приказ об откомандировании на курсы придет в последний момент, когда 172-му ОЛБ уже надо будет грузиться в эшелон?

Эта задача была решена очень просто. Меня исключили из маршевиков и временно перевели в 4-й батальон. Мои чувства раздвоились. С одной стороны, жалко расставаться со своими ребятами. За три месяца я привык к ним, с некоторыми крепко сдружился. Но и на курсы переводчиков очень хочется попасть. Дело очень интересное, присвоят командирское звание. Во всех отношениях заманчиво!

Впрочем, моего мнения никто не спрашивает. Забрал я свои пожитки, попрощался с друзьями и ушел в 4-й.

Побежали первые дни нового года. Маршевики сидят на чемоданах, точнее, на "сидорах" и ждут сигнала. Вагоны опаздывают. Я думаю-гадаю о том, кто кого будет провожать: или я моих друзей из 172-го, или они меня? А быть может, выедем одновременно, только в разные стороны? И никак не предполагал, что возможен еще один вариант.

5 января меня вызвали в штаб 4-го и преподнесли сюрприз: звонили из штаба полка, приказали красноармейца Геродника перевести обратно в 172-й.

Вот так номер! Теряясь в догадках, иду в свой батальон. По пути встречаю комиссара Емельянова.

- Едете с нами! - хлопнув меня по плечу, с видом благодетеля сказал он. Удалось уговорить командира полка. Спохватились мы с комбатом: а как же наш 172-й будет без переводчика?! Тут какая-то неувязка получилась. Отдельный батальон во многом приравнивается к полку. Однако пехотному полку переводчик по штату положен, а нам - нет. А ведь о-эл-бэ будет делать глубокие рейды за линию фронта, лыжникам часто придется действовать самостоятельно, на значительном удалении от соседних частей. Нет, без переводчика нам никак нельзя! Пока что будете нештатным, а там что-нибудь придумаем...

- Мне тоже хочется ехать со своими ребятами, - ответил я. - Но как я справлюсь без специальной подготовки? Ведь надо знать немецкую военную терминологию, а я в ней ни бум-бум.

- Ничего, не робейте! - подбодрил меня комиссар. - Все, что понадобится, освоите на практике. А сейчас идите в свою роту, к Науменко.

- Есть, идти к Науменко! Спасибо, товарищ комиссар, за хлопоты обо мне.

Откровенно говоря, в противоборстве двух желаний - то ли

лучше ехать со своим батальоном на фронт, то ли предпочтительнее попасть на курсы - крен в сторону второго варианта еще более усилился. Меня на самом деле пугали предстоящие обязанности. Разговорная практика слабая, словарный запас с физико-математическим уклоном. Представил себе такую картину: группа штабных командиров, вводят пленного. Все смотрят на меня, начинают задавать вопросы. Имя и фамилию, год и место рождения сумею спросить. А дальше? Как по-немецки взвод, рота, полк? Пехотинец? Танкист? Летчик? Ну ничегошеньки не знаю! Прямо жуть, уже сейчас краснею, предвидя неизбежный провал.

Кроме того, догадываюсь о шаткости своего будущего "нештатного" положения. Переводчик - должность командирская, а я рядовой, и это сулит мне большие неудобства.

"А вообще-то ничего трагического не произошло, - успокаиваю себя. - И на войне надо привыкать к тому, что ход событий редко будет совпадать с твоими личными желаниями".

В роте меня встретили радушно, особенно Федоров и Фунин. Только Философ проехался на мой счет несколько осуждающей библейской сентенцией:

- Ага, все-таки возворотился наш блудный сын из бегов!

Прощай, Урал...

8 января три маршевых батальона построились на учебном плацу для прощального митинга. Нас напутствовали командир полка Борейко и комиссар Яковлев. Они пожелали нам разгромить врага и с победой вернуться домой. С ответным словом от имени маршевиков выступил старшина из 173-го ОЛБ.

Было очень торжественно. Играл приехавший не то из района, не то из области духовой оркестр. Провожать нас пришли сотни местных жителей. Держа за ошейник Тишку, стояла у своей калитки Глафира Марковна.

Майор Борейко подает команды:

- Сми-и-ир-на! На-пра-оп! Ша-а-гом а-арш!

Грянула музыка. Пошли! Прощай, Кама! Прощай, Урал! Прощай, моя военная альма матер - 280-й запасной лыжный полк!

Напутственно машут руками женщины, не то машет рукой, не то осеняет нас крестным знамением Глафира Марковна. Мы пока без винтовок и автоматов. Оружие получим где-то в пути. Однако каски и взятые на плечо лыжи придают колонне вполне воинственный вид.

Выйдя за околицу, встали на лыжи и пошли по хорошо накатанным лыжням, .проложенным по обеим сторонам дороги. Погрузка в вагоны прошла быстро и организованно. Недаром мы отрабатывали посадку в учебную теплушку.

Эшелон длинный-предлинный. Батальоны разместились в таком порядке: 174-й, 173-й, 172-й, считая от паровоза к хвосту. Начальник эшелона командует в мегафон: "Всем по вагонам!" Где-то далеко впереди свистит паровоз, и состав медленно трогает с места.

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.
Давид Самойлов

Часть 2. Едем на фронт

Дорожные впечатления

Наш эшелон, добравшись до узловой станции, выкатил на магистраль Пермь Киров.

Я скитался по железным дорогам в июле - августе и теперь имею возможность сравнивать. Тогда всё и вся захлестывали потоки беженцев. Сейчас они на втором плане, на первом - воинские эшелоны и санитарные поезда. Везде несравненно более строгий военный порядок.

На открытых платформах - орудия, танки, грузовики, сани, какие-то зачехленные агрегаты, о назначении которых можно только догадываться. Штабеля мешков, ящиков, тюков прессованного сена. Составы из бензоцистерн...

На больших станциях ждут своей очереди эшелоны с пополнением фронту. Сибиряки и уральцы прекрасно по-зимнему экипированы, большинство в валенках. На общем фоне выделяются кремово-белые полушубки, в которых щеголяют некоторые командиры и девушки из медико-санитарной службы.

Наблюдая эту движущуюся к фронту силу, думаю о том, как ничтожно мал на фоне этого могучего потока наш лыжбат. И вместе с тем горжусь своим ОЛБ: эта мощная река образуется из таких же маршевых батальонов, как наш.

Потрясающее впечатление производят дорожные встречи на моих однополчан. Одно дело - читать газеты, слушать радио, рассказы политинформаторов, и совсем другое - увидеть собственными глазами. Удар чудовищной силы, нанесенный ом гитлеровскими стальными армадами, до Урала докатился в виде значительно ослабленных волн. Затем призванные в 280-й пермяки и свердловчане три месяца провели на отшибе, в самой что ни на есть провинциальной глубинке. И вот сейчас на одной из центральных магистралей страны они воочию постигают грандиозный размах событий.

Среди эвакуированных много ленинградцев-блокадников. На вопросы о положении в их городе они чаще всего отвечают скупо,

неохотно, на разговоры у них не хватает физических сил...

Старшина Боруля на каждой остановке ищет ленинградцев, заглядывает в вагоны, в залы ожидания. Но, увы, шансы встретить свою семью или хотя бы что-то узнать о ее судьбе слишком ничтожны. Теории вероятностей чужды участие, сострадание и желание помочь человеку в беде.

Большая узловая .станция Буй. Она преподносит нам две новости.

Новость приятная. Здесь имеется первоклассный питательный пункт. И действительно, нас привели в столовую таких исполинских размеров, что за дощатые столы-настилы одновременно сел весь наш эшелон. И все здесь сработано добротно. Столешницы сколочены из хорошо выструганных и плотно пригнанных друг к дружке досок, бачки и половники, на солдатском наречии - разводящие, емкие и надраены до блеска. И обед из двух блюд тоже отменный.

К концу обеда слышатся разговоры:

- Как в ресторане "Урал"!

- Надо бы благодарность в книжку тиснуть...

- Еще лучше: покачать зава столовой...

Но раздается команда: "Встать! Выходи строиться!" А к столовой уже идут нам на смену другие маршевые батальоны.

Новость неприятная. Буй - последняя на этой дороге станция, куда только изредка дотягивают фашистские бомбардировщики. Кому - последняя, а для нас первая. Значит, дальше на запад - зона, досягаемая для вражеской авиации.

Выезжаем за пределы станции, за городские окраины, и нашим глазам .опять открываются необъятные просторы России. Темнеющие вдали лесные массивы, веселые березовые рощи, уходящие вдаль, до самого горизонта, укрытые толстым пологом снега поля, полузанесенные деревни со старинными церквушками и длинными приземистыми коровниками и свинарниками, погребенные под сугробами сельские погосты... В низинах, в речных поймах высятся стога сена, по дорогам степенно расхаживают вороны, с горок катаются на санках дети, рядом с ними носятся дворняжки, женщины несут на коромыслах ведра с водой, полощут в прорубях белье, колхозники везут из лесу дрова, подвозят скотине сено и силос...

Кажется, на этих русских просторах царят мир и спокойствие, и нет такой злой силы, которая смогла бы нарушить их. Но это иллюзия. Так кажется, если наблюдать селения издали, со стороны. Но нам понятно, что на самом деле сельчане живут в постоянной большой тревоге. В каждую деревню уже пришли первые похоронки, в любой день письмоносец может принести

новые.

На селе это чувство тревоги за судьбу фронтовиков дает себя знать намного сильнее, чем в городе. Здесь все знают друг друга и каждую смерть оплакивают не только в кругу семьи и родных - скорбит вся деревня.

Ушедших на фронт заменили женщины и подростки. Это они будут теперь кормить города, многомиллионную армию, всю страну. Нет, обманчива эта идиллия, которую мы наблюдаем сейчас из нашего эшелона!

Настроение у нас сложное. Я назвал бы его приподнято-тревожным. Воодушевляют наши победы под Ленинградом, в боях за Тихвин и особенно за Москву. Но по количеству идущих навстречу нам санитарных поездов видим, какой дорогой ценой достаются эти победы. Тревожат и предстоящие фронтовые испытания, и думы о своей личной судьбе...

Декада в Рыбинске

На станции Рыбинск - команда: полная выгрузка. С сожалением оставляем обжитые теплушки. Размещают нас в городке эвакуированного на восток завода. Под казармы приспособлены какие-то огромные помещения - не то ангары, не то склады. Холодно, неуютно, зато много свежего воздуха.

Рыбинск во многом напоминает мне Кировград. Здесь тоже голодно, холодно, тесно. В магазинах - пусто, на рынках - фантастические цены. Но бросаются в глаза и существенные различия. Кировград для большинства, кто прибывает туда, конечный пункт назначения. И для эвакуированных, и для раненых, и для вывезенного с запада завода. А Рыбинск - гигантский проходной двор, крупнейшая перевалочная база.

Маршевые части задерживаются здесь на короткое время, чтобы получить оружие, боеприпасы, дообмундироваться. И едут дальше на фронт. В городе много госпиталей. И большинство из них - эвакуационные, сортировочные. Легкораненых вылечивают на месте и возвращают в строй, остальных направляют в тыловые стационарные госпитали. Эвакуированных, в том числе ленинградцев, здесь не прописывают. Их подкармливают, подлечивают, после чего дают путевки в более далекий тыл.

Рыбинск военного времени - это город-арсенал, город-интендант, город-госпиталь, город-диспетчер.

Проходит один день, второй, третий... Ждем оружия. Время тянется нудно. В эшелоне - другое дело, там непрерывная смена впечатлений. А из окон казармы пейзаж открывается не ахти какой живописный, и с утра до вечера один -и тот же.

В числе основных принципов военной службы есть и такой: солдату не положено сидеть без дела, его следует загружать

ежедневно, ежечасно. И вот наше батальонное начальство составляет временное учебное расписание. Опять штудируем уставы, опять маршируем на плацу, опять приветствуем и рапортуем. Спору нет, повторение - мать учения. Но эти занятия набили оскомину и нам и нашим наставникам.

Наконец долгожданное оружие прибыло. Ящики не разбиваем, не разламываем, а открываем осторожно, будто в них запакованы хрустальные изделия или фарфор. Строжайший приказ: тару, на интендантском лексиконе - спецукупорку, вернуть в полной сохранности. Чтобы ни единая дощечка не сломалась, не пропала! Велик был соблазн эту самую "спецукупорку" с наплывами янтарной смолы с ходу засунуть в печки.

То, что мы извлекли из ящиков, нам сейчас дороже фарфора и хрусталя. Основная часть груза - автоматы. Небольшое количество карабинов и самозарядных винтовок Токарева - СВТ. Мосинских винтовок нет. Несколько ручных пулеметов, ручные гранаты и отдельно запалы к ним.

Снимаем толстый, застывший на морозе слой заводской антикоррозийной смазки. Любуемся вороненой сталью автоматов, почтительно посматриваем на увенчанные плоскими штыками-клинками СВТ, небрежно перекидываем с руки на руку коротышки-карабины. Гадаем: кому что достанется?

Каждый из нас, разумеется, мечтает об автомате. К СВТ отношение сдержанное. С одной стороны, очень уж эффектно, воинственно выглядит "токаревка" со своим штыком-клинком. С другой - ходят слухи, будто эта "солдатская женушка" во фронтовых условиях иногда капризничает, требует более деликатного и внимательного обхождения, чем неприхотливое, покладистое и безотказное творение Мосина.

Батальонное и ротное начальство распределило оружие так. Карабины отдали хозвзводовцам и минометчикам (есть в составе ОЛБ такое подразделение). СВТ получили наиболее могутные здоровяки, вроде Мусы Нургалиева. Пулеметы достались пулеметчикам, подготовленным еще в запасном. В том числе Авениру.

Стрелковые взводы в основном вооружились автоматами. Но некоторым бойцам пришлось все же довольствоваться карабинами. Комиссар Емельянов утешил "карабинеров": "Не огорчайтесь! На фронте все обзаведемся автоматами. Не хватит своих, так трофейные добудем".

Я и Федоров в "карабинеры" не попали. Дмитрий Михайлович шутит: "Ускоренный Сережа нам по блату удружил. Как бывший десятиклассник бывшим учителям. И магазинные коробки у нас -

не громоздкие барабаны, а изящные рожки".

Изучаю номер своего автомата. Серия - ФШ. Какой же знаменитостью закрепить в памяти эти литеры? Поначалу на ум приходит Фет, настоящая фамилия которого Шеншин. Правда, лирика Фета, хотя я ее и люблю, никак не гармонирует с автоматными очередями и всей фронтовой обстановкой. "Шепот, робкое дыханье, трели соловья..." Там иные "трели" меня ждут. Но зачем же обращаться к помощи Фета-Шеншина, если меня может выручить Федор Шаляпин!

Номер моего автомата - 842 159. Экое корявое число, как будто абсолютно не за что зацепиться... Но нет, напрасно я похулил его. Ведь ясно видно: первые три цифры представляют собой геометрическую убывающую прогрессию, а три последние - арифметическую возрастающую. Не слишком удачная математическая находка, но все же...

На смену временному расписанию с осточертевшим повторением уставов появляется новое. В нем все часы, не считая политзанятий, отданы изучению матчасти и учебным стрельбам. Вот это дело!

Я уже писал о том, как призванные в армию проходят через серию последовательных операций, которые переводят их из гражданского "агрегатного состояния" в военное. В Рыбинске мы сделали еще один шаг на этом пути. Очень важный шаг: получили личное боевое оружие. Теперь как будто все? Не правда ли?

Оказывается, не все. Говорят, для полной экипировки солдата-фронтовика требуется еще одна, небольшая по размерам, но очень важная вещица.

Итак, получаем личные медальоны. В них вкладываются крохотные листки бумаги с самыми необходимыми данными: фамилия, имя, отчество, звание, воинская часть (полевая почта), адрес семьи. На тот случай, если...

Происхождение названия этой вещицы, наводящей на грустные размышления, нам не совсем понятно. Видимо, она действительно бывает или бывала в форме медальона. Мы же получили небольшие пластмассовые цилиндрики с завинчивающейся крышкой. На шею их не подвешиваем, будем носить в кармане гимнастерки.

- Вот теперь мне ясно, что не на шаньги к теще еду, - сказал Философ, пряча свой медальон в кармашек гимнастерки.

- А ведь очень удобная хреновника! - сообразил Гриша-Итальянец. - Гляньте, хлопцы, как ее можно приспособить...

Пьянков вытащил несколько приколотых к ушанке иголок и вложил их в медальон. Его примеру последовали и некоторые другие лыжбатовцы.

Чтобы использовать личный медальон в качестве игольника, не надо было обладать особой сообразительностью. На эту мысль наталкивали и размеры и форма медальона. Таких фронтовиков, как наш Гриша Итальянец, немало находилось и в других воинских частях. Однако много спустя оказалось, что в данном случае солдатская смекалка была недальновидной.

...После войны прошли десятиия... Вот красные следопыты нашли братскую могилу, пытаются установить личности павших. Документы давным-давно истлели. Хорошо, если при останках оказываются личные медальоны. Но и они далеко не всегда сберегают от времени крохотные листки. А уж если в медальоне было такое инородное вложение, как иголка, никакой надежды прочитать что-либо не остается. Ржавчина обязательно переедает сталь, а заодно и бумагу. Следопытам с болью в сердце приходится вести скорбный счет: неизвестный, неизвестный, неизвестный...

Приобретаю "молитвенник"

А я даже после получения автомата и медальона полной боевой готовности не испытываю. Предстоящие встречи с военнопленными меня пугают больше, чем танковые атаки, минометные обстрелы и бомбежки. До зарезу нужны пособия по немецкому языку и в первую очередь немецко-русский словарь.

Получил увольнительную в город, ,хожу по книжным магазинам. Учебники пчеловодства и кролиководства, брошюры о выращивании тюльпанов и шампиньонов, чувашско-русские, татарско-русские и прочие словари... А все, имеющее отношение к Германии, по словам продавщиц, стало острым дефицитом в первые дни войны.

Как же быть? Словари на городской толкучке вряд ли продаются. И опасно там появляться в военной форме, можно нарваться на комендантский патруль. Смотрю вывеска: десятиняя школа номер такой-то. Эх, была не была, зайду!

Директор и завуч, обе женщины, помочь за счет школьных резервов не смогли. Но дали домашний адрес учительницы немецкого языка. У старушки оказался лишним только небольшой карманный словарик, притом русско-немецкий. Пришлось довольствоваться и такой скромной добычей.

К этому походу в город я заранее подготовился: сэкономил немного .сахара и хлеба. Учительница вполне удовворилась таким натуральным обменом.

Вернувшись в казарму, первым делом сшил для драгоценной книжицы матерчатый футляр. В свободные минуты листаю словарик, выписываю слова на отдельные листки, заучиваю наизусть. Охочусь за военными терминами. К сожалению, их

почти нет.

Ребята мой словарик прозвали "молитвенником", а меня - баптистом. Некоторые, что пограмотнее, удивляются: как можно читать словарь? Дескать, скука смертная! А я ссылаюсь на свидетельство Крупской. В своих воспоминаниях Надежда Константиновна рассказывает, что Владимир Ильич мог часами читать иностранные словари и делал это с увлечением.

Опять Одинцов!

В Рыбинске в нашем батальоне случилось два ЧП - малое и большое. Начнем с малого.

Опять подвел сержант Одинцов. Послали его по какому-то делу в город. По пути он завернул на толкучку и выменял там на брусок сала бутылку самогонки. На этой операции его застукал комендантский патруль.

Сержант нарушил приказ начальника гарнизона: появился в запретном для военнослужащего месте. Но главное, его заподозрили в хищении продуктов из солдатского котла. Однако расследование показало, что Одинцов променял собственное сало. Нургалиев и Гаренских выступили свидетелями: брусок сала еще в запасном привезла из дому жена сержанта.

Если бы подозрение подтвердилось, Одинцов попал бы под трибунал. А так дело ограничилось гарнизонной гауптвахтой. Однако и под арестом любитель самогонки отсидел только полсрока. Когда нашему батальону пришла пора ехать дальше, по ходатайству комбата сержанта выпустили досрочно.

Наше батальонное начальство никаких организационных выводов из этого случая не сделало, хотя он на счету Одинцова не первый. И комбат и особенно комроты Науменко не хотят терять расторопного и в практических делах опытного младшего командира. И у многих бойцов похождения сержанта пока что особого осуждения не вызывают. Дескать, менял свое, не краденое. Большинство наших лыжбатовцев до призыва "робили" на физически трудных работах, под открытым небом. В сильные холода спиртное для них было составной частью рациона. Трехмесячный пост в запасном полку некоторым дался нелегко. Поэтому к попытке сержанта раздобыть самогон они отнеслись понимающе, а к его неудаче сочувственно.

К амурным шашням Одинцова отношение со стороны большинства лыжбатовцев более взыскательное. Но и тут у него нашлись защитники. Завел себе деваху? Ничего страшного, коли жена далеко.

Похождения нашего батальонного донжуана и поклонника Бахуса обсудило в узком кругу и наше трио. Нам он показался характерным представителем особой категории военнослужащих.

Фунин. Для .любителей выпить в армии возникают дополнительные трудности. Вот они и начинают всячески выкручиваться и комбинировать.

Я. Мне, почти не пьющему, трудно понять таких людей. Могу сравнивать себя с ними только косвенно. Я большой любитель художественной литературы, можно сказать, книжный алкоголик. Но вот наступили трудные времена: уже полгода не имею возможности взять в руки Багрицкого, Паустовского, Гюго... И - ничего, терплю. Жду, надеюсь на лучшие .времена. Останусь жив, так после войны наверстаю.

Федоров. Говоришь, после войны... Нет, Одинцов не таков, чтобы личные удовольствия откладывать на после! Присмотритесь, какие настроения у подавляющего большинства наших лыжбатовцев. Они готовы отказаться от любых благ мирного времени, пойти на любые лишения во имя будущей победы. Да и вся страна живет такими настроениями. А одинцовы и в такой, грозный для всех нас час норовят урвать для себя лакомый кусочек. Он, видите ли, без баб, без водки и трех дней не может вытерпеть.

Фунин. Но и со Стуколкиным его никак не сравнишь. Тот - единоличник, симулянт, его все время тащим на буксире. А Одинцов - общительный, исполнительный, инициативный...

Федоров. И все же я не доверяю таким людям. Хорошо, сегодня Одинцов понес на барахолку свой кусок сала. Теперь в его "сидоре" домашних запасов не осталось. Что же этот распущенный человек с его неуемными желаниями выпить и развлечься станет делать дальше? Я почти не сомневаюсь: если Одинцову представится возможность, он начнет выменивать водку на солдатские продукты.

Мы еще поговорили об Одинцове, немного поспорили. И в конце концов пришли к такому выводу: будущее покажет. Скоро каждому из нас придется держать серьезнейший экзамен.

Тайна семи лиственниц

Пропал Яков Стуколкин. По увольнительной в город его не отпускали, в наряд не посылали. За обедом был, а к ужину спохватились - исчез.

Обшарили чердаки и подвалы, расспросили соседей из 173-го и 174-го ОЛБ, обыскали весь военный городок, позвонили в гарнизонную комендатуру... Нигде нет, как сквозь землю провалился.

Комбат решил: если к утру Стуколкин не найдется, придется считать его дезертиром и в установленном порядке объявить розыск. Однако к завтраку Стуколкин явился сам. Но в каком виде! Пьяный, с опухшей физиономией и, главное, не в своем обмундировании, а в какой-то невообразимой рвани. Горьковские босяки рядом с ним выглядели бы франтами.

Пока Стуколкина не забрали на допрос, неофициальный разговор с ним состоялся в роте. Свой странный маскарад он объяснил нам так:

- Иду, это, я из уборной в казарму и вижу: двое гражданских в черных комбинезонах топают. У одного моток проволоки на плечо одет. Похоже, электромонтеры. Тот, который ,без мотка, и говорит мне:

"Что, на фронт собрался?"

"Не сам собрался, меня собрали", - отвечаю ему.

"Может статься, как приедешь туда, так тебя сразу и накроет".

"Может .статься, - отвечаю. - А тебе какое дело?"

"Жалко нам тебя, друг ситный, - говорит с мотком. - Если хочешь, проводы тебе устроим. Мы сегодня целую литру самогонки у одной тетки нацедили. Давай за компанию навалимся на нее..."

- А мне чо? Почему бы на дармовинку не выпить? Может, и правда, последние дни на божьем свете живу. Завели они меня, сам ,не знаю куда. С двух сторон угощают. А мне чо? Почему не выпить да копченой колбасой не закусить?

...Опрокидывали, опрокидывали стаканчики, пока я сам не опрокинулся. Когда проснулся да огляделся округ - моих угощателей и в помине нет. Какая-то старуха вон гонит. "Выметайся, - говорит, - пока милицию не позвала". Глядь на себя - как беглый каторжник с Нерчинского рудника. Ничего не скажешь, ловко обработали меня, мошенники! Крепко уму-разуму научили!

История, рассказанная Стуколкиным, ничуть не оправдывает его в наших глазах, но выглядит довольно правдоподобно. Очень уж искренне звучала его исповедь. Но тут вмешался Вася Воскобойников. Он подбежал к "пострадавшему" и с негодованием стал бросать ему в лицо:

- Однако ты - последняя сволочь, Яков! Теперь уж я тебя не стану покрывать. Всю правду лейтенанту и комиссару расскажу.

Стуколкин заметно растерялся, но тут же захорохорился:

- А чо ты про меня сможешь начальству наклепать? Наши прошлые разговоры с тобой - сами по себе, и то, как меня жулики обобрали, к ним не касаются. А коли про всякое прочее проболтаешься, так попомни, Василий, ты нерушимое слово дал. Не сдержишь его, так на себя пеняй!

- То нерушимое слово уже никакой силы не имеет, - возразил Философ. После него я иное, более крепкое нерушимое слово дал - военную присягу принял. И ты рядом со мной стоял, вместе со всеми повторял: я, гражданин Советского Союза... Оказывается, никакой ты не гражданин, а прохиндей, паразит несчастный! Ежели меня вызовут в свидетели, я все как на духу выложу.

Философ удивил нас своими обличительными способностями и красноречием. И до этого он говорил складно, но коротко. А сегодня вон как , разошелся! И конечно же, всех нас заинтриговали загадочные намеки в перепалке между Воскобойниковым и Стуколкиным. Что за таинственное "нерушимое слово" давал Василий? По какому поводу? Но нам пришлось потерпеть еще часа два: Стуколкина, Воскобойникова и

наше ротное начальство вызвали в штаб батальона.

В роту Стуколкин больше не вернулся. Его тайна в изложении Воскобойникова выглядит так.

Стуколкин - старатель-единоличник, одержимый манией золотоискательства. Лет десять назад какой-то таежный бродяга, умирая, рассказал ему о "могутной золотой жиле", на которую якобы недавно натолкнулся. Сам разработать ее не успел из-за преклонных и болезни. И вот с тех пор Стуколкин каждое о искал заветный клад, местонахождение которого старик описал очень приблизительно. Основным ориентиром должна была послужить группа из семи лиственниц, растущих в глубоком распадке.

Скорее всего, рассказ старика о "могутной золотой жиле" - одна из легенд, которые до сих пор ходят по Уралу и Сибири. Но она полностью захватила Стуколкина. Летом сорок первого ему показалось, будто цель уже близка: нашел наконец распадок, очень похожий на тот, который описывал умирающий бродяга, нашел семь кучно растущих огромных лиственниц.

На беду у Стуколкина кончились все продукты, вдобавок сломалась лопата. Когда он из глухой тайги пришел на короткую побывку домой, то узнал, что его призывают в армию.

Дезертировать Стуколкин не отважился, за такие дела и под расстрел угодить можно. Но твердо решил любым способом открутиться от посылки на фронт. Он не мог смириться с таким очень возможным вариантом: его убьют, а сокровища так и останутся лежать в земле где-то вблизи семи лиственниц.

Завещать же тайну другому Стуколкин тоже никак не хотел. У него не было ни жены, ни друзей. И вообще, такого индивидуалиста никак не устраивало, чтобы после его смерти золотой жилой воспользовался кто-то другой.

Первую попытку "открутиться" Стуколкин сделал по пути в запасной: симулировал острый приступ язвы. Номер не прошел, симулянта разоблачили. Сблизившись с Воскобойниковым, Стуколкин стал подбивать его: "Сотворим что-нибудь такое, чтоб на трояк потянуло. Пока срок отбудем, и войне конец. Сразу же после отсидки двинем к семи лиственницам. Теперь дело - верняк, бери лопату и загребай золото".

Сомнительные сокровища Философа не соблазнили. Он всячески отговаривал Стуколкина от его рискованной затеи, советовал ему положиться на волю судьбы. Ведь не всех подряд убивают на фронте. И Воскобойникову показалось, будто одержимый золотоискатель смирился, внял здравому рассудку. Оказывается - нет, решил действовать в одиночку. Свое обмундирование пропил умышленно. Видимо, прикинул: такое преступление "больше чем на трояк не потянет".

В нашей роте, да и во всем батальоне, стали горячо обсуждать происшествие, стали спорить. Что будет дальше? А вдруг Стуколкина опять вернут в 172-й? Но такой вариант мало кто считал вероятным. Большинство сходилось на том, что такого типа посылать на фронт, тем более в составе лыжбата, очень рискованно. Философ свое мнение высказал так:

- Когда вяжут и готовят в дальнюю дорогу плот, то явный гнилой топляк на такое дело ли в коем разе не берут.

Особенно темпераментно реагировал Муса Нургалиев. На него "накатил" приступ уже знакомого нам бешеного гнева.

- Выходит ,так... Выходит так... У меня трое детей, а у него - ни одного. И я все-таки еду воевать, а он золото копать хочет. Зачем золото? Кому золото? В свой карман положить хочет. Пусть он только явится в роту! Я ему до суда свой трибунал устрою!

Итак, скорее всего Стуколкина будет судить военный трибунал. В таком случае сколько ему дадут? Если небольшой срок, тогда получится, что негодяй добился своей цели. Нет, такому мерзавцу надо влепить покрепче! Лучше всего сделать так: дать ему на фронте под строгим надзором понюхать в обе ноздри пороху. А после войны, коли останется жив, послать на отсидку.

Одним словом, все были настроены единодушно: комбинатор должен оказаться в полном проигрыше. Если бы нам сказали тогда, что Стуколкина направят в штрафную роту, все были бы полностью удовворены. Но о такой мере наказания почему-то никто не упоминал. Возможно, в начале сорок второго штрафных подразделений еще не было.

Скоро мы опять погрузились в эшелон и поехали дальше. О нарушении Стуколкиным военной присяги политработники провели в подразделениях специальные беседы. Нас заверили, что "трояком" дело никак не ограничится. Тут скорее пахнет высшей мерой.

Трибунальцы пообещали сообщить о приговоре в 172-й. Но мы так и не дождались этого сообщения. Прибыв на фронт, сразу попали в такую заваруху, что большую часть времени оказывались вне досягаемости полевой почты.

Нюхнули пороху

В эшелон погрузились 29 января. Из-за сильного морова дверь полностью закрыта. Лежащие у верхних окошек стараются "засечь" названия станций. Не ради праздного любопытства. Сейчас должен выясниться чрезвычайно важный вопрос: в какую сторону едем?

К Москве или к Ленинграду? До сих пор этого не знаем.

Наконец успели заметить: Юринский. Теплушка шумно

заговорила: кто-то утверждал, будто эта станция на линии Рыбинск - Сонково - Бологое. Значит, едем к Ленинграду!

Так оно и оказалось. Эшелон движется значительно быстрее, чем в первую половину пути. Но все же на крупных станциях - Волга, Родионово, Бежецк, Макса-тиха, Удомля - стояли на запасных путях по нескольку часов. А на узловой станции Сонково загнали в тупик почти на сутки. Правда, здесь нас основательно покормили, не хуже, чей на станции Буй.

Все чаще видим следы бомбежек. Полуразрушенные или полностью разрушенные станционные здания, недавно сколоченные дощатые бараки для биных касс И залов ожидания, торчащие из окон жестяные трубы-дымоходы, изуродованные кроны деревьев... На перегонах попадаются сброшенные под откос разбитые вагоны, платформы, бензоцистерны, автомашины, полевые кухни...

После Рыбинска обстановка в эшелоне стала более строгой, заметно приблизилась к фронтовой. Рассказывать случайным знакомым, даже военнослужащим, о том, откуда едем, называть род войск, номер батальона строго-настрого запрещается. Военная тайна! Эшелону Присвоен шифрованный номер. Его нам сообщили на тот крайне нежелательный случай, если кто-либо отстанет. Догнать свою часть поможет дежурный по станции или военный комендант.

Командный состав и политработники имеют временные условные номера. Во время остановок вдоль состава то и дело пробегает дежурный, объявляя, каким номерам следует явиться к Десятому, то есть к начальнику эшелона.

Возвратившись с совещания у Десятого, лейтенант Науменко зачитывает нам очередные приказы.

"Всякую беспричинную стрельбу из личного оружия и использование гранат считать пособничеством врагу".

Поводом для этого приказа послужил случай в 173-м. У какого-то страстного охотника взыграло ретивое. Завидев на деревьях стаю ворон, он дал по ним очередь из автомата.

"Начиная с сегодняшней ночи, все подразделения держать в полной готовности".

Это значит, спим не раздеваясь и не разуваясь. Можно только ослабить ремни и расстегнуть воротники.

"По сигналу "тревога" каждый боец берет ,с собой только личное оружие и боеприпасы. Остальные вещи остаются на месте".

"При объявлении тревоги вменить в обязанность дневальным залить огонь в печке, для чего иметь полведра воды на каждую печь".

"Начиная с 17.00 установить дежурство среднего комсостава у зенитных установок".

В ночь со 2 на 3 февраля прибыли на очень большую станцию. Множество путей, скопление десятков эшелонов. Предположительно - Бологое. Давно пора!

Началось маневрирование. Невидимые для нас диспетчер и машинист решают только им понятную задачу-многоходку: водят наш эшелон по огромному, погруженному в кромешную тьму лабиринту.

Эшелон часто останавливается, машинист ждет очередной команды диспетчера, пропускает впереди себя другие составы. Наш вагон так дружно храпит, будто под управлением дирижера исполняет богатырскую симфонию на духовых инструментах.

Партию мажорно начинает фанфара ротного запевалы Семена Белых, терцией ниже подхватывает кларнет Философа, пасторально ведет свою партию гобой Фунина, замысловатые рулады выводит флейта Гриши Итальянца, модно по-джазовски, с каскадными взвизгами саксофонит Одинцов, утробно гудит геликон-контрабас Авенира Двухэтажного...

Бодрствуют немногие. Это, прежде всего, дневальные - Муса и Вахоня. Они сидят возле дечурки на низких чурбаках и подбрасывают в огонь мелко наколотые поленья-коротышки. Шепотом толкуют о чем-то.

А некоторые солдаты не спят не по долгу службы, а просто так. Не спится, думы одолевают. О доме, о семье, о предстоящих фронтовых испытаниях. Проснулся и я.

Попытался задремать опять, но безуспешно...

Эшелон на малой скорости пересчитывает стрелки. Извне доносятся гудки маневровых паровозов, команды диспетчера, перестук колес, лязг буферов, гулкий скрип промерзшей вагонной обшивки...

Но вот среди хаоса этих звуков откуда-то наплывают женские и детские голоса, они все громче и громче. Затем опять уплывают и полностью затихают. Это наш эшелон разминулся с эшелоном эвакуированных.

Вдруг послышались частые тревожные удары в колокол. Сразу же зачастили зенитки, застрочили пулеметы. Муса крикнул: "Воздушная тревога!" Вахоня залил огонь в печурке. Для того, чтобы выающие из трубы искры не демаскировали состав. Затем они вдвоем бросились к выходу. Но пристывшая дверь поддалась лишь после того, как в нее несколько раз крепко бухнули сапогом.

Эшелон остановился. Немного приоткрыли дверь. Во-первых, для того, чтобы проветрить вагон: от залитых головешек валит

густой едкий дым. В горле сильно першит, многие натужно кашляют. Приоткрыли дверь еще и затем, чтобы лучше поддерживать связь с начальником эшелона и соседними вагонами.

Вот от головы к хвосту состава бежит дежурный, старшина Боруля, и предупреждает: "Без команды из вагонов не вылезать. В любой момент можем поехать дальше".

Да, при такой ситуации выскакивать из вагонов и рассредоточиваться опаснее, чем оставаться на месте. Куда ни глянешь - эшелоны, эшелоны и эшелоны.

Толстая дверь - довольно солидная защита от пуль и мелких осколков. Поэтому ее отодвинули не до отказа, а на одну треть. У щели стоят лейтенант Науменко, командиры взводов, старшина Кокоулин, дневальные. За ними, вокруг чадящей печки, толпятся бойцы с нижних нар. Нам, верховикам, по регламенту надлежит дока оставаться на своих местах. Внизу на пятачке Одновременно всем не поместиться.

Лежу с автоматом в руках. В карманах шинели запасные магазины-рожки и словарик. Я его приравниваю к боеприпасам, в "сидоре" не оставляю.

На мое место у окошка никто не претендует: из него тянет холодом. Особенно во время движения поезда. А меня оно вполне устраивает, здесь я могу заниматься немецким языком. Сейчас же у меня еще одно преимущество перед соседями: наблюдаю за тем, что происходит за пределами вагона.

Противовоздушная оборона станции довольно мощная. Количество зениток определить трудно, а прожекторы - вот они, все на виду. С моей стороны шесть. Мощные лучи торопливо обшаривают небо. Они то упираются в тучи и тогда видны особенно явственно, то соскальзывают с них и теряются в беспредельной тьме ночного неба.

Вот двум лучам удалось поймать на перекрестие вражеский само алюминиево-светлую стрекозу. Мгновенно в ту же точку нацелился еще один луч и еще один. Само маневрирует: переходит на зигзагообразный "по моли", делая крутые виражи. Вокруг него вспыхивают небольшие облачки от разрывов зенитных снарядов.

"Стрекозе" удалось соскользнуть с перекрестия и лучи разошлись в разные стороны, торопливо ищут пропажу. Мое внимание привлекает другое: появились женщины и дети. Одни бегут по междупутьям, другие выбираются из-под соседнего эшелона и ныряют под наш. Почему они оставили свои вагоны? Разбомбило их, что ли? Или это результат паники? Разве в этом лабиринте найдешь безопасное место! Так можно погибнуть не

только от бомбы, но и под колесами вагонов.

Невольно вспоминаю старшину Борулю. Каково ему видеть этих мечущихся по путям женщин и детей! Ведь он сейчас обязательно вглядывается, ищет своих.

Резкий нарастающий визг и серия разрывов. Но бомбы упали где-то в отдаленном углу станции. Еще заход, опять леденящее кровь завывание. Меня с силой вжало в нары, затем подбросило вверх - будто волнами меняется гравитационное поле на этом участке земли. На этот раз бомбы упали где-то очень близко. Попав в мощную воздушную волну, наш вагон с шумом вздохнул, будто живое существо.

Еще несколько заходов... Бомбы падают подальше от нашего состава. Что-то крепко стукнулось о крышу вагона.

- Что это? Пуля? - спрашивает мой сосед Федоров.

- Не похоже, - отвечаю тоном знатока. - И самоы в данную минуту над нами не проали, и звук иной. Что-то со звоном брякнуло - видимо, упал осколок от зенитного снаряда.

Из темноты вынырнула цепочка людей. Впереди шагает железнодорожник, в руках у него фонарь особой конструкции: из-под длинного козырька вырывается лучик синего цвета. За провожатым следует несколько санитарных носилок. Раздаются стоны, слышен судорожный женский плач.

Старшина Кокоулин спрашивает у железнодорожника:

- Наш эшелон впереди цел?

- Ваш-то цел. А в соседнем, гражданском, два вагона разнесло.

- До следующей большой станции далеко?

- Через три километра - Бологое.

- Как - Бологое? А это что за станция?

- Это пока Медведеве, на рыбинской ветке.

Вот те и на! Ведь весь наш вагон был уверен, что мы добрались уже до Бологого. Это плохо! Значит, в Бологом нам предстоит еще один сабантуй. Нас в Рыбинске предупреждали: если поедете через эту узловую станцию, без бомбежки ее не проскочить.

Отбой воздушной тревоги. Тут мы все почувствовали, как сильно остыл вагон. Муса и Вахоня опять затапливают печку. Наш эшелон тронул с места, чтобы закончить наконец маневрирование и выбраться из медведевского лабиринта.

После сильного напряжения нервов наступает разрядка. Вагон полнится возбужденными разговорами, шутками.

- Вот и понюхали пороху! - говорит Итальянец таким радостным тоном, будто ему впервые довелось испробовать какую-то редкостную марку коньяка.

- Пока не понюхали, а только малость нюхнули, - уточняет Философ.

На станции Березайка

На станции Бологое я и Федоров сменили постовых на открытой платформе. Охраняем ротное и батальонное имущество: несколько саней и походную кухню, ящики с боеприпасами, связки запасных лыж, мешки с овсом и обмундированием, лежащие штабелем тюки прессованного сена.

Тихая морозная ночь. Но во время движения студеный ветер обжигает лицо. Мы спрятались от него в затишке между мешками и тюками. Глаза свыклись с темнотой. Ночь безлунная, в просветах между тучами по-зимнему ярко мерцают звезды. А на земле - ни огонька, затемнение на десятки и сотни, на тысячи километров.

- Даже во время Батыева нашествия на Руси по ночам горели походные и сигнальные костры, - задумчиво говорит Дмитрий Михайлович. - А сейчас... Хотя бы волчьи глаза во тьме кромешной засветились!

- Приедем на фронт, там насмотримся на огни, - отвечаю ему. - Боруля рассказывает, немцы ночи напро ракеты в небо пускают.

- Там будет и другая иллюминация: в прифронтовой полосе немцы вовсю жгут наши селения.

В этом разговоре мы не учли еще одной разновидности иллюминаций. И очень скоро немец преподал нам урок.

В Бологом наш состав выбрался на основную магистраль Москва - Ленинград. Первая крупная станция после Бологого - Березайка. До этой памятной ночи я был убежден, что такой станции на самом деле не существует. Считал, что она выдумана для рифмы, чтобы складно получалось в широко известной шутке-балагурке: "Станция Березайка, кому надо, вылезай-ка!" Оказывается, есть такая.

Прочитать название станции нам помогло неожиданное обстоятельство. В тот момент, когда мы напряженно вглядывались в темноту, вдруг стало светло. Даже слишком светло! Глянув вверх, мы увидели в небе десятка полтора медленно плывущих на парашютиках ярких огней. Немцы повесили над станцией так называемые "фонари". Из-за грохота нашего и соседних эшелонов мы не расслышали гула приближающихся фашистских самоов.

На этот раз Березайке досталось мало. Самоы покружились где-то высоко, затем снизились, на бреющем пое обстреляли эшелоны и восвояси убрались на запад.

- Как это понять? - говорю своему напарнику. - Возможно, они отбомбились где-то восточнее и в Березайку заглянули на

обратном пути, уже без бомб на борту...

Дмитрий Михайлович молчит, видимо, обдумывает мою гипотезу.

- Хуже, если это была разведка, - выдвигаю другое предположение. - Тогда в ближайшее время нагрянут бомбардировщики. Скорее бы проскочить эту Березайку!

Дмитрий Михайлович снова не отзывается. И поза у него какая-то странная: сидя на тюке сена, накренился набок. Меня пронзает страшное подозрение.

- Дмитрий Михайлович! - трясу его за плечо.

Сбрасываю варежки, ощупываю лицо и каску Федорова. Расстегиваю шинель, ватник и, добравшись до гимнастерки, натыкаюсь руками на теплое и липкое. Кровь!

Признаться, я здорово растерялся. Как перевязывать раненого бинтом из индивидуального пакета, я теоретически, конечно, знал. Но на мою голову сразу свалилось слишком сложное испытание. Тридцатиградусный мороз, темно, на Федорове уйма одежды. Как в такой обстановке к нему подступиться? Пока буду копаться, эшелон может пойти дальше, и я на неопределенное время останусь с раненым один на один.

Короче, я позвал на помощь. Рана Федорова оказалась смертельной. Тело его оставили военному коменданту Березайки. Впрочем, категорически утверждать не буду. Возможно, это сделали на одной из последующих станций. Принять участие в похоронах мы, однополчане, не имели возможности.

Меня, сменили на посту. В теплушке пришлось подробно и не один раз рассказать о том, как погиб Федоров, - и командиру роты, и политруку, и товарищам по взводу. Затем забрался на свою верхотуру и попытался уснуть. Но сон не приходил очень долго. Все думалось, думалось и думалось...

Первая смерть друга-однополчанина, который погиб рядом со мной, потрясла меня. Притом такая нелепая смерть: Дмитрий Михайлович не доехал до фронта, не принял участия ни в одном бою.

И опять - в который уже раз!. - вспоминаю капитана и писаря из Невьянского военкомата. Опять раздумываю о роли случайности во время войны. Вычеркнули бы Федорова из списка, и он сейчас учился бы на курсах политработников. А после выпуска его судьба, возможно, сложилась бы удачнее.

Ладно, допустим, Федоров уехал бы тогда на курсы. Как бы в таком случае развивались события здесь?

Меня назначили бы с другим напарником? И того поразила бы вражеская пуля вместо Федорова?

Вряд ли. Мой напарник мог присесть на соседний тюк сена.

Но тогда на роковом тюке мог оказаться я... Вполне возможен и такой вариант.

Нет, скорее всего на пост назначили бы иную пару. Я оказался вместе с Федоровым потому, что комроты и старшина хорошо знают о нашей дружбе.

Так я и уснул, окончательно запутавшись во множестве предположений и различных вариантов. Не разобрался в них и в последующие дни. Университетский курс теории вероятностей ни капельки не помог мне.

Итак, первое скорбное извещение штаб 172-го ОЛБ отправил на далекий Урал еще до нашего прибытия на фронт.

Авиасабантуй первой категории

Видимо, начальник эшелона и комбаты не знали, на какой станции будем выгружаться. А если и знали, то не представляли себе, какая там обстановка. Во всяком случае, нам заранее подъема не устроили, о скорой предстоящей выгрузке подразделения не предупредили.

5 февраля. Только-только занимается позднее февральское утро. Подъезжаем к Малой Вишере. Мы ведем себя довольно беспечно: бреемся, кипятим на раскаленной до малиновой красноты печке воду, готовимся к завтраку.

Вахоня и Философ делят хлеб и колотый кусковой сахар. Пайки того и другого разложены на трех новых портянках. Вахоня, указывая вразброс рукой на кучки и ломти, спрашивает: "Кому?" Философ, отвернувшись и зажмурив глаза, отвечает: Фунину, Сеньке Белых, старшине, Мусе...

Голова состава остановилась как раз напротив вокзала, полуразбитого одноэтажного здания. Военный комендант ввел наше начальство в курс дела. Эшелон ждали ночью, он опоздал на несколько часов. А теперь самое опасное время: каждое утро немцы бомбят станцию. Немедленно выгружайтесь! Уводите людей вправо и влево от станции.

И вот уже минуты две спустя бежит вдоль состава дежурный и передает команду:

- Тревога! Срочная полная выгрузка! Хозяйству Касаткина собираться в районе разбитых каменных домов справа по ходу эшелона.

Тревога! У одного осталась недобритая щека, у другого - подбородок. Кто успел получить, торопливо заталкивает в "сидор" хлеб и сахар. Тревога! Надеваем подшлемники, ушанки и шлемы. Застегиваем ремни. Маскхалаты пока лежат в вещмешках. Тревога! Жаль, но ничего не поделаешь: выплескиваем кипяток в печку. Да, не забыть бы противогаз! В одной руке автомат, в другой - лыжи. В отличие от пехотинцев, мы, лыжники, -

"двоеженцы". Тревога! Выпрыгиваем из вагона и мчимся по направлению к указанному ориентиру.

Не успели еще выбраться из полосы железнодорожных путей, как из-за леса на небольшой высоте вынырнули фашистские стервятники. Несмотря на сильный зенитный огонь, "юнкерсы" навалились на скопление эшелонов. И в первую очередь на наш, только что прибывший.

Прижимаясь к станционным зданиям и заборам, добираемся до указанной группы домов. Фактически домов уже нет: ни крыш, ни потолков, одни каменные коробки. Рассредоточиваемся между развалинами и соседними уцелевшими домишками. Теперь наше внимание приковано к эшелону.

Мы, ничем не обремененные, умотались быстро. А хозяйственники и дежурные взводы, которым поручено помочь выгружать имущество, застряли. Не успели перебросить в безопасное место мешки и ящики, замешкались с выводом лошадей. Дело осложняется тем, что перепуганные животные мечутся, встают на дыбы, боятся вступить на сходни. Даже издали видно, что уже есть жертвы. Одни бойцы выводят лошадей, другие выносят убитых или раненых товарищей.

Небо ясное, фашистские самоы со стороны видны как на экране. Заходы на бомбежку делают тройками, шестерками и девятками. А всех их, пожалуй, не меньше тридцати. Впервые так отчетливо наблюдаю падение авиабомб. Не раз встречал в литературе сравнение: "От самоов одна за другой отделяются черные капли бомб". Речь шла о крупных бомбах грушевидной формы. Сегодня "юнкерсы" бомбят Малую Вишеру мелкими цилиндрическими, похожими на огнетушитель "Богатырь". Они вываливаются из чрева "юнкерса" по нескольку и поначалу ят как попало, некоторые даже кувыркаются. Но скоро подчиняются стабилизатору, принимают вертикальное положение и с кровожадным воем устремляются вниз.

Одна такая бомба угодила в наш вагон с продуктами. Высоко вверх взметнулся фонтан из муки, крупы, соли и сушеной рыбы.

Появилось несколько наших истребителей. Несмотря на явное меньшинство, они смело ринулись в атаку. Однако "юнкерсы" не одни, они под охраной "мессершмиттов", которые кружат повыше. Завязался жаркий воздушный бой, началась такая кутерьма, что трудно разобрать, где наши и где немцы. Один "юнкерс" загорелся и, оставляя за собой длинный шлейф дыма, скрылся за лесом.

Поразила нас такая деталь. Еще не закончились бомбежка и воздушный бой, а на путях уже появились бойцы из каких-то тыловых подразделений - неказисто одетые, в обмотках и

ватниках. Следом за ними из развалин вынырнули железнодорожники и другие местные жители. Они энергично оттаскивают убитых лошадей в более или менее безопасное место, тут же свежуют туши и делят мясо между собой. Некоторые женщины, поглядывая вверх, опытным взглядом оценивают воздушную обстановку и, улучив удобную минуту, делают стремительный бросок вперед, чтобы собрать в подолы и сумки разбросанную взрывом рыбу. Эта картина всем нам показалась очень поучительной.

- Ну и смельчаки! - говорит мне Фунин, имея в виду предприимчивых маловишерцев. - Нам, необстрелянным новичкам, кажется, будто происходит нечто из ряда вон выходящее. А им - хоть бы что, для них это будни.

На закончился, отбой воздушной тревоги. Появляется представитель начальника местного гарнизона - заметно хромающий старшина. Куда-то ведет нас. Идем без строя, мелкими группами и цепочками, стараемся не вылезать на середину улиц. Каменных зданий мало, преимущественно деревянные дома и домики, характерные для северных городов России. Часто попадаются свежие и уже запорошенные снегом пожарища.

Наших спутников по эшелону, 173-го и 174-го ОЛБ, не видно. Мы их больше и не увидим. Наши фронтовые лыжни от Малой Вишеры пойдут по разным направлениям.

Хромой старшина привел нас к группе полуразрушенных нежилых домов. Особых удобств здесь нет, но некоторые печи исправны, так что можно вскипятить воду для завтрака.

- Вы тут, ребята, без надобности не митуситесь вокруг домов, - посоветовал наш проводник... - А то наблюдатель живо засекет сверху и вызовет авиацию.

Нашему взводу достались две просторные комнаты без окон и дверей, но с печкой и исправным дымоходом. Только мы расположились, затопили печь, смотрим - Вахоня и Философ раскладывают на портянки остатки хлеба и сахара. Вот молодцы! Не растерялись, не оставили в вагоне в момент выгрузки по боевой тревоге. А теперь и хлеб и сахар ой как пригодятся.

Опять пошла в ход солдатская дележка. Кому? Салмину. Кому? Грише Пьянкову...

172-й ОЛБ выходит на старт

В Малой Вишере мы пробыли часов пять-шесть. В это время батальонное начальство выясняло дальнейшую судьбу 172-го ОЛБ в штабе Волховского фронта.

В роты какими-то путями просочились слухи, будто комбаты трех ОЛБ получили от командования фронтом крепкий нагоняй.

Во-первых, за то, что замешкались с выгрузкой эшелона. В результате - несколько человек раненых и убитых, потеряли половину лошадей, под бомбами погибла часть имущества, совсем немного осталось от недельного запаса продуктов, разбиты походные кухни.

Во-вторых, за то, что недостаточно умело и энергично спасали имущество и продукты. Оказывается, . мы не должны были оставаться в роли сторонних наблюдателей, а собирать разметанные по путям мешки с крупой и сахаром, рыбу, ящики с концентратами. Оказывается, нам самим следовало освежевать туши убитых лошадей и сдать мясо на солдатскую кухню. Чтобы не рисковать людьми, не обязательно было лезть на рожон в разгар бомбежки. Пока пройдет самая заваруха, надо было выставить на более или менее безопасном удалении вооруженную охрану.

Одним словом, и командиры и бойцы получили хороший урок на будущее! Нас без продуктов, конечно, не оставили, но выдали не по норме, а очень скудненько. Сказали, постарайтесь как можно скорее догнать свою дивизию - там вас поставят на полное фронтовое довольствие.

Пока наше начальство выясняло в штабе фронта маршрут батальона, пока выпрашивало у интендантов продукты, мы знакомились с обстановкой. Информацию получали из различных источников: от местных жителей, от солдат-тыловиков, от выздоравливающих из соседнего госпиталя, которые разбирали на дрова стоящую рядом с нашими домами разваленную хибарку. Одним словом, так называемый солдатский телеграф работал вовсю.

Мы узнали, что с 22 октября по 20 ноября в Малой Вишере хозяйничали немцы. Впервые видим населенный пункт, временно побывавший под пятой оккупантов, и нам трудно представить себе, что улицы этого старинного русского города совсем недавно топтали фашистские сапоги, что здесь раздавались команды на чужеземном языке.

Станция Чудово - сильно укрепленный район немцев, оттуда они чаще всего и совершают наы на Малую Вишеру. До Чудова всего сорок километров.

В середине января Волховский фронт перешел в наступление. 2-я ударная, созданная на базе 26-й армии, форсировала Волхов, прорвала полосу укреплений вдоль железной дороги Новгород - Чудово и с тяжелыми боями пробивается по направлению к станции Любань. Справа ее поддерживает 59-я армия, слева - 52-я. Навстречу 2-й ударной, тоже на Любань, наступает 54-я армия Ленинградского фронта. Когда произойдет встреча,

ленинградская блокада будет прорвана.

Пришел в третью роту комиссар Емельянов и провел полубеседу-полумитинг. Он в основном подтвердил все то, что мы уже узнали по солдатскому телеграфу. Но сообщил и кое-что новое. В Волховский фронт входит еще одна армия - 4-я. Она находится на самом правом фланге. Всем фронтом командует генерал армии Мерецков, а 2-й ударной - генерал-лейтенант Клыков.

Комиссар уже определенно сказал, что 172-й ОЛБ включен в состав 2-й ударной. Но на наши вопросы, к какой части, к какому соединению нас придадут, ответил уклончиво:

- Воевать будем вместе с очень прославленной дивизией. Она уже сражается далеко западнее Волхова. И ждет нас, мы там очень нужны. Так что через два-три часа встанем на лыжи и изо всех сил тоже двинем на запад, на выручку ленинградцам.

Под вечер из штаба лыжбата передали команду: в поход! Для соблюдения маскировки опять идем без строя, небольшими группами. Лыжи пока несем на плече.

Вышли за северо-западную околицу Малой Вишеры. Команда: "На лыжи ста-а-но-о-вись!" Застегивая крепления, я прислонился к огромной сосне. От этой маловишерской сосны и началась моя фронтовая лыжня - в прямом и переносном смысле.

Они забудутся не скоро,
Сраженья у Мясного Бора,
У Спасской Полисти, у Звонки,
На безымянном полустанке.
Анатолий Чивилихин.

Часть 3. Мясной Бор - Ольховка

Ночлег в две шеренги

Идем параллельно железной дороге на северо-запад, по направлению к Чудову. Сразу за Малой Вишерой на протяжении двух-трех километров то слева, то справа, то по обе стороны от лыжни тянутся замаскированные под деревьями штабеля ящиков, мешков, тюков прессованного сена, бочек, саней, волокуш и всякого прочего добра. Это продовольствие, боеприпасы, фураж, транспортные средства, сгруженные с эшелонов, ждут отправки в армии, в дивизии и бригады. Вдоль штабелей расхаживают утопающие в овчинных тулупах часовые.

За полночь подошли к станции Гряды. Здесь предстоит ночлег. Мы еще не отрешились от тыловой психологии: слово "ночлег" у нас по привычке ассоциируется с крышей над головой, с какими-то натопленными помещениями. Однако Гряды преподали нам первый практический урок фронтового быта.

От пристанционного поселка, не ахти какого большого и в

мирное время, ныне остались рожки да ножки. В немногие уцелевшие дома и избушки вход преграждают часовые. Из одного домика вышел на крыльцо капитан и разъяснил нам, лыжбатовским квартирьерам, ситуацию:

- Из-за частых наов авиации привалы и ночлег транзитных воинских частей вблизи станции и в поселке строго запрещаются. И никаких костров!

У одного из нас непроизвольно вырвалось недоуменное, наивно-тыловое:

- Вот так номер! И как же нам быть?

Капитан снисходительно улыбнулся.

- Сибиряки? - спросил он.

- Почти. Уральцы.

- Так я не стану вас учить, как устраиваться на ночлег, коли жилья нет. Сворачивайте в сторону, забирайтесь в лес и устраивайтесь, как у тещи на именинах.

- Это мы и сами сообразили бы. Но у нас времени в обрез. Пока доберемся до леса, пока будем канителиться с шалашами - опять на лыжи становись.

- Тогда возможен другой вариант. Сразу за станцией начинаются снегозащитные насаждения: по два ряда елочек слева и справа от дороги. На прошлой неделе какие-то смекалистые лыжники устроились между елочками на ночлег. Теперь в этой "гостинице" каждую ночь кто-то располагается.

Наш комбат предпочел второй вариант. И правда, "гостиничные номера" выглядят вполне приемлемо. Снег уже утоптан нашими предшественниками, кое-где настелены лапники, солома. Кроны елей, смыкаясь над головой, образуют подобие крыши. Правда, вмещаемся в узкое ложе только по два, поэтому батальон растянулся вдоль железной дороги на сотни метров.

Поужинав всухомятку, я и Фунин укладываемся, прижимаясь друг к другу спинами. Уже засыпая, слышу, как в соседнем "номере" кто-то рассуждает:

- Строиться в две шеренги - обучены, маршировать - тоже умеем. А вот ночевать в две шеренги - впервой приходится!

До подъема беспросыпно мало кто дотянул. Тридцатиградусный мороз крепко пробирал даже самых закаленных. Приходилось время от времени вылезать из своего убежища и делать зарядку.

В эту первую фронтовую ночь явственно обнаружились существенные недостатки нашего лыжного обмундирования. Для дальних переходов оно слишком громоздкое и даже чересчур теплое. А когда упаришься, Вспотеешь, то на привале или во

время сна под открытым небом от сильного мороза не может полностью защитить никакая утепленная одежда.

А какой выход? Одеть нас в легкие костюмы наподобие тех, в которых бегают лыжники-спортсмены? Так мы и двух-трех дней не выдержим, перемерзнем как цуцики. Дополнительное теплое обмундирование возить следом на санях? Но ведь мы должны действовать там, где трудно пройти пехоте, где не проехать на лошадях. Именно в этом назначение лыжников на фронте.

Я так и не знаю, было ли найдено более удачное решение этой задачи. В сорок втором все ОЛБ, действовавшие в составе 2-й ударной, - а их было около двух десятков, - воевали примерно в таком же обмундировании, как и наш лыжбат.

На войне, в пыли походной,
В ний зной и в холода,
Лучше нет простой, природной
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-подо льда,
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б вода.
Александр Твардовский
Жажда

6 февраля. После пятичасового ночлега под снегозащитными елочками отрываемся от железной дороги и поворачиваем на запад, к Волхову.

Пройдя несколько километров, завернули в соседний лес. Протоптанные в снежной целине широкие полосы привели нас к стоянке, которую идущие к фронту войска использовали, видимо, уже не раз. У некоторых старых кострищ остались даже заготовленные дрова.

Разводить костры днем не так опасно, как ночью. Чтоб не обнаружить себя, выбираем валежник посуше. Он сразу же занимается ярким пламенем.

Но вот беда: поблизости нет ни озера, ни реки, ручьи и родники промерзли насквозь. Растаиваем в котелках снег. Получается жидкость, которая явно недостойна называться водой. Она безвкусно-пресная, пахнет дымом и плохо утоляет жажду.

Проходим по сожженным и разбомбленным, разрушенным и растерзанным селениям. Папоротно, Первая Александровская Колония, Вторая... И здесь нет воды: маломощные сельские колодцы вычерпаны до дна.

Папоротно. У колодца толпятся бойцы различных родов

войск: конники и артиллеристы, пехота и лыжники. На стенках колодезного сруба нарос такой толстый слой наледи, что не проходит брезентовое кавалерийское ведерко. Мутную воду, наполовину смешанную с песком, достают подвешенным на телефонном проводе солдатским котелком.

Смекалистые "славяне" топором, финскими ножами откалывают от стенок куски льда и набивают ими котелки. Из такого льда получится полноценная колодезная вода.

Нелегко от недостатка воды людям, еще труднее приходится коням. Их немало в обозах пехотных частей, еще больше в артиллерии, в тыловых интендантских, транспортных службах. А теперь еще в прорыв устремился целый кавалерийский корпус генерала Гусева! Десятки тысяч людей и тысячи лошадей движутся к горловине прорыва в основном по одной и той же дороге, через одни и те же деревни. Ничего удивительного, что сельские колодцы вмиг оказались вычерпанными до дна.

Для тысяч лошадей в котелках снега не натаешь. Заботливые интенданты снабдили каждого конника-ГУ-севца брезентовыми ведерками. Но где и что черпать этими ведерками?

Кавалеристы, артиллеристы, повозочные из других родов войск выходят из положения так: используют встречные речки. В районе Александровских Колоний мы видели, как на Осьме и впадающей в нее Каменке у десятков прорубей гусевцы поили своих бравых друзей.

На берегу Волхова 15 янв. 1942 г. 208-й день войны. На Волховском фронте отмечаются вклинения противника.

27 янв. 1942 г. 220-й день войны. На фронте группы армий "Север" противник добился тактического успеха на Волхове.

30 янв. 1942г. 223-й день войны. Чрезвычайно напряженная обстановка на Волховском фронте.

31 янв. 1942 г. 224-й день войны. В районе Волхова обстановка еще более обострилась.

Из военного дневника начальника генштаба вермахта генерал-фельдмаршала Франца Гальдера

К вечеру 6 февраля наш лыжбат прибыл в расположенный на восточном берегу Волхова Селищенский Поселок. Опять пепелища, пепелища и пепелища... Уцелевшие избы переполнены местными жителями и военными.

Среди одноэтажных деревянных домишек чужеродно возвышается длинная-предлинная махина из красного кирпича. Фабрика не фабрика, замок не замок, крепость не крепость... Восточная стена загадочного сооружения украшена высокими колоннами в классическом стиле.

В "красную махину" нас тоже не пустили. Оказалось, в ней

разместился пр_ифронтовой госпиталь. Одна старушка дала нам добрый совет:

- Вы, сынки, еще раз наведайтесь в Аракчеевскую казарму и пошукайте ход в подвалы. Они аграма-а-ад-ные, немцы в них своих коней держали.

Аракчеевская казарма! Теперь-то я сообразил, что это за циклопическое красное здание. Вспомнил, что при Александре I и Николае I в Новгородской губернии были сосредоточены крупнейшие военные поселения, которые долгое время опекал всесильный временщик Аракчеев. Значит, эта каменная громада - памятник аракчеевщины. Нынешнее официальное название - Селищенские казармы, но старые люди не забыли еще и прежнего наименования.

За грудой кирпичного боя действительно оказался вход в обширнейшие подвалы. В подземельях свободно разместился весь наш лыжбат. Темно, то и дело вспыхивают огоньки спичек. Очень нужны фонарики, но их имеют только некоторые командиры. Чрезвычайно трудно достать батарейки.

Поверх плотно утоптанного конского навоза натрушены солома и сено, настелены еловые лапки. По всему видно, что до нас здесь переночевала не одна тысяча маршевиков.

В двух-трех местах возвышаются пирамиды битого кирпича и мусора: здесь снаряды, а скорее всего, авиабомбы прошили казарму сверху донизу. По скрипу над проломами легко догадаться, что они прикрыты досками. Но над одной из пирамид зияет отверстие, и из него время от времени что-то сыпся. Видимо, этот специально оставленный люк служит санитаркам мусорной ямой.

Когда мы разместились, нашлись любопытные, которые, несмотря на усталость, решили разведать обстановку. В их числе оказался и я. Взобравшись на пирамиду и высунувшись по пояс из люка, я увидел необычайно больших размеров зал. Высокие стрельчатые окна забиты досками, заложены мешками с песком и кирпичами, задрапированы картоном и старыми одеялами. Полумрак. Кое-где на стенах висят самодельные застекленные фонари, на подоконниках стоят небольшие керосиновые лампы, коптилки. Раненые лежат на койках самых разнообразных фасонов - видимо, собранных в окрестных разрушенных домах, - а также на грубо сколоченных дощатых нарах или прямо на носилках.

Раненые поверх одеял укрыты шинелями и ватниками, многие лежат в верхней одежде. Между рядами коек снуют белые и серые халаты. Далеко-далеко, в самом конце зала, время от времени открывается дверь и из помещения какого-то

специального назначения вырывается сноп электрического света.

Неподалеку от люка около одной из коек хлопочет пожилая женщина в белом халате, со шприцем в руках. Заметив меня, она сказала:

- А-я! Опять белое привидение из подземного царства!

Я хотел было кое о чем спросить женщину, но в это время сильно застонал раненый, и она занялась им. Уступив наблюдательный пункт стоящему в очереди "белому привидению", я пошел спать.

В два часа ночи я на пару с Авениром заступил на пост у входа в подвалы. Крепко я разоспался, очень уж не хотелось вставать. Но на свежем морозном воздухе сонливость сразу же уучилась, и я невольно залюбовался звездным небом и величественной панорамой, открывшейся перед нами с вершины холма, на котором расположены Селищенские казармы.

На востоке во всей своей красе сверкает Орион, левее и ниже его таинственно мерцает Сириус. На западе Лира и Лебедь, спустившись с околозенитных высот, нависают над горизонтом. Казалось бы, эти созвездия, которые наши далекие предки нарекли столь поэтическими именами, благословляют обитателей планеты Земля на мир и покой. Но - нет! Именно под Лирой и Лебедем горизонт полыхает багровым пламенем, и оттуда доносится гул большого боя.

Из "надземного царства" спустился вниз и стал рядом с нами высокий мужчина. Тоже в белом наряде, но иного покроя: без капюшона и шаровар. Иначе говоря, во врачебном халате. Закурил и нам предложил по папиросе. Авенир с охотой угостился, а я поблагодарил и отказался - некурящий. Мы считаемся не часовыми на посту, а дневальными и поэтому не отказываемся от беседы с незнакомым пока человеком в белом халате.

- Вы врач из этого госпиталя?

- Да, врач... Сейчас у нас хирургическая страда. Вон из тех мест, - наш собеседник описал рукой дугу, указывая на далекие очаги багрового зарева, непрерывным потоком поступают раненые. Немало и обмороженных. Попадаются одновременно и раненые и обмороженные. Работаем - прямо с ног валимся. Вот воспользовался небольшой паузой, вышел на свежий воздух...

- Вы представляете себе, как сейчас проходит линия фронта? Как далеко от нас вон то зарево? За какие селения идет бой?

- Более или менее. Раненые привозят нам самые свежие и достоверные фронтовые новости. Нам нет нужды передвигать на карте красные флажки. Выйдешь ночью из хирургической - и перед тобой гигантская панорама в натуре.

...Начнем хотя бы справа. Еще 28 января войска 59-й армии освободили селения Кипрово и Пересвет-Остров. Это к северо-западу от нас, на том берегу Волхова. Затем наше продвижение вперед на этом участке застопорилось: из соседней деревушки Вергежи немцев выбили только вчера днем. Сейчас они отчаянно контратакуют. От Селищенского до Пересвет-Острова по прямой более двенадцати километров...

- Пересвет... Пересвет... - повторил я несколько раз. - Очень знакомое слово! От него так и веет былинной стариной.

Сообща мы вспомнили, что Пересвет и Ослябя - два русских витязя, начавших Куликовскую битву поединком с ордынским богатырем Челубеем. Это описано в "Задонщине".

- Передвинемся сейчас влево, к самому яркому и обширному зареву, продолжал врач. - Прямо на запад от нас, в девяти километрах от Селищенского, - железнодорожная станция и поселок Спасская Полнеть. Сейчас части 2-й ударной ведут бой в двух-трех километрах от станции. Значит, от нас до большого зарева шесть-семь километров.

... Вообще события здесь развивались так. Волховский фронт форсировал Волхов на протяжении двадцати четырех километров. Но, пройдя девять-десять километров, наши войска уперлись во вторую линию укреплений - вдоль шоссе и железной дороги Новгород - Чудово. Здесь прорвать оборону пока что удалось всего лишь на четыре километра. Для армии это чрезвычайно узкие ворота! Поэтому Волховский фронт сейчас прилагает все усилия, чтобы одновременно выполнить две задачи: одними частями 2-й ударной продвинуться как можно дальше в глубь прорыва, другими - во что бы то ни стало расширить ворота. 2-й ударной помогают 59-я и 52-я армии. Левый опорный столб этих ворот, или, как говорят во многих областях России, левая верея, уже установлен. Это станция и поселок Мясной Бор. Из них немцев выбили 24 января. А вот правую верею - я имею в виду Спасскую Полисть - пока что не удается закрепить.

...Итак, продвинемся влево от большого зарева. Там, на юго-западе от нас, - Мясной Бор. Хотя станция и поселок уже в наших руках, в соседних деревушках продолжают упорно сопротивляться блокированные вражеские гарнизоны. Бои там такого же масштаба, как у Спасской Полисти. Зарево выглядит намного слабее, потому что Мясной Бор расположен от Селищенского значительно дальше, чем Спасская Полнеть.

... На десятки километров западнее ворот тоже идут жаркие бои. Но нам уже не видны те далекие зарева, и гул сражений у Большого Замошья, Финева Луга, Сенной Керести заглушает более близкая канонада.

- Выходит, перед нашим лыжбатом, как в сказке, три дороги - три судьбы, задумчиво сказал Авенир. - То ли к Спасской Полисти - устанавливать правую верею, то ли к Мясному Бору - укреплять левую верею, то ли через раскрытые ворота с ходу двинем в глубинку прорыва.

Итак, в Малой Вишере с обстановкой на Волховском фронте нас познакомили "солдатский телеграф" и коммиссар Емельянов. Здесь же военврач показал, как это выглядит на местности.

Затем наша беседа совершенно неожиданно соскользнула в иное русло.

Аллах ли там среди пустыни
Застывших волн воздвиг твердыни.
Притоны ангелам своим...
М. Ю. Лермонтов.

Немного о поэзии

А где же вы оперируете? - спросил я военврача и тут же сообразил: - Ах, да! Видимо, в той комнате, где горит яркий электрический свет?

- Да. Мы приспособили для этой цели бывшую гарнизонную церковь. Вам свет показался ярким, а нас, хирургов, он не удовворяет. Ни движок, ни аккумуляторы не дают нужного накала.

- Операционная - в гарнизонной церкви Аракчеевской казармы... Ну и ну! воскликнул я. - А какое назначение в казарме имел такой гигантский зал? Ведь побольше любого университетского актового зала.

Хирург усмехнулся.

- Это не зал, а крытый манеж. Между прочим, более ста назад на этом манеже упражнялся в верховой езде гвардейский корнет Михаил Лермонтов.

- Вот как! - удивился я. - Это для меня новость! Военную службу Лермонтова я привык связывать только с Кавказом.

- Я тоже не ахти какой лермонтовед. Но меня просвещает хозяин, у которого вместе с товарищем снимаем комнатку. Очень грамотный старичок, краевед. Так вот, оказывается, в феврале 1838 года, после кавказской ссылки, Лермонтова перевели в Новгородскую губернию, в лейб-гвардии гусарский Гродненский полк. Здесь, в Селищенских казармах, он жил в доме для холостых офицеров. Здесь же написал вольный перевод сонета Адама Мицкевича "Вид гор из степей Козлова..."

От Волхова с натужным завыванием моторов подымаются в гору несколько грузовиков. Они следуют один за другим, колонну замыкает крытая санитарная машина. Вот ведущий грузовик поравнялся с нами, из кабины высунулась голова шофера.

- Где тут раненых принимают?

- Проезжайте немного вперед и за углом поверните влево, - ответил мой собеседник. - Остановитесь против высоких колонн. Издалека ли едете?

- Даже очень издалека - из самой Новой Керести. А до нее раненых и обмороженных на лошадях подвозят...

Вернувшись в "подземное царство", я уснул не сразу. Пытался представить себе, что происходит сейчас далеко-далеко, западнее неведомой мне Новой Керести. И еще думал о том, что происходило наверху, в манеже, сто с лишним назад.

А когда уснул, мне приснился невероятный винегрет. Будто лежу на операционном столе, надо мной висит церковное паникадило. Свет от него слабый, и я знаю почему: аккумуляторы не обеспечивают нужного накала. Врач - тот самый, который только что рассказывал о Лермонтове, - готовится ампутировать мои отмороженные ноги. Ему ассистирует другой врач, Григорий Петрович коллега моей жены по Могилевской психолечебнице. Вокруг горят свечи, пахнет ладаном. Власатый, брадатый и горластый поп размахивает кадилом и, сотрясая своды церкви, скорбно выводит: "Со святыми упокой!" А в полуоткрытую дверь операционной видно, как на манеже по дорожке-эллипсу гуськом гарцует группа гвардейских офицеров. На киверах у них высокие плюмажи величиной с городошную биту. Впереди - лейб-гвардии корнет Лермонтов...

Проснувшись, я почувствовал, что ноги мои действительно онемели. Ими вместо подушки воспользовался Муса Нургалиев. Топонимика - совокупность географических названий

какой-либо определенной территории.

Из "Словаря иностранных слов"

Там русский дух... там Русью пахнет!

А. С. Пушкин

Топонимическая симфония

7 февраля на зорьке побудку нам устроили немцы.

В течение десяти минут они обстреливали поселок из артиллерии. Как будто из района Спасской Полисти. Но в подземелье мы чувствовали себя почти в полной безопасности.

Дежурные по ротам преподнесли нам приятный сюрприз: в больших котлах на госпитальной кухне накипятили воды. Настоящей, волховской.

Сразу после завтрака становимся на лыжи. Идем по Волхову на юг, в сторону Новгорода. Ширина реки здесь метров двести пятьдесят - триста. Лед прикрыт толстым слоем снега, наледь почти не встречается. Держимся поближе к западному берегу. Торить путь заново не надо, пользуемся готовыми лыжнями.

Наши лыжни-меридианы то и дело пересекают лыжни-параллели. Иногда встречаем на пути широкие полосы снега, примятого пехотой. Во избежание неожиданностей справа нашу колонну охраняет усиленный взвод от первой роты. Он движется в полукилометре западнее. Мы поддерживаем с нашим боевым охранением зрительную связь. Правда, она то и дело прерывается: то заслоняет высокий берег реки, то мешает прибрежный лес, кустарник. Но это не беда: если взвод наткнется на противника, мы услышим перестрелку.

Я все еще под впечатлением ночного разговора с военврачом. Очень возможно, Лермонтов совершал променады верхом и в этих местах. Что ему, холостому офицеру, было делать в свободное время?! Надо полагать, он со своими товарищами объездил все окрестности Селищенского Поселка. И бывал вот в этом великолепном бору, который тянется вдоль правого берега Волхова...

Вспоминаю поэтические названия селений, которые называл хирург. К топонимике питаю особое пристрастие чуть ли не с мальчишеских .

Начиная с Малой Вишеры внимательно прислушиваюсь к наименованиям селений и урочищ, рек и озер Новгородской земли. Иные встречаются на нашем пути, о других рассказывают местные жители, третьи упоминаются в политинформациях, в разговорах наших командиров. От многих названий веет далекой-предалекой стариной. В некоторых названиях улавливаются даже отзвуки Руси удельной, Руси еще более древней - языческой, Перуновой...

Для меня эти названия звучат как некая симфония. Волхов, Ильмень, Чудово, Чудской Бор, Теремец Курляндский, Заполье, Усть-Волма, Люболяды, Апраксин Бор, Финев Луг, Спасская Полисть, Любино Поле, Пересвет-Остров...

Смутно вспоминается прочитанный еще в пятом-шестом классе исторический роман из жизни древних славян. Главными героями его были юные приильменские словены Пересвет и Полиста. Правда, автор романа и название выветрились из памяти.

Пытаюсь своими силами разобраться в некоторых названиях. Полисть? Быть может, то же самое, что в Белоруссии "полесье" - лесной край, лесная сторона? Река Кересть? Селения Сенная Кересть, Холопья Кересть, Новая Кересть? "Кересть" звучит уже как будто не по-славянски, а скорее по-угро-фински.

Из множества названий память отбирает несколько и выстраивает их чередой-цепочкой: Тосно - Любань - Чудово - Спасская Полисть - Подберезье Новгород - Бронницы... На какую

связующую нить нанизаны названия этих городов и поселков?

Наконец вспоминаю: в конце XVIII века по этим местам проезжал в ямщицком возке Александр Радищев, совершая свое историческое путешествие из Петербурга в Москву. Здесь великий вольнодумец беседовал с простыми землепашцами, здесь раздумывал о бесправном положении крепостного крестьянства, о лихоимстве царских чиновников, о судьбах России.

Эпиграфом к своему знаменитому "Путешествию из Петербурга в Москву" Радищев поставил строку из поэмы Василия Тредиаковского "Тилемахида":

"Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайяй".

На архаическом языке поэта екатерининской эпохи обло - тучно, озорно нагло, пакостливо. Под "чудищем" Радищев подразумевал русский царизм, царскую деспотию. Ныне нашу Родину пытается поработить "наглое и стозевное чудище" XX века - гитлеровский фашизм.

Встреча живых с мертвыми

Далеко впереди раздался одиночный взрыв. В чем дело? Неужели кто-то из лыжбатовцев нарвался на мину? Солдаты мы еще необстрелянные, и поэтому предположений и догадок много: противотанковая мина, авиабомба или мощная мина замедленного действия, крупнокалиберный снаряд из дальнобойного орудия... Но голова колонны продолжает идти вперед - идем и мы.

Видим, что головная застава, штаб, первая и вторая роты делают остановки, лыжбатовцы что-то рассматривают на льду и затем двигаются дальше. Полынья там, что ли?

Добрались и мы до загадочного места. Оказывается, никто не угадал. От восточного и до западного берега скованный льдом Волхов усеян телами убитых в белых халатах. Большинство без валенок, у многих даже портянки, носки сняты. На мраморно-белых ступнях выделяются желтовато-кремовые пятки. И варежки, рукавицы кому-то понадобились. Некоторые убитые будто сознательно не отдают их: мертвой хваткой сжали в кулак пальцы.

Работает команда захоронения - солдаты старших возрастов, каждому под пятьдесят, а то и больше. Давно не бритые, выглядят совсем стариками. На волокушах вытаскивают убитых на берег. Команда маломощная и по количеству: около десятка носильщиков-возчиков, человек пять роют братскую могилу. Мерзлую землю взорвали зарядом тола, сейчас углубляют яму лопатами.

Мы сошли с лыж и ходим по полю боя. Подавленно-приглушенные разговоры иногда перекрываются отдельными

возгласами.

- Как и мы - лыжники...

- Конечно. Только не наши. Из 280-го мы - первые.

- Может, из 40-го?

- Медальоны-то у них есть. Давай вот у этого, цыганистого, поглядим...

- Брось, не надо! Могут подумать, будто мы по карманам шарим.

- И то - правда. А валенки, видать, "славяне" посымали.

- И правильно сделали. Пехота, она большей частью в кирзах, а то и в ботинках с обмотками. А тут по ночам уже через тридцать переваливает. С плохим обутком и без ног можно остаться.

- Так-то оно так, вроде по-хозяйски получается. А сердце мое не согласное: на гражданке не принято покойников босыми хоронить.

Итальянец, переходя от одного убитого к другому, приседает на корточки и зачем-то внимательно рассматривает зажатые в руке рукавицы. С виду они точно такие, как у нас: коричневато-кирпичного цвета, имитация под замшу. Закончив свои наблюдения, Итальянец растерянно-удивленным голосом восклицает:

- Гляньте, братцы! Ведь на ихних рукавицах точно такие же штампы, как и на наших: Кунгурской швейной артели!

Семен Белых обнаружил среди убитых знакомого. Указывая на лежащего лицом вверх, с раскинутыми в стороны руками дюжего парня, он рассказывает товарищам по взводу:

- Точно он - Данька Черемных! Я с ним пять вместе в Карагайском леспромхозе робил.

Еще группа бойцов. Они пытаются восстановить детали тяжелого боя, который вели в этом месте наши товарищи по роду войск.

- Поглядите: все убитые головой на запад лежат. Значит, не вдоль реки шли, а от правого берега к левому. И не просто шли - атаковали, вон тот бугор штурмом брали.

- А нешто в лоб, на рожон лезли?

- А справа и слева от бугра, думаешь, таблички с надписями "Добро пожаловать!" вывешены были?

Раздалась команда "На лыжи!", и мы опять вытянулись тремя цепочками, опять пошли вперед.

Эта встреча глубоко потрясла нас. Мы впервые своими глазами увидели поле боя, в упор глянули в страшный лик войны. Если бы команда захоронения справилась пораньше, наша встреча с павшими лыжниками произошла бы в иной обстановке - у временного, пусть очень скромного, надгробия над братской

могилой. И нам, еще не изведавшим правды суровой фронтовой действительности, не пришлось бы перенести сильную душевную травму без нужды, еще до вступления в первый бой.

Впоследствии, когда мне довелось воевать в 1943, 1944, 1945 годах, задним числом я пришел к такому выводу. Недостаточное внимание к захоронению убитых следует отнести к тем просчетам, которые в начальный период войны порождала неподготовленность многих наших командиров к размаху и ожесточенности сражений.

Зимой 1942 года спецкоманды захоронения во 2-й ударной были слишком малочисленные и со своими задачами явно не справлялись. Комплектовались эти команды по устаревшим, не проверенным новой боевой практикой нормативам. Вдобавок в трудные моменты их первыми из тыловиков забирали на передовую и бросали в бой. Экономия за счет команд захоронения исчислялась конкретным числом дополнительных штыков. Зато потери психологического плана, отрицательное воздействие на психику молодых - да и не только молодых! солдат не поддавались никаким цифровым подсчетам.

Первые месяцы войны преподали нам немало уроков - в том числе и этот. Довольно скоро недооценка этой скорбной, но крайне необходимой и важной фронтовой службы была преодолена.

Левая верея

Наконец расстались с заснеженным льдом Волхова, свернули вправо, затем влево. И опять следуем на юг, теперь - параллельно реке. Минуем деревни Бор, Костылево, Арефино, Ямно. Они выглядят еще более растоптанными войной, чем Папоротно и Селищенский Поселок.

Почти все время высоко в небе слышится гул немецких самоов-разведчиков. Иногда пониже проносятся группы "мессеров" и "юнкерсов". Но нас пока не трогают. Видимо, не замечают. Маскхалаты себя вполне оправдывают. Значительно реже показываются наши "ястребки".

Мы уже научились различать самоы не только по силуэтам, но и по звуку. У наших - гул однородный, у немецких - моторы исполняют дуэт. Ведущий голос размеренный, басовитый. Более чем на октаву выше ему вторит надсадно вибрирующий фальцет.

Я и Фунин пытались подобрать фальцету подходящее название: подзвук, подголосок, подпевала, вторичный звук...

Более удачно с этой задачей справился Философ. - Опять немец ит, - сказал он как-то Мусе.

- Почем знаешь, что немец? Может, и наш. За лесом не видать.

- Обязательно немец! У немца мотор с подвывом гудит.

Ну конечно - с подвывом!

Засветло пришли в Мясной Бор. Вот она, левая верея ворот, пробитых 2-й ударной в немецкой обороне. Станция и пристанционный поселок стерты с лица земли. Среди руин станционной водонапорки торчит конец стальной трубы, по которой вода из-под земли поступала в бак. У трубы выстроилась большая очередь солдат. Воду достают подвешенной на телефонном проводе артиллерийской гильзой.

У местного старичка выясняю, почему у поселка и станции такое название. По его словам, когда царь Петр стал прорубать окно в Европу, потребовалось много продовольствия, чтобы кормить десятки тысяч рабочих и армию. Из центральной России и южных степей через Новгород к Петрограду гнали огромные гурты скота. Здесь, в окрестных лесах, была устроена крупная перевалочная база: загоны, склады фуража, бойни. С тех пор и пошло - Мясной Бор.

В феврале сорок второго о кровопролитных боях у Мясного Бора уже знал каждый командир и боец Волховского фронта. Но главные ожесточенные сражения в этом районе еще впереди. Они прославят малоизвестную станцию и впишут ее название в историю Великой Отечественной войны рядом с Невской Дубровкой, Синявинскими болотами, Малой землей и другими пядями советской земли, особенно обильно политыми кровью защитников Родины.

А мы, лыжбатовцы, не помышляя о грядущей славе Мясного Бора, пока целиком поглощены будничными заботами. Стоим в очереди за водой, готовим ужин, ищем место для ночлега.

Попутно выясняем фронтовую обстановку. И она представляется нам еще более неясной и запутанной, чем рисовалась, скажем, в Малой Вишере или Селищенском Поселке.

Мясной Бор и небольшая деревенька Теремец Курляндский освобождены еще 24 января. А из соседних кучно расположенных деревень и поселков - Любцы, Любино Поле, Земтицы, Крутик, Большое Замошье - немцев до сих пор не удается полностью выбить. Вцепились в Приволховье, как клещи в живое тело.

Некоторые селения блокированы полностью, другие - наполовину, третьи - уже частично заняты нашими войсками, четвертые - по нескольку раз переходят из рук в руки...

Окруженным гарнизонам транспортные самоы сбрасывают на парашютах продовольствие и боеприпасы. Немцы не собираются ни капитулировать, ни вырываться из окружения. С часу на час ждут подхода своих крупных сил.

Знакомство с "Раечкой"

Когда наши квартирьеры сунулись было искать какие-либо помещения для ночлега, старожилы-пехотинцы насмешливо посоветовали:

- Так тут округ полным-полно деревень, любую выбирайте! Но пускают туда только тех, кто берется выполнить два условия.

- Что за условия? - спрашивают лыжники, уже чувствуя какой-то розыгрыш.

- Первое: немца из насиженных мест выбить надо. Второе: перед входом в избы - снег с валенок чисто обметать. Тут несколько частей сменилось. Со вторым условием справились бы, а вот с первым - очень туго дело подвигается. Который день уже вхолостую толкаемся. Если желаете - в любой момент свою очередь уступим.

Побалагурили, обменялись табачком, покурили - и разошлись. А ночевать все равно где-то надо. Начальство решило: бивуак разобьем в лесу, между Мясным Бором и Теремцом Курляндским.

На пути от Малой Вишеры до Мясного Бора штаб нашего ОЛБ заметно посмелел. В Папоротно и Селищенском Поселке, в Арефино и Борисове насчет костров и заикаться нельзя было. А здесь, можно сказать, под носом у немцев пожалуйста, разводите. Только не под открытым небом, а в своих шалашах. Поэтому строить их надо достаточно просторными и высокими.

Наше начальство убедилось, что без горячей пищи и кипятка, без обогрева и просушивания портянок лыжбатовцы здорово измотались за несколько дней, еще не вступив в соприкосновение с противником. Кроме того, штабисты увидели, что к такому же выводу пришли части, прибывшие на фронт до нас.

Одним словом - ура, сегодня разрешены костры! Прорыли-протоптали мы в метровом снегу ходы-дорожки, соорудили на каждое отделение по "еловому чуму" с очагом посреди. Шалаш моего отделения на самой юго-западной окраине леса. Нашему взору открывается вид на уходящую вдаль, поросшую низким кустарником снежную равнину. По мере наступления темноты вдалеке все явственнее заметны огненные параболы ракет и трассирующих пуль.

Наш "чум" такой вместительный, что мы даже смогли взять на постой лишнего человека. Им оказался кавалерийский лейтенант с синими петлицами, порученец из кавкорпуса генерала Гусева. Он скакал откуда-то из глубины прорыва в Малую Вишеру. За километра два до Теремца его конь сломал на лежневке ногу. Коня лейтенант пристрелил и, взвалив седло на спину, двинул дальше пешком. С наступлением темноты решил переночевать, чтобы утром продолжить путь на попутных машинах. Поиски

ночлега и привели его к нашему шалашу.

Фронтовая солдатская гостиница готова, собираем валежник для костра... И вдруг наше внимание привлекло нечто такое, с чем мы столкнулись впервые.

С окраины нашего же леса, примерно в полукилометре правее лыжбатовского бивуака, в небо взвилось несколько десятков хвостатых ракет. Спустя секунду-две послышалось ритмичное стрекотание - в непостижимо быстром темпе, металлически-звонкое. Ракеты плавно описали не очень крутую параболу и дружно устремились к земле. Туда, где мы наблюдали огни обычных ракет и трассирующих пуль. Над местом приземления вспыхнуло багровое зарево, пульсирующее, играющее огненными сполохами. И когда угасло зарево, мы услышали приглушенные расстоянием звуки разрывов. В отличие от выстрелов, в очередности разрывов никакой ритмичности не улавливалось. Они поражали цепь обвально-хаотически, как горный камнепад.

Спустя, быть может, минуты две-три грянул еще один такой залп хвостатых ракет - и все повторилось в той же последовательности. Никто, даже такой бывалый фронтовик, как политрук Гилев, не мог объяснить, что это за штука. Консультантом выступил кавалерист.

- Это наши новые минометы. Бесствольные. Страшно засекреченные. Возят их на быстроходных машинах, под брезентом. Во время стрельбы другие рода войск близко не подпускаются. Дадут два-три залпа и быстренько переезжают на новые позиции. Называют эти минометы "Раисами", "Раечками". Потому что у них реактивные снаряды: эр-эс. Больше ничего не знаю. А если бы и знал, то не имел бы права разглашать военную тайну.

Рассказ лейтенанта очень заинтриговал, но ни в малейшей мере не удовворил нас. Бесствольные минометы? Как это может быть? Что за нелепица!

В ту пору, за пятнадцать до начала космической эры, о принципах реактивного поа широкие массы имели весьма смутное представление. Поэтому недоуменных вопросов и разноречивых мнений было хоть отбавляй. Дескать, миномет без ствола - это такая же диковинка, как винтовка или автомат без дула.

Обсудили эту проблему я и Фунин. Попробовали представить себе конструктивные особенности загадочного миномета. Принцип поа реактивного снаряда нам был понятен. Но как же без дула направить его по заданной траектории? Судили-рядили и так и эдак. Но не сообразили, что по снаряда может направлять не только цилиндрическая труба, но и обычный рельс.

Итак, в ночь с 7 на 8 февраля 1942 года я впервые познакомился со знаменитой "Катюшей". Это была она! Имя "Раиса", "Раечка" не привилось. Солдаты, народ очень скоро перенарекли ее.

Минометный сабантуй

Поужинали мы горячим, попили настоящего чаю. Вода замечательная - та самая, которую нацедили артиллерийской гильзой на развалинах мясноборской водонапорки. Пресная "снеговуха" быстро научила нас понимать и ценить вкус настоящей воды.

Ребята повеселели. Даже шутки послышались.

- Слышь, Итальянец! А почему ты в Италию, к своему князю Сан-Донато доси не перебрался? - укладываясь рядом с Пьянковым, балагурит ротный запевала Семен Белых.

- А чего мне там делать?! - принимая игру, сердито огрызается Итальянец.

- Как - чего? Макароны в оливковом масле упал бы, в гондолах разъезжал бы, с итальянками шуры-муры разводил. Там, поди, теплынь сейчас - не то, что наша рассейская холодрыга...

Этот диалог перебил заглянувший в наш "еловый чум" политрук Гилев. Как всегда порывистый, подвижный, окинул

быстрым взглядом обстановку и присел к догорающему костру.

- Как, ребята, устроились?

- Получше, чем в две шеренги вдоль железной дороги или в подвале Аракчеевской казармы.

- Ну, отдыхайте, орлы! Предстоит трудный день. Даже очень трудный! Лыжи никто не сломал?

- Пока нет...

- Так спокойной ночи, ребята!

- Спокойной ночи, товарищ лейтенант.

К сожалению, ночь оказалась даже очень неспокойной.

Только наш "еловый чум" погрузился в сон, как где-то совсем рядом раздалась серия разрывов. Со сна мы поначалу не разобрались: что это бомбежка, артиллерийский или минометный обстрел? Наступила пауза. От шалаша к шалашу передали голосом команду из штаба батальона:

- Потушить костры! Прижаться к земле!

Прижались еще до команды. Это получилось само собой, инстинктивно. Напряженно прислушиваемся: что же будет дальше? Вдруг на фоне отдаленной артиллерийской канонады и более близкой пулеметно-ружейной перестрелки послышались звуки иного рода - мягкие, но вместе с тем четкие: пам... пам... пам...

Будто некий великан выбивает исполинских размеров ковер. Потянулись томительные, тревожные секунды... Послышалось пронзительное завывание, и в расположении батальона опять с резким металлически-стеклянным звоном разорвалось несколько мин.

Не знаю, почему я сообразил, что это именно мины. Ведь под минометным обстрелом оказался впервые. Видимо, кое-что осталось в памяти от прочитанного в книгах, от рассказов старшины Борули.

Минометный обстрел в лесу еще более опасен, чем на открытой местности. Стальное веретено от соприкосновения даже с тонкой веткой прыскает во все стороны сотнями осколков и обдает сверху смертоносным душем.

Резко запахло порохом и гремучей ртутью. В расположении первой роты слышны крики раненых, зовут санитаров.

И опять: пам... пам... пам... пам... Теперь-то мы знаем, что предвещают эти, для неопытного уха как будто совершенно безобидные, звуки! Теперь уж они нам кажутся зловещими, как шипение змеи, за которым последует резкий бросок на жертву.

Батарея полковых минометов успела дать семь-восемь залпов. И сразу же замолкла, когда за нас вступились неведомые нам артиллеристы. Снаряды с легким шорохом ели откуда-то со

стороны Мясного Бора, над нашими головами.

Последняя серия мин разорвалась с недоом: на снежной равнине, по соседству с нашим шалашом. Толстый полог снега значительно приглушил разрывы. Осколки резанули по вершинам елей, под которыми хоронился наш взвод. Сверху посыпались отсеченные ветви, потек снег.

Я высунулся из шалаша и навострил уши: или это последний залп, или вдалеке опять прозвучит коварное "пам-пам"? Вдруг слышу: что-то ит ко мне с басовитым жужжанием, вроде майского жука. "Февральский жук" стукнулся о мое плечо и шмякнулся у ног. Пошарив рукой, я нащупал на утоптанном снегу еще теплый осколок. Довольно большой: величиной с мизинец, с полусогнутой первой фалангой.

"Как же так? - удивился я. - Каким образом этот осколок намного отстал от своей разбойничьей компании? Чтобы доеть от места разрыва до нашего шалаша, требуются доли секунды. А этот где-то странствовал по крайней мере секунд семь-восемь и достиг моего плеча уже на изе.

Видимо, все дело в необычной форме осколка, - выдвинул я гипотезу. - Уж очень похож на бумеранг. Взвился вверх, описал огромную петлю и, совершенно ослабленный, вернулся примерно туда, откуда начал по..."

Так это или не так, полностью ручаться не могу. Повторяю: гипотеза для себя. Больше таких случаев в моей фронтовой практике не было.

Обстрел прекратился, но обстановка неясная. Почему нас обстреляли немцы? То ли палили наугад, по площади? То ли заметили над лесом дымы от наших костров? Или на освобожденной территории оставлены немецкие радисты, шпионы, которые следят за передвижением наших частей?

Хочется узнать подробности о наших потерях. Впечатление такое, будто ужас сколько народу погибло!

И еще один вопрос: остаемся здесь ночевать или надо перебираться на новое место?

У нашего гостя особое мнение. Он уверен, что под минометный обстрел мы попали случайно. Дескать, этот лес немцы обстреляли лишь потому, что отсюда дали залпы "Раисы". Но "Раисы" уже далеко отсюда, и очень маловероятно, чтобы они вернулись на эти же позиции сегодняшней ночью. Это понимают и немцы. А поэтому целесообразнее никуда не трогаться с места.

Науменко и Гилев повели кавалериста в штаб батальона, чтобы он изложил свои соображения комбату и комиссару.

Комроты и политрук скоро вернулись с такими новостями. Остаемся на месте. Из роты в роту, из шалаша в шалаш за

новостями не бродить. Спать! Отбой! Много ли убитых и раненых? Немного, тех и других по нескольку человек. В первой роте. Подробности - после подъема. Прекратить разговоры!

Постепенно угомонились... Но кто когда уснул и как каждому из нас после такой нервной встряски спалось - это уже другой вопрос. Кавалерист оказался прав: немец нас больше не потревожил.

Утром проводили в последний путь убитых. Их оказалось пять. Семерых раненых еще ночью отправили в тыл. Возможно, они попали в уже знакомый нам госпиталь в Селищенском Поселке.

Итак, на пути к фронту у 172-го ОЛБ выросла вторая братская могила. Первую мы оставили в Малой Вишере.

В эту ночь неожиданно для всех "прорезался" скрытый талант Саши Вахонина. Он по своей инициативе оказался рядом с ранеными, умело помогал медикам, собирал по шалашам остатки кипяченой воды. Когда раненых уложили в двое розвальней, Вахонина назначили в число провожающих.

Конечно, в каждой роте уже имелись санитары. Их подобрали еще в запасном. Однако само собой подразумевалось, что санитар прежде всего должен быть дюжим парнем, а все остальное приложится. Это, мол, должен быть крепыш, который сможет вытащить раненого из любого места, а если потребуется, то и пронести на своем горбу пяти-шестипудового детину. Своим поведением Вахонин навел на мысль: "Для хорошего санитара одной физической силы совершенно недостаточно. Прежде всего у него должна быть душевная склонность к этому делу".

После этого Вахоню включили в группу санитаров.

Как я стал архангелом Гавриилом

Начальство лыжбата установило контакты со штабом 111-й стрелковой дивизии и 24-й отдельной стрелковой бригады (ОСБ), которые вместе с другими частями вели бой у Мясного Бора. В политотделе 111-й нашему комиссару рекомендовали организовать выступление рупориста. Наиболее подходящим для этой цели оказался я. Дивизионные политотдельцы снабдили меня необходимым для этой цели оснащением.

Во-первых, окрашенным в белый цвет жестяным рупором. Такие рупоры-мегафоны я когда-то видел у синеблузников, у распорядителей на массовых народных гуляниях, у администраторов на речных пристанях и пароходах. Впоследствии их сменят микрофоны.

Во-вторых, комиссар вручил мне карманного формата тоненькую книжицу. В ней я обнаружил с полсотни самостоятельных, обособленных фраз - обращений, лозунгов и

призывов, предназначенных для передачи при помощи рупора немецким солдатам и офицерам. Каждое предложение напечатано трижды: по-немецки латинскими буквами, еще раз по-немецки, но русскими буквами с детальной расстановкой ударений и перевод на русский язык. Например: "Rettet euer Leben! Gebt euch gefangen! Рттет ойер Лбен! Гебт ойхь гефанген! Спасайте свою жизнь! Сдавайтесь в плен!" Или: "Зачем стреляете в нас? Мы такие же крестьяне и рабочие, как вы", "Зачем умирать за Гитлера? Переходите к нам! Мы пленных не расстреливаем".

Комиссар Емельянов с пропагандой среди войск противника столкнулся впервые. Но все же дал мне кой-какие дельные советы. Возможно, своим опытом с ним поделились политотдельцы из 111-й. Передачу вести, приблизившись к передним немецким траншеям примерно на сто метров. Расположиться в яме, канаве, за камнем, среди занесенных снегом развалин. Ни в коем случае не прятаться за стволом дерева - минометчики могут использовать его в качестве ориентира. Место для передачи выбрать вне сектора, в котором снежные траншеи роют лыжбатовцы или наши соседи. За рупористом, скорее всего, будут охотиться вражеские минометчики, и поэтому нежелательно, чтобы обстрел помешал подготовительным работам штурмовых групп. Выступая же в сторонке и отвлекая на себя внимание противника, я окажу содействие этим работам.

И еще: одному на сеанс не выходить. Задача боевая, всякое может случиться! Пусть комроты выделит на помощь расторопного автоматчика, у которого нервы покрепче...

Комиссар отметил мне "птичкой" двенадцать предложений, которые следует прочитать, вернее, прокричать во время первого сеанса. Если будет возможность, каждое по три раза. И для начала - хватит.

Возвращаясь к себе в роту, к Земтицам, думаю: вот так номер! Предстоит экзамен еще более трудный, чем тот, которого я боялся. Комиссар намекнул, что у моего помощника должны быть крепкие нервы. Значит, у меня - и подавно. А достаточно ли они крепкие для боевого задания, которое надо выполнить? Этого я даже сам не знаю. Выяснится в ближайшие часы...

Увидав трубу, ребята засыпали меня вопросами. Что за штуковина? Что я намереваюсь с ней делать? Философ сказал, что именно с такой трубой ает посланник господа бога архангел Гавриил и передает народам благословение всевышнего или, наоборот, предупреждает о карах божьих.

Тут меня ребята с ходу и прозвали архангелом Гавриилом. О полученном задании докладываю комроты Науменко и политруку Гилеву. Прошу выделить мне помощника. А они отвечают:

выбирай сам.

- Василий Воскобойников прозвал меня архангелом Гавриилом, - немного подумав, ответил я. - Пусть он и будет помощником архангела.

Мы прошли вдвоем метров двести к Любцам. Здесь никто не работает, траншеи уже готовы. Ползем по одной из них в сторону немцев. Чтобы пустая труба не бренчала, Воскобойников затолкал в нее попавшийся под руку растерзанный рукав ватника. Его, видимо, бросили здесь санитары, перевязывая раненого.

Натыкаемся на занесенные снегом остатки деревянной постройки, сохранилось всего три-четыре венца. Забираемся внутрь, и по развалинам печки с каменкой определяем: была крестьянская баня. Труба повалилась и служить ориентиром не может, полог снега выше верхнего венца... Пожалуй, лучшей "трибуны" для выступления не найти.

Вырыли мы в снегу глубокие ячейки. Я - в одном углу бани, Воскобойников в другом. В ожидании минометного обстрела хоть немного рассредоточились.

- Смотри, Вася, в оба! - шепотом говорю своему напарнику. - Я могу увлечься, как глухарь на току, и не заметить, если в нашу сторону поползут немцы.

На левом фланге, у Любцов, перестрелка приутихла. Выгодно это мне или нет, пока оценить не могу. Слышимость передачи будет лучше. А хуже то, что немецкие пулеметчики и минометчики смогут уделить мне больше внимания.

Впереди на пугающе близком расстоянии взают осветительные ракеты. Отчетливо слышны выстрелы из ракетниц. Пора! Команду мне никто не подаст, надо начинать самому. Извлекаю из зева мегафона тряпичный кляп, поудобнее кладу трубу на верхнее бревно... И вдруг с досадой замечаю: дрожат руки. Этого еще не хватало! Может, и в голосе будет чувствоваться дрожь?

Почему дрожат? Неужели от страха? Сам себе нахожу оправдание: нет, не от страха, от волнения. Шутка ли сказать, впервые вступаю в контакты с немцами!

Уже хотел было приложиться к трубе, но вовремя спохватился. Сообразил, что на тридцатиградусной стуже губы вмиг примерзнут к жести. Сбросив варежки и перчатки, погрел между ладонями суженный конец трубы.

Наконец-то - окончательно готово! Начинаю!

- Ахтунг! Ахтунг! Ахтунг! Внимание! Внимание! Внимание! Солдаты и офицеры 126-й пехотной дивизии!

Вступление согласовано с комиссаром. Это он сообщил мне, какая немецкая часть засела на мясноборском участке фронта. К

счастью, я знал, как по-немецки "пехотная дивизия" - "инфантердивизин". Это слово нашлось в моем куцем словарике. Вспомнилось мне, что когда-то в русской армии было воинское звание - генерал от инфантерии.

Прокричал предложений семь-восемь... Как странно звучит мой голос! Вряд ли его узнали бы мои родные и самые близкие знакомые. И вдруг впереди: та-та-та, та-та-та! Над головой просвистели пули. Значит, пулеметные очереди адресованы нам. Но затем наступила пауза - и я благополучно закончил первый круг "земтицких чтений".

Начинаю еще раз. Ахтунг! Ахтунг! - и так далее. Где-то за передними траншеями немцев раздался хлопок - глухой, но более сильный, чем выстрел из ракетницы. Тотчас же над нами пронеслась мина и с переом в десятка полтора метров бессильно чавкнула в глубоком снегу. И еще несколько мин - туда же.

А как там мой напарник? Какие мудрые мысли приходят ему на ум в такой необычайной обстановке? Быть может, струсил, растерялся?

- Вася! Как ты там? Живой?

- Покеда - живой, - слышу ответный довольно бодрый шепот. - А что дальше будет - у ротного писаря узнаем.

Ротная мина по сравнению с крупнокалиберной полковой выглядит игрушечной хлопушкой. Но все же, если такая "безделушка" угодит в мое снежное лежбище, мне, как говорится, придется переместиться в мир иной и выполнять свои архангельские обязанности в надзвездных эмпиреях.

Воспользовавшись еще одной паузой, заканчиваю повторное чтение текста и с ходу начинаю в третий и последний раз:

- Ахтунг! Ахтунг! Ах...

Опять шмякнулась мина. На этот раз впереди и очень близко от нашего убежища. Меня даже осыпало ошметками снега. Последующие мины этой серии тоже легли с недоом. Пере, недо - теперь надо ждать "вилки". Взмахом руки подаю сигнал Василию, переваливаюсь через бревна и по траншее быстро уползаю в тыл. Слышно, как позади чавкают мины третьей серии. Очень возможно, они и угодили в наше "четырехугольное яблочко".

Третья рота уже волновалась за нашу судьбу. Лейтенант Науменко хотел было послать вслед за нами двух-трех автоматчиков. Когда наши ребята увидели, что мы целы и невредимы, вовсю посыпались шуточки. Опять стали склонять на все лады архангела Гавриила и его адъютанта Васю. А мы, естественно, отшучиваемся. Я рассказал, с какой площадки вел беседу с гитлеровцами,и добавил:

- Никогда не думал, что в бане без печки и крыши может быть

так жарко!

А Философ пришел к следующему глубокомысленному выводу:

- Во время оно начинающих проповедников забрасывали камнями. А ныне слушатели шпуляют в них минами.

Впоследствии, когда я стал более или менее опытным рупористом и радиосолдатом, обнаружил в моем первом сеансе у Земтиц две грубые методические ошибки.

Первая. Время от времени надо поворачивать мегафон вправо-влево. Эти простые манипуляции вводят вражеских минометчиков, артиллеристов, пулеметчиков в заблуждение: им кажется, будто источник звука перемещается.

Вторая, еще более существенная, ошибка. Рупорист или диктор радиоустановки ни в коем случае не должен обнаруживать своего волнения или испуга. Пусть над самой головой свистят пули, пусть рядом рвутся мины - ты не подавай виду, что тебе страшно, продолжай читать текст спокойно и уверенно. Срывы в голосе, заминки, несвоевременные паузы помогают опытным вражеским пулеметчикам и минометчикам корректировать огонь.

Конечно, одного знания этого правила совершенно недостаточно. Чтобы стать полным хозяином своих нервов, необходима практика, тренировка.

Трехтонный граммофон

Спустя часа два после моего выступления в районе Земтиц появилась необычного вида машина: грузовик Зис-101, переоборудованный в крытый, обитый жестью фургон. Наверху два нацеленных вперед рупора. Скоро выяснилось, что это приехала из Малой Вишеры агитмашина политотдела 2-й ударной армии. Ее обслуживает команда из трех человек: начальник, он же диктор, - молоденький лейтенант в новеньком кремово-белом полушубке, радиотехник и шофер.

Лейтенант разъяснил нам, что агитмашина называется мощной говорящей установкой, короче - МГУ. Есть еще окопные говорящие установки - ОГУ. Их носят в заплечных ранцах.

Лейтенант облюбовал было опушку рощи в секторе, где лыжники рыли снежные траншеи. Однако наше командование не разрешило. Дескать, огонь противника , может сорвать подготовительные работы штурмовых групп. Машина переехала влево и заняла рабочую позицию на стыке между Земтицами и Любцами. Примерно . в километре от передовых немецких траншей. Ее мощные рупоры обеспечивали слышимость до пяти километров.

Передача началась с информации о позорном бегстве гитлеровских полчищ из-под Москвы, о провале блицкрига. Затем

диктор рассказал о положении на Волховском фронте. Советские кавалеристы, танкисты, лыжники уже в 60-70 километрах западнее Волхова. Любино Поле, Земтицы, Любцы - в глубоком тылу. Сопротивление бесполезно, сдавайтесь в плен. Мы не расстреливаем пленных, геббельсовская пропаганда - наглая клевета...

Поначалу фрицы огрызались пулеметными очередями. Видимо, для того чтобы заглушить передачу. Затем начали обстрел из батальонных минометов. Однако диктор мужественно закончил чтение текста и "на закуску" включил музыку. Под аккомпанемент разрывов мин зазвучали штраусовские вальсы.

Наконец машина, целая и невредимая, укатила в сторону Мясного Бора. Я с восхищением смотрел ей вслед. Вот это - да! Не то, что моя жестянка. Действительно - мощная установка. Лейтенант еще с гордостью говорил о ней: моя звуковка. Мне бы на такой поработать!

Однако многие лыжбатовцы, а также соседи-пехотинцы моих восторгов не разделили. Попытки взывать к рассудку и совести заклятых врагов они расценили как явно безнадежное дело. Машину с рупорами прозвали "кричалкой", "трехтонным граммофоном", а мой мегафон - "пустоговорильной трубой". Когда политработники употребляли выражение "проводить работу по разложению войск противника", некоторые скептики язвительно шутили:

- И рупористы, и те, что на машине с громкоговорителями разъезжают, все это артель "Напрасный труд". Мы-то на практике убедились, что гитлеровцы разлагаются только в земле.

Да, в феврале сорок второго еще рановато было ждать от нашей пропаганды сиюминутной отдачи. У гитлеровцев еще не прошло опьянение от успехов первых месяцев войны, отдельные неудачи они считали временной заминкой. Добровольные сдачи в плен были еще большой редкостью.

И все же поставим себя на место солдат и офицеров вермахта, окруженных в приволховских деревушках. Получив от нас правдивую информацию о положении на фронтах и сопоставив ее со своим отчаянным положением, они не могли не задуматься. Наши передачи приучали их критически относиться к геббельсовской пропаганде.

И еще. Любое большое дело обычно начинается с чего-то малоприметного, на первый взгляд, незначительного. Теперь вряд ли кто станет оспаривать тот факт, что наша пропаганда среди войск противника внесла весомый вклад в дело победы над гитлеризмом. Но эта большая, сложная и кропотливая работа требовала опыта, материальной базы. Нужно было воспитать

кадры, обеспечить спецподразделения радиоаппаратурой и транспортом...

С этой точки зрения мое выступление с рупором у Мясного Бора и сеанс машины МГУ в морозную февральскую ночь сорок второго года представляются мне событиями весьма значительными. Это были первые робкие шаги новой разновидности политработников нашей армии. Их впоследствии назовут "радиосолдатами".

Боевое крещение

По приказу из Малой Вишеры наш лыжбат на двое суток задержался у Мясного Бора. Помогал частям, ведущим бой, расширять участок прорыва, передвигать левую верею к югу.

Необстрелянных ополченцев, еще не побывавших в кровавых сечах ратников описцы времен Дмитрия Донского называли "небывальцами во бранях". Так вот мы, лыжбатовцы, до сих пор были такими "небывальцами". Наконец у Мясного Бора приняли боевое крещение.

Штурмуем полузанесенные снегом деревушки. С виду - пустяк, заурядные сельские избы, овладеть которыми как будто можно без особых усилий. Но внешнее впечатление очень и очень обманчиво.

Перед избами простирается абсолютно голая снежная полоса шириной в двести, триста и более метров. Все, что мешало обзору, немцы убрали. Деревья, в том числе и плодовые, спилили и использовали для укреплений. Бани, сараи и другие хозяйственные постройки разобрали, сожгли. Даже пней и заборов не оставили.

На подходе к избам - минные поля, обычные проволочные заграждения, спираль Бруно. За ними траншеи полного профиля. Они ходами соединены со вторыми и третьими рядами траншей. Между избами притаились доты и дзоты, пулеметные точки. Да и сами избы представляют собой серьезные узлы сопротивления. В этих краях во многих из них есть так называемые подызбицы. Что-то вроде нулевого этажа. В отличие от подвалов в них имеются расположенные над самой землей невысокие оконца. Немцы укрепили эти подызбицы, вместо оконцев устроили амбразуры. Пока тихо, находятся наверху, в комнатах. Спят на мягких перинах, жарят, варят, режутся в карты. А лишь почуют опасность - одни бегут по ходам сообщения в доты и дзоты, другие спускаются в подызбицы.

Надо бы хорошенько пробомбить засевшего в деревнях противника, но наши самоы здесь - редкие гости. Надо бы покрепче врезать по фрицам из артиллерии, из крупнокалиберных минометов. Но из-за ужасного бездорожья, из-

за сильных снежных заносов артиллерийские и минометные подразделения и части застряли в пути. А те, которые уже здесь, на голодном пайке. Но ждать нельзя. Сверху нас подстегивают строгими и сверхстрогими приказами: давай, давай, давай! Мы и сами понимаем, что промедление грозит срывом всей операции.

Успех 172-го ОЛБ в первом бою, у Мясного Бора, оказался очень скромным: мы помогли "славянам" выбить немцев из половины деревеньки Земтицы. А потеряли десятка полтора убитыми и вдвое больше - ранеными. Скончался от тяжелой раны запевала третьей роты Саша Белов...

Очень скоро суровая фронтовая действительность заставит нас по-иному оценить наш первый бой. Мы поймем, что дорогая плата за земтицкие избы была вполне оправданной. Из Любиного Поля, Земтиц, Любцов, Крутика и других соседствующих с Мясным Бором селений засевших фашистов надо было выбивать во что бы то ни стало, любой ценой. Именно здесь гитлеровские дивизии захлопнут мясноборские ворота, и тогда в "Любанской бутыли", "долине смерти" счет наших погибших воинов пойдет не на десятки, а на сотни и тысячи.

На оси замерзает компас
Ногтем в стеклышко барабань!
Прорубается конный корпус
Из-под Вишеры на Любань.
Павел Шубин
От Мясного Бора к Ольховке

Вот тебе и на! То без 172-го никак не могли обойтись, то снимают с этого участка фронта не только наш лыжбат, но и 24-ю ОСБ. Но начальству виднее. Наше дело - выполнять приказ, который, кстати, очень устраивает нас.

Вышли под утро. Маршрут такой: Мясной Бор - Кречно - Новая Кересть Ольховка. На время перехода 172-й ОЛБ подчинен командованию 24-й ОСБ. Комбриг построил походную колонну таким образом: три роты нашего лыжбата использовал в качестве головного и боковых боевых охранений. Первая рота - впереди, вторая и третья - слева и справа на километровом удалении от головы колонны.

Двинулись. Задача у лыжников почетная, но очень трудная. Особенно достается боковым охранениям, которые по снежной целине продираются сквозь лесную чащобу, сквозь буреломы, напоминающие древние засеки, которые наши предки воздвигали для защиты от вражеских набегов. "Ведущие гуси" по возможности выбирают просеки, лесные тропы, поляны, но это удается далеко не всегда.

Идти лесом на лыжах очень тяжело. Рыхлый снег плохо

держит, его метровая-полутораметровая толща таит немало неприятных для лыжника сюрпризов: согнутый в дугу мелкий кустарник, пни, валежины. Пожалуй, не меньше трети лыжников спешилось. У одного порвалось крепление, у другого сломалась лыжа. Запасные где-то везут хозвзводовцы, но под руками их нет. А иным лыжбатовцам, особенно менее опытным, недостаточно натренированным, брести по снегу пешком все же легче, чем управляться с лыжами в столь трудной обстановке. Одни из них несут лыжи на плече, другие, скрепив пару лыж вместе, тащат их за собой как саночки.

Иногда нас обстреливают. Но издалека: разрывные пули звучно щелкают в верхних ярусах ветвей. Перед началом марша нас предупредили, что мелкие группы противника просачиваются к главному стрежню прорыва и с юга - со стороны Новгорода, и с севера - через дорогу Спасская Полисть - Ольховка.

Отдельные рощи и разделенные открытыми местами участки леса уральцы называют колками, самые труднопроходимые, заваленные буреломом места в лесу храпами, открытые места между колками - еланями. Так и движемся мы вперед: вступаем в колок, продираемся сквозь храп, лесной тропой или просекой выходим из великолепного зимнего бора на унылую елань...

Но и главной колонне нелегко шагать по болотисто-лесному проселку, волей военной судьбы вдруг ставшему важной военной магистралью. Идет утомленная до предела пехота. Натужно гудят грузовики. Швыряясь ошметками снега, приглушенно лязгают на мягкой дороге гусеницы танков и тягачей-челябинцев.

В растянувшуюся на километры колонну 24-й ОСБ вкраплены подразделения из других частей 2-й ударной. Едут конники из кавполка полковника Сланова. У каждого за спиной косо висит карабин и сбоку - сабля. К седлу приторочены солдатский котелок и сплющенное брезентовое ведерко. По обе стороны седла симметрично свисают переметные сумы. В них - личные вещи всадника и его сухой паек, овес и прессованное сено для лошади. А иные кавалеристы, у которых лошади покрепче, везут еще и дополнительный груз: завернутые в портянки мины или снаряды.

Попадаются низкорослые косматые и мохноногие лошадки. Но не "сибирячки", как мы поначалу думали, а уроженки монгольских степей. Гусевцы рассказывают, что эти исключительно выносливые маломерки прибыли к нам прямо из табунов и объезжать их, полудиких, пришлось в запасном полку.

Конники одеты очень скромно, прозаически - как пехота. Только изредка попадаются командирские бурки, которые так любят выписывать наши художники-баталисты.

Из-за сильного мороза и отсутствия твердого дорожного полотна снег никак не уминается. Сколько его ни месят, он остается сыпучим. Но становится плотным и тяжелым, как песок. Поэтому трудно приходится и пехоте, и коням, и моторам.

Местами колеса машин и траки гусениц проминают толщу снега насквозь, и внизу оказывается незамерзшая болотная хлябь. От соприкосновения излучаемого торфяными недрами тепла с пронзительно холодным воздухом рождается густой белый туман. Он заволакивает отдельные участки дороги.

Так возникают ловушки, опасные для лошадей, машин и артиллерии. В таких коварных местах срочно настилают лежневку. Впоследствии, весной, 2-я ударная построит сплошные бревенчатые дороги и даже узкоколейки на десятки километров. Но пока что гатят выборочно, особо труднопроходимые участки пути.

Лютый мороз щедро разукрашивает упревших людей и лошадей инеем. Кажется, сквозь первозданный бор потаенно пробирается сказочное воинство Снегурочки и Берендея. Поспешает, чтобы выручить попавших в большую беду друзей. А вверху, в темном небе, рыщут сеющие смерть посланники ненавистного Кащея. Пока не рассвело, "юнкерсы" бомбят лесную дорогу то наугад, то навешивая на парашютах "фонари".

И необычная для узкой лесной дороги перегрузка, и сооружение лежневок создают затяжные пробки. Чтобы прибыть в Ольховку в указанный приказом срок, комбриг-24 разделил колонну на две части. Артиллерию и обозы оставил на дороге, а стрелковые батальоны повел в обход лесными просеками.

И тут первой роте нашего лыжбата - головному боевому охранению - довелось выступить в роли, не предусмотренной боевыми наставлениями. Более сотни лыжников основательно приминают рыхлый снег. Идущим вслед за ними пехотинцам топать намного легче, чем брести по снежной целине.

Все больше "пешеходов" из третьей роты выбивается из сил. В их числе Итальянец. Устроив из лыж саночки, он приладил на них свой "сидор". Вид у Гриши Пьянкова далеко не итальянский. Даже на картинках я не видывал эскимосов, заиндевевших столь отчаянно. Мало того что от обильно выдыхаемого пара голова Итальянца покрылась толстым слоем инея - с краев его каски свисают солидные сосульки.

Посоветовавшись с Гилевым, лейтенант Науменко десятка полтора из наиболее отстающих, в том числе Пьянкова, отправил в главную колонну.

А наш Ускоренный Сережа знай шпарит самым выгодным при глубоком рыхлом снеге четырехшажным ходом. Конечно, сила

воли, стремление во что бы то ни стало не уронить свой командирский авторитет известную роль играют. Но для столь трудного испытания одного этого мало. Вот теперь выясняется, что наш юный лейтенант имеет основательную лыжную подготовку. А о Гилеве и говорить не приходится: это испытанный фронтовой лыжник.

Я держусь на лыжах удовворительно. Но состояние у меня довольно странное. Не то чтобы изнемогаю от усталости, но что-то творится со мной необычное. Будто воспринимаю происходящее сквозь сон. Голоса товарищей, которые рядом со мной, доносятся как бы издалека; слышу гул немецких самоов "с подвывом" и тогда, когда никакого наа нет; освещение в лесу кажется загадочным, как в детской сказке, деревья выглядят непривычно высокими... Нить событий - откуда, куда и зачем - вырисовывается смутно. Движения руками и ногами делаю наполовину автоматически.

Разобраться в этом странном состоянии мне удалось впоследствии, наблюдая за своими товарищами, беседуя с ними. От нервного перенапряжения, от перемогания и, главное, от длительного недосыпания могут появиться легкие галлюцинации. В отдельных редких случаях они принимают острую форму и переходят в так называемый фронтовой психоз.

Помню, в художественной литературе о войне, особенно о первой мировой, встречались описания фронтовых психозов. Причиной тяжелых нервных срывов авторы считали затяжные бои, атаки и контратаки, артиллерийские и минометные обстрелы, вид убитых, страх смерти... По моим наблюдениям - повторяю опять, легкие галлюцинации или, говоря солдатским языком, очумелость, возникает прежде всего от невероятного физического перенапряжения и недосыпания.

Впоследствии на фронте мне еще не раз доводилось попадать в экстремальные, как сейчас принято говорить, условия. И я снова впадал в знакомое уже мне состояние "очумелости". Но дело ограничивалось легкими формами. То же могу сказать о своих однополчанах. Только в одном случае нашего лыжбатовца пришлось отправить в медсанбат с диагнозом: маленько свихнулся парень.

Вливаемся в гвардию

В Ольховку прибыли под вечер 11 февраля. Наконец-то догнали наше "прославленное соединение"! Это оказалась 4-я гвардейская стрелковая дивизия. От приданных частей она настолько разбухла, что ее именуют также "опергруппой Андреева". Генерал-майор Андреев - командир дивизии.

Я очень обрадовался, узнав в 4-й гвардейской свою близкую

землячку. Перед войной в белорусском поселке Полыковичи - это всего в нескольких километрах от Могилева - постоянно дислоцировалась 161-я стрелковая дивизия. Я знал некоторых командиров этого соединения, их дети учились в средних школах Могилева, в том числе и в 8-й, где я учительствовал.

И вот, оказывается, моя землячка, соседка и хорошая знакомая стала первенцем советской гвардии Великой Отечественной. Четыре стрелковые дивизии, наиболее отличившиеся в сражениях в первые месяцы войны - 100-я, 127-я, 153-я и 161-я, - одним приказом 18 сентября 1941 года были преобразованы в гвардейские с порядковыми номерами: 1-я, 2-я, 3-я и 4-я.

4-я гвардейская завоевала свое звание в труднейших боях. А наш лыжбат стал гвардейским очень уж скоропалительно, без достаточных для этого оснований. Мы приняли этот щедрый дар военной судьбы как аванс, который ко многому обязывает.

Наш ОЛБ придали 8-му гвардейскому стрелковому полку. Ранее он имел номер 542. Командует полком-гвардии подполковник Никитин. Вместе с -гвардейцами 8-го будет пробиваться на север, к Чудову. На нашем пути два сильно укрепленных узла сопротивления немцев: Ольховские Хутора и Сенная Кересть.

Гвардия... Какая она? До встречи с живыми гвардейцами в Ольховке я представлял их себе в основном по историческим романам и картинам художников-баталистов. Понятие "гвардейцы" обязательно связывал с рослыми русскими богатырями-красавцами, одетыми в яркое, многоцветное обмундирование. Вспоминаются Семеновский, Преображенский, Павловский, Измайловский "его императорского величества лейб-гвардии" полки. Семеновцы щеголяли черными усами, павловцы - русыми, не то измайловцы, не то преображенцы - рыжими... Солдаты Московского лейб-гвардейского полка славились черными окладистыми бородами...

Гвардия... На моей родине, в белорусском местечке Освея, до глубокой старости дожил совхозный конюх Самодеенок. До революции он служил в гвардейском полку. Так вот, о бывшем гвардейце у нас рассказывали всевозможные были и небылицы. Дескать, какой это был в молодости силач, красавец, танцор и покоритель девичьих сердец!

Рассказывали еще о том, какой строгий отбор проходили новобранцы кандидаты в гвардейские части. В гвардию, мол, в старину не брали узкоплечих и конопатых, отсевали с кривыми зубами и оттопыренными ушами. А о росте уж и говорить нечего. У воинских начальников была якобы специальная "гвардейская

мерка", и хорошо, если из сотни рекрутов хотя бы один доставал макушкой до заветной планки.

Освейские старики рассказывали о Самодеенке с чувством нескрываемой гордости. Дескать, вот какие мы, освейцы, молодцы! Один из наших парней даже в гвардию попал.

И вот передо мной советские гвардейцы. Есть среди них и рыжие, и курносые, и конопатые. В большинстве своем - среднего и выше среднего роста. Но попадаются также и долговязые, и коротышки. Ныне для присвоения гвардейского звания иные критерии: отвага, воинская доблесть, умение воевать и побеждать.

У гвардейцев 4-й нет ни белых панталон, ни лосин, ч у них такие же ватные брюки, как у нас. На головах не пышные кивера, а такие же, как у лыжбатовцев, шапки-ушанки и стальные каски. Серые шинели у многих гвардейцев пробиты пулями, покрыты желтовато-бурыми подпалинами, оставшимися на память от походных костров.

Лица гвардейцев... Нелегко их описать! Вот уже полгода дивизия почти беспрерывно ведет тяжелые бои.

Здесь, на Волхове, гвардейцы третью неделю круглосуточно находятся под открытым небом, на свирепом морозе. Походы, стремительные броски, атаки... Бомбежки и артиллерийско-минометные обстрелы... Спят гвардейцы урывками: в наскоро сооруженных шалашах или дремлют на ходу, положив руку на плечо идущего впереди товарища.

Глаза у гвардейцев от длительного недосыпания воспаленные, лица от студеных ветров красновато-смуглые, как у северян-оленеводов, губы распухли, потрескались и кровоточат.

Впоследствии, уже после войны, я смотрел зарубежный документальный фильм об одной из попыток покорить величайшую горную вершину мира - Джомолунгму. Участникам экспедиции пришлось исключительно трудно: они карабкались на вертикальные обледенелые стены и перебирались через бездонные пропасти, на шести-семикилометровой высоте вслепую брели сквозь буран. Проводники-шерпы говорили, что злые духи, сторожащие Джомолунгму, на этот раз были настроены еще более свирепо, чем обычно.

К подножию горы вернулись не все. И когда я увидел на экране оставшихся в живых альпинистов, то память подсказала мне: вот так выглядели бойцы из 4-й гвардейской зимой 1942 года.

Вперемежку с мертвыми

Все то, что я рассказал о 4-й гвардейской, мы, разумеется, узнали не сразу, не в первый же вечер. После изнурительного

перехода из Мясного Бора в Ольховку падали с ног от усталости и воспринимать что-либо могли с большим трудом. Всеми нашими помыслами владело одно: скорее бы куда-нибудь завалиться и уснуть. Завалиться где угодно и на что угодно: на голый пол, на снег, в конюшне или в хлеву рядом со скотиной.

А с местом ночлега - опять проблема. Уцелевшие ольховские избы и надворные постройки заняты штабами и различными службами. Десятки телефонных проводов идут от крылечек, от резных оконных наличников, подвешены на ветвях фруктовых деревьев.

Нас куда-то ведут. То ли это поиски на авось, то ли квартирмейстеры уже нашли что-то определенное - пока неизвестно. По пути то и дело попадаются свежие, еще чадящие пепелища.

Особенно запомнилось одно пожарище. Когда бушевал огонь, поблизости растаял снег. А затем лужи позамерзали. В лед вмерз распластанный труп немецкого офицера. Он напоминает доисторическое насекомое, утонувшее в наплыве третичного хвойного дерева и сохранившееся до наших времен в куске янтаря.

Идем, вернее, бредем без строя. Роты перемешались. Выставленный на перекрестке дорог "маяк" хриплым голосом направляет:

- Первая и вторая роты - прямо, в лес, третья - налево, к сараю!

Итак, нашей роте сегодня повезло. Первую и вторую вряд ли ждут в лесу шалаши, их придется еще строить. А мы идем на готовенькое.

Вот она, наша "ольховская гостиница". Высокий колхозный сарай для сена. Каркас из брусьев, обшитый досками. Зыбкий деревянный пол гулко скрипит под ногами. Приятно пахнет смолистым деревом и сеном. Вспомнились первые ночи в далеком Зауралье. Сено куда-то подевалось. Осталось чуть-чуть, и то примятое, стоптанное.

На дворе уже смеркается, а в сарае тем более темно. В разных местах вспыхивают огоньки спичек. Хотя доски обшивки пригнаны одна к другой неплотно и кое-где видны сквозные щели, после злого колючего ветра нам кажется, будто вошли в теплое помещение.

А где же мой напарник Фунин? Мы уже привыкли с ним спать спиной к спине. Так и не нашел Владимира. А пока искал, спрашивал, все лучшие места оказались занятыми. Еле разыскал свободный пятачок в самом дальнем углу. Прислонился спиной к незнакомой спине и стараюсь как можно скорее уснуть. Впрочем,

особенно стараться не надо - сон сам быстренько одолевает меня...

Уже сквозь дремоту слышу, что неподалеку от меня ужинают Нургалиев и Воскобойников. Грызут что-то неподатливое - мерзлый хлеб и сушеную рыбу, что ли? - и вполголоса переговариваются между собой.

Муса. Однако пока тепло. Может, до утра своим нутряным жаром дотянем.

Философ. Погоди радоваться, Муса. К утру тебя до самых печенок-селезенок проберет. Ты рассуждаешь, как тот цыган... Изорвался у него шатер, так он в самый сильный мороз старую рыбачью сеть на колья натянул - и сидит довольный. Просунул палец в дырку и говорит: "Ой, как на дворе холодно!"

"Ну и молодцы! - с завистью подумал я, засыпая. - У них еще хватает сил не только на ужин, но и на анекдоты".

Философ оказался прав: к подъему меня пробрало "до самых печенок-селезенок". Дело усугубилось еще тем, что спина моего незнакомого напарника абсолютно не грела. Не то что фунинская!

Вскочил, встряхнулся. Б-р-р-р... как холодно! Не надо по-цыгански высовывать палец наружу - всем телом ощущаю, что и внутри сарая мороз под тридцать.

Но почему на меня уставились ребята? Почему собрались вокруг и хохочут? Да еще какие-то шуточки отпускают. Спросонья не сразу соображаю, в чем дело.

- А наш архангел Гавриил совсем с фрицами сдружился!

- Под Мясным Бором этак задушевно беседовал с ними...

- А тут всю ночь с рыжим фрицем в обнимку проспал!

С фрицем в обнимку? Что за ерунда! На дворе уже утро, свет сквозь щели частично проникает внутрь сарая. Всматриваюсь в моего, лежащего в неизменной позе, напарника... И наконец соображаю: мертвый немец! Шинель не наша длиннополая, темно-мышиного цвета. Босой и без шапки. Лицо заросло густой рыжей щетиной.

А дальше, в самом углу сарая, еще несколько десятков мертвых немцев. Лежат навалом. Видимо, как и в Земтицах, трупы собрали в одно место, чтобы затем эвакуировать в тыл. Но вывезти не успели.

"Мой" немец лежал немного в стороне от штабеля. К нему-то я и "пришвартовался" в темноте.

Глядя на груду мертвых гитлеровцев, Философ рассуждает:

- Так вот какие вы, фашисты! Моему деду Ерофею довелось еще с турками воевать. Бывало, читает, читает Библию, затем прикроет книгу и вслух беседует сам с собой: "Осподи, сколько

разных чудных народов во время оно на свете жило! Моавитяне, египтяне, израилитяне, филистимляне, амалекитяне, вавилоняне... Разве упомнишь всех. Свой глаз - алмаз: поглядеть бы, какие они из себя были? Мне сдается, все они на турок смахивали..." А на кого вы смахиваете, фашисты-разбойники? Пожалуй, похожих на вас быть не может.

Закончив свой монолог, адресованный ко всем лежащим в углу сарая мертвым гитлеровцам, Философ обратился персонально к "моему" немцу. Даже присел перед ним на корточки.

- И зачем же ты, рыжий фриц, послухался своего сумасшедшего фюрера? За какой надобностью полез в Россию, добрался до самого Волхова? Видишь, как хреново получилось! Закопают тебя в мерзлое болото, ом вырастет над тобой багульник или болиголов - и никто из твоих родных не узнает, где ты сгинул, куда твои косточки подевались...

Бритье по-ольховски

После утренней поверки и завтрака в приказном порядке: бриться. И не только побриться - сменить подворотнички и вообще привести себя в гвардейский вид. Ожидается дивизионное и полковое начальство, оно устроит нашему лыжбату смотр.

Нелегкая это задача в такой обстановке приводить себя в божеский, то бишь гвардейский вид! На сильном морозе куда легче работать ломом и пешней, чем иглой и бритвой. Процедура бритья осложняется еще тем, что лица у всех у нас сильно обветрены, у иных даже слегка обморожены, кожа воспалена и шелушится.

Со скрежетом зубовным бреемся. И вдруг тах-тах-тах - зачастили зенитки. И где-то неподалеку послышались разрывы падающих бомб. Пока длился на, одни в суматохе поразливали теплую воду, у других она остыла. На недобритых щеках и подбородках засохло мыло.

Опять греем воду, опять намыливаем щеки и подбородки. Костер горит внутри сарая. Чтобы не загорелся дощатый пол, посреди насыпан толстый слой песку и сверху положено несколько листов гофрированной жести. Это сделали постояльцы ольховских апартаментов, ночевавшие здесь до нас.

Вовсю торопимся. Вот-вот опять наят "юнкерсы". Вот-вот нагрянет начальство, а мы не готовы.

Но начальство нас врасплох не застало. Мы успели-таки привести себя в гвардейский вид. Выстроились на опушке леса. И с большим удовворением, даже с гордостью обнаружили: а ведь, несмотря на потери под Мясным Бором, наш лыжбат еще имеет вид. Особенно внушительно выглядит строй после выполнения

команды: "Лыжи на плечо!"

- Вот теперь бы показать нас прикамцам! - горделиво говорит Итальянец. - А то все зубоскалили: чалдонбат да чалдонбат...

- Р-разговорчики! - одергивает нарушителя старшина Кокоулин.

Общая команда: "Кру-у-гом!" Оказывается, начальство появилось совсем не с той стороны, откуда его ждали. Наш комбат отдает рапорт комдиву. Генерал-майора Андреева сопровождают командир 8-го гвардейского полка - уже довольно пожилой подполковник - Никитин, комиссар полка Филиппов и еще несколько старших офицеров.

Начальство идет вдоль строя. К выправке не придирается. Выборочно осматривает лыжи, автоматы, обмундирование. Комдив задержался напротив Авенира. Ростом генерал не высок, на нашего правофлангового ему приходится смотреть снизу вверх.

- Как звать, товарищ боец?

- Рядовой Гаренских, товарищ гвардии генерал-майор!

Десятки раз наш великан принимал рапорты, условно изображая из себя больших начальников, вплоть до генералов. А сегодня впервые довелось самому рапортовать генералу. Не условному, а самому настоящему.

- Вот это гвардеец! - с восхищением сказал своим спутникам генерал и опять обратился к Авениру: - Откуда родом? В каких краях русские матери производят на свет этаких богатырей?

- Из Нижнего Тагила, товарищ гвардии генерал-майор.

- Значит, уралец. Тогда все понятно! А почему такой огромный вещмешок? В нем ничего лишнего нет?

- Да как будто ничего лишнего, товарищ гвардии генерал-майор. Сухой паек, запасные портянки и белье, запасные диски к ручному пулемету. Да еще пара сапог. А они у меня не маленькие - сорок восьмой номер...

- И валенки и сапоги? Богато живете! У остальных лыжников тоже так?

- Весь батальон еще в запасном получил и валенки и сапоги.

- А ну-ка, покажите ваши чудо-сапоги.

Авенир поставил перед собой свой "сидор", вынул из него сапоги и протянул генералу. Показав гигантское кирзовое изделие своим спутникам, комдив отошел шагов на тридцать из строя, высоко поднял Авенирову обувь и обратился к лыжбату с такими словами:

- Товарищи лыжники! Берегите, ни в коем случае не теряйте это добро. Уже через месяц, когда начнет пригревать весеннее солнце, сапоги понадобятся вам.

Закончив беглый осмотр нашего обмундирования и вооружения, комдив, комиссар и комполка обратились к нам с краткими речами. Все трое говорили об одном и том же. Ленинградцам очень трудно. Ленинградцы в огненном кольце. Ленинградцы на голодном пайке. Ленинградцы ежедневно умирают сотнями и тысячами. Но держатся, героически сражаются. Наша задача - как можно скорее перерезать смертельную петлю, которой фашисты пытаются удушить Ленинград.

... И мы близки к цели. Передовые части 2-й ударной подходят к Любани. Они уже недалеко от пробивающихся навстречу дивизий Ленфронта. Еще несколько усилий - и мы соединимся с ленинградцами.

...Очень ответственные задачи поставлены и перед 4-й гвардейской дивизией. Но чтобы выполнить их, надо в ближайшее время прорвать сильно укрепленный рубеж немцев в районе Ольховских Хуторов. Командование дивизии возлагает большие надежны на прибывшее пополнение - уральских лыжников.

Эти воодушевляющие слова навели меня на раздумья вот о чем. Об отчаянном положении ленинградцев нам говорили уже не раз. И провожая на фронт, в запасном, и в Рыбинске, и Малой Вишере. С тех пор как мы сели в эшелон, прошло пять недель. Сколько же тысяч ленинградцев умерло за это время! И хотелось верить, что оптимистические прогнозы командования дивизии скоро сбудутся: в кольце блокады будет пробита спасительная для ленинградцев брешь.

"А как сейчас чувствует себя старшина первой роты Боруля?" - вдруг подумал я и стал искать его глазами на правом фланге батальона.

Мы бились с врагами у стен Ленинграда,
Во мгле новгородских болот,
Под нами шаталась земля от снарядов
И плавился волховский лед.
Павел Шубин

Часть 4. Гажьи Сопки

На помощь гвардейцам

Итак, мы в Ольховке. Но где эта затерянная среди волховских болот и лесов деревня, представляю себе очень смутно. Единственная карта местности имеется в штабе батальона. Лейтенант Науменко от руки, очень приблизительно, начертил нужные нам на ближайшее время квадраты. Разрешил мне и Фунину заглянуть в свою схему.

Зажатая с запада и востока болотами Ольховка раскинулась на берегах Керести. Река эта течет с юго-юго-запада на северо-

северо-восток и впадает в Волхов. На Керести - Чудово. До него от Ольховки чуть побольше двадцати километров, на пути к нему два сильно укрепленных узла сопротивления немцев Ольховские Хутора и Сенная Кересть.

Оперативная группа Андреева вышла далеко в тыл немецкой группировки, засевшей в Спасской Полисти. Ольховка западнее этой железнодорожной станции на целых пятнадцать километров...

И еще на схеме бросается в глаза вот что: масса болот. Собственно, болота занимают даже значительно большую площадь, чем земная твердь. Леса, рощи и деревушки разбросаны среди мшистых зыбунов и бездонных хлябей отдельными островками.

Рачительные хозяева своего края, новгородцы не обошли вниманием это труднодоступное царство леших, шишиг и кикимор. Они взяли на учет и нарекли каждое болото и болотце. Прошкино болото, Ольховское, Замошское, Нижнее болото... Михайловский Мох, Дубровский, Апалеевский, Грядовский, Кривинский Мох... Болота Отхожий Лес, Глажевник, Гажьи Сопки...

Я уже писал, что названия новгородских рек, селений и урочищ показались мне очень благозвучными. Одну из главок я даже назвал "Топонимической симфонией". А вот о "болотной топонимике" этого сказать никак не могу. Кривинский Мох или Гажьи Сопки никак не впаются в симфонию.

- Допустим на минуту, что в этих гиблых местах мы застрянем до весны... глядя на схему, задумчиво говорит Владимир. - Болота сомкнутся друг с другом и поглотят все живое.

- Да, - соглашаюсь я. - Тут даже на Ноевом ковчеге не спасешься.

- К весеннему половодью мы будем далеко от этих мест, - успокаивает нас лейтенант Науменко.

Но куда военные смерчи забросят наш лыжбат к весеннему половодью - это узнают счастливчики, оставшиеся в живых. А пока что мы в Ольховке - столице огромнейшего болотного края - и идем занимать позиции на болоте с самым зловещим названием - Гажьи Сопки.

8-й гвардейский понес сильные потери. Подполковник Никитин решил за счет прибывшего пополнения уплотнить слишком уж редкую линию обороны. Снял на правом фланге полка один стрелковый батальон и освободившийся участок передал нашему лыжбату.

Прошли на север около четырех километров. Вот они, Гажьи

Сопки. Вот он, наш участок обороны. Торфяное болото, не замерзшее под толстым покровом снега. Земляных окопов нет. Глубокая снежная траншея почти полного профиля, дно ее выстлано хворостом и ольховыми жердочками. Под настилом - ломкий рыжевато-бурый ледок.

Нейтральная полоса представляет собой бугристую снежную целину. Если и были на ней проложенные человеком или зверем тропы, их занесло вчерашней метелью. Чахлые ольшины и осины, группы низкорослых елочек, примятый толщей снега и согнутый в дугу лозняк, кое-где торчат осыпавшиеся зонтики прошлогоднего дудника и болиголова. На той стороне нейтральной полосы начинается густой низкорослый ельник, переходящий в высокоствольный хвойный лес. Там - немцы.

Примерно так же выглядит и наша сторона: хвойный лес, отороченный подростом и кустами. Мы и немцы противостоим друг другу на двух соседних сопках.

Нейтральная полоса - одно из ответвлений огромного болота, которое простирается на много километров к северу и вправо, на восток.

Следует оговориться, что приволховские сопки мало похожи на сопки дальневосточные. Здесь они возвышаются над поверхностью окружающих болот всего на каких-нибудь полтора-два метра. Но и этого достаточно, чтобы на относительно сухих островках вырастали не чахлые деревца, а нормальные сосны и ели.

Линия обороны на этом участке и у нас, и у немцев не сплошная, а очаговая. Траншея тянется метров на триста, затем на километр-полтора идет снежная целина. Напротив соседней сопки - опять примерно такая же траншея и, наконец, еще одна. По траншее на роту. Наша третья рота оказалась на самом правом фланге лыжбата и всего полка.

На сопках, в лесу, шалаши и землянки. Их оставили нам в наследство наши предшественники. Снежные траншеи служат в основном для патрулирования дозоров. Постоянные огневые точки оборудованы не в траншее, а на опушке леса. Роты соединены между собой очень глубокими пешеходными тропами, проложенными в лесу или в зарослях кустарника.

На лошадях подъехать можно только к штабной землянке лыжбата, которая расположена в полукилометре от переднего края. Доставка продуктов и боеприпасов от штабной землянки в роты и транспортировка в тыл раненых возможны только на волокушах или на солдатском горбу.

Днем немцы только изредка постреливали, а с вечера активизировались. Над их сопками пышно расцвели десятки

разноцветных ракет, и затем иллюминация продолжалась всю ночь. Усилилась пулеметная стрельба. Время от времени в нашу сторону с визгом ят мины. Правда, пока мелкого калибра. Но мина есть мина, даже самая крохотная, ротная, может убить, искалечить нескольких человек.

Пулеметную стрельбу немцы ведут беспорядочно, неприцельно. Видимо, для острастки. Причем у них большой процент разрывных пуль. Об этом можно судить по характерным звонким щелчкам, которые то и дело раздаются вверху, в кронах сосен и елей.

Вот такое неуютное и беспокойное хозяйство мы приняли на Гажьих Сопках.

Слоеный пирог

Лыжбатовцы недовольны, лыжбатовцы ворчат. Так догоняли свое "прославленное соединение", такие надежды возлагали на него! И дивизионное начальство приняло нас как будто радушно, пообещало использовать лыжников по назначению. А что же получилось на деле? Нас загнали в болото и дали участок обороны, как обычной пехоте. Чего доброго, опять прикажут штурмовать немецкие укрепления, как это случилось под Мясным Бором! А что же делать с лыжами? На кострах их палить, что ли?!

Лейтенанту Науменко и политруку Гилеву стало известно об этих настроениях. На следующий день они провели во взводах "разъяснительно-успокоительные" беседы.

Почему наш лыжбат спешился? И надолго ли?

Спешились не только лыжники. Заняли оборону в траншеях и многие эскадроны из кавкорпуса Гусева. Надо преградить путь противнику, напирающему с севера и юга. Иначе немцы отрежут 2-ю ударную от остальных армий Волховского фронта. И как только собьем немцев с Ольховского рубежа - кавалеристы опять сядут на коней, а мы станем на лыжи.

Как это получилось: справа у нас нет никаких соседей? Открытый фланг, что ли?

Это очень сложный вопрос. У нас не хватает сил, чтобы организовать сплошную оборону. Одна дивизия ведет бои у Спасской Полисти, другая - у Мясного Бора, третья - здесь, у Ольховских Хуторов... А ведь боевые дивизии нужны главным образом на острие прорыва, чтобы прорубаться вперед, к Любани.

...Так что от нашей третьей роты и до Спасской Полисти - это более десяти километров - никаких наших укреплений и постоянных частей нет. Это "окно" стерегут подвижные лыжные отряды из других ОЛБ. Очень возможно, что такой отряд потребуется и от нашего лыжбата.

А вдруг немцы попрут от Чудова в это десятикилометровое

"окно"? Зачем им лезть напролом через Ольховку, которую обороняет целая гвардейская дивизия, если рядом свободный проход?

Этот проход только с виду свободный. Там такие незамерзающие под снегом болота, что напрямик по ним ни танкам, ни артиллерии, ни обозам не пройти. Пока что немцам удается засылать через это "окно" к нам в тыл только лыжные разведотряды.

...Более или менее надежная дорога от Ольховки к Чудову идет по правому берегу Керести через Ольховские Хутора и Сенную Кересть. Вот почему в этом месте немцы перегородили нам путь сильными укреплениями, вот почему на этом направлении с обеих сторон столкнулись крупные силы.

Оказывается, и у немцев есть лыжники?

Да, лыжники есть и у них. Скоро мы познакомимся с ними и померимся силами.

Науменко и Гилев перешли в соседнюю землянку. Первый взвод переваривает полученную информацию, дополняя ее и достоверными сообщениями, и непроверенными слухами, полученными по "солдатскому радио".

Беседа комроты и политрука в общем-то подбодрила нас. Есть надежда, что в Гажьих Сопках проторчим недолго. И в пехоту нас превращать никто не собирается. Даже имея наравне со "славянами" постоянный участок обороны, будем одновременно получать задания как настоящие лыжники.

И все же на душе у всех очень тревожно. Эту тревогу порождает чрезвычайно запутанная и опасная конфигурация этого участка фронта. В самом деле, вот какая картина вырисовывается, если местонахождение нашего лыжбата принять за начало координат.

Напротив нас, на сопке - немцы. Вправо - открытый фланг, через "окно" с севера на юг и обратно снуют немецкие лыжники. Далее на восток, по ту сторону "окна", - узкая полоса наших частей, штурмующих Спасскую Полисть с запада. На станции и пристанционном поселке засели немцы. С востока Спасскую Полисть опять блокируют наши.

Левее нас - стрелковые батальоны подполковника Никитина. А дальше на запад, на левом берегу Керести - опять немцы, они вклинились в нашу оборону с севера. За немецким клином - опять наши. Пехота и гусевские конники ведут бой за Красную Горку. Наконец последняя перемычка из фашистских дивизий, отделяющая нас от ленинградцев.

Вот какой получается слоеный пирог!

Разговоры в первом взводе о необычайно запутанной

конфигурации линии фронта на нашем участке подытожил Философ:

- Во всей этой неразберихе одно ясно. Местные гады на Гажьих Сопках теперь спят крепким сном, забившись в мох, в торф и под коряги. А пришлые, фашистские, гады поверху ползают. Так надо двуногих гадов покрепче оглоушить и на веки вечные закопать в волховское торфяное болото рядом с гадами безногими.

Надо! Но как это сделать? Хватит ли у нас для этого сил и умения?

Не будешь думать вновь и вновь,
Коль за атакой - вновь атака,
Про жизнь и первую любовь,
Когда устал ты как собака.
Сергей Орлов. Перед атакой

Ведь самый страшный час в бою
Час ожидания атаки.
Сейчас настанет мой черед.
За мной одним идет охота.
Семен Гудзенко. Перед атакой

Перед атакой

Пока дело дошло до обещанных дальних рейдов, мы получили приказ, для выполнения которого лыжи явились бы только помехой. Вместе с никитинцами будем штурмовать Ольховские Хутора.

Это не просто название местности, оставшееся от столыпинских времен. Ольховские Хутора - и поныне существующее селение, в котором, в отличие от соседней Ольховки, усадьбы отстоят далеко одна от другой.

Несмотря на явно "пехотный" характер задачи, на этот раз мы восприняли ее как свою, лыжбатовскую. Дескать, тут совсем другое дело, чем у Мясного Бора. Там помогали "чужой" части, а здесь - боевая операция 4-й гвардейской. И впереди ясная перспектива: как только отбросим немцев к Чудову - перед нами откроется оперативный простор. Тогда и лыжи в ход пойдут.

Наши ребята даже шуточки отпускают:

- Значит, получается так: немцы - за хуторскую систему, а мы - против. Вот и схватимся друг с другом, начнем доказывать автоматами и ручными гранатами.

- Я еще со школы помню: столыпинские хутора - большое зло.

- А ежели вдобавок промеж хуторами фашистских дотов и дзотов густо нагорожено - это уж совсем поганое место на земле советской...

Но шутки шутками, а на душе у лыжников тревожно. На

легкую победу рассчитывать не приходится. Каждый из нас понимает, какой крепкий орешек предстоит разгрызть...

Судя по рассказам никитинцев, узел "Ольховские Хутора" укреплен немцами еще сильнее, чем Любцы, Любино Поле и Земтицы. Здесь все есть, что мы видели у Мясного Бора, - и минные поля, и проволочные заграждения, и несколько рядов траншей, и густая сеть дотов и дзотов, и укрепленные подвалы. Но, говорят, по сравнению с околомясноборскими деревушками имеется здесь и новинка: на подходах к хуторам возведены высокие снежные валы, облитые водой. Это очень серьезное препятствие!

Так что 8-му гвардейскому, который попытался было овладеть этим рубежом, после ожесточенных боев удалось захватить всего два хутора. У немцев пока остается в несколько раз больше.

Появилась новинка и у штурмующих укрепления: так называемые удлиненные заряды. Железную трубку длиной в два метра и диаметром около пяти сантиметров наполняют пятью килограммами взрывчатки. Общий вес получается десять килограммов. По примеру никитинцев мы называем эти штуковины "бешеными сосисками".

"Бешеные сосиски" выдвигают на минное поле, подсовывают под ряды колючей проволоки, всовывают между звеньями спирали Бруно. И в нужный момент взрывают.

Короче, удлиненные заряды намного облегчают прокладывание проходов в укрепленной полосе. Особенно они эффективны при обезвреживании мин. От взрыва спаренной "сосиски" мины детонируют на два-три метра по обе стороны трубок.

Но снежно-ледяной вал удлиненными зарядами не одоь. Тут надо или из орудий прямой наводкой палить, или подрывать крупными зарядами тола.

Наш комбат решил на этот раз обойтись без сборных штурмовых групп. Менее подходящих для предстоящей операции лыжников оставили на Гажьих Сопках охранять позиции лыжбата. А то, что осталось в каждой роте, и составило отдельную штурмовую группу. В атаку их поведут сами командиры рот.

Близится утро... Третья рота сосредоточилась в редком ольшанике. Зимой это не ахти какое надежное укрытие, нас более устроил бы ельник. Но у природы свои законы, свои планы. Не ведая о предстоящих сражениях у Ольховских Хуторов, она вырастила в этой низинке несколько десятков никому не нужных ольшин.

В ожидании своей очереди наблюдаем, как в снежные

траншеи ползком втягиваются дивизионные саперы. В 4-ю гвардейскую входит 154-й отдельный саперный батальон. По новой, гвардейской, нумерации он стал 14-м ОСБ. По просьбе командира группы саперов лейтенант Науменко выделяет десять лыжников они помогают тащить грузы по траншеям.

А рассвет все ближе и ближе... Нервозное напряжение нарастает. Руки заядлых курильщиков машинально тянутся к прорезям в маскировочных шароварах за табаком. Но повисают на полпути - курить здесь строжайше запрещено.

- Потерпим, ребята! - разгадав смысл этих непроизвольных жестов, полушепотом говорит старшина Кокоулин. - После атаки всласть накуримся. На отбитых у немцев хуторах.

В шепоте Кокоулина прорываются гортанно-хрипловатые нотки. Я уже давно заметил: в минуты сильного волнения у большинства людей голос сдвигается с обычной тональности. У одних он повышается, иногда вплоть до неприятной визгливости; у других, наоборот, понижается, бывает, до простудной хрипоты.

Какой-то зловредный суфлер подсказывает невеселую мысль: "Покурим, да не все. Кто-то из нас уже вы- -курил свою последнюю цигарку".

Чтобы отвлечься от навязчиво-тревожных мыслей, наблюдаю за товарищами.

Муса сидит на корточках. Удивительно, как долго он может пребывать в такой позе! Видимо, унаследовал эту способность от далеких предков.

Итальянца раньше всех донял мороз. Гриша то переступает с ноги на ногу, то прыганет на месте. Вытоптал в снегу большой пятачок.

Почему Науменко включил Пьянкова, одного из самых слабых солдат роты, в штурмовую группу? Его как будто в первую очередь стоило оставить на Гажьих Сопках. Видимо, лейтенант учел другие качества Пьянкова. Очень уж этот боец исполнительный и старательный.

Когда Гришу называют Итальянцем, он внешне не злится, не огрызается и только добродушно отшучивается. Но фактически очень переживает, что его считают неженкой, слабаком, и изо всех сил тянется за другими, старается доказать, что он не какой-нибудь "хлипкий итальянец", а настоящий двужильный уралец.

И Авенир здесь. А ведь уже не раз был разговор о том, что его "двухэтажность" для штурма укрепленного рубежа не столько преимущество, сколько помеха. И слишком заметная мишень; и в траншеях, в узких проходах, такому детинушке пролезать трудно. Но Авенир лучший в роте пулеметчик. Кроме того, если завяжется рукопашная, уральский великан уж покажет свою богатырскую

силушку.

У нас все еще тихо, а западнее, на берегу Керести, и северо-восточнее, в районе так называемой Круглой рощи, началась какая-то заваруха. Вспыхнула интенсивная ружейно-пулеметная и минометная перестрелка, в серое предутреннее небо взают частые ракеты.

Опыт боев у Мясного Бора подсказывает догадки. Если это не "сабантуй", предпринятый немцами, то очень похоже на отвлекающую операцию. А может, наоборот: основной удар наносится там, со стороны Керести или у Круглой рощи? Дивизионное командование свои тайные намерения разглашать не станет.

Нет! Все-таки основной удар наносится отсюда, с юга. Для отвлекающей операции столько саперов и взрывчатки не понадобилось бы.

Пришла пора переходить на второй исходный рубеж, то есть ползти вперед по траншеям.

- Пошли, товарищи! - взмахнув рукой, шепчет комроты. По возрасту Науменко самый младший в роте и называть нас "ребятами" не решается. Такое обращение могут позволить себе политрук Гилев и старшина Кокоулин, которым уже за тридцать.

. На участке третьей роты несколько параллельных снежных траншей. Кому в какую вползать и в какой последовательности ползти - известно каждому. Комроты, политрук, комвзвод-1, комвзвод-2 рассредоточены по траншеям. На каждого приходится по пятнадцати - двадцати бойцов. Комвзвод-3 Большаков остался за командира роты на Гажьих Сопках.

Я в траншее лейтенанта Науменко. Впереди меня Муса, позади - Философ. Стоп! - наша "сороконожка" остановилась. Оказывается, траншея кончилась. Привалившись к снежной стенке, лейтенант жестом руки указывает подползающим бойцам: одному - вправо, другому - влево. Выбравшись из траншеи, выстраиваемся в одну линейку и ползем вперед уже по глубокому снегу. Следим, чтобы снег не набился в дуло автомата.

Стоп! - залегли. Уже совсем недалеко впереди копошатся саперы.

Ох уж эти ракеты! Немцы пользуются ими в десятки, в сотни раз чаще, чем мы. Каждый немецкий батальон располагает запасом ракет большим, чем средней руки королевский двор накануне коронации монарха.

Наблюдать за ночными фейерверками, которые немцы устраивают на переднем крае, довольно интересно. Описывая красивые параболы, ракеты распускаются в небе пышными цветами и падают многоцветной огненной россыпью. И одна

другую не повторяет: у каждой своя расцветка, свой рисунок, у каждой свой срок быстротечной жизни.

Совсем другое дело, когда ты лежишь, вжавшись в снег, под носом у немцев и огненные параболы "шагают через тебя". Когда пугающе близко раздаются выстрелы из ракетниц и ухо улавливает шипение снега, вызванное не успевшими на у остыть ракетами-долгожительницами.

Когда вражеская ракета над нами в зените, - несмотря на яркое освещение, вернее, благодаря ему, - окружающий ландшафт кажется зловеще-мертвым, инопланетным. Но вот ракета пошла вниз, она все ближе и ближе к земле... У деревьев, кустов и строений, даже у сугробов рождаются и быстро растут тени. В последний момент они достигают гигантских размеров, принимают причудливые, подчас фантастические формы и стремительным рывком проносятся по снежной равнине.

Будто пытаются выследить нас, распластанных на снегу.

Лишь на короткий миг наступила темнота - и вот уже плывет в небе новая ракета...

По темпу и ритмике ракетной феерии можно примерно судить о настроении немцев. В данный момент иллюминация производится в темпе модерато. Ракеты взают более или менее через равные промежутки времени.

В этом спокойно-размеренном темпе угадывается психологическое состояние бодрствующей смены немцев, запускающей ракеты. Дескать, у нас все тихо, все спокойно. У нас "аллес ин орднунг" - все в порядке. Правда, на флангах беспокойные и непоседливые русские опять подняли "виррварр" - суматоху. Но это далеко от нас. Нам же военная судьба даровала сегодня спокойную ночь. Пусть "зольдатен унд оффициирен" досыпают последний час перед подъемом. А после "фрюштюка" - завтрака и мы завалимся отдыхать...

Я только раз видала рукопашный.

Раз - наяву. И тысячу - во сне.

Кто говорит, что на войне не страшно,

Тот ничего не знает о войне.

Юлия Друнина

Атака

И вдруг модерато нарушилось, сменилось ускоренно-лихорадочным темпом. Ракеты ят вверх намного чаще, торопливо догоняя одна другую. Иногда они взвиваются дупом.

Зататакал вражеский "машиненгевер", к нему подключился второй, третий, четвертый... Некоторые пули с пронзительным завыванием рикошетят от ледяного вала. В ольшанике, откуда мы только что выбрались, разорвалась первая серия мин.

Началась наша артиллерийско-минометная подготовка. Вот теперь саперам надо действовать, дорога каждая секунда. Впереди, совсем близко от нашей цепи, послышались частые взрывы, вверх взметнулись облака дыма и снега. Довольно сильный северный ветер обдал нас запахами пороха и гремучей ртути.

После начала нашей артподготовки противник приутих. Именно - приутих, а насколько он подавлен - это другое дело. Все выяснится во время атаки.

Науменко, полусидя, привалившись левым плечом к тупиковой стенке снежной траншеи, то бросает озабоченные взгляды вперед, то выжидательно посматривает назад. Опасается, как бы не пропустить сигнальные ракеты.

Огненный вал артподготовки передвинулся вперед, в глубь немецкой обороны, и тотчас же над ольшаником взвились две ярко-красные ракеты. Это - наши!

Выбравшись ползком из траншеи, лейтенант махнул рукой и что-то крикнул. Что именно, мы не расслышали, но поняли правильно: "Пошли вперед!". Точнее, не пошли и не побежали, а, следуя примеру комроты, поползли вперед. Пожалуй, лейтенант прав. Подыматься пока слишком рискованно: с правого фланга вовсю чешет немецкий пулемет.

Доползаем до полосы, вытоптанной саперами. За ней - колючая проволока. Проход в заграждении обозначен двумя горящими электрофонариками. В него ползком втягиваются гилевцы, мы следуем за ними.

По ту сторону колючей проволоки - заминированная полоса. Исполнительные и проворные саперы и в ней успели подготовить проход. Вехами-ориентирами для нас служат воткнутые в снег броские цветные флажки.

Полоса тянется по южному отлогому склону длинного и невысокого бугра. За ней, уже на бугре, возвышается снежно-ледяной вал. Нетрудно догадаться: на сооружение его пошел снег, который немцы сгребли с участков, намеченных для минирования. В валу, как в крепостной стене, проделаны амбразуры.

Разминированный участок пересекаем бегом. Пока затаившись лежали на снегу, приходилось молчать. Нельзя было даже кашлянуть, только тяжело сопели. Ползли по-пластунски - тоже молчали. Кричать лежа не принято, это даже противоестественно. Но лишь только побежали вперед, у всех непроизвольно, синхронно вырвалось из груди: "Ур-р-р-а-а-а!"

Чрезвычайно опасный для нас правофланговый пулемет замолчал. Или, быть может, мы выбрались из его сектора

обстрела. Пули свистят, но намного реже, чем до нашей артподготовки. И мины падают слишком разбросанно. Видимо, вражеской батарее пришлось перебраться на новую, более удаленную позицию. Судя по обстановке, наш "бог войны" и за четверть часа сумел дать немцам жару.

У самого снежного вала нагоняем наших саперов. Здесь затишек, для пуль "мертвая зона". Вал высотой около двух метров. Конечно, можно преодоь его, подсаживая друг друга. Но это было бы безрассудным лихачеством. Наверху смельчака в два счета скосят. А тех, кого минует пуля, неизвестно какие сюрпризы ждут на той стороне. Вдруг там еще одна заминированная полоса?

Саперы прилаживают фугасы. Показывают жестами и кричат: "Отойдите подальше!" Зажигают рискованно короткий шнур - дорога каждая секунда! - и сами отбегают к нам. Ба-ба-бах! - три мощных взрыва слились почти в один.

Шуму много, а результат далеко не отличный. Взрывы разнесли ледяной панцирь, но снежную начинку выбросили не полностью. В воротах остался довольно высокий порог, перебираясь через который, мы легко можем угодить под пулю.

Саперы и лыжники устремились в проход одновременно, вперемешку. До выяснения обстановки - ползком. А дым-то какой! И проход, и часть низины заволокло. Впрочем, это даже кстати: дымовая завеса в нашу пользу.

Саперы наметанным глазом, с ходу, определили: дальше мин нет. Опять бежим, опять по цепи прокатывается "ура!". И сразу же угасает: бежать очень трудно, не хватает дыхания. Кто-то упал слева, кто-то упал справа... Споткнулся? Ранен? Убит? Разберемся после. А пока что - вперед, только вперед!

Дым рассеялся, уже близко бруствер траншеи. На нем явственно видны темные проплешины от разрывов наших мин и снарядов.

За бруствером - траншея, она - страшная неизвестность. Что тебя ожидает в ней? Плоский кинжальный штык немецкой винтовки? Очередь в упор из "шмайссера"? Иди дюжий баварец воткнет в тебя финский нож?

Нет, к черту мрачные мысли и предчувствия! Надо во что бы то ни стало упредить баварца.

Эта сулящая нам смерть вражеская траншея вместе с тем и наше спасение. Она полностью защитит нас от пуль и в значительной мере - от осколков. Таково в данном случае диалектическое единство противоречий. Вперед, изо всех сил вперед! Остались последние метры.

На ходу бреем бруствер из автоматов. Чтобы не высовывались вражеские стрелки. Из траншеи одна за другой выело несколько

ручных гранат. Длинные, как городошные биты, они, кувыркаясь, проели над нами и упали на линию второй атакующей цепи.

Муса стал на одно колено, зубами вырвал кольцо чеки и забросил в траншею ответную гранату. Я не случайно не сказал "швырнул" или "метнул". Ввиду близости траншеи Муса не размахивался рукой снизу вверх, как это делается во время учебных тренировок. Он прицельно закинул гранату сверху вниз жестом рыболова-удильщика.

Решающий шаг смертной солдатской лотереи: переваливаемся через бруствер в траншею. Немца не видно, только наши белые балахоны. Что же делать дальше? Бежать направо или налево?

Справа какая-то канитель-неразбериха: автоматная стрельба, разрывы гранат, и я следом за Мусой бегу на те звуки. За мной - Философ. Спотыкаемся о тело убитого немца, оно наполовину втоптано в снежно-грязевое месиво. Стоп! остановились. Кто и зачем остановил бегущих впереди меня - неизвестно.

Довольно стихийный процесс занятия траншеи вошел наконец в управляемое русло. Послышались голоса Науменко и Гилева. Они приказывают рассредоточиться по траншее шагов на пять-шесть друг от друга и ждать дальнейших распоряжений. Вести наблюдение за северо-западным направлением - оттуда возможна контратака. Следить за воздухом.

Бой был короткий. А потом
Глушили водку ледяную,
И выковыривал ножом
Из-под ногтей я кровь чужую. Семен Гудзенко
После атаки

Осматриваемся, разбираемся в обстановке, прислушиваемся к новостям, которые на ходу сообщают нам снующие взад и вперед по траншее связные, санитары, командиры. Ищут своих те бойцы, которых стихия атаки занесла в соседние подразделения.

Пулеметчики выбирают для себя удобные точки и наскоро оборудуют их. Оставленные немцами не годятся - они были предназначены для ведения стрельбы в противоположном направлении.

Правее нас на горке горит хутор. То ли его зажгла наша артиллерия, то ли, убегая, запалили немцы. Хутор заняли батальон никитинцев и наша первая рота. Пехотинцы и лыжники тушат пожар, но им мешают немцы - обстреливают из орудий и минометов.

Оказывается, в траншее был оставлен только жиденький заслон. Вот почему мы встретили довольно слабое сопротивление. Под прикрытием заслона основная масса немецкой пехоты по ходам сообщения отошла на соседний хутор и укрылась за следующей полосой укреплений. С ходу их не взять, надо все начинать сначала.

Большинство своих раненых и убитых немцы успели утащить при отходе. Но в траншее все же осталось несколько трупов. Мне приказано собрать с них документы и письма. Начинаю с убитого, который, втоптанный в грязь, лежит рядом со мной. Поворачиваю незадачливого завоевателя лицом вверх... Крупный осколок снес верхнюю часть черепа вместе с каской... Стоящий возле меня Муса издает какое-то междометие, выражающее крайнюю степень брезгливости. Дрожащей рукой он торопливо достает свой финский нож, отхватывает длинную полу фрицевой шинели и

мятым, замызганным платом прикрывает отвратное месиво из крови, мозгов и грязи...

Из нагрудного кармана френча извлекаю туго набитый бумажник. Самое важное для меня - тонкая зеленовато-ядовитого цвета книжица с сильно замусоленными обложками. На лицевой стороне ее изображение орла, широко распростершего крылья и держащего в когтях свастику. Это "зольдбух" - основной документ военнослужащего гитлеровского вермахта от солдата до генерала. Остальное содержимое бумажника - фотографии, видовые открытки, запасная чистая бумага и конверты, рейхсмарки и оккупационные деньги.

Бумажники еще нескольких убитых немцев уже пошли по рукам. Меня опередили. Приходится разъяснять лыжбатовцам, какое значение для нашей разведки имеют трофейные документы и письма. Мне в этом деле содействуют командиры взводов, рот и политруки.

Письма, фотографии и "зольдбухи" солдаты возвращают без особого сожаления. Очень неохотно расстаются с немецкими газетами - бумага на курево в батальоне большой дефицит.

Посрывал я с убитых погоны, поснимал нагрудные памятные знаки - они тоже подлежат отправке в штаб. Хотя живого пленного пока нет, эти скудные трофеи для меня, начинающего переводчика-самоучки, тоже весьма полезное учебное пособие. Заглядывая, например, в "зольдбух" хозяина погон, в графу "динстград", то есть воинское звание, учусь разбираться в иерархии чинов гитлеровского вермахта, постепенно постигаю незнакомую мне терминологию.

Довольно увесистый пакет я отнес в штаб лыжбата, который на время операции придвинулся к Ольховским Хуторам. Однако документы и письма здесь долго не задержались, их срочно затребовали в штаб 8-го гвардейского. Мы своими силами только успели установить, что все убитые - из 613-го "инфантерирегимента", то есть пехотного полка.

Ночью на отбитых у немцев позициях лыжбатовцев сменил батальон 58-й ОСБ. Эта часть временно тоже включена в оперативную группу генерала Андреева.

- Вот и вернулись в дом родной! - говорит Философ, заходя в нашу землянку. В этом возгласе чувствуются и горькая ирония, и искренняя радость.

Да, все на свете относительно. После того, что нам пришлось пережить у распроклятого хутора, даже Гажьи Сопки показались по-домашнему уютными.

Вернулись "в дом родной", да не все. Только в третьей роте шесть убитых и около десятка раненых. В числе павших -

старшина Кокоулин. Это очень тяжелый урон для роты!

В землянках много разговоров. Все взвинчены, возбуждены. В часы, отведенные для отдыха, многим не спится.

Говорят о том, что старшина сам напросился на смерть. Его обязанность организация бесперебойного снабжения роты боеприпасами и питанием. А он уговорил лейтенанта включить его в штурмовую группу.

Вспоминают сбывшиеся скверные предчувствия. Дескать, и тот, и другой, и третий говорили близким друзьям перед атакой, что сегодня ему смерти не избежать. В ленте фашистского пулемета или в магазине "шмайссера" уже заготовлена роковая пуля, предназначенная судьбой именно для него.

Те счастливчики, которые думали примерно так же, но остались живы и невредимы, о своих мрачных предчувствиях обычно очень скоро забывают. Или помнят, но помалкивают.

На все лады обсуждаются итоги штурма. Почти единогласно ставим оценку неуд. Такие потери из-за трехсот метров траншеи и одного-разъединственного хутора! Да и тот сгорел.

Однако Науменко и Гилев, вернувшись с оперативного совещания в штабе полка, утешают нас. Командование дивизии, мол, оценивает результат операции более высоким баллом. Это не ахти какая победа, но и не провал. Хутор дотла не сгорел, оборудованный в полуподвале избы дот сохранился полностью. Надо только переделать в другую сторону амбразуры. Этот дот и траншеи, расположенные на бугре, занимают очень выгодное положение. Они послужат нам исходным рубежом для последующих наступательных операций...

Умом эти доводы еще можно как-то понять. Но сердцу к жестокой бухгалтерии войны привыкнуть трудно. Да и вряд ли возможно к ней привыкнуть. Ведь за каждые десять метров этих "выгодных в тактическом отношении" траншей отдана жизнь нашего боевого товарища.

Фронтовой детектив

В предвоенные годы наша страна усиленно готовилась к противохимической обороне. Считалось почти стопроцентно неизбежным, что химическое оружие, уже примененное в годы первой мировой войны, агрессор использует и в последующей войне, притом в значительно более широких масштабах.

Всевозможные виды противохимической защиты изучали в школах и вузах, на предприятиях и в учреждениях, в осоавиахимовских кружках. Тренировочная ходьба в противогазах, одевание противоипритных костюмов, окуривание газами в спецкамерах, теоретическое ознакомление с главными отравляющими веществами...

Не одно поколение советских людей потратило уйму времени на изучение этих премудростей. И ведь не скажешь, что все это было напрасно. А вдруг и в самом деле разразилась бы химическая война!

В начале войны противогаз был строго обязателен для военнослужащих всех родов войск и любых званий. Входил он и в экипировку лыжников. Весу - пустяк, а места занимает много. И без него на нас всякой всячины навешано!

Отлучаясь из роты, мы свои "сидоры" и противогазы оставляли в шалашах и землянках. Возвратившись, находили свое солдатское имущество на месте, до поры до времени все было в порядке.

Но вот обнаружилась довольно странная пропажа...

- Хлопцы! - заглянув зачем-то в сумку своего противогаза, озабоченно воскликнул Философ. - Признавайтесь, кто из вас мой святой елей упер?

- Что у тебя за "святой елей"? - удивился Авенир.

- Тот самый, которым стирают иприт и прочую пакость...

- А-а! У меня эти причиндалы на месте. Впрочем, дай-ка проверю...

Речь шла вот о чем. В сумке противогаза того времени имелся небольшой карманчик. В нем хранились алюминиевые цилиндрические коробочки, наполненные ампулами и ватными тампонами. В ампулах - бесцветная маслянистая жидкость, предназначенная для смывания с тела капель кожно-нарывных отравляющих веществ, вроде иприта или люизита.

Куда-то исчез "святой елей" и у Авенира, и у других лыжников из первого взвода. Лейтенант Науменко лично проверил противогазы в остальных двух взводах. Оказалось, и там какой-то злоумышленник очистил все до одной спецампулы.

Нетрудно было догадаться, что сделал это какой-то непривередливый любитель выпить: ходили слухи, будто содержимое ампул приготовлено на спирту. Но конкретного виновника с ходу найти не удалось. Разгадка этого фронтового детектива очень скоро пришла сама собой, при расследовании еще более значительного происшествия.

Канистра под елкой

После гибели Кокоулина ротным старшиной назначили старшего сержанта Одинцова. Однако на своем новом посту он оказался калифом на час: простаршинствовал всего пять дней.

Утром в третьей роте разнеслась невероятная весть: взбесился наш старшина. Гонялся с ножом за Пьянковым, вытряхивает из мешков в снег сахар и сухари, выкрикивает нечто несуразное... Вид у Одинцова страшный: налитые кровью глаза

навыкате, частая судорожная рвота, всего бьет сильный озноб...

С большим трудом мы отняли у него нож, связали и отвезли на лошади в полковой медпункт. Оттуда Одинцова переправили дальше в тыл - в медсанбат.

А спустя несколько дней в третью роту явился следователь особого отдела. Капитан выборочно беседовал с нами, прежде всего интересовался теми бойцами, которые вместе с Одинцовым ходили в тыл за продуктами. С кем дружил Одинцов? С кем уединялся? Не было ли при нем перебоев с табаком и сахаром?

Затем капитан достал из своей планшетки лист бумаги с нарисованной от руки схемой, сориентировался на местности и уверенно направился к одной из елей. Под деревом оказалась канистра с какой-то жидкостью.

Конечно же, эта шерлокхолмщина страшно заинтриговала лыжбатовцев. Но капитан и не собирался скрывать от нас суть дела. Наоборот, он был крайне заинтересован, чтобы о жестоком уроке, полученном Одинцовым, узнали как можно шире.

Вкратце похождения старшины выглядели так. На "сэкономленные" табак и сахар он выменял у "славян" полканистры трофейного антифриза. Эту незамерзающую при низких температурах жидкость заливают в цилиндры автомобилей, тракторов, авиадвигателей и во многие другие механизмы, где зимой нельзя применять воду. В состав антифриза входят метиловый спирт и другие ядовитые вещества, сильно действующие на нервную систему человека. Отравление антифризом нередко кончается смертью, а выживший может частично или полностью ослепнуть - из-за поражения ядами зрительных нервов.

Выйдя в медсанбате из буйного состояния, Одинцов рассказал врачам, какой дряни он нахлебался. До этого он пил и денатурат, и лак, и политуру. До поры до времени все проходило благополучно, и Одинцов возомнил, что желудок у него луженый.

И вдруг нарвался. И очень крепко нарвался! Из медсанбата Одинцова направляют в тыл совершенно ослепшего. Надежды на восстановление зрения мало. Если же повезет, то Одинцову предстоит трибунал. И этот вариант он считает за большое благо.

Признался Одинцов следователю, что у него припрятана канистра с "бешеным шампанским", рассказал, где и как искать ее. А рядом с канистрой капитан обнаружил противогаз. Вернее, сумку от противогаза. Она оказалась наполненной спецампулами. Одинцов шуровал по землянкам в то время, когда мы вели бой у Ольховских Хуторов.

Эрнест с самого детства обожал слова, которые
миссис Хемингуэй считала "неприличными" и "грязными".

Мать в таких случаях командовала металлическим
голосом: "Иди в ванную и вымой рот мылом!"
А Эрнест был уверен, что это самый лучший
и верный способ выражения эмоций.
Борис Грибанов. Хемингуэй
Худ пермяк, и уши соленые.
Однак три языка знает: пермяцкий, вятский
и растуды-твою-перематский.
Из шуток Васи Воскобойникова
О "трехэтажном наречии" русского языка

Еще в запасном лейтенант Науменко признался однажды мне и учителю Федорову:

- В военном училище меня очень тревожило одно обстоятельство: как я смогу держать в руках подчиненных без "трехэтажного наречия" русского языка? Наши старшины - и кадровые и особенно сверхсрочники - этим искусством владеют в совершенстве. И мы, курсанты, стали думать, будто в армии, особенно на войне, без виртуозного мата никак не обойтись. "Попался бы мне удачный старшина! мечтал я. - Этакий горластый матерщинник. Я буду подавать команды и делать разнос злостным нарушителям дисциплины на своем бесцветном интеллигентском языке, а старшина станет "обогащать" мою дистиллированную речь сочным матом".

Кокоулин матом не злоупотреблял. Он умел пропесочить нерадивого солдата по-иному: иронией, остроумной насмешкой. Но если уж он изредка обращался к помощи выражений особой мощности, то это у него получалось очень естественно и действенно.

У Одинцова старшинские достоинства перемежались с вопиющими изъянами. Но если говорить о мате, то в этом отношении он, несомненно, был на недосягаемой высоте.

Каков же окажется новый старшина? Вот уже вторые сутки эта вакансия остается свободной.

Так называемые нецензурные словечки и словообразования почти безоговорочно принято считать совершенно излишними и даже вредными в нашей речи, чужеродными вкраплениями в нее. По моим наблюдениям, это далеко не так.

В течение стоий "трехэтажное наречие" крепко вросло в наш быт. И несмотря на то, что с точки зрения эстетики представляет собой явление отрицательное оно тем не менее приносит и некоторую пользу. О соленых словечках можно сказать, как о желудочных гнилостных бактериях: очень скверно пахнут, но помогают переваривать пищу.

Позволю себе еще такое сравнение. Вскрывая желудок

домашней птицы, скажем, гуся или утки, - обычно обнаруживают множество камушков величиной от просяного зерна до ореха. Они попали в желудок птицы как будто случайно и, можно подумать, являются в ее организме инородными вредными включениями - как у человека камни в печени. Оказывается, нет: эти камушки помогают перетирать грубую пищу.

Так "крепкие" слова и выражения помогают многим людям "перетирать" невзгоды жизни. Это особенно относится к экстремальным условиям на фронте.

Очередной на немецкой авиации. Третья рота впечаталась в снег. Первый заход, второй... В ожидании третьего Муса крепко кроет фашистских стервятников. Заодно достается и нашим чикам-истребителям, которые не явились к нам на выручку, быть может, по той простой причине, что еще учатся в Куйбышеве, а самоы для них изготовляются в Новосибирске. Однако и Мусе и всей роте становится легче.

Третья рота в походе. Впереди пробка, нагоняем артиллеристов. У них в торфяном болоте основательно засела пушка. Лошади тужатся, прямо постромки трещат, им помогает вся орудийная команда. Однако пушка все глубже погружается в черное месиво. Вцепились в станину и наши главные богатыри, в том числе Муса, Авенир. И все же опять ни с места. Ухватился за спицу отнюдь не силач, но, несомненно, не последний в роте матерщинник - Итальянец.

- А ну-ка, хлопцы, взяли, мать вашу перемать! - выдал он зычным тенорком. И что же вы думаете - выскочила пушка из ямы, будто ее на стальном тросе рванул мощный тягач.

А уж во время боя, во время атаки - и говорить нечего! В самые напряженные моменты многие бывалые фронтовики руководствуются неписаным лозунгом: "Глуши фрица матом, добивай штыком и автоматом!" Особенно часто поминают солдаты крепким словом Гитлера. Надо думать, бесноватого фюрера круглые сутки одолевает икота.

Однако не делайте поспешных выводов: не зачисляйте меня в защитники и пропагандисты сквернословия. Сам-то я прекрасно обхожусь без мата. А почему не "матословлю"? Ответ простой: не умею. В моем активном лексиконе начисто отсутствуют матерные слова. И еще: стыжусь это делать. Для меня скверно выругаться - все равно, что сделать при людях нечто весьма предосудительное, скажем, громко испортить воздух.

Сквернословят очень многие подростки и юноши. Умение грязно ругаться они считают одной из главных примет взрослости и мужественности. В мальчишеские годы я избежал этого дурного поветрия благодаря одной черте своего характера: не терплю

деспотической власти моды.

До войны я работал учителем. Педагогика - явно не та сфера деятельности, где можно развернуться матерщиннику. А теперь мой фронтовой опыт убеждает меня, что вполне можно воевать без "трехэтажного наречия". Я не чувствую себя в этом отношении среди фронтовиков белой вороной. Прекрасно обходятся без мата лейтенант Науменко, старшина Боруля, политрук Гилев, Фунин, Воскобойников...

Но я не ханжа и не идеалист... Понимаю, что такой народ, как охотники, лесорубы, старатели, привыкли свою повседневную речь приперчивать крепкими словечками. И фронт явно не то место, где их можно отучать от этих пряностей.

В общем так: на фронте я вполне терпимо отношусь к тем матерщинникам, которые сформировались задолго до войны и для которых "трехэтажное наречие" действительно служит заменой доводов и средством выражения своих эмоций. И вместе с тем на меня удручающее впечатление производят интеллигенты, для которых, по всему видно, матерщина была и есть чужеродной и которые все же "загибают", чтобы выглядеть перед однополчанами "в доску своими", бывалыми фронтовиками.

Такие искусственные матерщинники, как правило, ужасно бездарные артисты. Обороты одесских биндюжников в их лексиконе выглядят столь же чуждыми, как французские фразы в речи мятлевской мадам Курдюковой.

Мои философские размышления о "третьем наречии" русского языка прервал неожиданный вызов к лейтенанту Науменко.

- Я только что вернулся из штаба батальона, - сказал мне комроты, внимательно следя за выражением моего лица. - Утверждали предложенную мною кандидатуру старшины...

У меня тревожно заныло сердце. Неужели речь идет обо мне? Да, речь шла именно обо мне...

- И как вы отважились, товарищ лейтенант, рекомендовать меня?! воскликнул я с удивлением и горьким упреком. - Хозяйственного опыта никакого, с командным языком - тоже из рук вон плохо...

- Как видите, отважился на очень рискованный эксперимент, - посмеиваясь, ответил лейтенант. - В одной роте будут командир, политрук и старшина, начисто лишенные навыка материться. Что же поделать, если мы собрались такие бесталанные! Хозяйственный опыт и командный язык - дело наживное. Главное: добросовестное отношение к своим обязанностям. Вон что вытворял Одинцов со своим виртуозным матом и хозяйственным опытом!

- Комбат и комиссар поддержали меня, - закончил свое напутствие лейтенант. - Говорят, обязанности переводчика Героднику пока что приходится выполнять эпизодически, от случая к случаю. Одно другому, не помешает. В ближайшие дни штаб оформит и направит в дивизию документы на присвоение вам звания старшины. Так что приступайте к выполнению старшинских обязанностей. В добрый час!

Прежде чем окунуться с головой в старшинские заботы, я побродил в одиночестве по тропинкам в нашем лесочке. Шагаю и обдумываю ситуацию. Неумение крыть матом отодвинулось на второй план и уже мало беспокоит меня. Зато пугающе сложными рисуются хозяйственные обязанности старшины.

Надо бесперебойно снабжать взводы боеприпасами, надо вовремя, в любых условиях, накормить роту. А расположены мы на отшибе, подъезды и подходы к лыжбату очень неудобные. Вдобавок с дорогой из-за Волхова дело все более осложняется. Говорят, в "воротах" у Мясного Бора немцы охотятся за каждым грузовиком.

Машин и горючего не хватает, много добра застряло в пути. Сотни, тысячи солдат тащат боеприпасы и продукты на волокушах или на собственном горбу.

Но приказ есть приказ. Ведь кому-то надо быть старшиной! А то, что мне присвоят звание, это во всех отношениях хорошо.

Вот так кончилась моя беззаботная солдатская жизнь.

Таинственны и непонятны
Следов вороньих письмена
И снежной крыши пряник мятный
В дымке младенческого сна...
Павел Шубин. Битва на Свири
Зигзаг на Гажьих Сопках

Потрясающая новость: становимся на лыжи! Из 172-го ОЛБ формируется отряд для рейда в тыл противника. Для какой цели - разведка, диверсия, разгром вражеского гарнизона? - нам пока не говорят. В отряд отбирают семьдесят пять лыжников. Включают и меня - на тот случай, если понадобится переводчик.

Как ни старается командование дивизии держать до поры до времени в тайне детали предстоящего рейда, солдатская смекалка постепенно добирается до сути дела. Сухой паек приказано получить на двое суток. Ясно - значит, рейд планируется на короткий срок. Если учесть, что продукты обычно берут с запасом, то легко сделать вывод: пойдем в гости к немцам совсем недалеко. Никитинцы и вся группа Андреева полным ходом готовятся к очередному штурму Ольховских Хуторов. Следовательно, наш рейд каким-то образом будет связан с общей

операцией.

Наконец все прояснилось. Отряд Науменко должен ночью оседлать дорогу Сенная Кересть - Чудово. Когда начнется штурм Ольховских, засада будет выполнять двоякую задачу: задерживать подкрепления, высылаемые чудовским гарнизоном и, в случае успеха общей операции, громить немцев, бегущих из Ольховских и Сенной Керести.

Поначалу пойдем по Гажьим Сопкам на северо-восток, в сторону деревни Приютино. Для дезориентации врага, если, несмотря на все наши предосторожности, немцы все-таки засекут отряд. К вечеру круто повернем влево, на запад. И так будем держать, пока выйдем к дороге Сенная Кересть - Чудово.

Выбор маршрута и подготовка всего рейда происходит под руководством начальника дивизионной разведки майора Мироненко. Он же дает нам от разведроты проводников. Говорят, разведчики Мироненко уже бывали севернее Сенной Керести. Добирались даже до окраин Чудова и Любани.

Берем с собой две волокуши. Повезем на них патроны и гранаты, перевязочный материал. На обратном пути они могут понадобиться для раненых. Волокушечный обоз - моя, старшинская, забота. В пути надо будет вовремя менять лыжников, чтобы одни и те же не выбивались из сил. Получил отряд рацию. Это хорошо, без нее трудно обойтись.

Вышли пополудни. Забрали на несколько километров восточнее, вправо - чтобы обогнуть противостоящую лыжбату очаговую позицию немцев. Затем повернули на северо-восток.

Погожий день. Солнце у нас за спиной, оно приближается к зубчатой кромке леса. Кустики и деревца отбрасывают постепенно удлиняющиеся тени. Это нам на руку, облегчает маскировку. Хорошо и то, что солнце позади: яркий февральский снег не ослепляет, не режет глаза.

Лесок, в котором расположены лыжбатовские землянки, обезображен, испоганен войной. Его во всех направлениях пересекают глубокие тропинки, протоптанные солдатскими валенками; снег покрыт иссиня-черной копотью от разрывов мин, снарядов и авиабомб; там и сям валяются срубленные осколками вершины и ветви деревьев, а вверху уродливо белеют культи искалеченных сосен и елей; снег не лежит на ветвях шапками, как это положено в зачарованном царстве Берендея, его стряхнули разрывы...

Но вот, оказывается, в осквернённых войной волховских лесах и болотах еще сохранились заповедные уголки зимней природы. Даже Гажьи Сопки по-своему красивы. И живые существа не покинули их. В одном месте мы наблюдали, как

стайка щеглов старательно шелушила лохматые коробочки болотного будяка. Видели на ольшинах снегирей. Слышали переклички скрытых в кронах елей клестов. Нас порадовала даже сидящая на сухой вершине дерева одинокая ворона...

В этом году солнце февраля-бокогрея во второй половине месяца дает себя знать особенно чувствительно. Весна обещает быть ранней и дружной.

В нашем лыжбатовском лесу мы как-то просмотрели приближение весны. А здесь, на открытых местах, солнце уже успело показать свою нарастающую силу. Снежный покров на болотных буграх сильно истончился. Кой-где уже выглядывают наружу изумрудный мох и брусничник, вереск и багульник. Вокруг стволов деревьев снег до самой земли протаял кольцами.

И еще одна примета ранней весны: там, где нет леса, снег улегся, утрамбовался, покрылся прочной коркой наста. Идти на лыжах сейчас легко, одно удовольствие.

Но красоты природы не притупили нашей бдительности. Понимаем, что на Гажьих Сопках можем встретить не только снегирей и щеглов. Колонна движется со всеми предосторожностями: по нескольку лыжников выделены в передовое и боковые боевые охранения.

И все-таки нарвались на "засаду". Под самым носом у "ведущего гуся" с невероятным шумом - тах-тах-тах! - взвился высоко вверх столб снега с неясными темными вкраплениями. Будто из земных недр под огромным давлением вырвался снежный смерч.

Встреча шумная, но вполне мирная. Когда снег осыпался вниз, мы увидели с десяток крупных птиц, с громким хлопаньем крыльев уающих в сторону от лыжни.

Оказывается, мы встревожили стайку тетеревов. Глубоко зарывшись в снег и прижавшись друг к дружке, птицы расположились на ночлег. Место было выбрано как будто вполне безопасное. Но нелегкая занесла беспокойных людей даже сюда.

Представляю себе, сколько эмоций, сколько дорогих сердцу воспоминаний породила эта неожиданная встреча у уральцев! Особенно у охотников! Но разговоры о тетеревах приходится отложить на другой раз.

Солнце окончательно скрылось за лесом. Огромная сплошная тень надвинулась с юго-запада и накрыла все отдельные тени. На Гажьи Сопки опустились слегка лиловатые сумерки, над болотом в разных местах закурился белесый туман.

Стоп! - получасовой привал. Проверяем крепления, осторожно, в рукав, курим. Воздух становится заметно холоднее, а обнаженные мшистые кочки излучают накопленное за день

тепло.

Откуда-то с юго-востока доносится приглушенная артиллерийская канонада. Пока шли, из-за шорканья лыж и хруста настовой корки не слышали ее. Эта отдаленная стрельба помогает сориентироваться, хотя бы на слух привязаться на местности к знакомым ориентирам. Похоже, что слышим бой у Спасской Полисти.

Дуновения ветра то усиливают отзвуки далекого сражения, то притишают их. Вдруг с какой-то пронзительной остротой почувствовалась оторванность нашего отряда ото всего, что нам дорого. Уже у Ольховских Хуторов в лыжбате и дивизии все чаще говорят о Большой земле, которая расположена к востоку от Мясного Бора. Здесь же мы у противника в тылу, так сказать, в квадрате.

Над Гажьими Сопками быстро вступает в права безлунная и беззвездная ночь. Далекий лес слился с горизонтом и превратился в сплошную темную полосу. Очаги тумана все шире и шире расползаются по кочковатой снежной равнине - будто таинственные хозяева здешних болот, пытаясь запугать и запутать неведомых пришельцев, устанавливают дымовую завесу. Где-то на севере каскадно заухал филин.

В душу заползает неосознанная тревога. Кажется, будто и далекая канонада, и беззвучно надвигающийся на нас туман, и зловещее улюлюканье филина предвещают нам какие-то беды.

Нередко бывает так: ты со своими переживаниями одинок. Скажем, в роте, во взводе настроение веселое, ребята смеются, шутят. А у тебя - кошки на душе скребут. Но случается и так: какой-то душевный стих властно овладевает всеми без исключения. И я инстинктивно ощущаю, что сейчас именно такой момент тревожное предчувствие недоброго гнетет весь отряд. Особенно удручающ заупокойный плач филина. Не то рыдает, не то по-мефистофельски хохочет.

Вот какая несуразица! Пока сидели в обороне, пока штурмовали доты и дзоты - ныли, жаловались на дивизионное и армейское командование. Зазря, мол, губят наши лыжные таланты. Наконец дождались настоящей лыжной "экзотики", идем в тыл противника. Чего же еще надо?! Оказывается, рейд за линию фронта - тоже не халва. Тут своего рода трудности и опасности, свои особые страхи. А ведь, по сути дела, еще ничего не случилось. Главные сюрпризы впереди, вон в той угрожающе-загадочной темной полосе.

Политрук Гилев уловил душевное состояние отряда. Вот он переходит от одной группы лыжников к другой и хриплым полушепотом подбадривает ребят:

- Ну чего, орлы, приуныли? Почему носы повесили? Начало рейда прошло наилучшим образом. В самое опасное дневное время вражеская авиация отряд не обнаружила; нас ни разу не обстреляли, ни разу не наткнулись на немецкую лыжню. А теперь, с наступлением темноты, нас и подавно трудно обнаружить.

- Мы понимаем, товарищ лейтенант, - рассудительно отвечает Авенир. Проклятый филин печали нагнал! В народе говорят, будто злой вещун обязательно беду накличет. Конечно, это бабушкины сказки, а все-таки на душе погано стало. Очень уж это пучеглазое чудище замогильно выводит! Я согласен лучше вой большой волчьей стаи слушать, чем "страданья" одного филина.

- Мы все тут собрались здравомыслящие мужики, - успокаивает Гилев. - И прекрасно понимаем: филин к нашим делам, к нашей солдатской судьбе никакого отношения не имеет. У него свои птичьи заботы, свои хлопоты. Может, он отпугивает соперника. Или, наоборот, распевает своей глазастой красотке серенады. А она млеет от восторга: надо же, как мой милый задушевно поет!

- Однако я слыхал про филина и такое, - добавляет Философ. - Если этот вещун приит из лесу к деревне и ночью загугукает, так это хороший знак: значит, какой-то бабе пришла пора рожать. Но я не замечал, чтоб который из нас был на сносях.

Догадка политрука, будто улюлюканье филина может показаться его подружке мелодичным пением, у многих из нас вызвала улыбку. А дополнительная реплика Философа даже развеселила всех. И с мистическим воздействием филина на наше душевное состояние сразу же было покончено.

Окурки приказано не разбрасывать где попало, а в одном месте - у сухостоины-ольшины - глубоко втоптать в снег. Если немцы наткнутся на нашу лыжню - пусть для них остается поменьше вещественных примет, по которым можно было бы определить, сколько примерно лыжников здесь прошло.

Привал окончен. Круто - более чем на сто градусов - меняем направление движения. Идем точно на запад, к той темной полосе, что уже неразличима на горизонте.

Поначалу нам кажется, будто слишком уж шумно, предательски громко лыжи и волокуши шоркают по плотному насту. Но скоро опять свыкаемся с этими звуками и не обращаем на них внимания.

Засада

В дивизионной, армейской и фронтовой газетах пишут, будто немцы называют наших лыжников "белыми призраками". Что же, очень лестное для нас наименование! Значит, лыжбатовцы, прибывшие на Волховский фронт до нас, успели нагнать на

фашистов страху. Сейчас мы действительно напоминаем привидения. Только настоящие привидения вряд ли одновременно появляются в таком количестве и, скорее всего, не приучены ходить строем на лыжах.

Хотя ночь темная, видим мы неплохо. Очень важно, что не вышли к ночи из землянок, а встретили наступающую темноту под открытым небом. Глаза постепенно освоились, адаптировались.

Судя по изменившейся растительности, выбрались из Гажьих Сопок. Начались заросли ольшаника и невысокого ельника. Нет больше кочек.

Добрались до соснового леса, который видели издали в виде темной полосы. Подлеска мало. Это очень хорошо - намного легче идти на лыжах. Не то что во время перехода Мясной Бор - Ольховка. Возможно, проводники не случайно ведут нас именно здесь.

Опасный момент: надо перебраться через реку Кересть. Зимой на лыжах это пара пустяков, но может заметить противник. Проводники выбирают самое безопасное место - изгиб реки с суженным ложем.

Берега Керести здесь довольно крутые. По приречному кустарнику выбираемся на обширную, свободную от зарослей равнину. Возможно, это и есть те самые луга, которые дали название Сенной Керести? В отдалении как будто высятся стога сена.

Прижимаясь к окаймляющему снежное поле ольшанику, опять втягиваемся в лес. Но он скоро обрывается: мы добрались до цели нашего рейда, вышли к дороге Сенная Кересть - Чудово. Правда, между лесом и дорогой тянется полоса шириной в шестьдесят - семьдесят метров, тщательно очищенная немцами от кустов и деревьев.

Науменко и Гилев совещаются с проводниками. Как быть дальше? Возможно, придорожная полоса заминирована? Снег нетронутый, глубокий, обычные противопехотные мины не сработают. Однако могут быть и натяжного действия, как их называют наши саперы, "лягушки" или "шпрингены".

С проверкой, есть ли мины, не торопимся. Оставленные на полосе следы могут привлечь внимание немецких патрулей, которые, скорее всего, контролируют дорогу. Они тут каждый метр изучили.

Половина четвертого. Слишком быстро управились - в этом лесу придется "продавать дрожжи" более трех часов. Но беда не столь уж велика. Куда хуже было бы опоздать.

Рассредоточиваемся параллельно дороге. Сняв лыжи,

протаптываем от правого фланга к левому тропки. Эта работа очень кстати: заодно согреваемся. Правда, у каждого во фляге есть и более действенное средство - по Тройной порции спирта.

Меня одолевают незнакомые доселе чувства. Кажется невероятным, противоестественным, что этот типично русский бор, эти сосны и ели, кусты бузины и можжевельника, эти приречные луга, которые мы только что прошли, этот нашенский русский снег, - что все это "под немцем". Пока что не видно ни единой приметы, ни единого знака, которые указывали бы на близость чужеземных захватчиков. Но я всеми фибрами души ощущаю: враг повсюду, враг где-то рядом. Будто особо мощное "поле" - наподобие магнитного, - "поле" иноземного гнета пронизывает и землю и воздух. Будто каждая пядь земли, каждое дерево и каждая веточка на дереве тяготятся неволей...

Видимо, все мы сейчас ощущаем воздействие этого "поля". Владимир Фунин шепотом делится со мной своими мыслями:

- Вот куда нас занесло! С трудом верится, что к югу - занятые немцами Сенная Кересть и половина Ольховских Хуторов. И только затем наши - никитский полк, дивизия, лыжбат...

- Экий неприветливый лес! - утрамбовывая валенками снег, рассуждает Философ. - Ни разу в таком не бывал. Вроде все деревья подпилены лешаками - и они норовят придавить тебя.

А быть может, я слишком субъективно сужу о настроении всего отряда? Вон Пьянков даже хорохорится, шутит:

- Пройдись-ка, Авенир, своими сорокавосьмовками по нашей тропке, - зовет он Двухэтажного. - С твоим весом ты замест асфальтового катка робить можешь.

Нет, все-таки Итальянец притворяется, наигранно бодрым тоном и шуткой пытается разрядить гнетущую атмосферу. Ну что ж, очень хорошо, что это ему хоть частично удается.

О наших проводниках, конечно, особый разговор. Они стреляные воробьи, в тылу у немцев не первый раз.

Наконец дорога подала признаки жизни: со стороны Сенной Керести показались три мотоциклиста. Едут на малой скорости, без светомаскировки. Похоже, это и есть патруль, которого мы опасались.

По цепочке от правого фланга к левому полушепотом передают приказ: без команды не стрелять! Его хорошо знает каждый из нас. Но лейтенант Науменко беспокоится: как бы кто сгоряча не начал палить по гитлеровцам.

Мотоциклисты скрылись за поворотом. А спустя минут десять в обратном направлении, из Чудова, пронеслась легковушка с крытым верхом. Еще через полчаса из Сенной Керести прогромыхали два грузовика... Бывалые разведчики уверенно

называют марки немецких машин, а мы, фронтовые салажата, в этих делах пока что разбираемся слабо.

Чем ближе к рассвету, тем движение по дороге становится все более оживленным. Но машины идут по одной, по две, самое большее по три. Сколько-нибудь значительной колонны не появлялось ни разу.

Близок час начала наступления на Ольховские Хутора. Пора проверить придорожную полосу на "мины-шпрингены". Проводники учат нас, как это можно делать без специальных приспособлений. Срезаем с десяток полутораметровых елочек. Обрезаем с них веточки, оставляя десяти-пятнадцатисантиметровые сучки. К хвосту полученной таким образом "кошки", то есть к вершине обкорнанной елочки, привязываем длинный конец бечевки. Моток ее, по совету разведчиков, мы положили в одну из волокуш. Комлем вперед забрасываем елочку как можно дальше и тащим к себе... Продвигаемся вперед и опять забрасываем...

Что и говорить, способ кустарный и, возможно, не стопроцентно надежный. Но он не подвел нас. Прочесывание придорожной полосы показало: мин натяжного действия нет.

Точно в условленное время далеко на юге послышалась орудийная канонада: началась наша артподготовка. Нервное напряжение в отряде достигло крайней точки. Ребята то и дело непроизвольно покашливают. Поближе к дороге подползают заранее выделенные лыжники - наши лучшие гранатометчики во главе с Мусой Нургалиевым.

Остальные на всякий случай протаптывают поперек полосы тропинки.

Связь по рации, хотя и с перебоями, поддерживаем. Последнее распоряжение из "Крыма", полученное уже в момент артподготовки, таково: действуйте по плану и сообразуясь с конкретной обстановкой. "Крым" - это кодовое наименование КП дивизии, мы - "Тихвин".

Кто-то предложил, а если устроить на дороге завал? Вон лежат в куче деревья, спиленные немцами при очистке полосы. Возьмем лесину, положим поперек дороги. Чтобы издали не бросалась в глаза, припорошим снегом. Машина с ходу резко затормозит и остановится, из нее выскочат фрицы - и мы без особого труда разделаемся с ними...

После короткого, но всестороннего обсуждения проект был отвергнут. Если бы мы охотились за "языком", тогда другое дело. А выполнению нашей основной задачи завал только помешал бы. На него может наскочить случайная одиночная машина, не представляющая для нас большого интереса. Поднимется тарарам

- и мы раньше срока демаскируем себя.

Артподготовка опять была кратковременной. После нее прошло уже минут двадцать. Но каких минут! Случаются в жизни ситуации, когда наше сознание, наши чувства отмеряют время, ни в малейшей мере не согласуясь с механическими часами. Бывает, время течет легко и стремительно, как вода в горном ручье. Сейчас же оно ползет убийственно медленно, как самый ленивый ледник.

По нашим расчетам, вот-вот должно что-то произойти. Куда предпочтительнее, если гитлеровцы хлынут по дороге слева. И не только на машинах, но и пешком! Это будет означать, что удался оптимальный вариант: немцев турнули из Ольховских Хуторов и Сенной Керести. С бегущим в панике противником и нам легче будет справиться.

Несравнимо хуже, если машины появятся справа, со стороны Чудова. Это будет поднятое по тревоге вполне боеспособное подразделение, готовое с ходу вступить в схватку. Кроме того, это будет означать, что немецкий гарнизон Ольховских Хуторов держится и вызывает подмогу.

К сожалению, оптимальный вариант не состоялся: долгожданная колонна машин появилась со стороны Чудова. И мы немного прохлопали, не сразу разобрались, что это именно колонна. Два крытых брезентом грузовика, которые шли на значительном удалении от остальных, мы пропускали. Подумали, что это машины-одиночки. Но вслед за ними показалось еще несколько таких грузовиков. Тогда-то с нашего КП открыли автоматную и пулеметную стрельбу, которая послужила сигналом для всего отряда.

Под колеса машин ят гранаты. Мы, оставленные во втором эшелоне, изо всех сил бежим к дороге по заранее протоптанным тропкам. На ходу стреляем - кто по шинам, кто по кабине, кто по бортам и брезенту.

Одна машина, пытаясь развернуться, завалилась набок в кювет. Другую бросил выскочивший из кабины шофер. Немецкие солдаты в нелепых длиннополых шинелях, вывалившись через задний борт, уползают к лесу или вправо по кювету. Высокий вал снега, навороченный снегоочистителями, спасает их от наших пуль. Убегающие немцы отстреливаются слабо. Но, надо им отдать должное, самоотверженно тащат с собой убитых и раненых. Сколько тех и других - не разобрать.

Но все-таки двух убитых и одного раненого успели захватить. Приступаю к своим обязанностям: срываю с убитых погоны, забираю бумажники с документами. Однако на этот раз моя задача намного усложняется: Науменко возлагает на меня

ответственность за пленного. А тот ранен в плечо и сильно хромает - прыгая с машины, растянул сухожилия в голеностопном суставе. Придется тащить незадачливого фрица на волокуше. А тут еще неизвестно, когда и как отсюда выберемся.

Санитары перевязали раненого. Я подозвал подвернувшегося мне под руку Гришу Пьянкова, поручил ему уложить пленного в одну из волокуш и не спускать с него глаз. Наши ротные остряки, которым неймется в любой обстановке, напутствуют Пьянкова:

- Смотри, Итальянец, не упусти своего союзничка! Он и хромой может драпануть.

Остальные грузовики, соблюдавшие в колонне порядочные интервалы, успели притормозить, развернулись и укатили обратно к Чудову. А сколько их всего было? Много ли ехало в них солдат? Но зачем гадать, если у нас есть "язык"!

Допрашивают комроты и политрук, я перевожу. Допрос протекает трудно. Разговор ведь не простой, стандартные вопросы - фамилия, звание, из какой части? - в данный момент нас мало интересуют. А тут еще немец - он оказался ефрейтором - попался неудачный. Насквозь простуженный, поминутно кашляет и сморкается, от страха лопочет невнятной скороговоркой и заикается.

Все же главное, что нам незамедлительно надо знать, выспросили. В батальоне объявили "алярм" - боевую тревогу. Две роты по сто двадцать солдат посадили на восемь машин. Куда ехали? "Нас Ольхофски Кутора". С какой целью ехали? На помощь ольховскому гарнизону. Там русские опять начали "гросс ангрифф" - большое наступление. Едут ли к Ольховским Хуторам другие подразделения, кроме этих двух рот? Этого ефрейтор не знает...

Пока мы допрашивали пленного, высланные вправо и влево пятерки лыжников разведали обстановку. Две проскочившие машины на предельной скорости помчались дальше, к Ольховским Хуторам. Четыре отсеченные отъехали метров на триста четыреста назад и остановились. Немецкая пехота развертывается цепочкой перпендикулярно к дороге. Что она предпримет дальше? Попытается окружить нас своими силами? Или будет ждать подкрепления из Чудова?

Так или иначе, ситуация складывается явно не в нашу пользу. У немцев уже сейчас более чем двойной перевес. Правда, у нас большое преимущество - лыжи. Но мы сможем воспользоваться ими только в том случае, если получим приказ на отход.

Итак, свое преимущество скоро можем потерять... Задаем пленному дополнительные вопросы. По его словам, в их батальоне "шилёйферов", то есть лыжников, нет. Но вообще в

чудовском гарнизоне специальные лыжные подразделения имеются.

Надо полагать, немцы уже вызвали из Чудова лыжников. И когда те прибудут, блокируют нас. И это может произойти вот-вот: от нашей позиции до Чудова около пятнадцати километров. А связь с КП дивизии, как назло, опять разладилась...

Пока что занимаем круговую оборону. Лейтенант Науменко, прислушиваясь к советам Гилева и проводников, по-моему, действует толково. Более половины отряда расположил цепью на северной окраине нашего лесочка. Во все стороны направил подвижные дозоры по три - пять человек.

Для рытья настоящих окопов и индивидуальных ячеек у нас нет ни времени, ни инструментов. Малых саперных лопат взяли немного, да и не одолеешь ими мерзлую землю. По периметру позиций протаптываем новые тропки. Таскаем из куч спиленные деревья и устраиваем из них подобие баррикад.

От северного дозора пришла плохая весть: цепь немцев обогнула наш лесок с северо-востока и медленно продвигается вперед. Пехотинцы по грудь в снегу. Науменко приказывает дозорным и пулеметчикам сблизиться с немцами и стрелять короткими прицельными очередями. Пока что у нас еще одно преимущество: мы в максхалатах, а немцы в своих мышиных шинелях - очень приметные на снегу мишени.

Науменко мчится к рации. Видимо, отозвался наконец "Крым". Так и есть!

- Говорил с подполковником Никитиным, - сообщает нам результаты переговоров лейтенант. - Приказано немедленно сниматься и возвращаться домой. Держаться как можно восточнее: не исключено, что от Сенной Керести и Ольховских немцы пойдут наперерез...

Когда мы это услышали, сразу поняли: из задуманного наступления или ничего не получилось, или опять успех очень скромный. Если бы немцы были в тяжелом положении, то Никитин подобных распоряжений не делал бы.

- И еще, - добавил Науменко. - Приказано во что бы то ни стало доставить живым пленного.

После короткого оперативного совещания командир отряда принимает такое решение. Чтобы ускользнуть скрытно, выходим из леса не там, где вошли, а в юго-восточном направлении. Перейдя Кересть, повернем на северо-восток и выйдем на свою лыжню. По ней и двинем, если не помешают непредвиденные обстоятельства. По проторенной лыжне идти намного легче и быстрее. Усиливаем северный дозор. Он под командой комвзвода-3 Большакова останется в качестве заслона. Пусть

большаковцы почаще стреляют и ведут себя поактивнее. Минут через двадцать после ухода отряда арьергард отрывается от немцев и догоняет нас ускоренным маршем. Но если скоро прибудут немецкие лыжники, то отход можно начать и раньше.

Перед уходом обливаем бензином и зажигаем машины. Раньше этого не делали, опасаясь, как бы столбы дыма не послужили ориентирами для вражеских бомбардировщиков. Горючее обнаружили в машинах. Одну канистру даже захватили в волокушу - для земляночных коптилок.

Больше всего хлопот доставляет нам "драгоценный груз" - раненый ефрейтор. Выделяю несколько сменных пар из наиболее могутных лыжников. У нас заготовлены сшитые из старых плащ-палаток лямки - вроде тех, которыми в старину пользовались бурлаки. Для начала в самую тяжелую волокушу впряглись Авенир и Муса.

От страха, холода и боли пленного бьет мелкая трясучка. Он не знает - то ли ему сидеть, то ли лежать. Авенир и Муса бросают в его сторону взгляды, которые ласковыми никак не назовешь. Вдобавок, чтобы отвести душу, кроют немца на классическом "трехэтажном наречии".

Но эмоции эмоциями, а пленного надо доставить в Ольховку в целости и сохранности. Приказываю ему вытянуться во весь рост, один ватник подкладываю под голову, другим прикрываю сверху. С полдюжины их мы привезли на волокушах на тот случай, если будут раненые. Но имели в виду своих лыжников.

О всех перипетиях возвращения в ОЛБ рассказывать не стану. В общем, нам здорово везло. Сразу немцы не заметили нашего отхода, а когда спохватились, мы были уже для них недосягаемы. Благополучно ускользнула и нагнала отряд группа Большакова.

И все же немецкие лыжники настигли отряд и завязали с нами перестрелку. К счастью, их оказалось немного, пожалуй, человек тридцать. Так что существенно помешать нашему движению они не смогли.

Правда, у нас появилось несколько раненых. Одного, с перебитой ногой, положили на свободную волокушу, остальные смогли идти на лыжах.

На голову бедолаги-немца опять посыпались проклятия. Тебя, мол, окаяннного, везем, а наши раненые своим ходом двигают. Но и на этот раз ругались "бурлаки" без настоящей злости. Каждый понимал, что иного выхода нет и пленный не виноват. А "язык" - действительно драгоценный груз. Чтобы добыть его, иногда платят жизнями многих разведчиков.

Наконец в том месте, где мы опять сделали крутой зигзаг, "шилёйферы" отвязались от нас. И у них были раненые, а волокуш

они с собой не прихватили.

Нам угрожала опасность куда большая, чем немецкие лыжники, - немецкая авиация. На открытой местности "мессеры" могли расстрелять нас из пулеметов. Но день оказался исключительно мглистый, по небу ползли низкие тучи. В этом и состояло главное наше везение.

Вернувшись в лыжбат, мы узнали то, о чем примерно уже догадывались. У немцев отбили еще один сгоревший хутор и несколько сот метров траншей - и всё. Они еще крепко сидят в северной половине Ольховских. Причины столь скромного успеха прежние: очень мало снарядов, и те нет возможности использовать наиболее эффективным образом. Из-за бездорожья и необычайно глубокого снега артиллерия не смогла придвинуться поближе, чтобы стрелять по дотам и дзотам прямой наводкой.

Невольная разведка

Меня одолевают старшинские заботы. День ото дня мои обязанности усложняются.

Наше последнее наступление на Ольховские опять привело к передвижениям переднего края. Позиция лыжбата сдвинулась еще восточнее и оказалась уже вне Гажьих Сопок, на земной тверди. Мы и противостоящие нам немцы держим оборону в сплошном бору и нейтральная полоса - тот же бор. Нас не разделяют ни лощина, ни просека, ни перелесок.

Людей мало, передний край стал еще более пунктирно-очаговым. У нас все меньше возможностей менять дозоры на переднем крае, чтобы после дежурства бойцы могли отогреться, поесть и поспать в теплых землянках. Старшине все чаще приходится доставлять горячую пищу туда, где лыжбатовцы несут круглосуточное дежурство.

Приключилась со мной в ту пору одна трагикомическая история. Теперь вспоминаю о ней с юмором. А тогда не до смеху было, мороз подирал по коже.

Первое марта, примерно полтора часа до рассвета. Утренник градусов под двадцать пять. И вместе с тем лес погружен в молочно-белый въедливый туман.. С соседних Гажьих Сопок его нагнало, что ли? Готовлюсь к походу с завтраком на передний край. Мне помогают Гриша Пьянков и Рома Куканов.

С Итальянцем вы уже хорошо знакомы. А что сказать о Куканове? До войны робил в леспромхозе, был сучкорубом, окорщиком, валил деревья электропилой "Урал". Сейчас - исполнительный и выносливый солдат. И еще: Роман отчаянно веснушчато-рыжий. Покойный Сеня Белов распевал о нем частушку:

Батька рыжий, мамка рыжа,

Рыжий я и сам.
Вся родня моя покрыта
Рыжим волосам.

До зарезу нужны большие заплечные термосы. Но о них только мечтаем. Один бачок наполняем пшенной кашей, так называемой "блондинкой", в другой наливаем горячего чаю, в ведре - спирт. Бачки повязываем сверху чистыми портянками и плотно укутываем стеганными ватниками. Идти по морозу больше километра, хотя бы тепленькое довезти. Сухари, сахар и табак в "сидорах", бачки и ведро ставим в волокушу.

"Наркомовские калории" в утеплении не нуждаются. Тем не менее ведро плотно повязано куском плащ-палатки. Чтобы драгоценная влага не расплескалась да чтобы с ветвей не натрусились снег, хвоя и мусор.

Готово, поехали. Сегодня отправляюсь на передний край с большой охотой. Заранее предвкушаю радость и благодарности голодных и промерзших до костей солдат. Всего несем и везем полную норму, после недельного перерыва опять появился спирт.

Крутиться с волокушей по узким, глубоким и зигзагообразным тропкам крайне неудобно, идем напрямик на лыжах. Уже пора быть взводу Шамарина, по никаких признаков пока нет. И темно еще, вдобавок проклятый туман! Сквозь него и привычные места могут показаться незнакомыми.

А все-таки куда подевалась ель со срубленной снарядом вершиной? Почему не попалась на пути огромная воронка от авиабомбы с торчащим на краю валенком? Тут уж на туман пенять нечего.

Остановились и советуемся. Уже всем ясно, что заблудились. Решили взять чуть правее и пройти вперед метров полтораста. Если ничего не выйдет, вернемся по своему следу назад. Экая досада - окончательно застынут чай и каша!

А это откуда взялось?! Мы подошли к высоченной сосне с пышной кроной. К вершине ее зигзагами идет узкая лестница, состоящая из нескольких маршей. У меня похолодело в груди и тревожно заколотилось сердце. Приложив руку к губам, даю знак своим спутникам: ни звука! Все трое вытягиваемся на снегу. Надо сориентироваться - где мы, куда податься дальше?

Ясно, что на сосне оборудован наблюдательный пункт. И скорее всего немецкий. Наши ротные и батальонный НП я знаю. Лестницы у нас не такие. У ротных НП перекладины приколочены прямо к стволу; у батальонного, как и здесь, вверх зигзагами идут навесные и приставные лестничные марши. Но у этой лестницы особенность: по обе стороны от маршей прикреплено по толстой жерди. Они выполняют роль перил. У нас до такого комфорта

дело не дошло.

Что за наваждение? Как могло случиться, что мы втроем пошли куда-то вкось? Лежим, всматриваемся в лес, прислушиваемся... Начинаем различать голоса и металлическое позвякивание. Роман, лежащий немного впереди, резко поворачивается к нам. Глаза у него округлились от страха, над головой он держит торчком указательные пальцы своих трехпалых рукавиц. Понятно: немцы! Роман изобразил рожки, имея в виду не чертей, а рогатые немецкие каски. И еще он уточнил жестами: фрицы едят, завтракают.

Ага, и я вижу... На небольшой поляне происходит раздача горячей пищи. Из невидимых нам посудин вьется вверх густой пар. Десятка два немцев с котелками наготове стоят в очереди. Те, кто уже получил, орудуют ложками, привалившись спиной к дереву. С полдюжины мышиных шинелей сидят рядком на поваленной ветром лесине...

Потолком лесной "шпайзециммер" - столовой служит полог тумана, как будто подвешенный на елях и соснах, с юга поляну полукругом охватывает густой и довольно высокий подлесок. Днем он служит надежной ширмой, мешающей нашим наблюдателям видеть, что происходит за ней. Мы забрались настолько далеко, что имеем возможность наблюдать "фрюштюк" - завтрак - с боку.

Однако немцы ведут себя довольно беспечно, подумал я. Вон сколько их собралось! А если бы наши как раз в этот момент пошли в атаку? Или у них достаточно народу оставлено и в дозорах?

В старину верили, будто путников иногда "водит" нечистая сила. То, что произошло с нами, вполне объяснимо без всякой мистики - мы в предутреннем тумане сбились с пути и угодили между взводами Шамарина и Большакова. Сплошных траншей или хотя бы снежных ходов - нет, проволочных заграждений ни у нас, ни у немцев - тоже нет. И фрицы, увлеченные завтраком, прозевали нас.

Левее, в районе Ольховских Хуторов, иная картина. Там в немецкую оборону не только с фанерной волокушей, но и на танках нелегко вклиниться.

Должен признаться, что всесторонний анализ .нашего злоключения я проделал позже. А под носом у немцев не до того было. Мысль лихорадочно работала в одном направлении: как из этой мышеловки выбраться незамеченными.

Выход как будто один... Кладем лыжи на волокушу рядом с бачками и по-пластунски ползем в обратном направлении. Исходными ориентирами служат немецкая "столовка" и сосна с

НП на вершине.

Волокушу толкаем перед собой. Она предательски громко скребет днищем по плотному насту. Бросить ее к чертям, что ли? Ведь решается вопрос о жизни и смерти. Но как мы покажемся ребятам? Старшина, явившийся к завтраку с пустыми руками, это даже не ноль, а величина явно отрицательная.

На этот раз мы не промахнулись, вышли, точнее, выползли на взвод Шамарина. Даже удалившись от немцев на достаточно большое расстояние, стать на лыжи не отважились: побоялись, как бы не обстреляли свои.

Шамаринцы засекли нас еще до того, как мы их заметили. И поначалу очень удивились: волокуша с бачками вроде знакомая, но почему она показалась со стороны немцев? И почему движется своим ходом? Как у Пушкина - "ступа с Бабою Ягой", которая "бредет сама собой"...

К счастью, шамаринцы проявили выдержку, не разобравшись, стрелять не стали. Обменялись мы паролями "штык" - "нагель", и наш фанерный снегоход благополучно причалил к самой северной оконечности владений родного лыжбата.

Расспросы, шутки, иронические подковырки. Отвечаем между делом, раздавая завтрак. Особенно развеселились шамаринцы после "наркомовской чарки". Да и у нашего трио, после того как опасность полностью миновала, настроение мажорное.

Комбат и комиссар меня за рейд на ту сторону нейтралки, конечно, не похвалили. Но, как ни странно, наши плутания в общем-то сослужили лыжбату добрую службу. Батальонное начальство сделало некоторые практические выводы. Во-первых. Во взводах были проведены дополнительные занятия о способах ориентировки в лесу, особенно в ночное время. Во-вторых. Батальонные разведчики получили внушение и нагоняй. Дескать, слишком робко действуете. Это вам следовало обнаружить немецкую "столовку" на переднем крае. В-третьих. Надо подготовиться и нагрянуть к немцам на завтрак не со спиртом и кашей, а с автоматами и гранатами.

Операция "Приятного аппетита!"

И действительно, спустя несколько дней визит к немцам состоялся. Лыжбат получил из полка приказ на поиск "языка". Было решено попытать счастья, неожиданно напав на "столовку". Мы в шутку дали операции кодовое название "Приятного аппетита!".

Однако наши надежды на беспечность немцев на сей раз не оправдались. Полной внезапности нападения не получилось. Когда мы были уже близки к цели, их дозорные заметили подползающих "белых призраков" и подняли ракетный тарарам.

Не имея, как и мы, на этом участке укреплений, немцы поспешно отошли. Точнее - убежали. Некоторые побросали даже котелки с недоеденным "картоффельзуппе". Так что "языка" захватить не удалось.

Но кое-какие материальные трофеи нам все же достались. И с моей, старшинской, точки зрения, чрезвычайно ценные: два больших термоса, которых нам явно недоставало, десятка полтора котелков и три волокуши.

Между прочим, эти волокуши проверили мои знания в области немецкой военной терминологии. И экзамен опять, как у Мясного Бора, оказался не в мою пользу.

На борту каждой из волокуш были сделаны броские надписи масляной краской, соответственно: "1. Zug", "2. Zug", "3. Zug". Науменко, Гилев, батальонное начальство спрашивают меня, что сие означает.

- Точку после цифры немцы ставят в том случае, если употребляют ее как порядковый номер, - ответил я. - А целиком надписи, видимо, можно перевести так: 1-я волокуша, 2-я волокуша, 3-я волокуша...

В отношении точки после цифры я не сомневался. А что в данном случае означает "цуг", полной уверенности не было. В запасниках своего гуманитарного лексикона я обнаружил такие значения этого слова: железнодорожный поезд, кортеж, вереница ящих птиц, упряжка лошадей, запряженных гуськом... Вспомнилось мне, что даже в русском языке есть заимствованное из немецкого выражение: лошади, запряженные цугом. Скорее всего, решил я про себя, "цугом" немцы называют и волокушу.

Однако скоро обнаружилось, что это не так.

К счастью, неточность, допущенная мною при переводе, в данном случае никакого ущерба делу не нанесла. Но чувство досады долго преследовало меня. Да и поныне со стыдом вспоминаю о тех промахах, которые допускал, делая первые неуверенные шаги по стезе военного переводчика.

Погоня за "Головастиками"

Самое правое, восточное, крыло позиций лыжбата занимает третий взвод третьей роты младшего лейтенанта Большакова. Ранним утром дозор большаковцев, выйдя на Гажьи Сопки, обнаружил свежую лыжню, идущую с севера на юг. А быть может, с юга на север?

Если лыжня не заезжена, то определить, в каком направлении прошли лыжники, совсем просто. Лыжные палки оставляют такой след: кружок от опорного кольца и сзади от него отходит ровик, прочерченный металлическим наконечником палки. Получается фигура, напоминающая головастика. Голова его направлена в

сторону движения лыжников.

Итак, по свежей лыжне без труда прочитывается: "головастики" появились с севера и плыли на юг. Куда труднее определить, сколько прошло лыжников. Это можно весьма приблизительно оценить по густоте следов от опорных колец. По прикидке большаковцев, на территорию, контролируемую нами, проникло тридцать сорок немецких лыжников.

- Похоже на ответный визит, - пошутил лейтенант Науменко, срочно направляясь с докладом в штаб батальона. - Возможно, тот самый отряд, который преследовал нас на Гажьих Сопках...

С какой целью "шилёйферы" пожаловали к нам? Обычная разведка? Или задумана какая-то диверсия? Вернется ли отряд через те же Гажьи Сопки или пересечет поперек "Любанскую бутыль" и выйдет к новгородской группировке немцев?

На все эти вопросы лыжня уже не могла нам ответить. Штаб лыжбата принял решение: немедленно выслать погоню из лыжников-скороходов. Опыт рейда к Сенной Керести показал, что давать такое задание одной роте нецелесообразно. Народу заметно поубавилось, не из кого выбирать. Поэтому сегодняшний отряд сборный, по двадцать пять лыжников от каждой роты. Командиром назначен лейтенант Науменко. Среди командиров рот он считался лучшим лыжным ходоком.

"Немедленно" все-таки растянулось на два часа с гаком. Много времени ушло, пока вызывали из дозоров отобранных лыжников. Я свои старшинские дела на время рейда препоручил моим надежным помощникам - Грише Пьянкову и Роману Куканову.

Перед отрядом поставлена задача: настигнуть немцев и окружить. По возможности привлекать на помощь тыловиков, которые окажутся по соседству. Если же догнать не удастся - ведь уйма времени ушло! - то хотя бы проследить маршрут немцев, выяснить цель их рейда.

Нажимаем на все педали. Поначалу немецкая лыжня уходила на юго-юго-восток. Пересекаем уже начинающую набухать Трубицкую канаву. Проходим по болотам Ольховский Мох, Прошкинский Мох, Грядовский Мох. Справа остается Ольховка. Лыжня обогнула штаб 4-й гвардейской, который из-за сильных бомбежек Ольховки оставил ее и расположился в лесу, в двух километрах юго-восточнее деревни. Беседовали по пути с артиллеристами. Оказывается, их ездовые видели на рассвете вереницу белых маскхалатов, но приняли их за наших лыжбатовцев.

От батареи дивизионной артиллерии лыжня повернула на восток и пошла параллельно дороге Ольховка - Спасская Полисть.

Немецкая лыжня доставляет нам немало хлопот. Иногда мы явственно различаем ее на снегу. Но часто она вливается в старую лыжню или в одну из дорог, проложенных нашими тыловиками. А через несколько сот метров опять выбегает на снежную целину. Похоже, что немцы умышленно проделывают маневры, напоминающие заячьи "скидки".

Когда снежные следы немцев теряются в хаосе старых следов, на выручку приходят наши наиболее опытные следопыты - политрук Гилев и Авенир. По отпечаткам на снегу они наметанным глазом определяют и ширину самих лыж, и ширину лыжных ровиков, и рисунок ремешковых перепений на опорных кольцах.

В одном месте немцы чего-то испугались. Лыжня вдруг круто повернула к югу и оборвалась у живописного нагромождения поваленных ветром деревьев - зимнего варианта знаменитого шишкинского "Бурелома". Эту преграду немцы преодолели пешим ходом.

Через полкилометра после бурелома, в густом еловом подлеске, немцы устроили большой привал. Здесь они основательно позавтракали. Мы без особого труда обнаружили запрятанные в снегу остатки трапезы: бумажные обертки для эрзац-хлеба со штампом: "Выпечка 1940 года", жестяные банки из-под тонизирующего шоколада "Shoka-kola", тюбики из-под мармелада, пластмассовые баночки из-под масла, бумажные мундштуки сигарет "Rawenklau".

Оставшиеся после завтрака отбросы мы поворошили не ради праздного интереса. Они, как и лыжные следы, помогли нам хотя бы примерно оценить количество немецких лыжников. Опять получалось: около полусотни. А для меня, начинающего переводчика, это был полезный наглядный урок ознакомления с фронтовым бытом немцев. К этому времени я уже сообразил, что мне кроме всего прочего надо знать, что немцы пьют, едят и курят, в какой упаковке получают продукты. Видимо, немцы провели в этом ельнике несколько часов. То ли они пережидали какую-то опасность, то ли вели наблюдение за движением по проходящей невдалеке дороге.

Так или иначе, для нас эта задержка оказалась очень кстати. Благодаря ей мы нагнали-таки немцев. Это случилось у ручья, носящего романтическое название - Нечаянный.

Началась неразбериха лесного боя. Вдалеке от дерева к дереву перебегают и переползают белые фигуры. Разрывные немецкие пули звонко щелкают не только впереди, но и позади, а поэтому не сразу разберешь: то ли мы окружаем немцев, то ли они нас.

Но вот немцы оставляют занятые позиции и, беспорядочно отстреливаясь, отходят на северо-восток. Все быстрее и быстрее. Пытаемся взять их в клещи, но сделать это на ходу очень трудно.

Обершютце в роли репетитора

Идем рядом - Науменко, Гилев и я. Видим, впереди какая-то заминка: остановились и вокруг чего-то или кого-то сгрудились лыжники. В чем дело? Оказывается, поймали немца. Даже не раненого. Прятался в стороне от лыжни, зарывшись в сугроб.

Здоровый рыжий парень двадцати пяти. В маскхалате очень похож на нас, лыжбатовцев, только на ногах не валенки, а сапоги. Они-то и подвели хозяина. С перепугу немец спрятался, как страус: в сугроб забился головой. А чей-то зоркий охотничий глаз и заметил на фоне снега черные сапоги.

Наскоро допрашиваем захваченного пленного. "Обершютце" - старший стрелок. Из 294-й "инфантеридивизион" - пехотной дивизии. Почему отстал от своих? Сломалась лыжа. Бежал, бежал по глубокому снегу, но скоро выбился из сил. Запасных лыж не брали? Три пары взяли. Но все они уже пошли вдело. Сколько в отряде лыжников? Сорок восемь. Какая цель рейда? Разведка леса в интервале Ольховка - Спасская Полисть. Куда сейчас направляется отряд? К железнодорожной станции Трегубово, которая на линии Новгород - Чудово. Там - свои. Почему не пошли на Спасскую Полисть? Туда намного ближе...

На этот последний вопрос пленный вполне резонно ответил, что Спасская Полисть полублокирована русскими. Командир отряда побоялся рисковать: у Спасской Полисти можно оказаться между двух огней.

Что же делать с пленным? Взять его, пешего, е собой никак нельзя. Поставить на наши запасные лыжи - опасно. Впереди еще могут быть стычки с противником, а во время боя всякое случается. Науменко решил отправить пленного со мной в штаб дивизии. По моей просьбе лейтенант назначил мне в помощники Мусу Нургалиева.

Наших запасных лыж пленному не дали, они могут понадобиться в отряде. Да и надежнее без лыж. Решили, все трое пойдем пешком по дороге.

Прежде чем отправиться в путь, мы соблазнились водой из ручья Нечаянного, на котором кое-где уже проклюнулись ранние проталины. Вода, процеженная через толщи торфа, настоенная на травах и кореньях, произраставших здесь еще во времена Господина Великого Новгорода, оказалась с сильным горьким привкусом. И все же пить эту настойку куда приятнее, чем безвкусно-пресную "снеговуху".

- Однако готовая микстура от глистов! - крякнув, как после

чарки спирту, сказал Муса.

Сильно морщась, выдул целую флягу "микстуры" пленный. Он здорово упарился, пропахав по снежной целине борозду длиной более километра. И придется ему еще порядком побарахтаться в снегу и попыхтеть, пока доберемся до ближайшего зимника.

Однако пленного мы не загоним: отдыхаем даже чаще, чем нужно. И вот почему. Еще во время рейда к Сенной Керести, на обратном пути, у меня возникла идея использовать пленного в качестве наставника-консультанта. Но тогда ситуация для такой беседы была явно неподходящая. А сейчас как будто никто не помешает.

Итак, привал. Смахиваем с пней снежные навершия и усаживаемся поудобнее. У меня в руках блокнот и карандаш, у Мусы - наготове автомат. Предлагаю пленному перечислить все звания в немецкой сухопутной армии от рядового до фельдмаршала.

Кое-что знаю, например, что "лёйтнант" - это лейтенант, "хауптман" капитан... Многое слышу впервые. Оказывается, в гитлеровском вермахте помимо просто фельдфебеля имеются и вариации этого мордобойно-зубодробительного звания с приставками впереди - "обер", "штабс" или "хаупт".

Удивление вызывает "оберст-лёйтнант". Прошу повторить еще раз. Попробуй догадаться, если не знаешь, что это "подполковник"!

Следующий привал посвящается родам войск, наименованиям воинских частей, подразделений. "Пионрен" - саперы, "панцертрппен" - танковые части, "инфантер" - пехота... Зенитная артиллерия - "флякартиллери". "Фляк" - сокращение от Flugabwehrkanonen, что можно перевести примерно так: пушки противосамоной защиты, то есть зенитная артиллерия.

"Группе" - отделение, "цуг" - взвод... Ага, "цуг" - взвод! Я вспомнил надписи на трех трофейных волокушах. Выходит, они означали, какая волокуша за каким взводом закреплена. А как же по-немецки "волокуша"? "Шлеппе"...

Вот какой мизерный запас немецких военных терминов был у меня в то время! Я знал, как по-немецки "перпендикуляр", "производная", "плоская кривая", знал, что фамилия пленного "Хуммель" означает "Шмель". И вместе с тем впервые узнал, что такое "пионирен" и "цуг".

Фанера - мрамор лейтенантов...

Борис Слуцкий

В солнечное сплетение

Опять передвижка переднего края. Жаль расставаться с обжитыми шалашами и землянками, ведь придется все строить

заново. Но ничего не попишешь. Если бы дело зависело только от нашего желания, так мы уже в начале сорок второго линию фронта придвинули бы вплотную к Берлину.

Восьмое марта. Ситуация прямо-таки неправдоподобная: в радиусе нескольких километров нет ни одной представительницы прекрасного пола. Поздравлять с женским праздником абсолютно некого. Говорят, в полковых, дивизионных тылах, в медсанбате есть Маши, Даши и Светланы. И якобы им к лицу даже шинели, ватные брюки и кирзовые сапоги., Но нам этих фронтовых красавиц пока что видеть не довелось. После Селищенского Поселка вращаемся исключительно в мужском обществе.

На новые позиции пришли ночью. А с утра каждая рота детально ознакомилась со своим участком, уточнила, где целесообразнее всего проложить линию переднего края.

От третьей роты на рекогносцировку местности отправилась группа из десяти - двенадцати человек: комроты, политрук, командиры взводов, старшина Фунин, я, несколько наших охотников-следопытов, в том числе Авенир Гаренских и Кронид Урманцев.

Опытных следопытов захватили для того, чтобы они зорким соколиным оком проникали в гущу леса и засекали любые приметы, малейшие намеки, говорящие о присутствии противника. А мне надлежало досконально изучить все изгибы переднего края, чтобы впредь не залезать к немцам с пшенной кашей и спиртом.

Рядом с нами снова осточертевшие уже Гажьи Сопки. Правофланговому взводу придется даже расположиться на болоте. Пока что оно держит. Но что будет через каких-нибудь две недели?! Вокруг хорошо знакомый нам унылый пейзаж: чахлая болотная растительность, поросшие рахитичными деревцами перелесья, жидкие кустарники... Только невысокие взлобочки покрыты мало-мальски нормальными соснами и елками.

Нам известно, что в том лесу должен быть противник. Но там - полнейшая тишина, ни малейшего подозрительного звука. Возможно, немцы ушли из этих мест? Но если это так, то нам придется закрепляться где-то севернее...

- Подойдем поближе, - сказал лейтенант Науменко. - Вон к тем елочкам. Оттуда обзор лучше.

- Не подойдем, а подползем, - уточнил политрук Гилев. - А вдруг на деревьях немецкие "кукушки" сидят...

Группа елочек росла отдельно, метрах в тридцати от лесной кромки. Под прикрытием зеленой ширмы, в небольшие прогалы между ветвями, опять всматриваемся в загадочный лес. Из рук в

руки переходит бинокль лейтенанта Науменко...

Возможно, именно этот бинокль сыграл роковую роль в судьбе нашего командира роты. Впереди раздался одиночный винтовочный выстрел... Науменко ухватился было за ствол ели, но тотчас же выпустил его из рук и ссунулся в снег. Падая, успел сказать ком-взводу-3:

- Большаков, примешь роту...

И тут же потерял сознание. Пока мы, вжимаясь в снег, тащили тяжелораненого в лес, позади через равные промежутки времени щелкали одиночные выстрелы, в сумрачном ельнике цокали разрывные снайперские пули...

Науменко умер, не приходя в сознание: пуля угодила ему в солнечное сплетение. Ускоренного Сережу большую часть пути везли на волокуше. А последние сто метров Авенир нес его перед собой на полусогнутых руках - как ребенка. По лицу великана текли слезы...

Похоронили мы своего командира в бору, недалеко от штаба лыжбата. Место для могилы выбрали подальше от Гажьих Сопок. Насыпали высокий намогильный холмик. С большим трудом раздобыл я у артиллеристов фанеры на традиционную пирамидку. Парторг Фунин сказал краткое, но проникновенное прощальное слово. Прозвучал залп из автоматов. Прослезился не один Авенир...

Сдал я в штаб ОЛБ комсомольский билет и другие документы лейтенанта. А записную книжку оставил себе на память. Она была заполнена служебными записями: запасной полк, эшелон, марш от Малой Вишеры к Мясному Бору и затем к Ольховке, приказы и распоряжения по лыжбату, по 8-му гвардейскому и 4-й гвардейской. В конце - чистые листики и между ними фотография миловидной девушки с лаконичной надписью на обороте: "Сереже от Вали".

Погиб Сергей Науменко на двадцать первом году жизни.

Вокруг весна беспутная легла,
От нетерпенья жгучего дрожа,
И даже медь на гильзах зеленела,
И прорастали бревна в блиндажах.
Сергей Орлов

Часть 5. Пора подснежников

Ярый март

Если уж в феврале начало пригревать, то в марте - и подавно. Тем более, что первая военная весна выдалась ранняя и дружная.

Но смена времен года происходит своеобразно. Зима на полную капитуляцию пока не согласна. Она договорилась с весной о разделе суток примерно пополам. Ночь и раннее утро

еще остаются во власти мороза, а днем хозяйничает древний славянский бог солнца Ярило.

Раннее утро. Затихла перестрелка. Надо полагать, немцы полностью израсходовали суточную норму ракет. Теперь, когда на короткое время умолкли минометы, пулеметы и автоматы, появилась возможность послушать звуки леса.

- Т-так!.. Т-ток!.. Т-тук!.. Т-тах!..

Звуки эти весьма различны по силе. Одни - сравнимы с легким щелчком, другие - напоминают глухой взрыв противопехотной мины или даже артиллерийского снаряда.

- Т-так!.. Т-ток!.. Т-тук!.. Т-тах!..

За день мартовское солнце крепко нагревает деревья, особенно с южной стороны. И вдруг резкий перепад: ночью, под утро, железная стужа опять сковывает их. И вот распаренные было дневным теплом и вновь прохваченные морозом сучки щелкают, а стволы - стреляют:

- Т-так!.. Т-ток!.. Т-тук!.. Т-тах!..

Особенно "разговорчивы" ели, они чаще всех остальных деревьев перекликаются между собой. Впрочем, и на костре ель ведет себя шумно: трещит, во все стороны стреляет угольками. В этом отношении выгодно отличается ольха. На огне она держится поистине стоически.

Нам, солдатам переднего края, в этот переходный период приходится еще труднее, чем в разгар зимы. Днем, когда раскисает снег и на тропинках, в снежных траншеях показывается вода, - остаться сухим мудрено. То приходится ползти по снежной каше, то во время артиллерийского или минометного наа плюхаешься куда попало. И если не сумеешь к ночи просушиться, дело может кончиться очень печально.

Особенно много хлопот сейчас с обувью. Беда тому, кого утренник захватил в мокрых валенках. Промерзая, они сильно ужимаются и, бывает, настолько сдавливают ноги, что солдат кричит от боли.

В арсенале орудий пыток испанской инквизиции были особые деревянные колодки. Дьявольское приспособление надевали жертве на ступни ног и специальными винтами начинали медленно сближать створки. Это чудовищное изобретение святых отцов вошло в историю христианской религии под названием "испанских башмаков".

Сильно промокшие валенки на крепком морозе могут превратиться в "испанские башмаки".

Вот когда дошел до нас глубокий смысл предупреждения генерала Андреева! По разным поводам вспоминаем сейчас, как, держа над головой великанские сапоги Авенира, комдив говорил

нам: "Берегите, ни в коем случае не теряйте это добро! Уже через месяц, когда начнет пригревать весеннее солнце, сапоги очень и очень понадобятся вам".

Теперь мы имеем возможность комбинировать: днем ходим в сапогах, ночью - в валенках. И все же ярый март то одного обувает в "испанские башмаки", то другого.

На днях попался лыжбатовец Егор Кандауров. Находясь в дозоре, провалился в затянутую тонким ледком лужу. Пока дождался смены, валенки окончательно очугунели. Попробовали ребята стаскивать, да бросили: побоялись, как бы вместе с кожей не стащить. Пришлось пустить в ход нож. Теперь Кандауров отлеживается в ПМП.

А многие "славяне", имеющие только валенки, оказались в еще более трудном положении. Из-за весенней распутицы доставка с Большой земли настолько осложнилась, что обещанные сапоги в срок не прибыли. И в ближайшее время рассчитывать на них не приходится. В результате получается странное явление: наступила весна, а в госпитали все везут и везут обмороженных.

ЧП с Итальянцем

Ведущий архитектурный стиль, принятый на Волховском фронте, предусматривал три основных типа жилых строений на переднем крае.

Во-первых, обыкновенная, прославленная в многочисленных песнях землянка с бревенчатым накатом. Но из-за болотистого грунта построить ее удавалось не всегда. Кроме того, во время переходов или при частой смене позиций на трудоемкие строительные работы не хватало времени.

Во-вторых, конусообразный шалаш из еловых лапок. У нас в лыжбате его в шутку называют "еловым чумом". Шалаш, разумеется, и тепло держит хуже, чем землянка, и от пуль - слабая защита. Но есть у "елового чума" и важное достоинство: он нетребователен к грунту и поставить его - пара пустяков.

А где и как развести большой костер, на котором можно подвесить емкий ротный котел, у которого можно расположиться целым взводом? Густая лесная чаща укрывает только частично. Если костер под открытым небом, то высоко над лесом поднимается столб дыма. А это очень соблазнительный ориентир для вражеских артиллеристов и минометчиков. Даже авиация может нагрянуть...

Так вот, в-третьих, мы, лыжбатовцы, и пехота 4-й гвардейской приспособились так: строим из жердей и еловых лапок шалаши повышенной кубатуры. По одному на взвод, на роту. В основании - квадрат со стороной в пять-шесть метров или круг с диаметром

такой же длины, высота в три-четыре метра, верх куполообразный. В отличие от "елового чума" мы называем такое сооружение "еловой яранго́й". В ней можно развести довольно большой костер.

Ночью "яранга" скрывает от вражеских наблюдателей пламя костра. Довольно надежно маскирует костер и днем. Дым над "ярангой" не поднимается вверх столбом, он медленно рассеивается, расползается по лесу на значительной площади и слабо заметен издали.

В "яранге" готовят горячую пищу на взвод, а то и на всю роту кипятят чай и хвойный отвар. Здесь у большого костра могут одновременно обогреваться и сушиться двадцать - тридцать бойцов. "Яранга" заменяет нам на переднем крае красный уголок и даже клуб.

В конце марта в "яранге" третьей роты случилось ЧП. Ночью пришла из дозора группа бойцов. Промокших и продрогших, смертельно усталых и голодных.

Поели солдаты, покурили, обсушились и расположились вокруг огня на отдых. Кто лицом к огню, кто спиной, кто ноги к теплу выдвинул... Раньше всех завалился на боковую Гриша Пьянков. Настолько выбился из сил, что даже курить не стал.

Спят ребята богатырским сном... Костер давным-давно потух, и в "яранге" почти так же холодно, как на дворе, где на двадцатиградусном морозе потрескивают деревья.

Наконец один солдат все-таки проснулся. Выбивая дробь зубами и поеживаясь, он разгреб палкой слой пепла до горячих углей, накидал сверху лежащие веером потухшие головешки, добавил свежих дровишек. Раздул огонь в углях и, убедившись, что костер будет гореть, опять улегся спать.

Скоро проснулся еще один солдат - Авенир. Но уже не от холода, а от жара сильно разгоревшегося костра. И видит он удивительную картину: Гриша Пьянков как лег спиной к огню, так и лежит в прежней позе.. Его ватные штаны прогорели на заду до живого тела и продолжают ть, дымить. А хозяину наполовину сгоревших штанов хоть бы хны: он высвистывает носом какую-то затейливую мелодию.

Авенир схватил Пьянкова под мышки, вытащил наружу и основательно вывалял в снегу. Оказалось, ожоги на ягодицах серьезные - третьей степени. Вдобавок выяснилась еще одна беда: у Пьянкова обморожены кисти рук, ступни ног и лицо. И до такой степени, что никакими натираниями снегом уже не поможешь...

Видимо, Пьянкова здорово прихватил холод еще в дозоре. А в "яранге" из-за невероятной усталости он не просушил валенки и портянки, на руках так и остались сырые рукавицы. И спал Гриша

так крепко, что не чувствовал не только мороза, но даже и огня.

У нас в роте, да и во всем лыжбате, свыклись с мыслью, что Итальянец невезучий, что с ним постоянно приключаются всякие истории. Отчасти так оно и было. Но большинство историй придумывали наши остряки. И затем сами же над ними потешались.

Случай в "яранге" подтверждал общее мнение о невезучести Итальянца. Но последствия его были настолько тяжелыми, что ни у кого не поворачивался язык острить по этому поводу.

А лыжбатовцы, ходившие в ту ночь вместе с Итальянцем в дозор, даже испытывали чувство вины перед своим товарищем. Дескать, проморгали. Надо было заставить его просушить валенки, портянки и рукавицы. Если уж действительно сам не мог - следовало помочь ему. Правда, каждый от усталости с ног валился, но беду все-таки можно было предотвратить...

В таком духе - о роли товарищеской взаимопомощи, особенно сейчас, когда у наиболее слабых бойцов силы на исходе, - политработники провели беседы в подразделениях лыжбата.

Мелочи фронтового быта

Политрук Гилев схватил злую ангину, и беседу в третьей роте проводил парторг Фунин. Владимир начал ее так:

- Я расскажу вам об одном эпизоде. Он вроде и смешной, но вместе с тем совсем не смешной... Он как будто пустяковый и в то же время показался мне значительным...

Это было за два-три дня до несчастья с Пьянковым. Слышу, он приглашает Воскобойникова:

"Давай, Вася, в наш любимый ельничек-можжевельничек сходим..."

"Давай, Гриша, сходим..."

Когда они вернулись, я говорю им в шутку:

"Что же вы, здоровенные мужики, до ветру ходите, взявшись за руки? Как девчонки-пятиклассницы!"

"Были - здоровенные, - отвечает Воскобойников. - А теперь у нас силы наполовину поубавилось. Вот мы и ходим на пару по большой нужде. На морозе да в полном лыжном облачении дело это ой какое нелегкое. Ведь на нас всякой всячины вон сколько понадевано - как на архиерее в пасхальную службу. Так что мы с Гришей помогаем друг другу разоблачаться и опять облачаться..."

- Мне кажется, - закончил свою мысль Владимир, - что теперь, когда нам приходится все труднее и труднее, товарищеская взаимовыручка и в малом и в большом должна играть все большую и большую роль. И я почти уверен: если бы в том ночном дозоре оказался Воскобойников, то беды с Пьянковым не случилось бы.

Надо сказать, что хождение в "ельничек-можжевельничек" парами в это время уже не было единичным случаем. Я, например, кооперировался с Мусой...

Важную роль в нашем фронтовом житье-бытье играют сухие дрова. В заготовке их я за короткое время приобрел немалый опыт. Очень нравятся мне сухие ольшины. Они, как грифель, ломкие, с ними легко можно справиться, не имея под рукой топора. Сухая ольха горит почти бездымным пламенем, не стреляет искрами, что очень важно в непосредственной близости от немца.

Ольхи в этих краях тьма-тьмущая. Об этом говорят даже названия местных селений и урочищ: Ольховка, Ольховские Хутора, Заолешье, Ольховская Лядина... Но от сырой ольхи мало радости, нужна только сухая. Где ее искать?

Ольха любит увлажненные места. Но чрезмерное обилие воды

ее не устраивает, на болотах она частенько не то вымокает, не то вымерзает. Иногда встречаются небольшие ольховые кладбища: ветви уже обломались, а голые стволы пока торчат. Берешь такую ольшину обеими руками и сильно, резко встряхиваешь ее. Ломкий ствол распадается на много коротышек, и вниз сыплются готовые полешки. Набирай охапку и неси куда надо...

Идет для солдатских костров и еловый ветровал, сосновый, березовый и всяческий прочий бурелом... Но тут уж без топора справиться трудно. На худой конец, в бедном на сушняк лесу и сырое дерево выручит. Надо только раздобыть хоть немного сухой растопки.

Если же сушняка близко нет и приходится брать для костра сырые лесины, то полезно знать некоторые хитрости. Обычно пилы под рукой нет, а только топор, так что валить толстые деревья трудно. Но среди молодняка рубишь не то, что под руку попало, а с выбором. Предпочитаешь такие деревца, комли у которых чем-то отступают от нормы. Заросшие старые трещины или заячьи погрызы, свилеватые наросты, искривления, слишком толстая и шершавая кора, не типичная для молодых деревьев обомшелость... У таких сосенок и елочек в комле смолы намного больше обычного, такие березки богаче дегтем.

Да, многому я научился... Но до настоящих уральских следопытов мне еще далеко. Они не только много знают, - у них сильно развита интуиция. Приходим, например, в совершенно незнакомый лес. Чтобы разобраться, где что, мне нужно время. А Философ, Авенир, Комаров, Урманцев сразу чуют, в какую сторону за сухими дровами надо идти.

Плохие вести

Первая военная весна, нагрянувшая вдруг, на полмесяца раньше обычных для новгородской земли сроков, подвела нас во всех отношениях. Дороги развезло, большинство из них стали непроезжими не только для автомашин, но и для гужевого транспорта. Болота набухают, вспучиваются и пугающе наплывают на земную твердь. Нам угрожает ловушка, как тем зайцам, которых спасал некрасовский дедушка Мазай.

Вода наступает на нас даже из земных недр. Грунтовая. В каждой землянке вырыто углубление, из которого воду приходится вычерпывать чуть ли не каждый час. Иначе получится наводнение.

Весной еще труднее стало доставать более или менее сносную питьевую воду. До крестьянских колодцев в Ольховке и на Ольховских Хуторах далеко, а на лыжбатовских позициях все насквозь пропитано болотной горечью.

Оказывается, ситуация, в которую боги ввергли мифического

Тантала, вполне возможна и в реальном мире, притом даже не в море и не в океане: вокруг вода, а пить нечего. Воняющую болотиной настойку Философ называет "лешей водой".

- Вот когда, - шутит он, - наши пермяки до пресноты вымочат свои соленые уши!

Все серьезнее перебои в снабжении боеприпасами и продуктами, все реже получаем из дому письма и газету Волховского фронта "Фронтовая правда", редакция которой находится в Малой Вишере. Проще всего свалить вину на весеннее бездорожье. Но в полки, в лыжбат все настойчивее просачиваются слухи: половодье само собой, но вдобавок - мы окружены!

4-я гвардейская уже не имеет сил для наступления. Перейдя к обороне, дивизия с трудом сдерживает наседающего врага. И такое положение создалось по всему периметру огромной "Любанской бутыли", горлышко которой находится у Мясного Бора, а дно - юго-восточнее Любани.

Газета 2-й ударной "Отвага" и наша дивизионка "Боевой товарищ" про окружение по вполне понятным причинам не пишут. Политработники на вопросы отвечают уклончиво, всячески подбадривают нас. Дескать, на несколько часов немцам удалось закрыть горловину у Мясного Бора, но их оттуда уже выперли.

Официальные сообщения дополняет и уточняет "солдатское радио". Однако оно нередко злоупотребляет произвольными догадками и необоснованными слухами.

Наиболее свежие и достоверные вести о положении в районе Мясного Бора привез нам Цыган. Так лыжбатовцы прозвали нашего командира хозвзвода старшину Комарова. С виду и по разговору он типичный уралец и родом из уральского горняцкого поселка Висимо-Шайтанска. Прозвищем своим земляк Мамина-Сибиряка обязан не цыганистой внешности, а крепкой привязанности к лошадям.

Увидит старшина коня, скажем, из артиллерийской упряжки и тут же всесторонне осмотрит его. Будто покупать или выменивать собирается. Заглянет в зубы, приподнимет хвост, вывернет ногу и проверит, хорошо ли держится подкова, потычет кулаком в бок, ласково похлопает рукой по крупу...

Есть у старшины и свой, хозвзводовский конь - Шайтан. Настоящий вездеход! Впряженный в розвальни, он тащит любой груз и по какой угодно дороге. Лишь бы под ногами была маломальски твердая опора.

Цыган большую часть времени проводит в разъездах. Одетый в длиннополый овчинный тулуп, лежа в розвальнях на боку, он

мчится на Шайтане то в полковые или дивизионные тылы, то еще дальше - в соседнюю дивизию, или к конникам Гусева, или в 7-ю танковую бригаду... Изъездил вдоль и поперек всю "Любанскую бутыль". В лыжбат возвращается обычно с чем-то объемистым, весомым. Поэтому и разъезжает не верхом, а в розвальнях.

А во второй половине марта, когда из-за недостатка горючего и весеннего бездорожья движение автотранспорта резко сократилось, Цыган получил еще более далекую командировку - на Большую землю. С разрешения армии 4-я гвардейская направила на восточный берег Волхова большой санный обоз за боеприпасами, продуктами, медикаментами и почтой.

Прошла одна неделя, другая, а Комарова все нет и нет. Мы уже было похоронили нашего главного снабженца, решив, что он погиб в пути. И вдруг Цыган вернулся - сильно осунувшийся, будто после тяжелой болезни. Рассказывает, где и по какой причине застрял на столь долгий срок.

19 марта немцы полностью перекрыли горловину, и в течение восьми суток у Мясного Бора шло ожесточенное сражение. 2-я ударная изнутри, части 59-й и 52-й армий извне заново прорубали проход. И в конце концов, ценой немалых жертв, прорубили. Но ширина коридора сократилась в несколько раз. Теперь она всего-навсего два километра.

Хоронясь в лесу, обозники с большой тревогой ждали исхода сражения. Когда же представилась возможность ехать дальше на запад, наступила пора менять сани на телеги. А где их взять! Даже такой безотказный тяжеловоз, как Шайтан, не смог справиться с возом. Комаров и его помощник-хозвзводовец впряглись в сани пристяжными.

В узком мясноборском коридоре погибла часть лошадей, ранило нескольких повозочных. Сани с грузами и ранеными в основном тащили люди. Обозникам помогали попутчики...

Именно с этого момента, с конца марта сорок второго, узкую полоску болотистой земли, которая на несколько километров тянется к западу от Мясного Бора, все чаще и чаще стали называть "Долиной смерти".

Окруженческое меню

Являюсь к своим лыжбатовцам с двумястами граммов сухарей на брата - и все! Представляете себе, что это значит? Конечно, каждый понимает, что старшина тут ни при чем. Тем не менее чувствую себя отвратительно. В блокированном Ленинграде родители тоже не повинны, что их дети умирают от дистрофии. Но сознание невиновности не избавляет взрослых от моральных страданий.

Все относительно. С сожалением вспоминаю прошедшие дни

моего старшинства. На складах выдавали полную норму, случалось, даже перепадала добавка. А я мысленно жаловался на свою судьбу: до чего же тяжела доля ротного старшины!

Теперь-то понимаю, в какое благодатное время начал свое старшинство. Настоящие трудности начались с того дня, когда суточный паек на роту поместился в моем вещмешке и я понес его один, без помощи Мусы и Романа.

Пока что лыжбатовцы держатся, в уныние не впадают. Потуже затягивают ремни и надеются на лучшие дни. Кое-кто пытается даже шутить - как в добрые прежние времена.

- И будем мы пить росу божию, будем питаться диким медом и акридами! нарочито патетическим тоном говорит Философ, принимая свою порцию коричневато-темных сухарей.

- Дикий мед - это совсем не худо! - отзывается Нургалиев. - А вот акрид не приходилось едать. Это вроде шанег, что ли?

- Какие там шаньги! В Евангелии сказано, будто Иоанн Креститель, пребывая в пустыне, никакой другой свежатины, кроме саранчи, не имел.

- Нет уж! Коли наш старшина этих самых акрид, раздобудет, так я свою порцию тебе задаром отдам. Такая свежатина не по мне!

Я смотрю на своих "деток", и мне почему-то больше всех жаль самого рослого, самого крепкого из них - Авенира. Пока с продуктами было более или менее благополучно, он получал двойную порцию. И никаких нареканий по этому поводу не было. А как быть сейчас? Давать великану двойную порцию сухарей? Но сейчас ситуация не та. Стиснув зубы, ребята пока держатся. Но нервы у них на пределе. Давать Авениру лишние сухари можно только за счет его товарищей. Но, быть может, при изменившейся обстановке отдельные лыжбатовцы на особое положение Авенира будут реагировать иначе? А сам я имею моральное право делать такие исключения? Надо посоветоваться с Гилевым и Фуниным.

Однако вопрос о дополнительном пайке для Авенира отпал сам собой. Когда я дипломатически завел с ним разговор на эту тему, он наотрез отказался от каких бы то ни было добавок.

- Лишний сухарь меня не спасет, - угрюмо сказал великан. - Он станет глодать изнутри сильней, чем сейчас гложет голод. И буду думать, что все ребята глядят на меня с упреком и про себя называют объедалой...

Время года такое, что в лесу поживиться как будто нечем. Боровая дичь и звери перекочевали куда-то подальше от войны. Но солдаты все же находят кой-какую приправу к сухарям.

Богаты новгородские болота клюквой, которую лыжбатовцы прозвали "волховским виноградом". В стволах берез, особенно

тех, что растут на южных окраинах полян, уже начал циркулировать сок. Это - "волховское шампанское". Пока что оно только лениво капает, но в ближайшее время, как и положено шампанскому, хлынет под напором и станет заметным подспорьем.

Чтобы собирать клюкву, ничего, кроме женского терпения, не надо. А добыча березового сока дело посложнее. Требуются, хотя и совсем простенькие, инструменты, приходится овладеть немудреной технологией. Но для таких бывалых ребят, как наши лыжбатовцы, все это пустяки.

В ротах и в хозвзводе появились самодельные сверла типа "перо" и долота. Умельцы-ложкари вырезают из податливой липы и осины сточные желобки. А из бузины, оказалось, очень просто делать сточные трубки. Ватная сердцевина легко выталкивается ивовым прутиком.

Тяжко лыжбатовцам и без курева. Если бы добрый кудесник предложил сейчас каждому на выбор - буханку хлеба или пачку махорки, то многие предпочли бы махорку. А поскольку добрых кудесников мы не встречаем, в ход идут всевозможные заменители, оставшиеся с прошлого а: вереск и папоротник, мох и брусничник, камыш и чернобыл... В большой цене у табакуров древесные листья, которые не опали в положенный срок, "прикипели" к ветвям и продержались до весны. От смешивания суррогатов в разных пропорциях получаются различные сорта "волховской махорки".

Однако вдвойне туго приходится тем, у кого на попечении кони. У кавалеристов-гусевцев их тысячи, у пехотинцев - сотни, у артиллеристов десятки, у лыжников - единицы... Но сколько бы их ни было, они живые существа и хотят есть. А овса и прессованного сена нет.

Частичный выход из положения нашли гусевцы. Они берут большую железную бочку из-под солярки, хорошенько выварывают ее, чтобы не осталось неприятного запаха. Затем в этой посудине кипятят воду и распаривают в ней тонкие веточки березы и некоторых других лиственных деревьев.

Таким варевом кормит своего Шайтана старшина Комаров и комбатовского Орлика - связной Костя Жирнов.

Выручил Муса

Комбат вызвал в штаб на совещание командиров рот и политруков, ротных старшин и старшину хозвзвода... Разговор предстоит на самую злободневную тему: чем кормить или хотя бы подкармливать лыжбатовцев, чтобы они не превратились в беспомощных дистрофиков? В скромной штабной землянке тесно и душно, расселись у входа снаружи на самодельных табуретках и

неподатливых дровяных чурках, с которыми не справился топор вестового.

Совещание началось очень нервозно.

- В дивизии мне сказали, - начал комбат, - у нас ничего нет и в ближайшее время не будет. Изыскивайте ресурсы у себя на месте. Вот я и нашел... Эй, Костя, подавай сюда наш ресурс!

Спустя минуту показался комбатовский ординарец, он вел под уздцы Орлика. Костя смотрел на нас с немой мольбой и тайной надеждой. Будто судьбу Орлика нам предстояло решить общим голосованием. Или он еще надеялся, что комбат только погорячился и отменит свое решение. Но, увы, надежда эта не оправдалась.

- Так вот... - дрогнувшим голосом сказал комбат. - Сдаю Орлика в общий котел. Кто из вас возьмет на себя это дело?

Сразу никто не отозвался. Мы все прекрасно понимали, чего стоило комбату пойти на такой шаг. Своего красавца он с большим трудом заполучил еще в запасном полку. В честь любимого коня полководца Котовского назвал его Орликом. Пока мы добирались от Малой Вишеры до Ольховки, гусевские командиры различных рангов не раз пытались выцыганить Орлика. Предлагали взамен великолепных жеребцов - и вороных, и гнедых, и буланых, и всяких прочих мастей. Вдобавок сулили солидную доплату. Но наш комбат не поддавался никаким соблазнам.

- Не уговаривайте, ничего не получится! - отваживал он претендентов на Орлика. - Командиру лыжного батальона положен именно белый конь. Любая иная масть будет демаскировать меня на фоне лыжников. Да и привык я к своему Орлику, он для меня как родной...

Глядя теперь на комбатовского любимца, я почему-то вспомнил эпизод из "Капитанской дочки": Петр Гринев наблюдал, как на великолепном белом коне киргизской породы гарцевал в степи Пугачев...

- Так кто же возьмется? - нетерпеливо переспросил комбат. - Или, думаете, я сам пущу Орлику в ухо пулю и стану свежевать его тушу?!

- Товарищ гвардии капитан! - попросил я слова, - У нас в третьей роте есть татарин Муса Нургалиев. Он рассказывал, что у них в деревне забивать коней на мясо - самое обычное дело. Нургалиеву приходилось это делать много раз...

- Так и порешим! - с облегчением воскликнул комбат. - Костя! Гони Орлика в третью роту, разыщи Нургалиева и передай мой приказ. Обожди там, пока все будет готово. Примерно учтите, сколько чего получится, и мы тут в штабе распределим между

подразделениями. И никаких неучтенных отходов! Все печенки-селезенки, все съедобное должно в ход пойти...

Орлик посматривал своими умными глазами то на комбата, то на Костю, то на нас. И вопросительно прядал ушами. Будто пытался разгадать: почему он вдруг оказался в центре общего внимания?

Комбат устало поднялся с табуретки, подошел к Орлику, потрепал его рукой по шее, расправил гриву, откинув назад челку, заглянул в глаза.

- Прощай, боевой друг! - с необычной хрипотой в голосе сказал он. - И прости меня... Понимаешь, брат, иного выхода нет. Ты тоже солдат... А солдату, когда надо, приходится отдавать свою жизнь ради боевых товарищей...

- А теперь - побыстрей отсюда! - уже совсем иным голосом, почти сердито приказал комбат ординарцу, будто тот замешкался по своей вине. И с какой-то отчаянной решимостью напутственно махнул рукой в сторону переднего края.

Скоро комбат сумел взять себя в руки, и совещание вошло в более спокойное, деловое русло.

Оказалось, есть кой-какие ресурсы и помимо Орлика. Договорились, что надо всячески расширять добычу березового сока. Нас, старшин, комбат обязал наладить контакты с артиллеристами и танкистами: им в своих мастерских ничего не стоит изготовить сверла или хотя бы долбежные стержни.

В обязательном порядке надо организовать подвоз из ближайших колодцев хорошей воды. Частично на Шайтане, остальное - "солдатской тягой". Надо стараться, чтобы в котел шла только колодезная вода. На ней же готовить хвойный отвар. Это и напиток, и обязательное противоцинготное средство.

Наконец, самое главное: надо энергично заняться поиском лошадиных туш. Их особенно много по обочинам тех дорог, по которым двигались конники генерала Гусева. Лошадей, раненных во время бомбежек, артиллерийских и минометных обстрелов, поломавших ноги на обледеневших лежневках, кавалеристы пристреливали и оттаскивали в стороны. Расчищая во время снежных заносов дороги, солдаты сваливали снег направо-налево. И попутно хоронили павших коней. Росту придорожных снежных валов способствовали поземки и метели. Так образовались естественные ледники, хранящие до поры до времени запасы конины. Там, где леса погуще, они еще сохранились. Только не надо зевать. Таких догадливых, как мы, в "Любанской бутыли" сейчас многие тысячи...

Когда я вернулся в роту, Муса уже заканчивал разделку туши. Он не подвел меня, с задачей справился. И как будто без особых

переживаний. Во всяком случае, внешне это ни в чем не проявлялось. А вот Костя отсиживался в дальней землянке. Говорили, некоторое время лежал даже на нарах, плотно прикрыв голову ватником. Чтобы не слышать рокового выстрела.

В разделке помогал Философ. По указанию Мусы он с плотницкой ловкостью орудовал топором и раскладывал куски мяса прямо на снегу, пока что хорошо сохранившемся под разлапистой "елкой Одинцова". Как и любое мало-мальски значительное событие, драматическую кончину Орлика Философ осмыслил на свой особый манер.

- Сказано в книге "Бытия": повелел бог Аврааму принести в жертву своего единственного сына Исаака. Положил Авраам сына на жертвенник и занес над ним нож... Но в этот момент бог возвестил через ангела своего: "Авраам! Авраам! Не убивай безвинного отрока. Теперь я знаю, что ты боишься бога и не пожалел для меня любимого сына..."

...А тут куда горшая петрушка получилась! Повелел бог войны нашему комбату: принеси в жертву своего любимого Орлика. Комбат переложил это трудное дело на Мусу. Однако в лыжбат божий ангел не явился и не возвестил громким гласом: "Муса! Муса! Не убивай Орлика. Вот вам фронтовой паек на месяц вперед!" Выходит, бог войны еще более бессердечный, чем бог иудейский и бог христианский...

За маханиной

Старшина Комаров успел до полного разводья организовать несколько поездок за кониной. Ездил он на своем Шайтане, брал с собой ротных старшин.

С каждым днем убывал снег на дорогах, день ото дня слабел Шайтан... Так что не садились даже в пустые розвальни. А на обратном пути - и подавно. Шли рядом с санями, как чумаки возле возов, груженных рыбой или солью. Более того: то и дело приходилось помогать Шайтану.

С собой обязательно брали Мусу - мастера разделки конских туш. Под его руководством мы действовали с наименьшей затратой сил: всю вмерзшую в снег и лед тушу не выкапывали. Вырубали только те куски, которые по ряду признаков годились в пищу.

Муса был и главным дегустатором. Сделав топором пробный разруб, он иногда сразу браковал:

- Однако этот махан шибко воняйт! А ну ево к шайтану!

Я ни разу не слышал, чтобы Муса сказал "конина". Только - махан или маханина.

Ездили мы по тем дорогам, по которым в разгар наступления пробивались на запад и северо-запад конники генерала Гусева, к

тем селениям, за которые кавкорпус вел ожесточенные бои. Побывали у Финева Луга и Рогавки, у Вдицко и Веселой Горки...

При варке не особенно свежей конины обильно выделяется розовато-бурая пена. Сколько ее ни сбрасывай черпаком, она ползет и ползет вверх, будто в котел заложен мыльный камень.

Неприятный запах можно было бы частично перебить изрядной порцией соли. Да где ее взять? Соль тоже стала остродефицитной.

Однако ничего не попишешь, лыжбатовцы ели и такое варево. Вслед за Мусой называли его маханом, маханиной. А Философ пустил в обиход еще одно словечко: гусятина. Прозрачный намек на то, что подобранные павшие кони принадлежали ранее кавалеристам-гусевцам.

Но вот тепло ранней весны добралось и до снежных залежей в наиболее затененных лесных дебрях. Вдобавок окончательно развезло дороги, не проехать ни на санях, ни на повозке. И заготовка маханины закончилась. Обессилевшего Шайтана постигла судьба Орлика.

В последний раз нам довелось отведать свежей маханины неделю спустя после тризны в память о безотказном Шайтане. Случилось это при таких обстоятельствах. Возвращался я с Мусой из 8-го гвардейского к себе в лыжбат. Путь пролегал через расположение четвертой батареи 23-го гвардейского артполка, входящего в нашу дивизию. Смотрим, батарейцы свежуют коня. Говорят, полчаса назад во время бомбежки ему перебило ногу. Пришлось пристрелить...

Я бросился к комбату, прошу у него: выделите, сколько можете, конины лыжникам. Совсем ребята отощали. Поначалу он ни в какую. Дескать, сами голодные сидим, а лыжники к нам никакого отношения не имеют. Я пытаюсь убедить комбата: имеют и самое непосредственное. Наш ОЛБ держит оборону как раз на этом участке, защищает батарею от всяких неожиданностей...

- Если так рассуждать, то нам самим от коня ничего не останется, засмеялся комбат. - Лыжники нас от немцев своей грудью заслоняют, саперы для нас возводят мосты, медсанбатовцы нас лечат... Да сколько у нас еще друзей в самом артполку!

И тут я вспомнил то, с чего следовало бы начать. В конце февраля из-за сильных метелей и снежных заносов несколько суток никак нельзя было подвезти из тыловых складов к батареям снаряды. Ни на лошадях, ни на машинах не проехать. Артиллеристов выручили лыжники. Сотни полторы наших ребят сделали несколько рейсов за десять с лишним километров.

Каждый привозил в "сидоре" по два шестикилограммовых снаряда. Бережно доставляли, завернув в свои портянки. Так японки носят за спиной своих малышей...

- Да, тогда вы действительно крепко помогли нам! - согласился комбат. Советую вам, старшина: если останетесь живы, учитесь после войны на адвоката. А теперь - пошли!

Комбат точно указал свежевальщикам, какую часть лошадиной ляжки отрубить назойливому попрошайке. Получилось не ахти сколько - килограммов около десяти. Но и за это спасибо! Я и Муса подвесили щедрый подарок на длинную палку и в приподнятом настроении зашагали к своим.

Мобильный отряд

Полностью занять Ольховские Хутора 4-й гвардейской так и не удалось. Дело пошло даже вспять: немцы все более нажимают с севера, отбивают одну усадьбу за другой. Противостоять им не хватает сил. У наших артиллеристов, минометчиков и пулеметчиков боеприпасов в обрез, личный состав дивизии измотан до предела. Такое же положение создалось и на других участках обороны 2-й ударной. "Любанская бутыль" медленно, но неотвратимо сокращается...

А ведь мы совсем немного не дотянули, не дожали! Наши разведчики уже не раз побывали на окраинах Любани. В тихую погоду уже слышалась артиллерийско-минометная канонада со стороны рвущейся к нам навстречу 54-й армии Ленфронта...

В начале апреля с запада в район Ольховского узла обороны отошла какая-то сильно потрепанная пехотная часть. Ее влили в оперативную группу Андреева. В результате этих пертурбаций 172-й ОЛБ временно сняли с переднего края. Наши булькающие и хлюпающие позиции заняли какие-то бедолаги-"славяне". Вряд ли они обрадовались своему новоселью!

Мы расположились лагерем в лесу, в двух километрах восточнее Ольховки. По соседству с той самой артбатареей, которая отвалила нам кусок конской свеженины. Предстоящие задачи лыжбата нашему командиру обрисовал сам генерал Андреев:

"Пока что будете в дивизионном резерве, для выполнения срочных заданий. Мы будем посылать лыжников, как наиболее мобильное подразделение, туда, где возникнет срочная необходимость..."

Мобильное подразделение... Надо же! Сейчас подобный комплимент в наш адрес звучит иронией. Лыжи у нас переломались, и обломки мы посжигали в кострах. Между прочим, - просмоленные, проолифенные, десятки раз смазанные, - здорово горят! А если бы и уцелели, так лыжный сезон уже

кончился. Отощали и обессилели мы настолько, что ходим медленно, вразвалочку, как водолазы.

О нашей мобильности сейчас можно говорить всерьез только в таком смысле: мы не прикованы к какому-то конкретному участку переднего края. Теперь лыжбат готов в любую минуту двинуть туда, где срочно потребуется заткнуть прореху. А как будет выглядеть наша подвижность без лыж - жизнь покажет...

К слову. Один из приданных 2-й ударной армии лыжбатов можно назвать сверхмобильным. Я имею в виду 40-й ОЛБ под командой капитана Георгия Куликова. Две его роты выполняют особую задачу: поддерживают живую связь между штабом армии и ее частями, соединениями. Их называют эстафетными ротами.

Наши пути частенько перекрещиваются. Забегая немного вперед, скажу: с окончанием лыжного сезона эстафетники сядут на лошадей и велосипеды. А нам нашу высокую мобильность придется поддерживать на своих двоих.

Наш первый орденоносец

Давным-давно у нас не было общебатальонного построения. С тех пор как дивизионное командование приветствовало лыжбат в день прибытия его в Ольховку.

Но вот такая возможность опять появилась. Мы стоим на большой лесной поляне в две шеренги, под углом. Здорово же нас поубавилось! Даже при построении произошло некоторое замешательство. Еще в запасном полку каждый привык видеть справа и слева от себя одних и тех же товарищей, привык за одним и тем же бойцом стоять в затылок. А сегодня хвать - и одного, и другого, и третьего нет на своем месте, пришлось заново разбираться по ранжиру.

Вид у нас явно окруженческий. Бритье в наших условиях - нелегкая проблема, поэтому многие отпустили бороды и похожи на персонажей из сказки "Али-Баба и сорок разбойников". От безупречно белых халатов, в которых прибыли на фронт, осталось одно воспоминание. Они испачканы смолой, они побурели и потемнели от дыма костров, они покрыты рыжевато-желтыми подпалинами, а местами прожжены даже насквозь, на них остались следы от лазания по лесным чащобам... Для одной половины лыжбатовцев процесс "линьки" уже завершен, они полностью сбросили с себя отслужившие свой век и, кстати, ставшие в апреле ненужными маскхалаты; другая половина - по привычке, что ли, - еще не рассталась с ними...

Да, вид у нас невероятно пестрый. И все же мне кажется, что именно к сегодняшнему построению наши лыжбатовцы полностью достигли фронтовой гвардейской кондиции.

А построили нас вот по какому поводу: санитара Вахонина

наградили орденом. Событие из ряда вон выходящее. Первый в нашем лыжбате орденоносец!

До войны большой редкостью были не только ордена, но и медали. В запасном полку мы с большим почтением посматривали на кадровых командиров старших возрастов, на груди у которых красовалась медаль "XX РККА".

Очень скупо награждали воинов и в первый период войны. А уж на Волховском фронте и подавно ситуация была явно не та, чтобы на нас обильно сыпались награды.

И вдруг награждают нашего лыжбатовца, Сашу Вахонина! И не медалью, а сразу орденом!

Командир 8-го гвардейского полка гвардии подполковник Никитин зачитывает приказ о награждении рядового 172-го ОЛБ Александра Николаевича Вахонина, жителя города Перми, 1922 года рождения, члена ВЛКСМ, орденом Красного Знамени. В приказе точно указано, какой именно подвиг совершил рядовой Вахонин: в течение февраля - марта вынес с поля боя 52 раненых бойца и командиров вместе с их оружием.

Саша Вахонин стоит перед строем по стойке "смирно". Он еще не расстался со своим маскхалатом, который необходим ему не только для маскировки на поле боя - он заменяет и медицинский халат. На нем кроме рыжих и коричневых подпалин бурые пятна засохшей крови...

Самого ордена пока нет. Подполковник пообещал: скоро, как только появится возможность, пришлют. А как скоро? Дождется ли наш орденоносец своей награды? Очень возможно, и дождется... Обязательно дождется! Наш Вахоня невероятно везучий, прямо заговоренный от пуль и осколков. Таково общее мнение.

После команды "разойдись!" мы как следует покачали первого орденоносца в 172-м ОЛБ.

О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями?..
А. С. Пушкин

Волховские панорамы

После захода в лагерь ольховчан мы выбрались на основную дорогу. Но прошли по ней немного, опять делаем зигзаг. И натыкаемся на такую картину.

Большая лесная поляна. Видимо, ом здесь обильно растет земляника. Снега уже мало, но в окаймляющем поляну густом лесу растаял только наполовину. Исчезая, он постепенно раскрывает тайну, которую хранил в течение зимы...

Незадолго до войны мне довелось видеть знаменитую панораму "Оборона Севастополя". Она произвела на меня сильное

впечатление. Сейчас, на фронте, нам тоже встречаются панорамы. Севастопольскую панораму создал художник-баталист Франц Рубо. Автор первозданных фронтовых панорам - война.

Перед нами одна из таких панорам.

В лесу - следы жестокого боя. Десятки вмерзших в снег неубранных трупов. К югу от поляны - наших бойцов, к северу - немецких солдат.

В глубоком молчании расхаживаем по этому кладбищу непогребенных, начинаем с южной его половины. Вынимаем из карманов гимнастерок медальоны... У каждого убитого своя поза, но подавляющее большинство лежит головой к северу. Значит, наступали в ту сторону, к Чудову. Вот раскинув руки лежит сержант. Треугольники на его петлицах самодельные - вырезаны из жести консервной банки. Вокруг сержанта разбросаны пустые пулеметные ленты. Самого пулемета, конечно, нет, его забрали с собой те, кто остались живы и пошли вперед...

Из сугроба торчат кирзовые сапоги... Кому они принадлежат? Выяснится, быть может, спустя неделю, а то и раньше, когда весенняя теплынь как следует возьмется за эту лесную непролазь. А бойца в пробитой пулей каске смерть настигла в тот момент, когда он перебирался через поваленное бурей дерево. Нахожу медальон, вынимаю из него свернутый в трубочку бумажный квадратик. Башкир из Белебея, 1920 года рождения...

Мы обнаружили в "сидорах" убитых довольно хорошо сохранившиеся продукты: консервы, сухари, концентраты, сушеную рыбу. Уцелел даже в плотно закрытых металлических коробочках кусковой сахар. Попадаются фляги со спиртом, кисеты с махоркой...

Одним словом, продуктов столько, что комиссар распорядился:

- Сдать старшинам. Пусть они разделят между всеми поровну.

Обратили мы внимание, что при каждом убитом есть противогаз. Свои мы побросали, брезентовые сумки использовали для хозяйственных надобностей, и начальство смотрит на это сквозь пальцы.

В немецкой части "панорамы" своя специфика. Противогазы - в жестяных цилиндрических коробках, "сидоры" - кожаные ранцы, как некогда у наших гимназистов, головные уборы - матерчатые кепи с приделанными к ним суконными наушниками. Немецкий медальон представляет собой алюминиевую пластинку прямоугольник или эллипс. Вдоль большой оси пластинки пунктирно пробит ряд отверстий - по этой линии прямоугольник или эллипс легко разломить на две равные половинки. На каждой половинке проштампован один и тот же текст: сокращенные

названия подразделения и части, имя и фамилия. Но чаще фамилии нет, указан только порядковый номер военнослужащего по специальному штабному списку. Одна половинка остается при убитом, другую сдают в штаб.

Смертный медальон немцы называют "эркеннугсмаркой" - опознавательным знаком. Документы и "эркеннугсмарки" этих убитых немецких солдат большого интереса для нас не представляют - данные слишком устарели. Но все же несколько алюминиевых эллипсов я забрал. Хотя не уверен, справлюсь ли с расшифровкой вермахтовской тайнописи. Разобраться в сокращенных названиях немецких частей и подразделений, различных родов войск - задача нелегкая даже для опытного военного переводчика.

Нетрудно представить себе в общих чертах, какая драма разыгралась здесь, у "земляничной поляны". Похоже, это случилось около двух месяцев назад, в первые дни после прорыва 2-й ударной у Мясного Бора. Наша пехотная часть, расширяя прорыв, продвигалась на север. Здесь произошел скоротечный бой. Хоронить убитых не было времени, надо было, не снижая темпа, преследовать отступающего врага. Но пока сюда добралась похоронная команда, ее опередила сильная февральская вьюга. Она и похоронила павших, она и спела реквием... А потом были еще метели и обильные снегопады. Наконец весна приоткрыла полог, который в течение февраля - марта скрывал "Волховскую панораму". И вот мы видим еще одну гримасу страшного лика войны.

Пройдя с километр дальше, наткнулись на поросшее лозняком и чахлыми деревцами болото. Сейчас оно от края и до края заполнено мутной водой, из которой местами выступают островки еще не растаявшего льда и снега. Метрах в пятидесяти от кромки болота глубоко в воде сидит наш сильно помятый "ястребок". Под фонарем кабины отчетливо просматривается голова чика в шлемофоне. Прямая, как просека, полоса срубленных и надломленных деревьев обозначает направление посадки.

Что здесь произошло? Или чик шел на посадку уже смертельно раненный? Или он разбился насмерть в момент вынужденной посадки? Следовало бы забрать у него документы, если это уже не сделали до нас. Но попробуй доберись до самоа!

- Однако надо проверить, может, чик еще живой, - говорит Авениру Муса. Топор у меня есть. Повалим вон ту сухую сосну, плотик сварганим...

- С одним топором, без пилы, здорово задержимся, - отвечает Авенир. - Вряд ли комиссар разрешит, мы и без того из-за обходов

сильно опаздываем.

- Нет, чик давно мертв, - вступает в разговор Урманцев. - Поглядите на изломы ольшин. Совсем несвежие - высохли, обветрились. Поди, уже недели две-три прошло, как само в болото врезался.

- И то правда... - соглашается Муса.

Видимо, такого же мнения и комиссар. Он подает команду двигаться дальше.

Опять у ручья Нечаянного

У ручья Нечаянного, где мы уже однажды были, идет жаркий бой. Энская отдельная пехотная бригада, истаявшая еще больше, чем наш лыжбат, сдерживает напирающего с севера врага. Правда, ни танков, ни артиллерии у противника нет - не позволяют болота и весеннее разводье, - зато крепко шпарит из минометов. А у бригады мин в обрез, вся надежда на винтовку, "максима" и штыковые контратаки.

Скоро подошли и остальные батальоны. Командование бригады и командиры прибывших на подмогу подразделений составили план совместных действий. И тут приняли в расчет былую мобильность лыжбата. Мы получили задание, для выполнения которого надо сделать наиболее далекий и стремительный бросок. Приказано обойти немцев с востока и внезапно ударить им с тыла или хотя бы во фланг.

Со своей задачей мы в основном справились, но события развивались далеко не так, как их планировали в штабе бригады. Переправившись через разлившийся ручей Нечаянный, мы повернули на север и... скоро лоб в лоб столкнулись с немцами.

Около сотни вражеских автоматчиков продвигались с севера на юг, видимо имея такую же задачу, как и мы, - внезапно ударить по противнику во фланг или с тыла. С ходу завязался встречный бой.

Бой в лесу имеет свои характерные особенности. На открытой равнинной местности десятки и сотни бойцов находятся примерно в равных условиях и действуют по одному образцу. В лесу же условия очень многообразны, и в подвижном бою они быстро меняются для каждого бойца по-особому. Дерево с толстым стволом, за которым можно укрыться, а впереди такое же дерево, за которым, быть может, притаился враг... Сосед слева ведет прицельный огонь короткими очередями, растянувшись во весь рост на мху и используя в качестве упора оплывший смолой пень... Сосед справа уперся в непролазный ветровал, бросил через него лимонку и огибает препятствие ползком... Еще правее группа бойцов ползком пробирается вперед по еловому подлеску... А через каких-нибудь два-три десятка метров задача для каждого из

этих бойцов изменится.

Особенно много всякой всячины именно в этом лесу, где мы схватились с немцами. Сюда, видимо, никогда не ездили по дрова ни ольховчане, ни полистяне. Самых различных возрастов не тронутые рукой человека буреломы и ветровалы, трухлявые колоды, коряги, хмызняк, то еловый, то ореховый подсед, прошлогодний малинник - всего не перечесть. Уральцы такую лесную дремучую непролазь называют "храпой".

Поначалу немцы держались на занятом рубеже и даже контратаковали нас. Затем стали пятиться. И вдруг мы обнаружили, что перед нами оставлен только жиденький заслон, а сам отряд быстро отходит на северо-запад, к своим главным силам.

Сбили мы заслон и преследуем немцев. Но оказалось, что в мобильности они явно превосходят нас - ведь харчи у них не окруженческие! Путь нам преградил все тот же ручей Нечаянный. Смотрим - немцы уже на западном берегу. Они перебрались туда по готовым кладкам в два бревна с перильцами. И успели частично поразрушить переправу: у своего берега посбрасывали бревна в воду.

Пытаемся перехитрить немцев. Комиссар назначает десять бойцов во главе с Кронидом Кунгурцевым. Они получают особое задание: пройти несколько сот метров к югу, найти подходящее место - достаточно густой лес, удобный для переправы берег - и поднять возню, шум. Желательно, чтобы немцы подумали, будто там весь наш батальон и мы готовимся в том месте к переправе.

- Погромче тюкайте топором, - наставляет комиссар Кунгурцева. - Валите деревья, которые вам с одним топором под силу, да так, чтобы побольше было треску. Свободные бойцы пусть постукивают дубинками по стволу дерева... Одним словом, надо устроить такую музыку, чтобы немцам показалось, что мы сколачиваем плоты...

На самом деле лыжбат прошел лесом около километра на север. Там мы повалили поперек ручья высоченную мачтовую сосну, росшую на самом берегу Нечаянного. По этой кладке и перебрались на западный берег.

Вот где пригодились тренировочные хождения по буму! Правда, для страховки мы пользовались шестами. Одни держали шест перед собой и балансировали им, как цирковые канатоходцы; другие поддерживали равновесие, опираясь на шест.

Переправились, прислушиваемся... На юго-западе по-прежнему не стихает большой бой. Так оно и должно быть. А куда подевались немецкие автоматчики? Скорее всего, они устроили

засаду напротив того места, где кунгурцы "готовятся к переправе". Что же делать? Оставить их в стороне и идти на запад, чтобы ударить основной группировке немцев во фланг? Когда вражеские автоматчики обнаружат свою ошибку, мы окажемся под ударом с двух сторон. Кроме того, прежде чем двигаться дальше, надо, чтобы кунгурцы воссоединились с нами.

Комиссар принимает решение: пока что пойдем вдоль ручья на юг, попробуем отрезать немецких автоматчиков от своей части и прижать их к воде.

Перерезать автоматчикам пути отхода нам не удалось. Выставленные ими дозоры обнаружили нас. Огрызаясь длинными беспорядочными очередями, немцы отступают на запад.

А кунгурцы и в самом деле соорудили два плотика, хотя этого комиссар в своем приказании не предусмотрел. На них "очмурители немцев", как их назвал Философ, переправились через ручей и соединились с нами.

Возможно, немцы так и не поняли, как мы их провели. В большом лесу разобраться в ситуации и правильно оценить силы противника - дело нелегкое даже для опытных командиров. Немцы вполне могли рассуждать так: "Тот отряд русских, который гнался за нами, готовится к переправе. А другой отряд уже переправился и заходит нам в тыл. Вон сколько их навалилось на нас!"

Рядом со мной идет Фунин. Видимо, он думает о том же, о чем и я.

- Итак, немецкие автоматчики возвращаются, не выполнив задания, - говорит мне Владимир. - Чтобы оправдаться перед своим командованием, они преувеличат наши силы. А это нам и нужно: пусть гитлеровцы думают, будто им во фланг заходит по крайней мере полк.

- Но дело может принять и худой для нас оборот, - возникло у меня опасение. - Сейчас автоматчики получат подкрепление и пойдут в контратаку. А у нас за спиной какая-никакая речка...

- Что ж, не исключен и такой вариант, - соглашается Владимир. - Но коли уж придется поспешно отходить, мы и вброд махнуть сможем. Ничего, на ходу высохнем. Однако мне кажется, что резервов для такого отпора у немцев не найдется. Ведь если разработанный план выполняется, только что началось наступление бригады и прибывших на помощь батальонов...

Владимир оказался прав. Вклинившаяся группировка немцев - их было около полка - начала отходить к северу. И остановилась, достигнув исходного рубежа. Там у них была полоса укреплений.

Действия лыжбата командование бригады оценило как

вполне успешные. Во-первых, мы предотвратили проникновение немецких автоматчиков в тыл бригады. Во-вторых, устроили демонстрацию на фланге группировки, что, несомненно, повлияло на решение немцев убраться с занятого ими клина.

Комиссар Емельянов объявил нам, что представляет к награждению медалью "За отвагу" наиболее отличившихся лыжбатовцев. В первую очередь назвал имена пулеметчика Авенира Гаренских, гранатометчика Мусы Нургалиева, старшего группы, выполнявшей специальное задание, Кронида Кунгурцева...

Прибывшие с нами пехотные батальоны до особого распоряжения остаются в подчинении комбрига. А мы возвращаемся к Ольховке.

Успех в бою даром не дается, за него приходится платить дорогую цену. Одного бойца мы похоронили на правом, восточном, берегу ручья Нечаянного, двоих - на левом. Семерых раненых оставили в санчасти бригады. Наш лыжбат опять изрядно подтаял...

Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестает.
Он кров с тобой не разделяет,
Из фляги из твоей не пьет.
Константин Симонов

Смертоносные "подснежники"

Опять месим вселенскую грязь, опять делаем обходные зигзаги. Идем по сравнительно безопасным от внезапных нападений противника местам, без боевых охранений. Растянулись без малого на километр.

Часто отдыхаем. Вот опять передают по цепочке: "При-ва-а-ал"!" Я и Владимир, по обыкновению, идем рядом. Изо всех сил стараемся держаться в голове колонны. Тащиться в хвосте очень невыгодно: пока добредешь до места привала, время отдыха уже на исходе.

Идущие впереди политрук Гилев и Авенир место для привала выбрали удачно. Так мне на первый взгляд показалось... Обширная поляна, побольше "земляничной", на солнечной стороне гостеприимно приглашает свободное от снега и уже просохшее всхолмие. Здесь удобно присесть и можно даже прилечь. На противоположной, затененной стороне поляны к высокой стене леса притулилась полоса снега. И это очень кстати. Снег заменит воду. Надо только соскрести верхнюю замусоренную корку... Вот уже бойцы потянулись туда с котелками...

И вдруг - паф! - раздался взрыв. Не очень громкий и не

слишком резкий. Будто лопнула автомобильная камера, только без присвиста. И одновременно из-под ноги Авенира вырвались облачко дыма и фонтан земли. Он проскакал несколько метров на одной ноге и упал ничком на снег. Еще один взрыв, на этот раз более глухой, и облако дыма вырвалось из-под груди и живота Авенира. К раненому бросился на помощь оказавшийся поблизости лыжбатовец. Третий взрыв и солдат упал рядом с Авениром...

- Ребята, мины! - раздались отчаянные крики.

Бойцы, которые шли за снегом, повернули обратно. Одни - более выдержанные и быстро соображающие - идут медленно, осторожно, внимательно смотря под ноги. Другие, полностью поддавшись чувству страха, несутся как попало. Лишь бы скорее выбраться за пределы проклятой поляны!

Четвертый взрыв - упал еще один солдат... Поляна полнится стонами и криками о помощи. Возле Авенира уже хлопочет Саша Вахонин.

Три четверти лыжбатовцев еще на подходе. Гилев, Фунин и я выбегаем навстречу идущим и вопим:

- Сто-о-й! Ми-и-ины! Ми-и-ин-ное по-о-о-ле!

Колонна остановилась. Комиссар совещается с другими командирами. Надо выносить раненых в безопасную зону. Но где она? Заминирована только эта злосчастная поляна, или она является всего лишь звеном заминированной полосы? Как бы не нарваться на мины всей колонной!

По рельефу местности и расположению старых окопов решили, как примерно может идти предполагаемая заминированная полоса. Отвели подальше от опасной зоны колонну, вынесли раненых...

Легко сказать - вынесли! Это было страшное испытание и для Вахонина, и для солдат, которые помогали санитару, и для командира, который назначил этих солдат, и для нас, свидетелей этого жуткого шествия, которые с замирающим сердцем следили за носильщиками и с облегчением вздыхали после каждого удачно сделанного ими шага.

Однако носильщики, зная, какая страшная опасность им угрожает, смотрели под ноги в оба. И смертоносному минному полю вырвать у нас новые жертвы не удалось.

Итак, мы забрались на старое минное поле. Никакой оплошности как будто не допустили, тем не менее пострадали.

Насчет минных заграждений и у нас и у немцев строгие порядки. Воинская часть, поставившая мины, оформляет специальную документацию, точные контуры заминированных участков наносит на карты. Эта документация передается при

смене частей. Чтобы не подрывались свои, устанавливаются предупредительные надписи.

Там, где линия фронта более или менее длительное время остается неподвижной, эти правила неукоснительно выполняются. Куда труднее соблюдать их при подвижном фронте, когда одна и та же местность по нескольку раз переходит из рук в руки. Ужасная неразбериха с минными полями получилась, в частности, в волховских лесах и болотах.

Осенью сорок первого года, когда немцы рвались к Чудову и Малой Вишере, путь им преграждали минами наши саперы. В январе сорок второго, отступая под нажимом 2-й ударной, десятки тысяч мин понаставляли немцы. Занесенные толстым слоем снега, они ждали своего часа.

Появляющиеся из-под снега мины солдаты-волховчане прозвали "подснежниками".

Как и в растительном мире, фронтовые "подснежники" бывают разные. В волховских болотах "произрастают" в основном противопехотные и значительно реже противотанковые. Эта приветливая с виду лесная поляна оказалась нашпигованной немецкими противопехотными минами нажимного действия.

То, что здесь поработали в свое время не наши саперы, а вражеские "пионирен", мы определили по ряду признаков - и по манере маскировки, и по звуку разрывов, и даже по окраске облачков дыма. А вообще-то впоследствии были и такие прискорбные случаи, когда лыжбатовцы подрывались на своих минах...

Толовая шашка, величиной со спичечный коробок или кусок туаного мыла, упакована в миниатюрный деревянный ящичек. Взрыв такой крохотной мины разрушает в радиусе, исчисляемом дециметрами. Но уж в своем "микрорайоне" тол - полный хозяин. Толовый заряд, прикрепленный к рельсу, выхватывает из него кусок стали...

Это - теория. А практика... Вот она: три изувеченных лыжбатовца. Один наступил на мину подметкой - у него отхватило полстопы. Другой угодил каблуком - у него оторвана вся стопа, еле-еле держится на связках. Раны от толового безосколочного взрыва рваные, измочаленные. Из них торчат кости, обнажены жилы и сухожилия. Обильное кровотечение... В походных санитарных сумках не хватает ни бинтов, ни ваты...

Правда, есть у каждого из нас индивидуальный пакет. Но ведь он помещается на ладони, для таких ран - пустяк! Наматываем поверх бинтов запасные портянки и разорванное на полосы бязевое белье. Однако кровь все равно проступает...

А третий... Авенир уже не нуждается в медицинской помощи.

Ему не повезло больше всех. Первая мина начисто оторвала стопу; вторая, после того как он упал, - отхватила по локоть руку и разворотила живот...

Много тяжело раненных, в том числе раненных смертельно, перевидал наш бывалый санитар. Но эта смерть потрясла его.

- Когда я подбег к Авениру, - с придыханием рассказывает нам Вахонин, - он еще в сознании был. Упрашивал меня: "Будь другом, Саша, избавь от мучений... Коли не решаешься, переверни меня на спину и незаметно для других сунь автомат... А я уж сам как-нибудь одной рукой...". - "Потерпи, Авенир! отвечаю ему. - Сейчас перевяжу - полегчает. Ты крепкий, выдюжишь..."

...Сказал: перевяжу, а сам не знаю, как к нему подступиться, с чего начать. Очень уж сильно распластало его. Перевязал ногу, проверил пульс - и понял: мои повязки не нужны...

Похоронили Авенира под приметной сосной. Быть может, кто-то из нас останется в живых и после войны разыщет эту могилу. Политрук Гилев сказал:

- Прощай, Авенир Гаренских! Ты был отличным воином и лучшим пулеметчиком в батальоне. Вечная слава тебе!

Вот и все прощальное слово. Дали один залп из трех автоматов... Да, более внушительных проводов заслужил наш однополчанин, однако все понимают: каждый патрон на учете.

Осталось еще километров пять ходу, а у нас двое тяжелораненых. Зимой в походы брали волокуши, а сейчас делаем так. Прикрепляем к паре шестов плащ-палатку и усаживаем или укладываем в нее раненого. Такую люльку попеременно несут вчетвером.

С группой бойцов иду искать подходящие деревца. По пути прислушиваюсь к разговорам.

Муса. Однако последнюю неделю здорово не везет третьей роте! Только что левофлангового, Гришу Пьянкова, в госпиталь отправили. Сегодня правофлангового похоронили...

Кунгурцев. И с краев и с середки таем.

Лаин. А другие роты везучие? В каждой, считай, по взводу осталось.

Философ. Эх, жисть наша солдатская! Ровно детская пеленочка: тоненькая, коротенькая и вся обкаканная...

Главное, когда где-то продолжает
существовать то, чем ты жил.
И обычаи. И семейные праздники.
И дом твоих воспоминаний.
Главное - жить для возвращения.
Антуан де Сент-Экзюпери
Послание заложнику

Вспомнилось, взгрустнулось...

Не прикованные к непрерывному посменному дежурству на переднем крае, мы сейчас имеем больше возможностей собираться всей ротой. Хотя общее количество бойцов крепко поубавилось, посиделки в ротной "яранге" стали даже более многолюдными.

На следующий день после похода к ручью Нечаянному третья рота собралась в полном составе. Посреди "яранги" ярко горит костер. Он - средоточие нашего скудного фронтового уюта.

Над костром подвешен общий котел с супом из гречневого концентрата. Получили очень мало пакетов и решили каждому на руки не выдавать. Когда расправимся с супом-баландой, в этом же котле будем готовить хвойный отвар. Кроме того, в горячие угли втиснуты солдатские котелки с водой.

К огню плотным кругом льнут лыжбатовцы. Греются, сушатся, подкладывают в костер полешки, передвигают и поворачивают котелки. Муса помешивает уполовником-разводящим баланду.

В общем кругу сидят комроты лейтенант Большаков и политрук Гилев. Первый вполголоса разговаривает о чем-то с Кунгурцевым, второй, положив лист бумаги на планшетку, пишет очередное донесение о морально-политическом состоянии роты.

Положив вырванный из школьной тетрадки листок на крышку от котелка, Философ пишет домой письмо. За ним - очередь. Вася Воскобойников - один из немногих в роте обладателей карандаша. Притом не простого, а химического.

Строчим, строчим, а добираются ли письма-треугольники до Большой земли? Доходят ли туда, куда надо? К нам, в "Любанскую бутыль", прорвалось совсем немного писем. И будто по чьему-то злому умыслу получается: большинство тех лыжбатовцев, которым они адресованы, или убиты, или убыли в госпитали...

Трудно прорываться через "горловину" - это само собой. А тут еще сменили номер полевой почты нашего лыжбата. В Рыбинске дали - 1550, а недавно переиначили на - 827.

По кругу идут крупнокалиберные самокрутки, начиненные всевозможными суррогатами. Как говорят немцы - эрзацами. Прежде всего, курим прошлогодние листья, присохшие к ветвям или занесенные ветром в дупла. Особой духовитостью обладает вишневый лист. Его находят в садах Ольховки. Идут на курево и некоторые разновидности мха. Курильщики в который раз вытряхивают карманы и кисеты: микродозы табачной пыли заметно улучшают качество "волховской махорки".

Поначалу беседовали у костра парами, небольшими группами. Но вот всплыла тема, заинтересовавшая всех, - и

завязался общий разговор.

- Однако скоро лед на Волхове должен пойти...

- Ну, когда Волхов вскроется, тогда нам совсем хана!

Гилев недовольно глянул на мрачного прогнозиста, видимо, хотел было вмешаться в разговор, но ничего не сказал и опять наклонился над листком бумаги. Наш политрук не формалист. Заметив в настроении бойцов слишком унылую тональность, он подбадривает их. Иногда и одергивает нытиков. Но из-за всякой мелочи тут же не придирается. Понимает, что в такой тяжелой ситуации, в которой мы оказались, нотациями веселого настроения не создашь.

Кроме того, политрук Гилев считает, что в целом боевой дух в третьей роте пока что держится на подобающем уровне. Несмотря на все лишения и физическое истощение, лыжбатовцы, затянув пояса и стиснув зубы, безотказно выполняют боевые задания.

Правда, в разговорах отдельных бойцов стали проскальзывать нотки обреченности. Дескать, из волховских болот нам уже не выбраться, суждено здесь голову сложить. Но и у этих бойцов капитулянтских настроений нет, они знают, во имя чего придется сложить свою голову.

Общий разговор между тем совершил скачок за тысячи километров: от Волхова де берегов Камы.

- Скоро и Кама тронется, погонит лед в Волгу...

- Как там наш запасной? Сколько он после нас маршевых батальонов на фронт отправил?

- Однако к весне и у лыжников готовить незачем. Пожалуй, двести восьмидесятый на пехоту переключился.

- В столовой, поди, вкусным борщом по-флотски кормят и на второе гречневую кашу со шкварками дают...

- А какой-нибудь привереда, недавно оторвавшийся от тещиных блинов, еще ворчит: и мало, и невкусно. Из своего "сидора" домашнего сала и шанег добавляет...

- У-у, морда! Сюда бы его поскорей, на окруженческий паек!

- А на плацу всё маршируют и маршируют...

- И козыряют, и на турнике подтягиваются...

- И полосу препятствий штурмуют, и по буму ходят...

- А у своей калитки стоит Глафира Марковна...

- Подперла левой рукой щеку и... сочувствует...

- А рядом с хозяйкой - козел Тишка...

- А может, Тишки уже нет. Глафира Марковна все грозилась зарезать своего "окаянного козла".

- Жаль, если зарезала. Очень жаль!

Наступила длительная пауза. Нетрудно догадаться, что сейчас каждый из нас думает уже совсем о другом. О запасном

полке, о Глафире Марковне и ее Тишке говорили так заинтересованно, конечно же, не потому, будто для всех нас это самое дорогое, что осталось в далеком-далеком тылу.

Наш запасной мы все помним, он первый сцементировал нас в дружный коллектив. Вот почему, когда нам взгрустнулось о родных местах, о своих близких, наша ностальгия поначалу выплеснулась в воспоминаниях о тех краях. И запасной, и Глафира Марковна с Тишкой - это всем лыжбатовцам понятные символы сугубо личного, субъективного. Те родные места для наших воспоминаний явились своего рода ретрансляционной страницей. Сейчас каждый из нас уже думает о своем городе или селении, о своих родных, друзьях и знакомых.

А у меня по сравнению с моими однополчанами-уральцами особое положение. Мой "далекий-далекий тыл" изнывает под сапогом немецких оккупантов.

Сент-Экзюпери, слова которого взяты эпиграфом к этой главке, под заложниками понимал своих родных и друзей, всех французов, которые томились в фашистской неволе. В сорок втором этого произведения Сент-Экзюпери я, вполне понятно, еще не знал. Но, сидя тогда у костра в "еловой яранге", испытывал те же чувства, что и великий солдат Франции. Я думал о моих "заложниках" в Белоруссии. Об отце, матери и четырех младших братьях, оставшихся на Полотчине, об учителях и учениках 8-й средней школы Могилева...

Баня - специально устроенное и оборудованное помещение,

предназначенное для мытья тела водой (обычно теплой и горячей)

с одновременным воздействием на тело горячего воздуха и пара.

БСЭ. Статья "Баня"

В бочке из-под солярки

За годы войны мне довелось мыться в самых разнообразных фронтовых банях. Сегодня расскажу о самой первой из них.

Последний раз перед отправкой на фронт наш батальон мылся в бане в середине января, в Рыбинске. И после выгрузки из эшелона в Малой Вишере вот уже в течение двух месяцев мы ни разу не ночевали в жилом помещении, ни разу не раздевались ко сну. Только разувались - для просушки портянок и обуви. Легко себе представить, как наши тела тоскуют по теплой воде, мылу и мочалке!

Правда, говоря языком медиков, педикулеза у нас пока нет. Шестиногие твари, которых древние римляне называли педикулюс, не выдерживают наших слишком уж спартанских условий.

Строительство бани, описанной в БСЭ, нам не под силу. Пользуемся упрощенным вариантом, позаимствованным у наших соседей-артиллеристов. Хорошенько выпариваем жестяную бочку из под солярки. Вернее, берем уже готовую: в ней парили сечку из тонких ветвей для Орлика и Шайтана. Ставим ее на попа в "яранге", наполняем водой. Докрасна накаливаем на углях несколько увесистых булыжников и - бултых в воду.

На короткое время бочка уподобляется кратеру вулкана в последние минуты перед извержением. Вода грозно ревет и клокочет...

Когда камни достаточно остывают, их извлекают из бочки. Это делает тот, кто залезает в нагретую воду первым. Чтобы попасть в бочку и выбраться из нее, сколотили две миниатюрные приставные лесенки. Без них пришлось бы заниматься цирковой акробатикой. В воде одного нагрева моемся один за другим по пять-шесть человек. Затем - все сначала...

Конечно, до знаменитых Сандуновских бань в Москве какой-то бочке из-под солярки далеко. Но в наших условиях и это - невообразимая роскошь. К сожалению, мне довелось помыться в волховских сандунах всего один раз.

Когда уходишь на войну мальчишкой, тобой владеет
великая иллюзия бессмертия. Других убивают, но не тебя.
Потом, когда тебя тяжело ранят, эта иллюзия пропадает.
И ты. понимаешь, что это может случиться и с тобой.
Эрнест Хемингуэй

Пришел и мой черед

Я попал на фронт не таким юнцом, как Хемингуэй. Однако тоже познал "иллюзию бессмертия". Но пришел и мой черед, иллюзии рассеялись.

Как хорошо спится после бани! Какие радужные сны видятся! Мирные, довоенные. И вдруг под утро - боевая тревога.

Это совсем не та тревога, по которой нас поднимали в запасном. Там мы возвращались в казарму досыпать или шли в столовую завтракать. Возвращались в полном составе. Здесь же никому не ведомо, сколько нас вернется из боя и кто именно вернется.

На этот раз опасная ситуация возникла в непосредственной близости от Ольховки. Немцы прорвались между Ольховскими Хуторами и Гажьими Сопками. То есть как раз в том месте, где наш лыжбат держал оборону в феврале и марте.

В бой лыжбат включился на рассвете. Места в общем-то знакомые: густой бор, который полосой тянется с юга на север. Но, поскольку начала событий мы не видели, в обстановке пока что ориентируемся слабо. Немец сильно лупит из минометов,

обстреливает разрывными пулями. Треск и грохот по всему лесу ужасный. Такое впечатление, будто вокруг нас сужается кольцо окружения. Между тем идем вперед и с противником не сталкиваемся.

Лыжбат получил задание примерно такое же, какое три дня назад выполнял у ручья Нечаянного: обойти прорвавшихся немцев с востока, со стороны Гажьих Сопок, и ударить им во фланг.

Так и не встретив немцев, вышли из зоны сильного обстрела. В лесу еще попадаются обширные участки нерастаявшего снега, пересеченные в разных направлениях узкими тропинками. Там, где снега уже нет, идти и легче, и приятнее. Только санитары, которые тащат волокуши, клянут оголенные места.

Противник обнаружил нас и повернул в нашу сторону часть минометных стволов. В лесу опять поднялся невероятный тарарам. Стоп! Дальше идти нельзя: впереди просека и на той стороне немцы.

К минометному обстрелу добавилась отчаянная пулеметная стрельба. Но это еще не значит, что нам противостоит большое количество немцев. Может быть, два-три десятка автоматчиков палят с пуза почем зря. И пулемет как будто один. Правда, шпарит он непрерывно. Немецкий МГ-34 работает так: кончается лента - к ней пристегивают новую, раскалился ствол - вместо него навинчивают один из нескольких запасных.

В общем, надо разобраться в обстановке. Командование батальона совещается, как быть дальше: или занимать оборону, или наступать.

Первый раненый - Нургалиев. Минный осколок перебил ему правую руку. Вахонин делает Мусе перевязку и отправляет в тыл одного. Крепкий солдат, дойдет без провожатого. Народу в лыжбате осталось мало, отрывать бойцов без крайней необходимости нельзя.

А куда идти? Где медпункт пехотной части, которой мы сейчас помогаем? Возможно, придется добираться до ПМП 8-го гвардейского? До него четыре километра с лишним. Но Муса боец толковый, найдет...

Еще кого-то ранило, отчаянные крики о помощи...

Подбегаю к раненому и вижу: лежа на боку, корчится и кричит от боли Кронид Кунгурцев. Отхватило стопу ноги, торчит обнаженная кость. Ватные штаны и шинель изорваны в клочья и покрыты копотью. Даже лицо черное, как у трубочиста.

У меня прямо похолодело в груди. Дело не только в том, что непоправимо искалечен Кунгурцев. Я сразу сообразил: ранение не осколочное, как у Мусы. Не от мины с воздуха. И вид раны, и

копоть говорят о том, что Кронид подорвался на противопехотной мине - или свеженькой, только что поставленной, или, скорее всего, на мине-"подснежнике".

Но ведь одну мину не устанавливают. Где-то рядом, вокруг, должны быть и другие. Выходит, мы опять напоролись на минное поле!

У ручья Нечаянного мне повезло: по воле случая я оказался только рядом с минным полем. Чуть было не пошел вместе с Авениром за снегом, да по какому-то поводу замешкался. А здесь... Здесь пока что ничего не ясно. Где оно, это минное поле? Куда оно тянется и где его края? Логично предположить, что заминирована полоса вдоль просеки. А может быть, и сама просека...

Сознание того, что находишься на минном поле, - особое испытание для психики. До сих пор для меня самым страшным было попасть под бомбежку. Сейчас я понял, что бывает нечто и пострашнее бомбежки. Не говоря уже о страхе, на минном поле чувствуешь себя в ужасно дурацком положении. С одной стороны, своей судьбой как будто распоряжаешься сам. Ступишь сюда - останешься цел, ступишь туда - тебе отхватит ногу. С другой стороны, эта свобода выбора часто оказывается иллюзорной. Где она, спасительная пядь земли, и где - роковая? На "земляничной поляне" можно было кое-что рассмотреть под ногами. А здесь снег, мох, брусничник... Поди угадай, "где таится погибель моя!".

Разумеется, в своем самочувствии на минном поле я разбирался после, в спокойной обстановке. А в то время мне было не до психологического анализа и не до философских размышлений. В частности, когда увидел раненого Кронида, надо было немедленно действовать.

Передав Кронида двоим санитарам, я побежал разыскивать комроты и комбата. Надо, думаю, немедленно доложить им о грозной опасности. Пробежал немного, метров двадцать, и вдруг - тах! Из-под ног вырвалось тугое облако дыма, в нос резко шибануло тошнотворными запахами тола и селитры. Мгновением позже почувствовал острую боль в ноге.

Взглянула смерть дырявыми глазами
На землю в сумерках пороховых.
И вдруг заметила в могильной яме
Два тела, возмутительно живых.
Эдуардас Межелайтис
Двое в воронке

Первый этап

Последующие за взрывом мины события сохранились в моей памяти изолированными сценками, отделенными одна от другой

промежутками небытия. Так взрослому человеку вспоминается раннее детство.

Фактически ребенок воспринимает окружающий мир непрерывным потоком. И только наша память в течение десятиий теряет многие и многие детали, сохраняет лишь самое яркое, впечатляющее...

Здесь, у Ольховских Хуторов, получилось иначе. Оглушенный взрывом, я все то, что происходило вокруг меня, уже тогда воспринимал дискретно. Отдельная сценка - провал в памяти, еще сценка - и опять провал... И в таком состоянии я пробыл несколько дней.

...Слышу рядом знакомые голоса.

Вахонин. Бери, Вася, под мышки, а я под колени подхвачу. Оттащим в безопасное место.

Воскобойников (ворчливо). А где тут безопасные места? Таблички на них приколочены, что ли? Того и гляди - сейчас и меня с тобой подкует...

Приподымают меня. Острая боль в ногах - и я проваливаюсь в небытие.

...Прихожу в себя от ощущения сильного холода на лице.

Вахонин. Ничего, ничего, старшина! Это я тебя снегом от копоти очищаю.

...Вверху, у вершины ели, звеняще-звонко разорвалась мина - и на меня посыпались срубленные осколками лапки, сбитые воздушной волной шишки. Неподалеку еще один разрыв и еще... Понимаю, что вражеские минометы бьют по нашему квадрату, но почему-то никакой тревоги за свою судьбу не испытываю. Будто это меня уже не касается.

...Надо мной уже не ель, а сосна. Слышу голос комбата:

- Вахонин, потащите Геродника, Воскобойников - Кунгурцева. Точно выясните, куда направлять раненых. Если ближе не найдете, везите до нашего пе-эм-пе. Спросите, дошел ли Нургалиев. И - немедленно назад! Ищите нас в районе этой просеки. Мы сделаем в заминированной полосе проходы и отметим их вешками. Так что глядите в оба!

Странное состояние пока не проходит. Хотя я через какие-то промежутки времени выплываю из глубин небытия, мое сознание воспринимает окружающее суженно, неполно. Нарушилось чувство сориентированиости тела в пространстве. Такое бывает в момент пробуждения после крепкого сна. Как говорил Философ, "пока прочухаюсь, никак не пойму, куда комлем лежу". А у меня сейчас еще большая неясность. Не отдаю себе отчета: то ли лежу, то ли сижу, то ли стою, то ли, как дух бесплотный, растворен в окружающем пространстве. Кажется, сообразить проще простого:

над собой вижу ветви сосны - значит, лежу на спине. Но мою "сообразиловку" крепко тряхануло взрывом. Шарики-ролики сдвинулись в ней с места, и она пока не срабатывает.

...Слышу знакомые голоса рядом с собой... Стоит повернуть голову - и увижу комбата, Воскобойникова, Вахонина. Но не поворачиваю. То ли отсутствует желание увидеть их, то ли не соображаю, что могу проделать такую простую операцию.

...И поразительное безразличие. Рвутся рядом мины - и пусть рвутся. Будто ней порой стрекочут в траве кузнечики. Вообще-то понимаю, что ранен. Но как именно ранен, есть ли у меня руки-ноги - .на этот счет не испытываю ни тревоги, ни хотя бы элементарного любопытства.

...Надо мной уже не сосна, а небо, просвет между высокими елями. Бой по-прежнему гремит вовсю, но уже не вокруг, не рядом, а на некотором удалении. Неподалеку слышен негромкий разговор. Поворачиваю голову и вижу: на бугорке под елью сидят рядом Воскобойников и Вахонин. Курят.

Как я после разобрался, этот инстинктивный поворот головы свидетельствовал о важном сдвиге в моем организме - о частичном выходе из шокового состояния. Сердце тревожно забилось от нахлынувших на меня вопросов и опасений. Где мы? Сколько времени прошло после ранения? Какое у меня ранение? Быть может, полностью оторвало ногу, как Кунгурцеву? Или, еще хуже, "распластало", как Авенира?

Чувство тревоги приправлено ощущением досады. Дескать, все эти вопросы уже давно надо было выяснить, а я только сейчас спохватился.

С большой опаской шевелю руками... Шевелятся! И совсем не больно! Приподымаю руки вверх... Подымаются! И повязок на них нет. Пробую пошевелить ногами... Больно! Обеим ногам очень больно!

Опять поворачиваю голову, спрашиваю:

- Вахонин! Что у меня с ногами?

Саша и Философ бросают окурки и подбегают ко мне.

Саша. Удачно отделался, товарищ старшина! На правой ноге только пальцы и четвертушку стопы отхватило, а левая - и совсем целая. Только взрывной волной по ней крепко вдарило: разбухла и посинела. В общем, без костылей будешь ходить, старшина!

Философ. У моего Кронида дело похуже. Он мину прикаблучил, а ты самым-самым носком тисканул ее.

Саша. Погляди на свои ляльки. Не обманываем, обе при тебе.

Саша приподнял меня за плечи, и я увидел свои "ляльки". Левая нога закутана в плащ-палатку, а на правой - столько всякой всячины намотано поверх бинтов, что она похожа на банник

крупнокалиберной гаубицы. Обе ноги покоятся на небольшом возвышении: поперек кормы волокуши положено несколько коротких палок и поверх их настелены еловые лапки.

В пяти-шести метрах за моей волокушей - еще одна. На ней лежит Кунгурцев. Он тихо стонет...

Да, волокуши... Пригодились-таки! А ведь были сомнения, в том числе у меня, - стоит ли брать. Санитары вступились. Говорят, там, куда идем, густой бор, снег еще должен быть. А если местами и сошел - не беда, одолеем. Ведь, бывает, положишь раненого на плащ-палатку и тащишь по земле. А на волокуше и нам легче и раненому удобнее. Последнее слово сказал комиссар Емельянов. "Берите, - говорит. - У нас слишком мало людей осталось, чтобы при дальней транспортировке на одного раненого по четыре носильщика отрывать..."

И вот сам на волокуше лежу. На одной из трех трофейных. Как и Кунгурцева, меня покрывает слой черной, с сероватым оттенком, копоти. Да и весь я какой-то опаленный. Ватные брюки в полуистлевших клочьях, подпалинах и пропалинах. Низ шинели начисто отсутствует, только из-под поясного ремня зубцами торчат траурные кружева.

- А почему я такой... - спрашиваю у Вахонина, - будто на вертеле побывал?

- Эти мины иного сорта, чем были у Нечаянного. При взрыве дают поменьше дыму и побольше пламени.

Вахонин опускает мою голову. Вместо подушки - "сидор", прикрытый сверху лапником. Хорошо, что он при мне! В нем самое-самое необходимое и ценное для меня. Ложка, кружка, запасные портянки, два исписанных блокнота с немецкой военной терминологией, русско-немецкий словарик...

Правда, кой-какие солдатские манатки остались и в шалаше - в бой шли налегке. В головах у меня в "постели" лежит рупор... Ну и бог с ним! Вряд ли он еще понадобится мне.

Еще раз ощупываю себя. Руки натыкаются на какие-то мешочки. Они лежат в волокуше справа и слева от меня, как бы притороченные к поясному ремню. Что за оказия? Почему ко мне попали чужие шмутки?

И вдруг соображаю: низ шинели отхватило, а внутренние карманы, сшитые из особо прочного материала, остались. Набитые автоматными патронами, они нелепо торчат огромными дулями.

- Саша! - прошу Вахонина. - Забери-ка из моих карманов патроны. Там и рожки и россыпью...

- У тебя, старшина, подходящий запасец!

- Автомат мой где?

- На дне волокуши, в ногах лежит. Если не в свою санчасть попадем, я его не сдам. Комбат строго приказал: автоматы из лыжбата и 8-го полка не выпускать.

Тропинка петляет и порой делает такие крутые зигзаги, что волокуше не хватает места для поворота: то носом, то кормой упирается в кочки или остатки сугробов. Временами днище волокуши со свистящим скрежетом дерет обнажившуюся землю. Особенно трудно приходится санитарам, когда на пути попадаются поляны, полностью свободные от снега. Тогда они вдвоем перетаскивают одну волокушу, затем - другую.

В меру своих сил и возможностей стараюсь помочь Вахонину. Когда волокуша застревает на крутом повороте или на лишенной снега проплешине, подтягиваюсь, ухватившись руками за растущие возле тропы кусты, отталкиваюсь от пней и стволов деревьев...

Опять передышка. Поворачиваю голову - и вижу пирамидку, установленную на могиле лейтенанта Науменко. Снизу, с волокуши, она мне кажется высоким обелиском. Прощай, Ускоренный Сережа! Эта наша встреча, наверно, последняя...

Перестрелка опять слышна все громче и громче. Такое впечатление, будто мы повернули назад, к Гажьим Сопкам. В чем дело?

Скоро ситуация прояснилась. Встречные и попутные "славяне" - а их становится все больше и больше - рассказывают, что немцы крепко наседают и теснят наших к Ольховке. Пункты сбора раненых и передовые санчасти ведущей бой дивизии снялись с прежних мест, и где они сейчас, никто пока не знает. Вахонин и Философ решили везти меня и Кунгурцева в ПМП 8-го гвардейского.

Опять неподалеку рвутся мины и в кронах деревьев резко хлопают разрывные пули. Душу пронзает тревога: а вдруг немцы прорвутся и нас захлестнет поток разъяренных фашистов! Для тяжелораненого, полностью зависящего от помощи других, эта перспектива кажется куда более страшной, чем для здорового, боеспособного солдата.

- Саша! - сказал я во время очередной остановки. - Достань на всякий случай мой автомат и положи мне на грудь. Я буду его придерживать...

- Не паникуй, старшина! - успокоил меня Вахонин. - До этого дело еще не дошло. Говорят, "славяне" закрепились на новом рубеже.

- Стрелять, лежа на спине, нас вроде не обучали, - заметил Философ.

- Много чему не обучали, - добавил Вахонин. - Про волокуши в запасном и разговору не было. А они, оказывается, во как выручают!

Где-то совсем близко ведет огонь артбатарея. Наша. Залпы

воспринимаю раньше спиной и всем телом, а затем уж на слух.

Близкое соседство с артиллеристами не проходит для нас даром: мы попали под жестокую бомбежку. Вахонин втащил волокушу в огромную воронку с пологим скатом.

До сих пор я, как и все, пережидал бомбежку, уткнувшись носом в землю. Сегодня впервые вынужден нарушить общепринятую традицию: лежу лицом вверх. И мне кажется, будто Вахонин, который растянулся рядом с волокушей, как и положено - ничком, подвергается опасности намного меньше, чем я. Разумом понимаю, что это чепуха, но чувствам не прикажешь.

Переходя в пике, "юнкерсы" истошно взвывают. Взглянуть, что ли? Нет, для такого трудного психологического эксперимента у меня слишком мало сил. Глаза непроизвольно зажмуриваются еще сильнее. Но и сквозь закрытые веки воспринял скользнувшую по воронке тень самоа. Леденящий душу визг падающих бомб и серия разрывов... Меня так сильно подбрасывает, что больно отдает в раненую ногу.

Лес быстро гасит гул удаляющихся самоов. Неужто совсем убрались? Медленно текут секунды томительного выжидания. Был бы верующим - молитву прошептал бы. Увы, пока не убрались. Еще один заход и еще один...

Наконец авиасабантуй окончен. Вахонин вытаскивает волокушу из воронки. Пытаюсь помочь ему, но не нахожу опоры - песок плывет из-под моих рук.

Вторая волокуша тоже цела и невредима, следует за нами. Когда мы отъехали от спасительной воронки примерно на полкилометра, позади опять раздался артиллерийский залп. Значит, батарея уцелела. Напрасно старались фашистские асы!

Преодолеваем водные преграды. Столоповский ручей, Трубицкая канава, Зарецкая Трубица, Травенской ручей... На карте они обозначены еле заметными тонюсенькими линиями, и зимой мы не обращали на них внимания. А теперь они заставляют с собой считаться. Да еще как считаться! Вахонин и Философ вдвоем переправляют раньше меня, затем - Кунгурцева.

После Травенского ручья я надолго впал в забытье. Пришел в себя от острой боли в ноге. Смотрю, Вахонин и Философ извлекают меня из волокуши, вносят в какой-то сарай, кладут на выстеленный лапником пол.

- Счастливого пути, старшина! - пожал мне на прощание руку Вахонин. Лечись, выздоравливай и возвращайся... - Легко догадаться, что хотел было пожелать Саша: "...и возвращайся в лыжбат". Но спохватился, сообразил, что это нереально. - ...И возвращайся в школу, учи детишек. А мы тут...

- А мы тут... - продолжил Философ, - ...какая у кого планида.

Кто следом за лейтенантом Науменкой и Авениром, кто, покалеченный, вдогонку за тобой, старшина... Найдутся и такие счастливчики, которые живые-невредимые на Большую землю выберутся и до окончательной победы довоюют...

- Большое вам спасибо, ребята! - растроганно ответил я. - Обязательно писать буду из госпиталя, только бы письма доходили...

Вахонин и Философ попрощались с лежащим рядом со мной Кронидом и ушли. На душе стало ужасно тоскливо: оборвалась последняя ниточка, связывавшая меня с лыжбатом.

Оглядываюсь вокруг - и узнаю: тот самый сарай на окраине Ольховки, в котором мы ночевали, придя из Мясного Бора. Лежу в том самом углу, в котором крепчайшим сном проспал ночь между мертвыми фашистами. В центре на большом круге из песка горит костер, вокруг него сгрудились раненые. Еще больше нашего брата лежит вдоль стен.

Итак, закончен первый этап моих странствий от места ранения до стационарного госпиталя. Позади - четыре километра на волокуше, впереди тысячи километров на самых разнообразных видах транспорта.

Во 2-й ударной, в кольце, скопилось 5000 раненых.

Вывезти их пока невозможно.

Из дневника хирурга А. А. Вишневского

Брезентовые хоромы

Эту запись главный хирург Волховского фронта сделал в начале июня. Но и в начале апреля, как я испытал на собственном опыте, все пункты на пути эвакуации раненых уже были забиты до отказа.

Лежу в сарае, который является филиалом ПМП, одни сутки, лежу вторые, третьи... По ночам донимает холод, в далеком углу тепло костра чувствуется слабо. Но это еще полбеды. Никак не могу привыкнуть к положению тяжелораненого. Скажем, сходить "в кустики" - целая проблема. Точнее - не сходить, а сползать.

Суден мало, санитаров не дозваться, они по горло заняты более важными делами. Одних раненых уносят, других - приносят, заготавливают дрова, ходят с бачками за водой и супом. Внутри сарая добровольными санитарами отчасти являются легкораненые.

Но, допустим, допросился судна. Так попробуй им воспользоваться! Ведь не на госпитальной койке находишься в одном белье, а в полном зимнем обмундировании. Да и стесняюсь с непривычки... Ведь в помещении, народу кругом полно...

Глядя на своих соседей, которые лежат совсем пластом, считаю себя хотя и не ходячим, но все же в некоторой степени

способным выбраться из сарая самостоятельно. Отталкиваясь в сидячем положении руками и здоровой ногой, продвигаюсь спиной к выходу. Впрочем, левую ногу называю "здоровой" с большой натяжкой. От контузии она вся синяя и разбухшая, как бревно. Главные трудности "в кустиках". Но, чтобы не впасть в натурализм, о дальнейших мытарствах рассказывать не стану...

Время от времени к нам заходит врач, отбирает раненых для срочных операций и перевязок. Кунгурцева унесли на госпитальных носилках еще вчера, и в сарай он больше не вернулся.

Наконец подошла и моя очередь. Меня тоже понесли на настоящих санитарных носилках. Перевязочная оказалась в небольшой крестьянской избушке. Пока врач отдирал от раны .бинты, меня от пальцев ног - между прочим, отсутствующих - и до затылка пронзала острейшая боль. Даже сразу после ранения не было так больно! Но, закусив губу, молчал: не могу, не умею кричать. В мальчишеские годы мой строгий батя изредка порол меня чересседельником - молчал. Тонул в реке Дриссе - молчал...

Из перевязочной я попал на крестьянскую телегу с бортами лесенкой. У нас в Белоруссии такой вид транспорта для перевозки сена, соломы, снопов называют "драбинами". Нас трое, лежим рядком, санитар-повозочный идет с вожжами в руках.

При нынешнем бездорожье и троих хватит. Тем более что воз тащит кляча явно дистрофического вида. Оказывается, еще не всех коней перевели на маханину. Кое-где остались вот такие одры-доходяги. И хорошо, что остались. Машины сейчас ходят только там, где проложена гать. Не будь этой старательной клячи, когда бы я выбрался из холодного Ольховского сарая?!

Крепко досталось на протяжении пятнадцатикилометрового пути и драбине, и возчику, и многострадальной кляче. Но больше всего - нам, раненым. К вечеру приехали в район Новой Керести - Кречно, где расположены штаб 2-й ударной, многие армейские тылы, в том числе и госпитали.

Редкий сосновый лес. Нас положили на все тот же незаменимый в наших условиях лапник. Вот так номер! В Ольховке хоть в сарае лежали, а тут и этого нет. Мои соседи оценивают ситуацию на сочном трехэтажном наречии русского языка.

Под другими деревьями тоже полно народу. Мимо нас бесцельно слоняются и по-деловому снуют ходячие раненые. Один принес нам попить, другой - поесть. На вопрос, долго ли придется пробыть на приколе у этой сосны, они ответили:

- Недолго. От силы двое-трое суток. Как подойдет очередь - заберут вон в те брезентовые хоромы. А там, ежели чего оттяпано,

хирурги не надтачивают, а еще больше укорачивают.

После длинной тряской дороги и полкотелка теплого супа я впал в дрему. Когда проснулся, уже совсем стемнело, на небе высыпали первые звезды. В просвете между деревьями я увидел знакомое дубль-вэ созвездия Кассиопеи. Картина ночного звездного неба на какое-то время оттеснила на второй план неотступные думы о своем бедственном положении.

Мне вспомнились страницы "Войны и мира", где Толстой описывает сражение русской армии с войсками Наполеона под Аустерлицем в 1805 году. Тяжелораненый князь Андрей Болконский лежал на поле боя и смотрел вверх. Его поразила непостижимая высота неба. И он стал упрекать себя за то, что, слишком отдавая себя во власть суетных повседневных дел, до сих пор не замечал этой величественной красоты, безмолвно распростертой над нами.

И еще. Небо казалось Болконскому бесконечно высоким не только в буквальном, пространственном, смысле - в своем беспредельном удалении оно было выше сиюминутных мелочных забот людей, выше их распрей.

"Да, нынешняя война иная, - раздумывал я, разыскивая новые и новые знакомые звезды. - И небо совсем не то. С беспредельных эмпирейских высот оно снизилось и снизошло до наших повседневных забот, до наших тревог и упований. С памятного июньского дня я ежедневно, ежечасно слежу за небосводом. Наблюдаю за ним то со страхом - слыша зловещий гул приближающихся посланцев смерти, то с надеждой - дожидаясь того звездного часа, когда наши асы станут хозяевами поднебесья и возьмут верх над крылатыми исчадиями фашизма. Небо наравне с землей испоганено иноземными захватчиками и вместе с ней стонет, взывает к защитникам Отчизны о скорейшем вызволении из рабства..."

Из начала прошлого стоия в сороковые годы нынешнего, из-под Аустерлица в Новую Кересть, я вмиг переместился на персональной машине времени, услышав недалекий разговор. Два ходячих раненых толковали о своих делах.

- Говорят, завтра-послезавтра из таких, как мы, опять команду составят и пешком пошлют на Большую землю.

- А что ж, и дотяпаем помаленьку! Только бы до Селищенского добраться...

- Однако кое-кто и на машину попадет. В каждый грузовик к лежачим добавляют по нескольку ходячих. Замест санитаров.

- Тоже не худо! Хотя, подумавши, рискованное дело. При нонешней дороге машина запросто может засесть, и тогда кукуй при лежачих. Главное, через "долину смерти" проскочить. Мы,

ходячие, и на карачках, врассыпную, можем пробиться. А машину немец, скорее всего, засекет и начнет по ней палить...

У одного из собеседников очень знакомый голос. Кричу в темноту:

- Муса! Это ты?

И в самом деле - Муса. Обрадовались мы оба. Договорились: если будет возможность, в дальнейшем постараемся держаться друг за друга.

Спустя еще сутки я попал в "брезентовые хоромы". Это сооружение, видимо, пообширнее походного шатра Александра Македонского или Чингисхана. Общая брезентовая крыша прикрывает десяток отдельных палаток-секций, соединенных между собой внутренними проходами. Под потолком тускло светятся электрические лампочки, где-то неподалеку ритмично работает движок.

Процедура подготовки к операции оказалась совсем несложной. Я остался в обмундировании. Медсестра соскребла с него грязь и засохшую кровь, еще выше разрезала штанину ватных брюк и кальсон, смотала с "ляльки" большую часть бинтов. Опросила меня, заполнила какой-то листок.

Операционная. Свет здесь намного ярче, чем в предыдущем брезентовом отсеке. Стоят параллельно друг другу два стола. Пожилой хирург в очках священнодействует в разверстом животе раненого, извлекает изнутри окровавленные ошметки и бросает их в ведро.

Лишь только меня положили на стол, я автоматически повернул голову, чтобы увидеть продолжение операции. Моему хирургу - более молодому, не очкастому мое любопытство явно не понравилось.

- Лежать тихо! - услышал я раздраженный и властный голос. - Не вертеться! Смотреть прямо в потолок!

Есть! Приказано смотреть в потолок. Хирург привязал мои руки к специальным скобам, ассистирующая ему хирургическая сестра то же самое проделала с моими ногами. На мое лицо легла плотно, с прижимом, пропитанная хлороформом марлевая маска. Первые секунды я задыхался, затем как будто опять задышал ровно. В мозгу не то жужжит, не то стрекочет. Совсем негромко, убаюкивающе. Жужжаще-стрекочущий звук слышен все слабее и слабее - будто мое сознание уает на неведомом мне аппарате все дальше и дальше в небытие. Наконец удаляющийся звук угас полностью - и меня не стало...

Из небытия вернулся уже без помощи загадочного жужжаще-стрекочущего аппарата. Бесшумно вынырнул из потустороннего мира и оказался еще в одной брезентовой палате - для

послеоперационных раненых. Одни лежат на топчанах, другие - на полу, на соломенных матрацах. Я - тоже на полу, по грудь прикрыт шерстяным одеялом.

Прежде всего мелькнула тревожная мысль: что же хируг сотворил с ногой? Или только подстриг размочаленную плоть, или отхватил побольше? Правда, Вахонин заверил, что две трети стопы останется. Но все же Саша не настолько крупный медицинский авторитет, чтобы верить ему безоговорочно.

Приподняться, приоткрыть одеяло и взглянуть на ногу - для меня слишком сложно. Пытаюсь установить истину иным путем: прислушиваюсь к боли. Рана ноет как будто на прежнем месте. Но это еще ничего не значит. Слыхал я, бывает так: ногу ампутировали выше колена, а раненому кажется, что болят отсутствующие пальцы и пятка.

С замиранием сердца ищу, нащупываю пальцами левой ноги... Все в порядке, моя "лялька" на месте! Это не иллюзия, а вполне реальный факт.

Выяснив главное, успокаиваюсь. Сравниваю сон с пребыванием под глубоким наркозом. Пожалуй, между этими состояниями имеются принципиальные различия. Когда пробуждаешься от обычного сна, то не ощущаешь, будто твоя жизнь временно прерывалась. А по выходе из наркоза кажется, будто побывал в царстве Вечного и Абсолютного Ничто. Будто из непрерывной нити твоей жизни вырезали небольшой кусочек и затем эту нить срастили заново...

Крутясь под "мессершмиттами"
С руками перебитыми,
Он гнал машину через грязь,
К баранке грудью привалясь.
И гать ходила тонкая
Под бешеной трехтонкою,
И в третий раз, сбавляя газ,
Прищурился фашистский ас...
Павел Шубин. Шофер
Через "долину смерти"

Под теплым одеялом я сладко уснул... Кстати, вот еще одно подтверждение того, что сон и выключение сознания под наркозом - разные вещи. Сон бывает глубокий и чуткий, спокойный и тревожный, сладкий и не приносящий удовворения. А Абсолютное Ничто вариаций не имеет.

К сожалению, мой сладкий сон продолжался недолго. Он перешел в тревожный, а затем я и совсем проснулся. От какой-то возни в нашей палате. Смотрю, раненых осталось совсем немного, их одного за другим уносят санитары. Куда? Зачем? Неужели

опять положат под сосны?

Поплыл и я на носилках. Но оказался не под сосной, а в кузове грузовика, видимо, трехтонки. Это иной коленкор! Санитары укладывают нас поплотнее. На свободных пятачках и на низенькой скамейке у переднего борта умащиваются ходячие. Слышу рядом знакомый голос:

- Однако вместе едем, старшина!

- Очень рад, Муса!

Мужские и женские голоса напутствуют каких-то неведомых мне Костю и Прохнича.

- Ни пуха ни пера!

- Старайтесь во что бы то ни стало черезш "долину смерти" проскочить до рассвета. Днем там машину в щепки разнесут.

- Везите только до Селищенского. Если оттуда будут отправлять дальше, в Малую Вишеру, - ни в коем случае не соглашайтесь. Если насядут - выгружайте раненых прямо у дверей госпиталя. Ничего, и места, и транспорт найдут! Им на Большой земле намного легче маневрировать, чем нам...

Ходячие поясняют лежачим: Костя - водитель грузовика, Прохнич сопровождающий нас военфельдшер.

Чьи-то руки подают через борт несколько стопок Клинообразных предметов. Их принимают ходячие. Оказывается - химические грелки. Две из них Муса приложил к моим ногам. Через минут десять я почувствовал: действительно греет. Раненая нога стала ныть иначе: боль плюс тепло слились воедино, и теперь мне кажется, будто рану припекает.

Выехали затемно. Муса говорит, что у машины специальные маскировочные фары - освещают дорогу синим светом. Первые километры одолели довольно быстро и без каких бы то ни было приключений.

Утверждая, что якобы возможности познания человечеством окружающего мира весьма ограничены, древнегреческий философ Платон приводил такое сравнение. Мы воображаем, будто взобрались на бог весть-какие вершины знаний. На самом же деле все мы сидим в полутемной пещере, вход в которую завален огромной глыбой. Осталась только узкая щель. Через нее извне, из Большого мира, к нам проникает слабый лучик света и доносятся невнятные разрозненные звуки, через нее мы наблюдаем расплывчатые тени, которые падают от неведомых нам движущихся существ. И познать больше о том, что на самом деле происходит по ту сторону глыбы, нам не дано.

Для меня платоновской глыбой являются борта грузовика. Но по сравнению с платоновским пещерным человеком обладаю большим преимуществом. Тот родился и вырос в пещере, а я

оказался в ней только что. Поэтому по теням, по отрывочным звукам способен понять многое из того, что происходит по ту сторону глыбы, в Большом мире.

Ночь лунная, по кузову грузовика скользят частые тени - значит, едем лесом; тени пропали - выехали на открытое место. Слышу дробный перестук колес и всем телом ощущаю мелкую вибрацию машины - катим по жердянке; вибрация переросла в отчаянную тряску - въехали на бревенчатый настил. Перестук слышится глухо, из-под колес с шумом ит вода - лежневку затопило; машина резко замедлила ход и движется волнообразно - вверх-вниз, вверх-вниз - значит, гать всплыла на воде...

По сравнению с пещерным человеком Платона есть у меня еще один козырь Муса. Он выглядывает из кузова машины и информирует о том, что делается на главной магистрали 2-й ударной.

На восток группами идут раненые; идет пехота на помощь частям, удерживающим "горловину"; туда же артиллеристы тащат на себе противотанковые пушечки-сорокапятки... В обратном направлении движутся груженные продуктами и боеприпасами конные повозки; изредка встречаются кавалеристы-гусевцы; устало, шатаясь из стороны в сторону, бредут солдаты - в "сидорах" у них сухари, концентраты, махорка, патроны и даже мины, снаряды... Только машин очень мало - и встречных, и попутных. Возможно, и наша трехтонка делает по этому маршруту свой последний рейс...

Все громче гул артиллерийско-минометной канонады, на редких облачках играют огненные сполохи. Впереди идет бой.

С полчаса простояли. Ждали, пока саперы чинили мост через реку Глушицу. За этим мостом и начинается печально знаменитая "долина смерти". Она тянется несколько километров, вплоть до реки Полисти... Наш квадрат обстреляли из тяжелых минометов.

Едем дальше. В "долине смерти" отнюдь не кладбищенская тишина. Наоборот, здесь даже слишком шумно. Мы фактически пересекаем поле боя. Наши пехотинцы и артиллеристы с трудом сдерживают врага, наседающего с севера и с юга. Стоят насмерть, понимают, что мясноборская горловина - единственная артерия, питающая 2-ю ударную.

Вдруг небо заметно посветлело: немцы впереди навесили "фонари" и бомбят дорогу. Скоро мы добрались до участка лежневки, только что разбитой прямым попаданием бомбы. Саперов пока не видно, и когда они появятся, неизвестно. Для ускорения дела Костя и Прохнич собирают уцелевшие разметанные бревна, жерди и наскоро сооружают настил в обход воронки. Им в меру своих возможностей подсобляют некоторые

раненые. Однако выигрыша во времени не получилось. Наоборот - застряли еще основательнее. Бревна и жерди расползлись под колесами, грузовик по оси погряз в торфяном месиве. У попавшей в беду машины собралась группа солдат. Не из попутных или встречных, а из местных, которые держат оборону на этом участке горловины. Следом за ними подошел лейтенант и с ходу напустился на шофера и военфельдшера. За неумелую "самодеятельность". Дескать, коли уж взялись починять дорогу своими силами, то надо было это делать не тяп-ляп, а надежно. Однако, сменив гнев на милость, пообещал помочь. Только поставил условие: машина так глубоко вбахалась в болото, что придется на время полностью освободить кузов.

Солдаты помогли Косте и Прохничу выгрузить раненых. По обе стороны дороги тянулось изрытое минами, истоптанное солдатскими сапогами болото. Тут негде было приткнуться. Нас положили рядами на лежневке за пределами разбитого участка. И у порожнего грузовика сразу же началась фронтовая толока.

Жерди и бревна, перебитые бомбой, солдаты подкладывают под колеса, целые служат вагами. Натужно взвывает мотор. Колеса с треском перемалывают и вминают в торфяную кашу недостаточно прочные подкладки. В эту шумовую симфонию гармонично впается забористый мат. Злые, как черти, но уже охваченные спортивным азартом солдаты хриплыми, простуженными голосами кроют волховские болота и весеннюю распутицу, Гитлера и Геббельса, угодившего в лежневку фашистского чика, сидящего за рулем шофера и повисшего на ваге военфельдшера... Клянут суковатую ель и ломкую ольху, поминают печенки и селезенки, поминают черта и бога. Только нас, раненых, очень близко причастных к этому делу, оставляют в покое. Надо полагать, мы святее самого господа бога.

Вздымая высокие черные фонтаны, поблизости разорвалось несколько мин. Одни солдаты залегли вдоль бортов грузовика, другие поползли в стороны. А как быть нам, лежащим на совершенно незащищенном и немного возвышенном месте? Здесь оставаться опасно! Еще залп... Смотрю, один раненый сполз с лежневки, за ним другой, третий... Не выдержал и я, перемещаюсь уже испытанным способом: сидя, спиной вперед. Берется заморозок, подо мной хрустит ледяная корка. Насквозь промокли ватные брюки и рукавицы...

Третий залп, четвертый... Добрался я до траншеи. Она здесь особой конструкции. В болото в два ряда загнаны сваи, концы их торчат над землей на метр, на полтора. К сваям прикручены проволокой или лозинами жерди-поперечины. Промежуток между двумя стенками набит землей, торфом. Там, где надо, проделаны

амбразуры.

Бывает, ограничиваются одним таким барьером. Намного надежнее, если их два, на расстоянии около метра друг от друга. Получается "болотная траншея". Дно ее выстилают лапником, хворостом, фашинами. Здесь "болотные солдаты" несут свою трудную службу, здесь и отдыхают.

Девятый залп, десятый... И на нем обстрел прекратился. На лежневке кто-то зовет на помощь. У грузовика возобновляется деловая возня. Матерщинники обновили свой репертуар: теперь они полностью переключились на фашистских минометчиков. Военфельдшер собирает расползшихся по болоту раненых и, кому срочно надо, делает перевязки.

Жертвы минометного обстрела. Лейтенанта с ампутированной ногой заново ранило в плечо. Перебило руку солдату, помогавшему вытаскивать машину. Одному из наших лежачих осколком размозжило голову. И погиб как раз не из тех, которые оставались на месте, а из уползших в сторону. На войне и такое случается...

Наконец дружными усилиями грузовик вытащили из болота и поставили на лежневку. Возвращаемся в кузов. Военфельдшер и лейтенант договариваются: наш убитый остается здесь, его похоронят на братском кладбище в "долине смерти". На освободившееся место положат только что раненного солдата.

Муса опять рядом со мной. Обстрел застал его у грузовика. Не обнаружив меня среди раненых, оставшихся на лежневке, он очень волновался за мою судьбу. Поехали. Нажимай, Костя! Скорей бы убраться подальше от этого распроклятого места!

На рассвете перебрались через реку Полисть. "Долина смерти" - позади, впереди - Большая земля.

В селищенские казармы попали две бомбы,
в перевязочной убито 15 человек, 12 - тяжело
ранено, контужен врач.
Из дневника хирурга А. А. Вишневского
В селищенской суперпалате

После чрезвычайно нервного напряжения на меня снизошло душевное успокоение. Дескать, если уж одолели "долину смерти", то, можно считать, главные трудности позади. Да и физически дьявольски устал. Так что до самого Селищенского Поселка больше спал, чем бодрствовал, и участок пути после Мясного Бора запомнился очень смутно.

В Селищенском нас, действительно, хотели было без пересадки сплавить в Малую Вишеру. Но Костя и Прохнич не поддались нажиму дежурного врача. А мы из кузова дружными воплями поддерживали их: не можем, мол, ехать дальше,

окончательно выбились из сил! И это была истинная правда. При разгрузке машины обнаружилось, что двое раненых в дороге умерло. Не выдержали тряски по "фронтовому асфальту".

Опять знакомая гигантская палата - бывший манеж Аракчеевской казармы. Два месяца назад, высовываясь сквозь бомбовой пролом из погреба, я с острым любопытством и состраданием глядел на раненых. А теперь и сам здесь лежу. Рядом со мной Муса и Кунгурцев. Это заслуга Мусы, что мы, лыжбатовцы, пока вместе. Он следит, чтобы санитары не разъединили нас.

Лежу и думаю, думаю, думаю... Спохватился, что с момента ранения и до сих пор был слишком занят собственной персоной. Только теперь, когда немного отошел, меня охватила тревога за своих однополчан.

Благополучно ли вернулись к своим Вахонин и Философ? Я выбыл из лыжбата в такой трудный для него момент! Удалось ли задержать и отбросить прорвавшихся немцев? Неужели пришлось оставить Ольховские Хутора и Ольховку? Ведь они отвоеваны такой дорогой ценой!

Теперь, когда я прошел через "долину смерти" и добрался до желанной Большой земли, могу более объективно и правильно оценивать ситуацию в "Любанской бутыли". Только сейчас начинаю постигать: как далеко от главной линии фронта увязли в болотах 2-я ударная, 4-я гвардейская и наш ОЛБ! В каких нечеловечески трудных условиях приходится воевать! Как мрачно выглядят тучи, сгустившиеся над армией!

И меня начинает неотступно преследовать острое беспокойство за судьбу моих фронтовых товарищей.

Впрочем, Лев Толстой в "Севастопольских рассказах" говорит, что солдат, раненный в бою, обычно считает его проигранным и ужасно кровопролитным. Возможно, и я преувеличиваю в худшую сторону? Хорошо, если ситуация у Ольховки и вообще в районе всего прорыва в действительности выглядит не такой уж безнадежной, как она мне сейчас кажется.

И еще думается вот о чем. Как будут в дальнейшем переправлять раненых на Большую землю? Ведь наш грузовик прорвался чудом. Да и горючее, говорили, на исходе. А раненые в полевой госпиталь у Новой Керести, скорее всего, прибывают и прибывают. Что будет с ними? Что будет с медперсоналом и "брезентовыми хоромами", если кольцо окружения сожмется еще туже? А ведь дело к этому идет...

Вспомнились солдаты, самоотверженно тащившие наш грузовик из болота. Из какой они части? Как фамилия лейтенанта? Как звать солдата, который, выручая нас из беды,

остался без руки?

Но вот мое внимание опять переключилось на необъятную палату. Наше лыжбатовское трио лежит, говоря языком математики, в одном из фокусов огромного эллипса, на котором когда-то занимался вольтижировкой корнет Михаил Лермонтов.

Между койками, топчанами и нарами снуют сестры и санитарки. Приносят и уносят судна и "утки", поят микстурами, безруких кормят с ложечки, делают на месте легкие перевязки...

Сравниваю нашу палату с палатой полевого госпиталя, описанного в "Севастопольских рассказах". (Вполне понятно, что в сорок втором, лежа в Аракчеевской казарме, я не мог воспроизвести толстовский текст в точности. Сделал это десятиия спустя, когда взялся за обработку своих отрывочных фронтовых записей.) "Большая, высокая темная зала - освещенная только четырьмя или пятью свечами, с которыми доктора подходили осматривать раненых, - была буквально полна. Носильщики беспрестанно вносили раненых, складывали их один подле другого на пол, на котором уже было так тесно, что несчастные толкались и мокли в крови друг друга, и шли за новыми. Лужи крови, видные в местах незанятых, горячечное дыхание нескольких сотен человек и испарения рабочих с носилками производили какой-то особенный, тяжелый, густой, вонючий смрад, в котором пасмурно горели четыре свечи в различных концах залы. Говор разнообразных стонов, вздохов, хрипений, прерываемый иногда пронзительным криком, носился по всей комнате".

У нас обстановка не такая уж беспросветно мрачная. Толстой описал госпиталь первой линии, куда раненые попадали непосредственно с поля боя. А мы, прежде чем оказаться в Селищенском Поселке, прошли через два фильтра - в Ольховке и Новой Керести.

Смрадному севастопольскому госпиталю по своему месту и назначению в системе фронтовой санслужбы скорее соответствовал бы ольховский ПМП, куда меня сдал Вахонин. Но и там, в колхозном сенном сарае, условия для раненых не показались мне столь ужасными.

А вот как, по описанию Толстого, действовали в те времена полевые хирурги.

"Доктора, с мрачными лицами и засученными рукавами, стоя на коленах перед ранеными, около которых фельдшера держали свечи, всовывали пальцы в пульные раны, ощупывая их, и переворачивали отбитые висевшие члены, несмотря на ужасные стоны и мольбы страдальцев".

Да, и ныне первичный осмотр тяжелораненого, а также

последующая операция зрелища не для слабонервных. Но все же теперь хирургия стала несравненно более гуманной, щадящей. На помощь врачам пришли совершенные способы асептики и обезболивания. Хирурги стараются работать не на виду у раненых в палате, а в перевязочной, операционной.

Изменились со времени Пирогова и условия работы среднего медперсонала. Однако стиль поведения сестер милосердия Крымской войны в главных, притом в наиболее благородных своих чертах унаследован медсестрами Великой Отечественной.

"Сестры, с спокойными лицами и с выражением не того пустого женского болезненно-слезного сострадания, а деятельного практического участия, то там, то сям, шагая через раненых, с лекарством, с водой, бинтами, корпией, мелькали между окровавленными шинелями и рубахами".

Вот такие "сестры милосердия" ухаживают и за нами. В данную минуту одна из них подходит ко мне, держа наготове градусник...

Наше лыжбатовское трио пробыло в селищенской суперпалате четверо суток. За это время нас по одному разу перевязали и трижды бомбили. Правда, зенитчики были начеку, действовали слаженно и не дали выкормышам Геринга бомбить нашу огромную броскую мишень прицельно. В эти дни прямых попаданий в Аракчеевские казармы не было.

На Малую Вишеру сегодня было 8 налётов.

Из дневника хирурга А. А. Вишневского

Трое суток у Ирины Михайловны

Следующая пересадка - в Малой Вишере. Не знаю как других, а меня привезли сюда в крытой санитарной машине. Эвакогоспиталь размещен в одноэтажных деревянных домиках маловишерцев, по пятнадцати - двадцати раненых в каждом. На одного начальника отделения приходится по десяти и больше таких .домиков, а весь госпиталь занимает целый городской квартал.

В моей обители такая обстановка. В самой комнате, горнице, вдоль стены устроены одноэтажные нары. Невысокие, на уровне кровати. В красном углу висят иконы Николы Угодника и Георгия Победоносца. За санитарку у нас сама домохозяйка - старушка Ирина Михайловна. Она и прибирает за нами, и кормит нас. Еду готовит из госпитальных продуктов в большой русской печи.

Лежим вповалку на соломе. На нас пока фронтовое обмундирование вываленное в болоте, изрезанное ножами санитаров и хирургов, пропитанное засохшей кровью.

В домике тепло и по сравнению с условиями, в которых мы были до сих пор, можно даже считать, вполне уютно. После

голодного окруженческого пайка госпитальное питание нам кажется прямо-таки санаторным. Тем более что Ирина Михайловна готовит вкусно, по-домашнему.

И только одно ужасно не нравится: частые визиты "юнкерсов". На за наом. Правда, в основном они бомбят станцию. Но это где-то рядом. Кроме того, встреченные сильным зенитным огнем, фашистские чики частенько не дотягивают до цели и сбрасывают свой смертоносный груз на мирные маловишерские улочки и переулки.

В пути от Гажьих Сопок до Малой Вишеры я приметил некоторые особенности психологии раненых: обстрелы и бомбежки они переносят куда более болезненно, чем здоровые солдаты. Во-первых, - я об этом уже упоминал, - удручающе действует собственная беззащитность, беспомощность. Во-вторых, кроме обычного страха испытываешь незнакомые ранее раздражение и возмущение. Пока не ранен, к своему противнику относишься как-то иначе, более терпимо, что ли... На то, мол, и минометчики, артиллеристы, чтобы обстреливать, для того и существует вражеская авиация, чтобы бомбить. А у раненого уже другая логика: "Добился своего, попал в меня - и хватит. А что же ты, гад, бьешь лежачего!"

По нескольку раз в сутки к нам заглядывает медсестра, в первой половине дня делает обход женщина-врач. И неотлучно при нас заботливая и сердобольная Ирина Михайловна.

На боль медикам мало кто жалуется. У всех у нас главная забота - когда придет санитарная учка? Ждем с часу на час, а ее все нет и нет... Вернее, была и один раз и другой, но нас не взяла. Очередь не подошла.

С моего места на нарах очень удобно обозревать висящие в красном углу иконы. Я изучил их до мельчайших подробностей. Довольно простенькие, почти лубочные, олеографии.

Благообразный старец Никола блаженно-беззаботным взглядом обозревает райские ландшафты. Война его не касается, в своих небесных эмпиреях он в полной безопасности. Во время бомбежек даже глазом не моргнет.

Георгий Победоносец изображен в виде прекрасного юноши. Сидя верхом на арабском скакуне, он пронзает копьем огнедышащего дракона. Воин облачен в шелка и парчу, обут в легкие сандалии, из которых торчат голые пальцы. Икры ног стянуты перепениями из узких ремешков. Этакий византийский пижон!

Всадник явно кокетничает, красуется перед зрителями. Поражает копьем дракона походя, без всякого физического усилия. Будто пресыщенный ресторанный посетитель лениво

поддевает вилкой сосиску. Он даже не смотрит на дракона, голова повернута в другую сторону.

Эх, Жора, Жора! Призвать бы тебя в конницу генерала Гусева. Вместо нелепых босоножек обуть бы тебя в кирзовые сапоги. Надеть бы на тебя ватные штаны, с синими петлицами кавалерийскую шинель да шапку-ушанку. Дать бы тебе в руки карабин и вострую саблю. Посадить бы тебя на низкорослого сибирского крепыша. Да пустить бы тебя в атаку, в кавалерийскую лаву, под Финев Луг... Вот тогда бы ты узнал, почем фунт лиха! Вот тогда бы ты испытал, как трудно сражаться с драконом, тем более с драконом коричневой фашистской масти!

Прощай, Волховский фронт!

Наконец прибыла долгожданная саночка. Начался аврал: погрузка раненых. Дело это вообще трудное, а в Малой Вишере задача тем более сложна: раненые разбросаны по городу в небольших домиках, работать приходится ночью, эшелон необходимо отправить до наступления рассвета.

В работу включился весь медперсонал - от санитаров до хирургов включительно. Помогают местные жители и раненые из команд выздоравливающих, привлечены тыловые службы. Раненых подвозят на специальных санитарных машинах и грузовиках, в армейских фургонах и на обозных подводах. Из домиков, прилегающих к станции, несут на носилках.

Я с полкилометра трясся на какой-то разновидности гужевого транспорта, затем поплыл на носилках. Выбиваясь из сил, меня тащат две пожилые женщины. В такие минуты с особой остротой чувствую свою беспомощность, свою физическую неполноценность и проклинаю их. Наконец вот моя уготованная судьбой и госпитальным начальством теплушка, вот мои нары, вот мое место на нарах. Я полностью устроен. А погрузка продолжается еще не менее двух томительных часов.

У каждого из нас перепаются явно противоположные чувства. Во-первых, удовворенность и успокоение - то, чего ждали с великим нетерпением, свершилось, скоро едем. Во-вторых, каждого из нас неотступно гложет тревога над нами дамокловым мечом висит угроза ночного наа. Маловишерскую станцию часто бомбят и ночью, при свете подвешенных на парашютах "фонарей".

А куда же подевались Муса и Кунгурцев? На всякий случай зову их. Никто не откликается... Вот когда оборвались последние нити, связывавшие меня с родным лыжбатом! Я однажды уже сделал такой вывод - когда прощался с Вахониным и Философом. Но тогда, оказывается, поторопился. А быть может, еще встретимся? Возможно, они едут в других теплушках и где-то попадем в один госпиталь?

Дождались-таки! Наша теплушка полностью укомплектована, задвигается дверь вагона. В голове эшелона прозвучал паровозный свисток. В свое время я с точностью до минуты определил для себя начало своей волховской одиссеи: момент, когда на северной окраине Малой Вишеры, опираясь рукой о ствол дерева, застегивал лыжные крепления. Пусть же этот паровозный свисток условно будет завершающим моментом этой одиссеи.

Прощай, Волховский фронт!

Великое, беспомощное, скандальное, стонущее братство раненых...

Эммануил Казакевич

После Малой Вишеры

По пути в глубокий тыл я несколько суток провел в сортировочном госпитале в Боровичах, затем неделю в. Рыбинске. И наконец после более чем месячного путешествия меня выгрузили из санпоезда в далекой Тюмени. Здесь, в эвакогоспитале-1500, врачи, медсестры и санитарки пестовали меня в течение долгих двухсот дней.

Поначалу дела мои выглядели прескверно. Предстояла разлука с правой ногой, которая в школьные и студенческие годы забила сотни голов в ворота противника. Меня уже положили было в палату ампутантов... Но все же искусным хирургам удалось оставить старшину Геродника двуногим. Низкий поклон им за это!

После выписки из тюменского госпиталя моя раненая нога превзошла самые оптимистические прогнозы врачей. Из белобиников меня перевели в ограниченно годные, и скоро Невьянский райвоенкомат вторично призвал меня в армию.

Тысячекилометровые странствия в санучках и сан-поездах, "великое, беспомощное, скандальное, стонущее братство раненых", с которым довелось близко познакомиться в боровическом, рыбинском и тюменском госпиталях - особая страница в моей биографии.

Конечно же, меня очень волновала судьба моих однополчан-лыжбатовцев, которые остались в любанской западне. Я не раз писал из госпиталя Фунину, Гилеву, Вахонину, но ответа не получил. И вдруг самые достоверные вести привез "нарочный". В начале августа 1942 с очередной партией раненых прибыл Вася Воскобойников, Философ. Он тоже наступил на "подснежник", но менее удачно, чем я, - пяткой. И оказался без ноги.

Встретившись впервые в красном уголке, мы бросились друг к другу... Обнялись, расцеловались... Загремели о пол наши костыли... Подобрали мы их и заковыляли в укромный уголок,

чтобы потолковать по душам...

Вот некоторые фрагменты из рассказов Васи Воскобойникова.

...Опять и опять посылали нас отбивать атаки фрицев, что наседали со стороны Сенной Керести и Ольховских, опять вместе с другими лыжными батальонами и "славянами" ходили мы сторожить дорогу между Ольховкой и Спасской Полистью.

...Не один раз выполняли и такое веселое задание. Прият наши самоы и поскидывают боеприпасы, продукты, махорку, медикаменты... Без парашютов, в брезентовых мешках. И радируют чики сверху: спустили столько-то мешков, подбирайте. А попробуй их все до одного подобрать! Одни в болото вбахались, другие на деревьях позастревали, третьи в Кересть угодили, четвертые неведомо куда подевались, случалось, и к немцам попадали. И вот комполка, а то и сам комдив дают распоряжение: "Пусть пошуруют разведчики и лыжники. Они расторопнее и на местности лучше ориентируются".

...В начале мая случилась большая беда: фашисты прорвали нашу оборону вдоль дороги из Ольховки в Спасскую Полисть и вклинились с севера к югу почти до самого Мясного Бора. Этот клин был больше похож на язык, его так и прозвали - "языком Венделя". Потому что прорвавшейся группировкой командовал оберст Вендель. Он отгородил нас от Большой земли еще одной стеной, фашистский удав начал обволакивать 2-ю ударную еще одним витком. Пробивать и удерживать мясноборскую горловину нам стало еще труднее, а "долина смерти" стала троекрат более погибельной.

...Еще при тебе немец впервые перекрыл горловину. Только в конце марта опять удалось пробить узкий коридор. Но нам после этого не особенно полегчало. Помнишь, как на роту сухари делил? То по два, то по сухарю с четвертью, то опять по два... Банка консервов приходилась на восемь, десять, двенадцать человек. Дороги развезло, лежневки поплыли, бензин кончился - автомашины стали на прикол, водителей направили в стрелки. Тебе, Мусе и Кунгурцеву здорово пофартило... Мы в лыжбате думали, что, скорее всего, вы застряли где-нибудь возле Новой Керести или Кречна...

...Коней тоже доконало окружение. Так что главным транспортом стала просоленная солдатская спина. Однако на целую армию боеприпасов и продуктов не наносишь. Тем паче что носильщики брели по колени, по пояс в воде, вдобавок под сильным обстрелом. Многие навечно остались в "долине смерти". Каплей в море была и манна небесная. Трудно было нашим самоам пробиться к окруженным...

...Когда оберет Вендель высунул свой поганый язык от

Спасской Полисти чуть ли не до самого Мясного Бора - мы опять перешли на полтора сухаря. Их делил Владимир Фунин. Он после тебя до выхода из окружения старшинствовал.

...Без подножного корма ноги протянули бы. Как и при тебе, березовый сок добывали, хвойную настойку варили, клюкву собирали. Вываривали уже ободранные конские кости. Ночью навар остывал и получался жиденький-прежиденький холодец. Кипятили даже яловые сапоги. С мая пошли в ход щавель, борщевик, крапива, заячья капуста...

...С голодухи прямо пуп к позвоночнику прирастает! Немцы знают про это и всячески изгаляются над намиг вдобавок соблазняют. То листовки с самоа кидают, то по радио сдаваться уговаривают. Некоторые листовки с картинками попадались. На них намалевано, какая благодать ожидает перебежчика в немецком плену. Лежит, к примеру, наш пленный, развалившись, - ни дать ни взять - демидовский управляющий в царские времена, - а его две фрау обихаживают. Одна с ложечки яйцом всмятку кормит, другая в стакан заморского вина наливает. Рядом на тумбочке чего только нет - и жареная курица, и фрукты, и ветчина, ломтиками нарезанная...

...Только один в нашем лыжбате иуда нашелся, который за чечевичную похлебку продался. Небось сейчас в фашистском лагере вонючую баланду хлебает и картофельными очистками пополам с землей давится.

...А если и на самом деле подкармливают фашистского холуя? Что с того? Как можно променять на сытную еду Родину?! Да еще в тот страшный час, когда ей в горло вцепился смертельный ворог! Не-е, лучше уж помереть с голоду под нашенской березкой или потонуть в бездонной волховской чарусе!

...Про березку я не промежду прочим, а с умыслом упомянул. Запал мне в душу такой случай. На взлобке возле Трубицкой канавы растет несколько старых обомшелых берез. В апреле - мае на каждой из них висело по солдатскому котелку, а то и по два. Пошел я как-то поутру на нашу березовую ферму и вижу: стоит на коленях солдат, обняв руками ствол березы. Потряс его за плечо - не отвечает, мертвый уже. До березы кое-как дотопал, а дотянуться до котелка с соком уже не хватило сил.

...В мае - июне и у нас в лыжбате такие случаи были: от чрезмерного истощения некоторые бойцы угасали тихо-тихо, как дотла выгоревший светильник. Взять хотя бы Веретенникова. Кончился привал, комроты командует: "Подъем!" - а он как лежал, так и лежит на боку. Его комвзвод даже обругал да за шиворот приподнял. Оказывается, наш Кирилл на вечный привал

умостился...

...Весной особенно наглядно видно, что война враг не только людям, но и всему живому - птахам, зверям. Приали из дальних стран грачи, скворцы и не находили своих старых гнездовий. Избы спалены, деревья спилены и на землянки, бункеры порастасканы. Погорельцы подолгу кружили над пепелищами и голосили на своем птичьем наречии... Потом делали прощальный круг - и уали искать новое пристанище...

...Бывало, стою ночью в дозоре и прислушиваюсь, как подает голос живое и даже в предутренний час не может угомониться смерть. Где-то в отдалении на затопленных водой и недоступных человеку болотах гогочут гуси и крякают утки, курлычут журавли... А в другой стороне, там, где "долина смерти", не утихает канонада: фашисты все туже сжимают горло 2-й ударной...

...Вокруг моего поста идет лягушачий концерт. Певуны шпарят без передыху. Они мои надежные помощники, так сказать, подчаски. Ежели ко мне подберутся вражеские разведчики, хористы притихнут - подадут мне знак об опасности.

...Но вот в разгар концерта раздается одиночный взрыв: "Па-а-ах!.. п-ш-ш-ш!.. буль-буль-буль!.." Что за оказия? Может, вражеский лазутчик на противопехотке подорвался? Нет, не похоже. Взрыв противопехотной мины более резкий и без всяких там прибавок вроде "п-ш-ш-ш!" и "буль-буль!". Скорее всего, взорвалась конская туша, такое случается. Не всех павших коней мы съели. До некоторых, утонувших в болотах, не удалось добраться. И вот, когда все порастаяло, под напором внутренних газов туши стали лопаться.

...В ту пору немало всплыло в волховских топях и человеческих трупов. В воде утопаем, а с питьевой водой ой как худо. И немцу не сладко приходилось, ведь впритык с нами стоял. И вот он какую штуковину сотворил: стал сверху, с самоов, наши позиции хлоркой посыпать да карболкой поливать...

...Пришел приказ на выход из окружения. Однако не всем же сразу кинуться-ринуться к Мясному Бору, кому-то надо немца держать. А то он в момент на шею сядет и в болото втопчет. Тут уж кому какая фронтовая планида выпала. Наш лыжбат до последних дней задерживали. Прорвались мы через "долину смерти" 24 июня, а на следующий день немец насовсем перекрыл горловину.

...Да, выходили, пробивались, прорывались... А выглядело это так: у одних еще остались силы, чтобы на ногах стоять и отстреливаться, другие ползли, третьих под руки вели, четвертых на плащ-палатках волоком тащили... Я подорвался на мине, когда

оставалось одоь последний километр. Спасибо старшине Фунину и санитару Вахонину - не оставили меня, доволокли-таки. В последний момент и Фунина ранило: осколком мины вырвало кусок мяса со спины.

...Наконец вот она - Большая земля! Тот же побитый снарядами и минами сосенник и ельник, однако свободный, без немца. Ежели б не лежал пластом, так стал бы на колени и расцеловал бы матушку родную. Некоторые вышедшие окруженцы так и делали.

...А в лесу дымят кухни, разбиты госпитальные палатки, работает походная фронтовая баня. Тех, кого надо срочно отправить на перевязку, на операцию, ждут повозки и санитарные машины. На Большой земле уже давным-давно перешли на нюю форму, а мы, окруженцы, и в конце июня все в том же зимнем обмундировании: ватные штаны и телогрейки, шерстяные свитеры и теплое белье, шапки-ушанки и все прочее январско-февральское облачение. И бороды, и глубоко запавшие глаза... Истинно святые великомученики с автоматами и гранатами в руках!

...Когда мы, лыжники 172-го, собрались до кучи, то оказалось нас шестьдесят человек. Я с Гилевым попал в одну палату боровического госпиталя. На соседних койках лежали. Наш политрук был очень плох. Часто впадал в беспамятство и в бреду громко командовал, водил третью роту на прорыв. Он умер во время операции, сердце не выдержало.

...А я вот выдюжил. Теперь все думаю: как она, моя одноногая жизнь, сложится? Обратно на сплав путь заказан, на костылях по бревнам не поскачешь. Вот и точат, точат меня мысли, как шашель дровину, - на какой жизненный "рейд" мне после госпиталя податься?

Забытый орудийный гром
Мне память по ночам тревожит...
Да, я не в силах об ином,
Да, я пишу одно и то же.
Сергей Орлов

Часть 6. Встречи с прошлым

Они властно зовут нас

Воспоминания властно зовут каждого ветерана Великой Отечественной войны в те места, где ему довелось воевать. Хочется найти следы тех окопов, в которых мок промозглой осенью и мерз в зимнюю стужу; хочется найти остатки той землянки, в которой сушил у печурки портянки; хочется узнать то приметное дерево, под которым стояла походная кухня; хочется разыскать то болото, из которого тебя, тяжело раненного,

вытащили санитары; хочется постоять с обнаженной головой у братской могилы, в которой покоятся твои однополчане; хочется повидаться с фронтовыми друзьями, оставшимися в живых... Хочется посмотреть на те селения, которые освобождала твоя часть...

Воспоминания властно зовут каждого из нас: ты должен, ты должен, ты должен! Тебе не будет успокоения, пока ты не побываешь там. И мы, ветераны, повинуясь этому зову, едем туда, где когда-то участвовали в сражениях, где решались судьбы Родины. Едем, не считаясь с возрастными недугами, едем, невзирая на дела, едем за сотни и тысячи километров.

Война, особенно в наиболее тяжелых ее проявлениях, - скажем, в таких, как затяжные, кровопролитные бои, - настолько несовместима с нормальным, привычным человеческим бытием, что на фронте мне порой казалось, будто нахожусь в мире ирреальном, фантасмагорическом, в мире не нашего трехмерного пространства, а в зловещем царстве человеконенавистника Кащея.

И вот, шагая ныне по тем местам, где меня когда-то мотала, трепала война, я испытываю чувство радостного изумления. По этой лощине, где можно было пробираться только ползком, и то с большим риском для жизни, иду сейчас без всякого опасения, во весь рост. Вот эту реку мы форсировали с таким трудом, потеряли на переправе стольких замечательных ребят... А сейчас по ней мчатся моторки и "ракеты", полно народу на пляжах, на берегах сидят удильщики...

И еще. До войны меня слишком поглощали учеба, затем работа, быт, бесконечная повседневная суета. Я поддерживал связь с немногими, наиболее близкими спутниками жизни - родными, земляками, одноклассниками по семике, с однокурсниками по педучилищу и университету. А в послевоенные годы, хотя работы и хлопот прибавилось, возникла острая потребность узнавать о судьбе бывших знакомых по учебе и работе, одним словом, всяческих однокашников. Захотелось повидаться даже с теми из них, кто до войны очень мало интересовал меня, о ком вспоминал редко и вообще на время позабыл. Захотелось узнать, как они пережили военное лихолье, где их носили-кружили военные смерчи, захотелось посмотреть, как они выглядят после всех испытаний.

Война для всех ее современников, а для фронтовиков в особенности, явилась рубежом необычным, чрезвычайным. Он повыше Гималайского хребта. Сразу после Победы мы стали говорить: вернулись мирные времена. Но это не совсем точно. Опять наступили мирные времена, но мы к прошлому не возвращались. Пошли вперед, дальше, перетащив прошлое через

перевалы военных испытаний. Однако не всё перетащили. Одно - не взяли умышленно, за ненадобностью; другое - хотели бы взять, да не смогли. По неумолимому закону времени остались по ту сторону наше детство, отрочество и юность. Осталось за крутыми перевалами немало наших друзей и еще много-много чего, для каждого из нас по-своему дорогого.

Мир прошлого, населенный нашими друзьями, как ныне здравствующими, так и навсегда ушедшими из жизни, мир, отделенный от нас рубежом "сороковых роковых", представляется мне очень уж отличным от нынешней действительности. Это ощущение было особенно сильным в первые послевоенные годы. Встречая после Победы довоенных знакомых, я смотрел на них как на людей, таящих в себе большую загадку, как на пришельцев из мира "потустороннего" в наш реальный мир, подчиняющийся законам Ньютона и Эйнштейна. И я искал все новых и новых встреч с прошлым.

Расскажу пока лишь о тех моих встречах, которые имеют отношение к Волховиане.

Когда идут в атаку писаря,
О мертвых не приходят извещенья.
Семен Гудзенко
Письма из Мамлютки

А бывает и так: никуда не еду, никому не пишу - встречу с прошлым подготавливает случай. Причем делает это примерно так, как Валентина Леонтьева преподносит телезрителям сюрпризы в своей знаменитой серии "От всей души".

В Тюмени и после госпиталя я иногда думал о моих однополчанах-лыжбатовцах. Все ли родственники погибших получили похоронные? Особенно часто вспоминал о Науменко и его родных. Сергей рассказывал мне о своем отце, тоже Сергее, железнодорожном служащем, о сестрах и младшем брате. Семья жила в пристанционном поселке где-то в Северном Казахстане. К сожалению, название этой станции выело у меня из памяти. Запомнилось только, что оно звучит и совсем по-русски, и вместе с тем в наименовании есть что-то тюркское.

В начале 1947 года я демобилизовался и вернулся на педагогическую работу: принял среднюю русскую школу в небольшом эстонском городке. Здесь закончилась моя военная служба. Оформляю однажды на работу нового учителя - Петра Либерта. Отец его, Михаил Либерт, еще до революции уехал из Эстонии на восток Российской империи искать лучшей доли. И вот сейчас три поколения Либертов вернулись на землю своих предков и поселились в этом местечке.

Откуда приехали? Из североказахстанского поселка

Мамлютка... Мамлютка! мысленно воскликнул я. Так это ж родина Сергея Науменко, то самое выевшее из моей памяти название, пахнущее одновременно русскими и тюркскими ароматами. Спрашиваю у Петра Михайловича:

- А мамлютского железнодорожника Сергея Науменко вы знали?

- Знал. Его дети в мамлютской средней школе учились. Но более подробно об этой семье может рассказать мой отец. Он долгое время работал участковым фельдшером и всех мамлютчан хорошо знает.

- Да как не знать! - отвечает Михаил Петрович. - Сергей Науменко был моим постоянным пациентом, я ему много раз банки на поясницу ставил.

- И старшего сына его знали?

- И Сережу лечил. От кори, краснухи, свинки. Но его, видимо, уже нет на свете. С фронта только одно письмо получили - и все, пропал без вести.

Первое свое письмо в Мамлютку я написал совсем короткое, для установления связи. Получил взволнованный ответ от родителей Сергея. Да, наш сын считается "пропавшим без вести". Вот уже несколько мучаемся от неизвестности. Кое-кто даже делает обидные намеки: не ушел ли ваш сын вместе с Власовым к немцам...

Изложил я подробно обстоятельства гибели Сергея Науменко, свои показания официально заверил в райвоенкомате. Приложил вещественные доказательства: фронтовую записную книжку Сергея и фотографию девушки. Отправил пакет в Мамлютку.

Еще несколько раз обменялся я письмами с родителями Сергея. Они с благодарностью писали, что доброе имя их сына полностью восстановлено и они стали пользоваться всеми правами и льготами, которые положены семьям погибших на фронте офицеров. Усиленно приглашали Науменки меня к себе в гости, да очень уж далеко от Эстонии до Северного Казахстана.

Прошло еще восемь. Началась целинная эпопея. Малоизвестная до этого станция Мамлютка оказалась в самой гуще событий, стала крупной перевалочной базой. Сюда прибывали грузы для новых целинных совхозов, приезжали на постоянное жительство целинники-новоселы и студенты для уборки урожая, отсюда уходили эшелоны с целинным зерном. И каждый раз, когда я встречал в газетах или слышал по радио знакомое название станции, моя память опять и опять воскрешала историю Ускоренного Сережи.

В 1965 году получил я письмо от комсомольцев мамлютской десятики. Ребята попросили меня написать о выпускнике их

школы, герое Великой Отечественной войны Сергее Науменко. Мои воспоминания "Ускоренный Сережа" были опубликованы в двух номерах мамлютской районной газеты "Знамя труда".

Прошло еще десять , а с момента гибели Сергея - уже более трех десятиий. Совершенно неожиданно получаю письмо из Омска. Отозвался младший братишка Сергея, Генка. Сейчас уже сороканий человек, Геннадий Сергеевич, инженер. Прочитав в "Литгазете" мою статью, он вспомнил, что автор ее - тот самый фронтовой друг старшего брата, который когда-то переписывался с родителями. Через редакцию Науменко узнал мой адрес.

"Из года в год у меня возрастает интерес к военной судьбе моего брата, писал мне Геннадий Сергеевич. - Мне хочется знать о Сергее все, до мельчайших подробностей. На каком участке фронта, у каких городов и селений он воевал? В какой части и в каком подразделении? Кто остался жив из его друзей-однополчан? Как проходил тот бой, который оказался для Сергея последним? Где он похоронен? В каких художественных и документальных произведениях описаны боевые действия Волховского фронта и 2-й ударной армии зимой и весной 1942 года?"

Я ответил моему тезке подробным письмом. Так завязалась между нами переписка. Геннадий Сергеевич прислал мне групповое фото: он и две его сестры - Анна и Надежда. Отправил я в Омск некоторые книги, вырезки из газет, карты. Не забыл о брате и сестрах Ускоренного Сережи. Отца к тому времени уже не было в живых.

Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?
Алексей Фатьянов

Моя ветеранская семья

Не раз пытался я, и довольно энергично, разыскивать Васю Воскобойникова, с которым последний раз встречался в тюменском госпитале-1500. Но, увы, безрезультатно. Куда-то перебрался из своего Шадринска и затерялся среди складок и распадков Уральского хребта. А очень хотелось бы узнать: как сложилась у Философа его "одноногая жизнь"? На каком "жизненном рейде" и что он сейчас робит?

Поначалу мне удалось восстановить контакты только с двумя однополчанами-лыжбатовцами. Поиски были длительные и трудные. Расскажу коротко о них.

Новоильинские карбышевцы прислали мне около десятка адресов ветеранов-лыжников. К сожалению, это были однополчане только по 280-му полку, но не по 172-му лыжбату. Самым "близким" соседом оказался Иван Александрович Обухов

из Верещагина Пермской области, ветеран 174-го ОЛБ. Напомню: в одном эшелоне ехали три маршевых батальона - 172-й, 173-й и 174-й.

Трижды ездил я в подмосковный город Подольск, работал в Центральном архиве Министерства Обороны СССР. Документов 172-го ОЛБ не сохранилось. Наш лыжбат фигурирует только в делах 8-го гвардейского стрелкового полка. Обычно это цифровые строевые сводки: убитых, раненых и обмороженных столько-то, осталось в строю столько-то. Лишь в двух случаях встретились имена моих лыжбатовцев старшины Борули и санитара Вахонина.

Но и этим находкам я очень обрадовался. Особенно наградным документам на Сашу Вахонина, подписанным комполка-8 Никитиным. В них указан пермский домашний адрес Саши. Правда, адрес этот выглядел безнадежно устаревшим: СтройКам ГЭС, общежитие ИТР, номер корпуса. Но все же я ухватился и за эту маленькую зацепку.

Искали Александра Вахонина и его родственников красные следопыты пермских школ, военкомат, адресный стол. Ничего не нашли. Тогда я пошел на такую хитрость: послал в пермскую молодежную газету "Молодая гвардия" свои воспоминания "Санитар Вахоня". Надеялся, что среди читателей газеты найдутся родственники Александра или соседи, знакомые Вахониных. Воспоминания были опубликованы, но мои надежды не оправдались.

Делаю еще одну попытку, вовлекаю в поиск ветеранов-лыжников, проживающих в Перми. Тех, с которыми меня заочно познакомили карбышевцы. Наконец от одного из них, Сергея Ивановича Колесникова из 171-го ОЛБ, получаю радостную весть:

"Старался не только для вас, сам втянулся в поиск.

Появился настоящий спортивный азарт. Удалось разыскать древнюю старушку, бывшую соседку Вахониных. От нее узнал: Александр вернулся с войны, но уже давно живет в Камышине Волгоградской области".

Еще немного хлопот, и я узнаю точные координаты Александра. Написал в Камышин разведывательное письмо и с тревожным нетерпением жду ответа. Жив ли Александр? Ведь каждый год уходят и уходят ветераны...

Ответ пришел от самого Александра. Прочитал в его письме и такие строки:

"Получив от тебя весточку, я даже прослезился от радости. И так разволновался, что ночью долго не мог, уснуть. Столько всего всякого вспомнилось! А вторую половину ночи снился мне сплошной бой... Просто удивительно, как мы все это вынесли и остались живы!"

В июне 1942 года Александр с остатками батальона вышел из окружения. Лечился в госпитале, учился на курсах младших лейтенантов и опять воевал. Освобождал Новгород и Прибалтику, Польшу и Чехословакию, форсировал Одер и штурмовал Берлин. Командовал ротой и батальоном. Сейчас майор в отставке. Свой первый лыжбатовский орден получил уже после войны.

Летом 1984 года Саша Вахонин гостил у меня в Эстонии. За мной ответный визит на берега Волги.

Ответы на мои запросы я получаю самые разнообразные. В одних случаях это куцые формальные отписки на стандартных бланках: "Не числится", "На учете не состоит", "Такими сведениями не располагаем"... Особых претензий к авторам подобных канцелярских эпистол не имею. Понимаю, что они по горло заняты текущими делами и не обязаны тратить слишком много времени на кропотливые поиски.

Но в моей переписке бывали и такие случаи, когда официальные должностные лица выходили далеко за рамки своих служебных обязанностей: рылись в архивах, куда-то ходили, кого-то опрашивали, присылали мне адреса интересных людей, вырезки из газет, карты местности.

Получив мою просьбу поискать среди ветеранов войны лыжников, работник Верещагинского военкомата капитан Кирьянов тщательно просмотрел списки бывших фронтовиков и обнаружил троих лыжбатовцев. Более того, он сходил к ветерану Обухову на дом и подробно побеседовал с ним. И ответил мне обстоятельным неофициальным письмом.

Такое чуткое отношение к просьбам ветеранов войны помогло мне разыскать второго однополчанина-лыжбатовца - Владимира Фунина. Его невьянский адрес сохранился у меня с военных . Но все попытки установить с ним связь заканчивались безрезультатно. Учреждения, которые я запрашивал, тоже ответили: "Фунин В. Ф. в Невьянске и районе не проживает".

Я прекратил поиски и внес было Владимира в скорбный поминальный "синодик" фронтовых друзей. И вдруг спустя довольно длительное время получаю письмо из Невьянска. Заведующая райсобесом Склянухина В. Г. сообщала мне: "Ветеран ВОВ капитан в отставке Фунин В. Ф. до ухода на пенсию работал инженером на Салдинском прииске объединения Уралзолото. Сейчас проживает в городе Красноуральске Свердловской области..." И подробный адрес Владимира. Представляете, какой это был для меня радостный сюрприз!

Товарищ Склянухина тоже сделала намного больше, чем это вытекало из ее служебных обязанностей. Получив из Красноуральска письмо от Фунина с просьбой выслать ему какие-

то справки о рабочем стаже, она вспомнила о другом письме, присланном три года назад из Эстонии фронтовым товарищем Фунина. Разыскала в архивах это письмо и порадовала меня.

В один из моих приездов в Подольск получилась такая история. Заказываю дело с документами 8-го гвардейского полка - отвечают: в работе; прошу другое дело - тоже занято; пришлось ждать два-три дня и других заказов. Что за оказия, думаю. Кто утаскивает у меня из-под носа документы моей части? Выяснилось, что одновременно со мной в архиве работают еще два исследователя, которых интересует 4-я гвардейская дивизия, - бывший артиллерист этой дивизии Назиб Зарипович Кадыров и журналист из Николаева Петр Дмитриевич Мущинский. Первый из них изучает боевой путь 4-й гвардейской от начала войны и до Победы, второго в основном интересует тот период, когда дивизия воевала на юге и освобождала Николаев.

От Кадырова я узнал, что созданы Советы ветеранов нашей дивизии, 2-й ударной армии и Волховского фронта. Вот в какую великую семью ветеранов влилось наше трио из 172-го ОЛБ.

Обнаружилось еще несколько однополчан по 172-му ОЛБ: Захар Игнатьевич Гладышев из Перми, Дмитрий Яковлевич Ознобишин из города Дятьково Брянской области, Василий Артемьевич Добровлянин из Пермской области, Аверьян Савельевич Шашов из Ленинграда, Иван Степанович Бессонов из Свердловской области.

Более сотни писем получил от однополчан по 280-му запасному лыжному полку, по 4-й гвардейской стрелковой дивизии, по Любанской операции, от лыжников, действовавших по соседству со 172-м ОЛБ. Шлют ветераны свои воспоминания, ищут затерявшихся в вихрях войны фронтовых друзей, рассказывают о своем нынешнем житье-бытье.

Некоторые ветераны вспоминают бои, те или иные фронтовые эпизоды, в которых, оказывается, мы вместе и одновременно принимали участие. Помните, например, мой рассказ о том, как мне удалось выклянчить у артиллеристов кусок свежей конины? Так вот, откликнулись: из Казани - Герой Советского Союза гвардии майор Александр Моисеевич Коваль и из под-московского города Павловская Слобода - гвардии подполковник Валериан Андреевич Крылов. Первый из них во время Любанской операции был командиром 4-й батареи (той самой!), второй - комиссаром артдивизиона (того самого!) - ныне оба в отставке.

Знакомлюсь с командиром звуковки

Прошло уже немало мирных . Попались мне в руки военные рассказы и повести Юрия Нагибина. В частности, он описывает, как в феврале 1942 года ездил из Малой Вишеры на

радиомашине, звуковке, к Мясному Бору. И место, и время, и внешний вид машины (обшитый жестью грузовик Зис-101), и надстроенная над кузовом коробка, наверху два нацеленных вперед рупора - все совпадает с тем, что мне довелось когда-то видеть у Мясного Бора - Любиного Поля.

Пишу Нагибину, задаю уточняющие вопросы, в том числе и такой: "Насколько описанные в повести "Павлик" факты автобиографичны?" Получил от Юрия Марковича ответ. Да, некоторое время он был командиром и диктором звуковки. По заданию политотдела 2-й ударной выезжал на радиомашине в район Мясного Бора, проводил передачи для немцев. Начальником 7-го отдела поарма в то время был полковой комиссар Шабловский. Юрий Маркович выступал в этой роли в феврале. Затем на радиомашине 2-й ударной работали: диктором и командиром - старший лейтенант Строганов, техником - младший лейтенант Лавриненко. Впоследствии Шабловский, Строганов, Лавриненко и водитель звуковки погибли на боевом посту в окружении.

Так выяснилось, что с Юрием Нагибиным я познакомился еще в 1942 году на фронте - задолго до того, как он стал известным писателем. Мы оба были в "творческой командировке". Юрий Маркович "собирал материал" для повести "Павлик", я - для "Моей фронтовой лыжни".

В краю легендарного Садко

Когда я принялся писать свою Волховиану, то скоро понял, что без паломничества к берегам Волхова дело у меня не пойдет. И я поехал туда, хотя время для такого путешествия было явно неподходящее - начало октября. Обосновавшись в новгородской гостинице "Садко", стал выезжать в памятные для меня места.

В Малой Вишере

Побывал я в 1-й средней школе, где учительница истории Майна Васильевна Левченко организовала и возглавляет музей боевой славы 2-й ударной армии. Осмотрел сохранившееся с довоенных времен здание вокзала, у которого наш эшелон попал под жестокую бомбежку. Разыскал на окраине города ту сосну, опершись на которую стал на лыжи. Это от нее началась моя фронтовая лыжня. Обошел я красавицу вокруг, посмотрел на вершину, прильнул щекой к шершавому стволу. И, как положено по отношению к женскому полу, сказал комплимент: "Со времени нашего первого свидания прошло более трети века. У тебя добавилось тридцать четыре годовых кольца и крона стала еще более пышной. Это очень и очень к лицу тебе!" Маловишерская красавица зарделась от удовольствия. Правда, дело было не только в моем комплименте - как раз в этот момент из-за тучи

выглянуло солнце.

В Селищенском Поселке

После памятной для меня весны 1942 года Селищенские казармы еще многократно подвергались бомбежкам и артобстрелам. Досталось им и в первые послевоенные годы. Бездомные жители поселка и окрестных деревень добывали здесь кирпич. Впоследствии оставшуюся без крыши полуразрушенную коробку взяли под свою защиту и охрану новгородские краеведы. Но ветры, дожди и морозы, не подчиняясь никаким запретам, продолжают разрушительную работу.

Проходил я по залу-манежу, где в 1838 году занимались вольтижировкой корнет Михаил Лермонтов и его друзья-однополчане по Гродненскому гусарскому полку поляк Н. А. Краснокутский и "русский немец белокурый" М. И. Цейдлер. Нашел то место, где я, тяжело раненный, лежал в апреле 1942 года.

Выбираюсь из манежа и обхожу казарму по внешнему периметру. Вот вход в подвалы. Но он полностью засыпан цементной крошкой и битым кирпичом. И у меня возникла иллюзорная надежда: стоит расчистить, убрать этот завал - и я увижу свой лыжбат, увижу всех своих ребят. Ведь когда мы здесь ночевали, 172-й ОЛБ был еще в полном составе, за исключением выбывших в пути Стуколкина и Федорова.

Мысленно переношусь на треть века в прошлое и представляю себе: я сейчас стою на посту, а по ту сторону завала богатырским сном спят мои лыжбатовцы. Спят, притулившись друг к другу спинами, положив головы на "сидоры", а руки на автоматы и лыжи. Но трезвый рассудок напоминает о суровой реальности: от друзей-однополчан тебя отделяет такой завал, который не уберешь никакими бульдозерами.

В Чудове

Здесь, как и в Малой Вишере, у меня были заочные знакомые - местные краеведы, руководители красных следопытов - преподаватель истории 1-й средней школы Эдуард Степанович Ольшевский и его жена Алла Сергеевна, старшая пионервожатая.

Разыскивая в Чудове среднюю школу, я встретил улицы Лермонтова и Героя Советского Союза Оплеснина. Первая из них названа в память о селищенском периоде жизни поэта. Селищи входят в Чудовский район. Второе имя мне тоже знакомо. Николай Васильевич Оплеснин был начальником оперативного отдела штаба 111-й, впоследствии 24-й гвардейской стрелковой дивизии. С этой дивизией наш лыжный батальон не раз сражался бок о бок во время Любанской операции.

Такой огромный класс, предоставленный школьному музею,

вижу впервые. Его вполне можно назвать залом. Собрана большая коллекция нашей и вражеской боевой техники. На стендах отражена история боевых действий на территории Новгородской области вплоть до изгнания оккупантов. Собран большой материал о героях Великой Отечественной войны - чудовцах. На специальном столе лежит стопка альбомов с картами и схемами важнейших боевых операций. Все оформлено со вкусом и во всех отношениях грамотно.

Меня особенно заинтересовал стенд, посвященный комиссару И. В. Зуеву. Иван Васильевич прибыл во 2-ю ударную в ранге дивизионного комиссара, с двумя ромбами. Был членом военного совета армии. Боевой опыт приобрел, сражаясь против франкистов в Испании. В Любанской операции показал пример бесстрашия и высокой ответственности за судьбу доверенных ему воинов. Он до последнего момента оставался с войсками, организуя вывод частей 2-й ударной на восточный берег Волхова.

Когда в конце июня мясноборская горловина была окончательно перекрыта, комиссар Зуев с небольшой группой солдат и офицеров несколько раз, в различных местах, пытался перейти линию фронта. Одна из таких попыток оказалась роковой. Нарвавшись на вражескую засаду, комиссар отстреливался до последнего патрона. Последний - оставил для себя... Это случилось на полустанке Торфяное, на шестом километре от Чудова в сторону Ленинграда.

Неподалеку от полотна железной дороги найдена могила комиссара, на ней установлен скромный обелиск. На его открытие приезжала вдова Ивана Васильевича - Екатерина Ивановна. Живет она в городе Ардатове Горьковской области, на улице Комиссара Зуева. Соседствующая с полустанком Торфяным деревня Коломовка переименована в Зуево.

Стою у подножия памятника нашему боевому комиссару... На обелиске начертано: "Члену Военного Совета 2-й ударной армии Зуеву Ивану Васильевичу, погибшему в боях с немецкими захватчиками в июне 1942 года".

Читаю далее на боковых бетонных стелах:

"Зуев Иван Васильевич, 1907-1942".

"Пускай ты умер, но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером".

Кладу к подножию обелиска осенние астры - от имени всех моих однополчан-лыжбатовцев, живых и мертвых...

Там перепаханы поля
Войны жестокой страшным плугом,
И до сих пор еще земля
Болеет оспенным недугом.

Из стихов новгородского краеведа Николая Орлова

Комендант "долины смерти"

У кого бы я ни расспрашивал о Любанской операции, о боях в районе Мясного Бора и Спасской Полисти, у Ольховки и Финева Луга, мой собеседник, как правило, в заключение рекомендовал:

- Вы обязательно повидайтесь с нашим главным следопытом - Николаем Ивановичем Орловым. От него получите исчерпывающие ответы на все ваши вопросы.

В залах Новгородского исторического музея-заповедника вижу интереснейшие экспонаты с припиской - "Дар краеведа Н. И. Орлова". Листаю подшивки "Новгородской правды" и наталкиваюсь на статьи, подписанные Орловым. В той же газете я прочитал большой, подвалов на восемь, очерк известного, ныне уже покойного, писателя С. С. Смирнова - "Комендант "Долины смерти".

Сергей Сергеевич, вызволивший из забвения имена сотен героев Великой Отечественной войны, много раз бывал в Новгороде, собирал материал о боевых действиях 2-й ударной в Любанской операции. Но преждевременная смерть помешала писателю довести эту огромную работу до конца.

И вот я в гостях у Николая Ивановича, знакомлюсь с его женой, Марией Андреевной, с детьми и внуками. Обширная семья живет вместе, и радостей и забот много...

Сын дорожного мастера Коля в годы войны был подростком, далеко от родных мест учился в железнодорожном училище. Затем работал слесарем, фрезеровщиком на заводе в Куйбышеве. Но вскоре после войны.вернулся в родные края, был путевым обходчиком на полустанке Мясной Бор, затем в Спасской Полисти.

Об этом периоде жизни Орлова за много до нынешней поездки в Новгород я прочитал в "Литгазете" очерк московского журналиста Михаила Цунца - "Человек живет на полустанке".

Итак, передо мной человек, досконально знающий Мясной Бор, Спасскую Полисть и их окрестности. Более того - он "комендант "долины смерти". Я, конечно, имел в- виду найти знающего краеведа, но о таком удачном сочетании, о таком универсале даже мечтать не смел. Рассказываю, например, Николаю Ивановичу о том, как в Мясном Бору из трубы водонапорки мы доставали воду подвешенной на проволоке артиллерийской гильзой, и спрашиваю:

- Восстановлена ли эта водонапорная башня?

- Сам в этом деле участвовал, - отвечает Николай Иванович. - Большие трудности были с очисткой подземного резервуара для воды. Оттуда мы таскали и портянки, и ушанки, и

артиллерийские гильзы...

Надо же! Я вспомнил, что одна гильза-трехдюймовка сорвалась с проволоки у нашего Итальянца. Очень возможно, что именно ее держал в руках Николай Иванович.

По долгу службы Николай каждый день обходил свой участок дороги. А рядом на многие километры простирались полные тайн, неожиданностей и опасностей леса и болота, рядом лежала печально знаменитая "долина смерти". Эти дебри, эти неисследованные чащобы и топи пугали Николая и вместе с тем властно манили к себе.

В первые послевоенные годы проводилась большая работа по очистке новгородской земли от мин и разбитой военной техники. Саперные батальоны работали месяцами. Николай стал добровольным помощником саперов, постиг секреты и немецких и наших мин, на практике освоил приемы их обезвреживания, изучил всевозможные образцы трофейного и отечественного оружия. Лично нашел и обезопасил более тысячи мин.

У Николая нашлись последователи, вокруг него сгруппировался целый отряд самодеятельных саперов. Увлекся этим опасным делом и младший брат Николая Валерий. Надев болотные сапоги, вооружившись миноискателями, щупами и лопатами, охотники за минами направлялись в заранее намеченный квадрат.

Рассказ Николая Ивановича прервала Мария Андреевна.

- Во время войны женщины ждали мужей, сыновей четыре года, - с душевной болью сказала она. - А я вот уже тридцать на положении солдатки. Как уйдет Николай в лес, особенно в "долину смерти", места себе не нахожу, разные мысли в голову лезут. Каждый раз будто на боевое задание идет. Думаешь-гадаешь: или живой-невредимый вернется, или калекой останется, или мина на шматы разнесет.

Очень скоро я убедился, что в словах Марии Андреевны не было ни капли преувеличения. Листаем семейный фотоальбом Орловых. Вот трое молодых людей.

- Это ядро одной из первых групп следопытов, - поясняет Мария Андреевна. Учитель Федор, сборщик металлолома Яков и мой Николай. Из троих друзей он один остался в живых. Яков и Федор погибли на минах.

Еще одна давнишняя фотография, на ней младший брат Николая. Он тоже погиб. Николай Иванович рассказывает подробности гибели Валерия...

Вот почему Мария Андреевна с большой тревогой ждет мужа из очередного похода в "долину смерти".

И не только мужа. Когда подрос сын, - в память о погибаем

дяде названный Валерием, - он тоже пошел по стопам отца, тоже стал одержимым следопытом.

И каждый год, лишь снег сойдет,
Опять страда, опять в поход.
Идем туда, где мы нужны,
Куда нас властно долг зовет.
Николай Орлов

Скорбные и волнующие находки

Гибель брата и друга-следопыта не испугала Николая. Походы в "долину смерти" и дальше, в глубь бывшей "Любанской бутыли", продолжались. Они продолжаются и поныне. Правда, цели этих походов уже иные.

Закончился массовый сбор металлолома на полях сражений. Но дел у следопытов не убавилось. Наоборот, сбор металлолома для многих из них явился подготовительной школой к главному - захоронению останков павших героев, установлению их личности, поискам родственников, воссозданию картины ратных подвигов воинов 2-й ударной армии.

На счету поисковой группы Николая Ивановича имеются, в частности, такие находки.

Обнаружены останки старшего сержанта Василия Шутая из станицы Новодеревянковская Краснодарского края. Фамилию и адрес павшего воина донесли до нас надписи, выцарапанные на проржавевшем портсигаре.

Найден врезавшийся в болото само Як-3 с останками чика в кабине. Из сохранившихся документов и писем выяснилось, что чик, Михаил Новиков, служил в 92-м истребительном авиаполку.

В разрушенном блиндаже найдена шпала. Вогнанные в нее гильзы образуют надпись: "Мы победим!" Этот экспонат занимает почетное место в Новгородском историческом музее. О находке передавалось из Москвы по "Маяку". И вот нашелся автор этого лозунга в уникальном художественном оформлении - бывший гусевский кавалерист Веселов.

В 1963 году Николай Иванович обнаружил останки лейтенанта медслужбы Евсея Марона. Листок из медальона свидетельствовал, что семья погибшего проживает в городе Хвалынске Саратовской области. Но оказалось, что Мароны жили там лишь временно, в эвакуации, а затем куда-то уехали. Начались длительные, кропотливые поиски. Они увенчались успехом. Установлено, что в Ленинграде проживает вдова Евсея Марона - Роза Александровна и сын Аркадий, физик, доктор наук, а в Бобруйске учительствует второй сын - Владимир.

И этот перечень можно было бы продолжить.

Главный следопыт новгородской земли получает сотни писем

из всех уголков страны - от ветеранов 2-й ударной, от родственников и однополчан, павших в бою, от своих коллег-следопытов. Эта переписка тоже занимает у него уйму времени.

Николай Иванович бывает в приволховских лесах и болотах не только в качестве следопыта - ему приходится совершать походы и в роли проводника, гида.

В Новгород приезжают ветераны Волховского фронта, желающие побывать в тех местах, где довелось воевать много назад; приезжают журналисты и писатели, военные историки и военачальники - собирают материалы для повестей и романов, научных статей и мемуаров; приезжают экскурсанты, туристы из других городов, которые хотят повидать не только новгородскую старину, но и места недавних сражений.

Николай Иванович до мельчайших подробностей изучил боевые действия войск Волховского фронта, и особенно 2-й ударной на территории Новгородской области. Он может не только рассказать, как это происходило, но и показать на местности - где это было.

Из Спасской Полисти в Новгород Николай Иванович вместе с семьей переехал в 1968 году и стал работать художником-оформителем в Новгородском производственном объединении "Азот". Здесь сразу же создал из рабочей молодежи группу следопытов - "Сокол". Соколята работают столь же увлеченно, как и их наставник.

Казалось бы, Николай Иванович настолько занят своей основной работой на заводе и следопытскими делами, что ему и передохнуть некогда. Но, к своему удивлению, я узнал, что он вдобавок рисует и пишет стихи. Свои картины и поэтические произведения посвящает героям и героическим делам 2-й ударной армии. Одну- из своих наиболее удавшихся картин - "Бой под Мясным Бором" Николай Иванович подарил подберезской школе-интернату.

Во время моих встреч с новгородскими журналистами, музейными работниками кое-кто называл увлечение Орлова расхожим словом "хобби". Мне показалось, что такая снисходительная оценка благородной и самоотверженной деятельности Николая Ивановича несправедлива. Нет, это не хобби, а подвиг, который продолжается десятиия!

Нам не жить, как рабам!
Мы родились в России:
В этом наша судьба,
Непокорность и сила!
Всеволод Багрицкий
Из письма матери с Волховского фронта

Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою.
Прости меня за то, что я не умер
Смертью солдата в жарком бою.
Кто посмеет сказать, что я тебя предал?
Кто хоть в чем-нибудь бросит упрек?
Волхов - свидетель: я не струсил,
Пылинку жизни моей не берег.
Муса Джалиль

Моабитская тетрадь

Поисковые марафоны

Иногда загадка разрешается быстро и просто: фамилию воина, адрес его семьи следопыты обнаруживают в медальоне или на страницах записной книжки, в партийном или комсомольском бие, устанавливают по надписи, выгравированной на портсигаре или солдатском котелке. Но бывало и так, что данные оказывались неполными, отрывочными. На поиски уходили годы, а то и десятиия. Расскажу о двух таких поисковых марафонах.

В годы войны во фронтовых и армейских газетах имелись штатные должности поэта-писателя и художника. В начале 1942 года в газете 2-й ударной "Отвага" поэтом-писателем был юный Всеволод Багрицкий, сын автора знаменитой поэмы "Дума про Опанаса", а художником - Евгений Вучетич, ставший впоследствии известным всему миру скульптором.

26 февраля Всеволод погиб от осколка авиабомбы, выполняя очередное задание редакции. Это случилось возле деревни Дубовик Любанского района. Тело поэта привезли на крестьянских санях в редакцию, которая в то время находилась возле Новой Керести. Всеволода похоронили со всеми надлежащими воинскими почестями. Надгробную надпись выполнил Вучетич. Поэт погиб в возрасте неполных 20 , он пробыл на фронте всего 34 дня.

На похоронах товарищи Всеволода вспомнили пророческое стихотворение, которое юный поэт написал еще 15-ним подростком:

Он упал в начале боя.
(Показались облака...
Солнце темное лесное
Опускалось на врага.)
Он упал, его подняли,
Понесли лесной тропой...
Птицы песней провожали,
Клены никли головой.

Так вот Николай Иванович Орлов вскоре после войны задался целью найти могилу Всеволода. Он установил контакты с некоторыми однополчанами поэта по "Отваге", разыскал нескольких фронтовиков - кавалеристов, артиллеристов, танкистов, которые в сорок втором видели свежую могилу Багрицкого. Очевидцы присылали Николаю Ивановичу подробные описания, схемы. По этим схемам он искал сам, ему помогали соколята. Искать могилу Всеволода Багрицкого приезжали ребята ленинградского литературного клуба "Алые паруса", руководимые учительницей Идой Ильиничной Славиной. Но волховские леса

по-прежнему упорно скрывали свою тайну.

В чем причина неудач?

Во-первых, тех товарищей, которые хотели помочь Николаю Ивановичу, часто подводила память. Во-вторых, по прошествии и десятиий местность сильно изменилась. Многие старые ориентиры исчезли, на месте деревень и хуторов остались заросшие бурьяном пепелища, вымахали ввысь новые деревья, повырастали новые рощи. Некоторые свидетельства очевидцев не только не помогали следопытам, но, наоборот, уводили их на ложный путь. Это особенно относится к надгробной надписи. Как она выглядит и к чему прикреплена - были разные версии.

После многоних поисков, споров, уточнений, согласований различных версий наконец был установлен обелиск. К нему прикреплена металлическая доска, на нем эпитафия, воспроизводящая временную надпись, выполненную когда-то Евгением Вучетичем: "Воин-поэт Всеволод Багрицкий убит 26 февраля 1942 года", а ниже четверостишие:

Я вечности не приемлю.

Зачем меня погребли?

Мне так не хотелось в землю

С любимой моей земли...

Это четверостишие - чуть-чуть перефразированные строки, принадлежащие Марине Цветаевой. Всеволод очень любил стихи этой поэтессы и многие из них знал наизусть. Особенно часто вспоминал именно это четверостишие.

На место Всеволода Багрицкого в редакцию "Отваги" прибыл старший политрук Муса Мустафиевич За-лилов, татарский поэт, который впоследствии стал широко известен под именем Мусы Джалиля.

Последний номер "Отваги" увидел свет 21 июня 1942 года. При выходе из окружения через "долину смерти" редакционная машина была разбита артснарядом. Из двадцати четырех работников редакции до Большой земли удалось добраться только троим.

О последних днях и часах Мусы Джалиля в окружении существует две версии, отличающиеся одна от другой некоторыми деталями. По одной из них, он шел с основной группой редакции, был тяжело ранен и попал в плен возле разбитой машины. Согласно второй версии, в тот момент, когда редакция "Отваги" получила приказ пробиваться на восток, Муса Залилов находился в одной из частей 2-й ударной. Там он был тяжело ранен и попал в плен. Фашисты бросили его в тюрьму, где он и написал цикл стихов, впоследствии получивший известность как "Моабитская тетрадь".

Поиски следов редакционной машины "Отваги" и уточнение последних фронтовых дней Мусы Джалиля продолжаются. Не исключено, что упорство следопытов увенчается успехом.

На счету у Николая Ивановича имеются и такие интереснейшие находки, как круглые печати и угловые штампы некоторых воинских частей, сражавшихся на Волховском фронте, в том числе входивших во 2-ю ударную армию. Когда Николай Иванович сообщает мне о такой находке, он прямо на письме делает отпечаток. Я получил от него оттиски гербовой печати и углового штампа автодорожного отдела 2-й ударной армии и круглой печати 366-й стрелковой дивизии, ставшей впоследствии 19-й гвардейской.

Лошади были уже впряжены; я уже ногу занес, чтобы влезть в кибитку;

как вдруг дождь пошел. - Беда невелика, - размышлял я: - закроюсь

ценовкою и буду сух. - Но едва мысль сия в мозге моем пролетела, то как

будто меня окунули в пролубь. Небо, не спросясь со мною, разверзло

облако, и дождь лил ведром. - С погодою не сладишь; по пословице:

тише едешь - дале будешь, - вылез я из кибитки и убежал в первую избу.

Хозяин уже ложился спать, и в избе было темно. Но я и в потемках выпросил

позволение обсушиться. Снял с себя мокрое платье и, что было посуше

положив под голову, на лавке скоро заснул.

А. Н. Радищев

Путешествие из Петербурга в Москву.

Глава "Спасская Полесть"

В гостях у полистян

Пока что кружу по городам и поселкам новгородской земли, осматриваю музеи, беседую со следопытами и краеведами. Все это очень интересно и важно для меня. Но если этим и ограничусь, то по возвращении домой не будет мне покоя от внутренних укоров. Меня неотступно преследует мысль: главные твои встречи еще впереди, они в глубине вон тех загадочных массивов, которые вырисовываются к западу от шоссе и железной дороги.

Орлов и другие следопыты настойчиво отговаривают меня от визита в Ольховку. Дескать, октябрь явно не тот сезон года, когда можно бродить по волховским болотам. Особенно человеку не

местному.

Все это, видимо, верно. Тем не менее надо попытаться.

Сунулся было в поход из Мясного Бора. Добрался до восточной окраины "долины смерти". И убедился, что водяные и лешие, кикиморы и шишиги прочно окопались в своем болотном царстве. Промочил ноги до колен, вывозился в торфяной жиже - и с позором повернул назад.

Эта "разведка" показала мне следующее. Во-первых, для хождения по таким качай-зыбунам нужно соответствующим образом одеться. Бродить по приволховским топям в полуботинках, выходном костюме и длиннополом демисезонном пальто мягко говоря, пижонство. Во-вторых, надо найти толкового проводника. Пускаться в такое рискованное путешествие одному было бы мальчишеским легкомыслием.

Побродил я по пристанционному поселку. Обнажив голову, постоял у братской могилы, над которой денно и нощно оплакивает своих сыновей Мать Скорбящая. Осмотрел водонапорку, которая в феврале сорок второго поила нас, лыжбатовцев, кристальной водой среди безводной снежной пустыни.

Поселок выглядел малолюдным, захиревшим. В связи с удлинением прогона полустанок Мясной Бор был упразднен еще в 1956 году. К слову, это и заставило Орлова перебраться в Спасскую Полисть.

Так что выбор в Мясном Бору был ограниченный, и подходящего проводника я здесь не нашел. Мясноборские старики посоветовали мне ехать в Спасскую Полисть и договориться с лесником Лешей. Ну что ж, решил я, попытаюсь добраться до Ольховки напрямик, из Спасской Полисти - по той самой дороге, по которой наш лыжбат не раз совершал боевые рейды.

По сравнению с Мясным Бором Спасская Полисть выглядит многолюдным процветающим селением. О нем еще с большим основанием, чем о Селищенском Поселке, можно сказать: расположен на юру. Ведь через него проходят шоссе и железная дорога Новгород - Чудово. Лесник Леша - Алексей Александрович Васильев - охотно согласился помочь мне. Оказывается, его участок, так сказать, болотно-лесное удельное княжество, простирается от Спасской Полисти до Ольховки и Ольховских Хуторов включительно и на такое же расстояние с севера на юг. К моим памятным фронтовым местам А. А. Васильев имеет отношение и по другой линии: родился и вырос в Ольховке. Лучшего проводника не найти во всей округе!

В поход выступаем завтра, в половине седьмого. Алексей

достал у соседей комплект спецодежды лесоруба по моему росту. Основа - резиновые сапоги, номер сорок четыре. Запаслись продуктами на двое суток.

Собираться в путь нам помогали жена и мать Алексея - Фаина Федоровна и Татьяна Алексеевна, женщины душевные, гостеприимные. К ужину подошли соседи и друзья Васильевых, работники местного леспромхоза - Анатолий Степанович Семенов и его жена Людмила Ивановна.

Семеновы, как и Васильевы, тоже бывшие ольховчане. Так что очень скоро завязалась интересная для всех, общая беседа. Алексею и Анатолию в сорок втором было по десяти - двенадцати , а их женам - и того меньше. Очень вероятно, что именно их с матерями и бабушками, с братишками и сестренками полуживых от голода и холода, - видел я в землянке возле речки Глушицы.

- Спасибо, помогали нам наши, чем могли, - вспоминает Татьяна Алексеевна. - Заходили к нам в землянки и в серых шинелках, и в полушубках, и в белом, лыжники. Сами голодные, а все-таки как увидят нашу беду, так последним делятся. Похоже по твоему рассказу, что и ты к нам наведывался. Тогда нечем было потчевать, так вот сейчас вволюшку угощайся.

Заходит разговор о послевоенной Ольховке. Спрашиваю, почему Васильевы и Семеновы покинули родные места и кто там остался. Оказывается, никого не осталось, Ольховки больше не существует. Вот так сюрприз! А у меня есть карта Новгородской области, изданная после войны, а на ней - Ольховка. Слушаю печальные рассказы о том, как окончательно обезлюдела многострадальная деревня.

До войны в Ольховке было сто двадцать дворов. После изгнания оккупантов на родные пепелища вернулось семей семьдесят. Хоть и мало мужчин осталось, все-таки отстроились, восстановили колхозные постройки. Приезжие мастера даже артезианский колодец вырыли. Нелегко жилось тогда всем новгородчанам, а ольховчанам приходилось троекрат труднее И вот почему.

За годы войны и без того плохие дороги от Ольховки к Чудову, Новой Керести и Спасской Полисти пришли в полную негодность. Вдобавок заплыли осушительные канавы, и уровень грунтовых вод еще более повысился. Чтобы восстановить все это, пока что не хватало ни людей, ни техники, ни финансов. На очереди были еще более неотложные дела. Так что в весеннюю и осеннюю распутицу ольховчане месяцами оказывались отрезанными от остального мира.

Но это далеко не все. Приезжали минеры, и не один раз, много тысяч мин нашли и обезвредили. И все же их немало

оставалось еще в земле. Подрывались пастухи и скотина, трактористы и комбайнеры, копающие грядки женщины и играющие за околицей дети. Поехать в лес по дрова, пойти по грибы, по ягоды тоже большой риск.

И это еще не все. Жутко жить в таком месте, где в окрестных лесах, кустах и болотах то и дело находят еще не захороненные останки наших воинов и фашистов.

Задолго до войны на Ольховских пожнях были подобраны камни и коряги, выкорчеваны пни. Смело, со всего плеча махай косой. А после войны косы у Ольховских косцов тупились и ломались, натыкаясь в густой траве на человеческие черепа...

И вот воскресшая было из пепла Ольховка стала хиреть и в конце концов сошла на нет. Ольховчане один за другим перебрались в поселки, расположенные цепочкой вдоль железной дороги от Новгорода до Чудова.

Да, очень печальная новость. Но это планов моих не меняет, в Ольховке я все равно должен побывать.

У Васильевых тесновато, и Семеновы пригласили меня ночевать к себе. У них есть свободная комната. Обе усадьбы расположены у самой дороги, только по разные стороны от шоссе. Рядом автобусная остановка - там, где некогда была почтовая станция. Долго не мог уснуть, в голову лезли разные мысли.

Неужели, думалось мне, я в той самой Спасской Полисти, у которой три десятиия назад месяцами шли ожесточенные бои? В том самом вражеском укрепрайоне, который долго не могли одоь наши дивизии?..

А быть может, именно на месте усадьбы Семеновых стояла та изба, в которую забегал просушиться промокший под ливнем Радищев? Быть может, та лавка, на которой он отдыхал .стояла как раз на этом самом месте, где я лежу сейчас? И уж не "может быть", а вполне достоверно то, что совсем рядом по бревенчатой дороге Радищев проезжал в почтовой кибитке, а спустя десятиия здесь же не раз лихо проносились на полковой тройке Лермонтов и Краснокутский.

Неужели... Очередной мой вопрос, не знаю уж о чем, оборвался на первом слове - я наконец заснул. И хорошо: ведь завтра - рано вставать, завтра трудный день.

Буду называть его Лешей

Все мясноборцы и полистяне называют Алексея Васильева Лешей. И в глаза, и за глаза. К такой фамильярности располагают и его внешность, и поведение. Фигурой с подростка, непосредственный, простодушный, по-детски любознательный. Поэтому не удивляйтесь, если и я впредь буду называть его лесником Лешей или просто Лешей.

Отправляемся в путь, как говорили мои однополчане-уральцы, на брезгу. Для первой недели октября это время суток приходится примерно на половину седьмого.

Выйдя на западную окраину поселка, долго преодолеваем территорию лесопункта. Ну и местечко! Лужи, колдобины, ямы, развороченные тягачами колеи-рытвины, ненадежные зыбкие кладки, перепения рельсов узкоколейки, составы из грузовых платформ, на островках земной тверди - штабеля бревен и досок, пирамиды дров и чурок... Одним словом, если черти иногда ломают себе ноги, то это в первую очередь может случиться с ними на спасско-полистянском лесопункте.

Выбираемся наконец за пределы поселка, вступаем в преддверие "удельного княжества" лесника Леши - Дупельки. Знакомый ландшафт. Так называемая дорога похожа на бусы модницы или четки богомолки: на ниточку торфяного месива нанизаны наполненные мутной водой колдобины. Огибая их, защищаем руками лицо от ветвей ивняка и ольшаника. На одежду цепляются репьи, Леша называет их оххами.

Кое-где справа и слева от дороги на сырых или полностью залитых водой лужках, полянах возвышаются стожки сена. Ждут зимней дороги. На этих же пожнях разбросаны правильной формы, будто вычерченные циркулем, чаши, наполненные водой и заросшие кустами ивы. Это заплывшие воронки от крупнокалиберных авиабомб.

Я с моей раненой ногой не ахти какой ходок, а Леша, оказывается, искалечен еще больше, чем я. Поэтому делаем частые привалы. Убиваю сразу двух зайцев: отдыхаю и слушаю Лешу. У него в запасе столько всевозможных историй, что их хватило бы на десяток походов к Ольховке и обратно.

Первое ранение у Леши давнишнее. Во время очистки прифронтовой полосы от местных жителей немецкий автоматчик прострелил убегающему мальчишке ногу. Во второй раз Леша пострадал от фашистских пуль, как это ни странно, уже много спустя после окончания войны. Обнаружил он в немецкой землянке груду заржавевшего оружия, стал разбирать ее. И вдруг в упор автоматная очередь: т-р-р-р! Более десяти поджидал Лешу поставленный на боевой взвод фашистский "шмайссер". Несколько пуль прошило Леше бок и живот. Он долго лечился и еле-еле выкарабкался. В третий раз, тоже во время сбора трофейного оружия, взорвалась малокалиберная, так называемая ротная мина. Лешу обдало градом мелких осколков. В результате - несколько мелких ран и полностью потерян один глаз, его заменяет сейчас протез.

Из ржавых вод, из голубого мха

В истлевших гимнастерках и пилотках
Они встают. Размеренна, тиха
Солдат убитых тяжкая походка.
Их вдаль ведет извечная тоска.
К жилищам мирным, к отческому дому
Они спешат. Дорога далека
По перелескам темным, незнакомым.
И если кто успеет дошагать
До солнечных лучей в село родное.
Проснется ночью старенькая мать,
И сердце больно у нее заноет.
У ней в ту ночь прибавится седин,
В окно глядеть старушка будет долго.
Почудилось, что в двери стукнул сын.
А это ветер в дверь стучит щеколдой.
Сергей Орлов

Идем по лесному некрополю

У Леши сильно развита зрительная разновидность ассоциативной памяти. О различных эпизодах ему то и дело напоминают повороты дороги, приметные деревья, ручьи, болотца, лесистые взлобки. Между прочим, более высокие места, поросшие не болотными недомерками, а полнометражным лесом, Леша называет горбылями.

- Вон на том горбыле, - Леша указывает рукой вправо, - этим ом я нашел братскую могилу. Сообщил новгородским следопытам. Вынесли к железной дороге останки пятнадцати воинов.

...Другие группы следопытов примерно в это же время понаходили останки воинов напротив Мостков и Любиного Поля, в "долине смерти". Собрали их всех в Мостки, положили в несколько больших гробов. Приехали из Новгорода ветераны войны, прибыл оркестр, собрались местные жители - устроили траурный митинг.

...Вот уже более тридцати прошло после окончания войны, а братские могилы вдоль железной дороги все растут и растут. И будут еще и еще расти. Те солдаты, что остались в болотах, что еще не понахожены, зовут живых, просят: перенесите и нас к нашим друзьям-однополчанам.

...На том же горбыле, недалеко от братской могилы, стоит бывшая штабная землянка. Накаты сгнили и провалились, в яме молодые деревца выросли. А что это штабная землянка, я вот по какой примете определил: под соседним деревом нашел около сотни пустых медальонов. Их приносили в штаб, вынимали из них бумажки с фамилиями и адресами, а пустышки под дерево...

Я обратил внимание на слова Леши: "...зовут живых, просят". Их смысл стал мне еще более понятен после очередной истории, рассказанной проводником по этому необычному некрополю.

Баллада о неизвестном капитане

Когда болотная жижа угрожает перехлестнуть через голенища, у Леши находится в запасе обход. Я вновь и вновь убеждаюсь, что пускаться в эту дорогу одному нечего было и думать.

Во время одного из таких обходов путь нам преградила исполинская, поваленная бурей ель. Она походила на дальнобойное орудие. Красновато-бронзовый ствол был направлен косо вверх, бронещитом служил вывернутый из земли огромный круг корневой системы. Оказывается, поверженная грозной стихией великанша долго хранила одну из многих тайн этого леса-некрополя. Делаем привал, и я опять слушаю Лешу.

- Несколько назад из-за этого елового выворотня натерпелся я беспокойства и страху. Весной дело было, случилась сильная буря. Дали мне в лесничестве задание: обойти свой участок и примерно подсчитать, сколько ураган беды натворил, где особенно много деревьев наветровалил. Добрался я до этого самого выворотня, он тогда еще свеженький был. И вижу, на корнях висит облепленный грязью валенок. Будто дед-лесовик для просушки повесил. Эге, понял я, выворотень чью-то могилу потревожил.

...И всамделе, когда я соскреб финкой верхний, уже протаявший слой земли, показался облепленный истлевшим обмундированием ске. Но мерзлынь еще крепко его держит. А у меня с собой, окромя финки, ничего нет. Поковырял, подолбал финкой - две проржавевшие шпалы нашел. Значит, капитан, не меньше.

Нет, думаю, без кирки и лопаты дело не пойдет. Выполню задание лесничества, позову на помощь следопытов, возьмем инструменты, брезентовый мешок - и доставим капитана в Мостки.

...Однако пока я справлял неотложные дела, круто на тепло повернуло. Снег начал ходко таять даже в самой лесной густерне, болота еще более поднялись. Пошел я было к этому горбылю на разведку, а к нему уже не подступиться. Ладно, думаю, пущай полая вода немного схлынет - тогда и договорюсь с ребятами.

...Ладно, да не совсем. Стал мне сниться и видеться этот капитан. Слышу средь ночи: тук-тук-тук в окно. Да так гулко, четко, будто наяву. Бывает, Семенов Толик в это окно тукает, на рыбалку или на охоту в петушиную рань меня подымает. Подошел я к окну и...прямо обомлел: нет, не Толик, а капитан

стоит. Ужасть какой страшный! Какой лежал под выворотнем, такой и заявился ко мне.

"Ты что же, - говорит он, - разворошил надо мной землю и куда-то запропастился на целых десять дней!"

"Потерпи маленько, капитан! - отвечаю ему. - Пущай вешние воды немного угомонятся. А сейчас ты на острове оказался. Чтобы добраться до твоего горбыля, надо по грудь в ледяной воде брести".

"А мы воевали, так не меряли, до каких пор вода доходит!"

Я опять, заикаясь от страху, всяко оправдываюсь. А он уж новую мою вину выкладывает:

"Ты по какому такому праву капитанского звания меня лишил, шпалы поснимал? Я их своей кровью заслужил. В кармане гимнастерки лежит выписка из приказа, а в командирской сумке - прочие капитанские документы".

...Долго еще стоял под окном ночной гость. Проснулся я весь разбитый, будто ночь напро пни корчевал. А во вторую, третью, четвертую ночь - та же самая напасть повторяется. Говорит капитан: не могу ждать, по моим косточкам всякая лесная тварь ползает, на мою раскрытую могилу поганое воронье нацеливается.

...Жена и мать заметили, что со мной неладное творится: со сна кричу, сам с собой разговариваю. К докторам меня посылают. А я возьми и расскажи им сдуру, с кем ночные беседы веду. После этого и они стали плохо спать, им тоже мерещится, будто капитан под окном стоит.

...И вот моя мать тайком от всех такую штуку учудила: поехала за советом к попу. Как, мол, поступить, чтобы мертвый капитан недели полторы-две погодил, не пужал нас по ночам. Чудовский батюшка определил, сколько по такому случаю свечей надо поставить и какие молитвы надлежит читать. И сам пообещал молиться. За хлопоты десятку взял. Да свечи рубля два стоили, да дорога в Чудово и обратно...

...Не жалко тех денег, ежели б помогло. Но капитан привык подчиняться майорам и полковникам, а на поповские молитвы - ноль внимания. Короче, опять ходит под окошко. Нет, решил я, ждать, пока спадет вода, никак нельзя. А то меня раньше капитана похоронят. Уговорил я двоих знакомых следопытов, и мы втроем добрались-таки до капитанского горбыля. Через разводье на плоту переправлялись.

...Нашли мы писто и документы, про которые говорил капитан, только от бумаг одна каша осталась. И смертного медальона не оказалось. Так что ни фамилии капитана, ни его местожительства узнать не удалось.

...Похоронили мы неизвестного капитана в Мостках. Вернул я хозяину его шпалы. После этого как отрезало - ни разу больше не потревожил беспокойный капитан.

А все-таки что-то есть!

Наш привал на "капитанском горбыле" получился продолжительнее предыдущих. Пора топать дальше. Подымаясь, Леша задумчиво говорит:

- Я, конечно, поповским байкам про загробную жизнь, про ад и рай не верю. А все-таки что-то есть! Ведь бродила, беспокоилась душа капитана, пока его кости лежали неприкаянные. И то, что у меня под окном говорил, подтвердилось: ведь лежала возле него сумка с документами. Нет, обязательно что-то есть!

Это произнесет) таким тоном, что высказывать мне свое мнение не требуется. Да и обстановка для ведения бесед на сложные мировоззренческие темы явно не располагает. Правда, Аристотель и его ученики важнейшие философские проблемы обсуждали именно во время прогулок. Но я и мой спутник по прогулке, то и дело увязая в болоте, последовать их примеру не можем. Историю, рассказанную Лешей, обдумываю про себя.

Да, надо согласиться с Лешей: что-то есть. Но не то, что он подразумевает. Если отбросить легкий на мистики, то остается главное: душа самого Леши. У него очень высоко развито чувство долга перед нашими воинами, которые еще не имеют своего постоянного места вечного упокоения. Когда Леша обнаружил останки капитана и не смог незамедлительно захоронить их, это и довело его до временного душевного расстройства.

Балансируя шестом на зыбкой трясине, я думал еще вот о чем. Прежде чем стать одержимым следопытом, Алексей Васильев прошел те же этапы, что и Николай Орлов. Началось со сбора разбитой военной техники, металлолома, главным стимулом была материальная заинтересованность. Но постепенно довольно прозаическое занятие переросло в бескорыстную, полную опасностей благородную страсть.

В самоотверженных стараниях Васильева-следопыта, подумалось мне, есть еще одна сторона. Он - лесник, рачительный хозяин своего участка, не терпит в нем даже малейших беспорядков. Тем более не может быть спокоен, если в границах его обхода обнаруживаются непогребенные советские воины.

Знакомые ориентиры

Эти места знакомы Леше с детства, за несколько десятиий он исходил их вдоль и поперек. Установить свое местонахождение и оценить пройденный путь ему помогают многочисленные ориентиры. Он называет их мне. Болотца - Зеленое, Теплое,

Туманное, Погибельное, Вонючее, Сухой Олешник, Мшистое... Горбыли Долгий, Высокий, Осиновый, Густой Ельник, Трухлявые Пни, Брусничный, Капитанов... Обходы - Багульниковый, Клюквенный, Чертоломный, Торфяной, Долгий Зыбун, Беличий, Журавлиный...

Видимо, сам Леша нарекал эти взлобки и болотца, объезды и обходы. И, надо полагать, эта топонимика в основном служит ему же. Но очень возможно, что этими наименованиями отчасти пользуются и другие бывшие ольховчане.

А эту речку "окрестили" далекие Лешины предки - Глушица. Вот он, первый знакомый для меня ориентир! Теперь я, как говорят землемеры и геодезисты, "привязался" к местности. До Глушицы мы не раз добирались во время лыжных рейдов в сторону Спасской Полисти. Кроме того, я дважды пересекал ее в верхнем течении: в феврале, когда наш лыжбат шел от Мясного Бора к Новой Керести и Ольховке, затем в апреле, когда меня, раненого, везли в Селищенский Поселок.

Добираемся до следующей речки... Нет, извините - это, оказывается, не речка. Леша называет: ручей Нечаянный. Нечаянный?! Погоди, Леша, здесь обязательно остановку сделаем. Нечаянный... Нечаянный... Почему все эти прошедшие десятиия я ни разу не вспомнил о нем? Ведь с этим рубежом связано немало памятных для меня событий. Здесь наш лыжбат помогал стрелковой бригаде ликвидировать прорыв немцев со стороны Чудова. Где-то севернее этого места, ниже по течению, Кронид Кунгурцев устраивал ложную переправу, а еще севернее наш лыжбат переправлялся на самом деле. Тогда Нечаянный был значительно шире, чем сейчас, и выглядел серьезной водной преградой.

Сегодня мы перебрались через Нечаянный очень просто - по мостику. Мостик аккуратный, с перильцами из неокоренных березок. Будто в пригородном парке, только лебедей не хватает. Леша похвалился: это, мол, моя работа.

От Нечаянного наряду с Лешиной начинается и моя топонимика. Где-то в стороне от дороги на лесистых увалах расположены: "земляничная поляна", возле которой мы обнаружили "волховскую панораму", поляна "подснежников", на которой погиб Авенир Гаренских. Там его могила. Уклоняться в сторону, чтобы искать эти поляны, нет времени. Да и вряд ли я узнал бы те места.

Делаем привал у Крестовой ямы. Это большая чаша-впадина на пересечении дороги и перпендикулярной к ней просеки. По словам Леши, пройдено полпути. По прямой не так уж много - каких-нибудь восемь километров. Но если учесть обходы, то

наберется в полтора раза больше. Да если помножить на коэффициент особой трудности дороги, то получится еще весьма солидная надбавка.

Долго шли по Прошкиному и Ольховскому болотам и наконец выбрались на относительно высокую гряду, примыкающую к Керести.

- Скоро Ольховка, - сказал Леша. - Вон вправо Батарейная поляна.

Название явно рождено войной. Узнаю поляну: на ней стояла батарея 23-го гвардейского артполка. Здесь я выпросил у комбата кусок конины. Вон то дерево, под которым артиллеристы свежевали коня...

Дважды умершая Ольховка

У себя на родине, в Белоруссии, я видел десятки загубленных фашистами селений, так и не восстановленных после войны. Пепелища давным-давно заросли бурьяном и опаханы со всех сторон тракторами или полностью распаханы. У Ольховки история несколько иная: воспрянув было из пепла, она вторично погибла уже в мирные годы.

У новоселов не было времени прибирать за собой покинутые усадьбы. В хаотическом беспорядке громоздятся развороченные печи, трухлявые бревна, прясла гнилой дранки, брошенные за ненадобностью старые кастрюли, металлические трофейные бочки из-под горючего. Нелепо выглядят остатки ставших ненужными заборов и пней, замолкли над колодцами журавли. Среди зарослей бурьяна угадываются бывшие деревенские улочки, переулки и тропинки. В одичавших палисадниках среди пожухлого чернобыльника проглядывают неподдающиеся заморозкам флоксы, высоко торчат обвитые паутиной стебли мальв.

А это откуда взялось? Кое-где попадаются пепелища довольно свежие, еще не поросшие бурьяном. Леша объясняет:

- Несколько изб с хозяйственными постройками осталось тут уже после того, когда все ольховчане покинули деревню. Чем разбирать и перевозить избы по такой трудной дороге, иным показалось выгоднее строиться заново. В этих избах ночевали охотники, заготовители сена, ягодники и грибники. Частенько выручали они и меня. Ведь в один день в оба конца управиться трудно. Ночевал я в своей же избе, в Спасскую Полисть ее не забирал. Однак нашлись прохвосты, доконали нашу мученицу Ольховку.

...Бывает, со стороны Чудова на лодках по Керести, а то и пешью добираются сюда ватаги растоптаев, браконьеров, для которых нет ничего святого. Они и птиц, зверя в запретное время

бьют и прочие безобразия творят. Поломали, попалили на кострах кресты с ольховского кладбища, покидали в огонь фанерные пирамидки, которые кое-где еще стояли на солдатских могилах. Увидят такие нелюди, что дом нежилой, - значит, надо окна повыбивать. А иные додумались и до такой подлости: переночевали и заместо "спасибо" подпалили избу. Просто так, интересу ради. И вот, как видишь, из семи неперевезенных усадеб ни одной не осталось. Я считаю, что такие хулиганы хуже фашистов. Для тех мы враги кровные были, а эти мерзавцы почему такое против своих же творят?!

Огороды позарастали полынью, лебедой, лопухами и чертополохом в рост человека. Неприкаянно стоят сады, под яблонями полно опадышей, а те яблоки, которые еще остались на ветвях, почернели, прихваченные заморозками.

После привала на бывшей Лешиной усадьбе мы под прямым углом повернули на север, пошли вдоль западного берега Керести. На Ольховских Хуторах тоже ни живой души, ни единого строения. За впадающей в Кересть речкой Трубицей Леша показал мне урочище, название которого тоже, несомненно, рождено войной: Немецкий погост. Здесь оккупанты хоронили убитых в боях на ольховском плацдарме.

Сейчас тут молодая сосновая роща. Остатки намогильных холмов можно различить, только внимательно смотря под ноги и зная, на каком месте выросли эти деревца. Наглядная иллюстрация того, что ждет алчных захватчиков чужой земли. Их могилы поросли не только травой, но и деревьями забвенья.

У главного хирурга Волховского фронта А. А. Вишневского есть такая дневниковая запись, сделанная им в только что освобожденном Новгороде, когда он увидел огромное немецкое кладбище: "Конечно, от таких, уродующих нашу землю картин скоро не останется и следа. А стоило бы кое-где и оставить - в назидание тем, кто вздумает еще раз пожаловать к нам в гости без приглашения. И на воротах вот такого кладбища написать знаменитые слова Александра Невского: "Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет".

Добрались мы до возвышенности, именуемой местными жителями Веселой горкой. Со времени былинного Садко окрестные селяне устраивали на ней народные гуляния, жгли купальские костры. А в сорок втором для нас это была высотка, помеченная на топографических картах двузначной цифрой с десятыми, на ней сидели вражеские наблюдатели, за ней укрывалась немецкая 105-миллиметровая батарея.

Ольховское кладбище

Вернувшись в Ольховку, мы до наступления темноты успели

еще побывать на сельском кладбище. Конечно, оно имеет жутко запущенный вид. Более или менее прибраны могилки только Лешиных родственников. Но и они за несколько месяцев Леша не был в Ольховке с весны - успели зарасти сорняками. Вдвоем наскоро пропалываем невысокие могильные холмики.

Леша "познакомил" меня со своими предками. Однако кроме предков здесь похоронены и Васильевы-младшие. Под одним холмиком, который Леша прополол с особой тщательностью, покоятся два его младших братика: семиний Боря и пятиний Витя. Они умерли от голода и холода в страшную зиму сорок второго года. А тех ольховчан, которые остались живы, в том числе и Татьяну Алексеевну с Лешей, немцы вывезли в Латвию, в район Елгавы, и бросили в лагерь.

В северо-западном углу кладбища обращают на себя внимание заполненные водой котлованы. Здесь, помнится, были братские могилы воинов 4-й гвардейской, павших в боях за Ольховку и Ольховские Хутора. Не раз приходилось и мне хоронить здесь наших лыжбатовцев. По словам Леши, эти могилы были вскрыты экскаватором. Останки воинов перевезены на большое братское кладбище в Мостках.

Посреди кладбища растет древний дуб. Ольховчане так и называют его Кладбищенский дуб. Леша считает, что ему уже стукнуло полтысячи . Великан весь искалечен, крона его несимметрична. Во время войны он служил ориентиром и наблюдательным пунктом попеременно то немецким, то нашим артиллеристам. Уже смеркается. На сухом суку Кладбищенского дуба сидит одинокий ворон - потомок тех вранов, которые много веков назад кружили над полями кровавых сеч, высматривая павших новгородских витязей и их поверженных ворогов. А он сам, конечно, вдоволь попировал в годы последней войны. Одна и та же "музыкальная фраза", издаваемая зловещей птицей через равные промежутки времени, вполне гармонирует с нынешней обстановкой в Ольховке и ее окрестностях. Начинается она со скрипуче-деревянного клекота-профундо и, соскользнув затем сразу на высокий регистр, заканчивается леденящим душу полустоном-полувздохом-полувсхлипом.

- Опять пророчишь беду? - обратился к ворону Леша. - Раньше ты частенько угадывал. Однак ныне твое время миновало. Сторожи наш погост и поменьше каркай.

Ночь под Лешиным дубом

В бывшей усадьбе Васильевых тоже растет могучий дуб. Он, видимо, на полтора-два стоия моложе кладбищенского. Судя по изуродованной кроне, ему тоже порядком досталось от снарядов и мин.

Под Лешиным дубом - так я назвал его про себя - мы расположились на ночлег. Принесли из соседней рощи по нескольку охапок пряно пахнущего осенней вялью папоротника, надергали из старого слежавшегося стожка соломы. Насобирали дровишек, развели костер, поужинали...

После такого трудного дня собрались было сразу после ужина завалиться спать. Но что-то не спится. И немудрено: слишком сильны сегодняшние впечатления...

За освещенным огнем костра пульсирующим кругом сразу же начинается непроглядная тьма. Тишину не нарушает, а еще более подчеркивает негромкий и мерный шум воды, бьющей из артезианского колодца. Это примерно в трехстах метрах от Лешиной усадьбы. Вода вырывается из стадвадцатиметровой глубины, взмывает мощным фонтаном вверх и, разбившись на десятки мелких струй, падает на землю.

Меня осаждают воспоминания. Не верится, кажется фантастикой, что я в Ольховке, что вокруг простираются леса, треть века назад вдоль и поперек исхоженные мною и моими однополчанами-лыжбатовцами. Слышу, и Леше не спится. Сверху то и дело падают желуди: пок... пок... пок-пок-пок... Не сговариваясь, опять присаживаемся к костру. Один желудь, угодив прямо в огонь, зашипел и выстрелил, другой - упал к моим ногам. Беру его, рассматриваю... Экий красавец! Плотный, темно-табачного цвета, со светло-желтой попкой.

- Сейчас самый желудевый осып начинается... - задумчиво сказал Леша. И, глянув вверх, с грустью продолжил: - Мне всего сада так не жалко, как этого одного дуба. Яблоньки посадил в новой усадьбе - и они уже на моем веку плодоносить станут. А пока такой богатырь вырастет, несколько поколений Васильевых сменится.

Падающие сверху желуди настроили Лешу на определенный лад.

- Когда ольховчане собирались покидать свою деревню, то всячески кляли ее. А переехали на новые места, так и затосковали - и по садам, и по раздольным лугам, и по Керести. Пожилые ольховчане, старики и старухи еще по кладбищу скучают. Особенно в поминальные дни, в родительские субботы - беда. Выйдет моя мать, выйдут другие старухи за лесопункт, к Дупелькам, и голосят, в ту сторону глядючи, где Ольховка. До родительских-дедовских могил им, немощным, никак не добраться...

...Бывает, старушки меня делегатом в Ольховку направляют. Говорят, тебе, Леша, все равно по службе в Ольховку надо заглядывать. Так заодно помяни там наших сродственников.

Надают свечей, вареных яиц, пирогов, кутьи и прочей снеди. Мать купит в сельмаге кулек конфет для Бори и Вити. Говорит, им, горемычным, при жизни не довелось отведать детских радостей - так пушчай хоть сейчас леденцов и карамелек испробуют... Полный заплечный мешок всякой всячиной набузую, двустволку в руки - и пошел.

...По правде сказать, не по душе мне эти поминальные поручения старух. И не потому, что дорога трудная, - к этому я привычен. Посуди сам, как нескладно получается. Прихожу в Ольховку под вечер. Раскладываю по могилкам угощения, ставлю и запаливаю свечи. А дальше что делать? Как при одном-разъединственном человеке поминать? Был бы, как в прошлые годы, народ, так и поминальная чарка по кругу пошла бы, и бабы всласть поголосили бы. А в одиночку только последний запивоха пьет, это дело компанейское. И голосить по-бабьи не умею. Сижу возле Витиной и Бориной могилки и курю. А вверху, на дубу, тот самый ворон печаль-тоску разводит.

...А в позапрошлом году вот что получилось. Пришел я с этих самых непутевых поминок сюда, костер развел. Как и сегодня, долго ворочался, пока заснул. И вижу сон... Очень чудной сон! Обычно во сне видится, будто ты в ином месте - не на том, где спишь. А мне снится, как и всамделе есть: лежу на боку под моим дубом, рядом костерчик догорает. Лежу и думаю: а на кладбище, поди, сейчас людно, упокойники за гостинцами повыходили. И Борька с Витькой там. Дай-ка, думаю, на них погляжу. Заодно и других померших односельчан увижу.

...Поднялся и пошел. Тихонько этак иду, на цыпочках, по кустикам пробираюсь - чтобы упокойников не спугнуть. Как дошел до кладбищенских ворот, дальше и шагу не могу сделать. Вроде ничто не держит, никто не мешает, а ноги не идут, начисто отнялись. Кладбище затянуло легким туманом, и сквозь него видно, как длинной шеренгой, один за другим идут покойники. Все молчат, лица печальные, в руках солдатские котелки, миски, пустые консервные банки. Точь-в-точь так мы ходили за баландой в лагере под Елгавой, пока нас не распихали по хуторам.

...Гляжу - упокойники, как по команде, вышли из строя и разошлись по своим могилам. Забирают гостинцы, кутью в свою посуду перекладывают. А иным упокойникам ничего не принесено. Шарят они, бедные, шарят в высокой намогильной траве, а там - пусто. С завистью на удачливых соседей поглядывают, и те делятся с ними.

...А вон и мои - Витька и Борька. Я-то вырос, уже седеть начинаю, а они так и остались мальчонками. Шеи у них длинные и тонкие, как у птенчиков. Нашли-таки конфеты, обрадовались.

Хотел я было окликнуть их через забор, спросить - чего в другой раз принести. И в этот момент проснулся.

К Гажьим Сопкам

Рано утром мы пробудились на дне океана, заполненного седовато-молочным, с оловянным отливом, туманом. Он окутывал даже вершины самых высоких деревьев. Это сулило погожий, солнечный день.

Сегодня мы пошли на север вдоль восточного берега Керести, к Гажьим Сопкам. Пересекаем русла впадающих в Кересть ручьев и речек. Травенской ручей, Заречная Трубица, Трубицкая канава, Столоповский ручей... Туман рассеялся поздно, часам к десяти. С трудом пробившееся солнце осветило по-осеннему желтые осины и багряные клены.

У устья Столоповского ручья постояли на высоком берегу Керести. До войны здесь работала водяная мельница. Остатки запруды видны до сих пор. А выше и ниже по течению ложе реки загромождено каким-то хламом. Как слыхал Леша, оккупанты во время поспешного бегства в сорок четвертом сталкивали здесь, с обрыва, фуры со всевозможными грузами, а также "немецкие тачанки" со спаренными и счетверенными зенитными установками.

После возвращения из изгнания Ольховские мальчишки и подростки, в том числе и Леша, понаходили в лесу брошенные волокуши, законопатили, осмолили их и, подобно древним новгородским ушкуйникам, разъезжали по Керести, выискивая добычу. Иногда доставали со дна ящики с консервами, мешки с размокшими сухарями или гаами, тюки с обмундированием.

От старой мельницы повернули на восток, к Гажьим Сопкам. Добравшись до окраины царства аспидов, опять повернули под прямым углом и пошли на юг, примерно по тому маршруту, по которому тащил меня на волокуше Саша Вахонин. Нашел ту рощу, в которой я подорвался на мине. А могилу лейтенанта Науменко разыскать не удалось. Очень возможно, что его останки перевезены в Мостки или Спасскую Полисть.

Я еще раз убедился, что ориентироваться на местности, где приходилось воевать, спустя десятиия очень трудно, а подчас и невозможно. Повырастали новые рощи, прорублены новые просеки, проложены новые дороги и протоптаны новые тропинки. Кроме того, октябрьский пейзаж сильно отличается от февральского или апрельского. На этом участке ориентирами, не вызывающими сомнения, для меня явились Кересть, Гажьи Сопки, ручьи и речки.

Но, несмотря на отдельные неудачи, свой поход с Лешей считаю даже очень успешным. Он превзошел все мои ожидания.

Пообедали в Ольховке, у артезианского фонтана, после чего отправились в обратный путь. До свидания, Ольховка! Я уверен, что сюда, на берега древней Керести, опять вернется жизнь. По ночам будут петь петухи, утром колхозники погонят за околицу скотину и с утра до вечера на деревенских улицах будут раздаваться звонкие детские голоса. Опять загудят на полях тракторы и на пожнях застрекочут сенокосилки. Этот мощный артезианский фонтан перестанет день и ночь работать вхолостую. На Веселой горке по праздникам опять зазвучат песни и молодежь будет водить хороводы. И хотелось бы, чтобы все это случилось при жизни нашего поколения.

Березовый сок

Делаем привал на Березовом горбыле. Название вполне оправдывает себя: на этом взлобке растет небольшая семейка берез. Одна - могучая, пожалуй, в два обхвата, вокруг нее - послевоенная молодежь. Примерно половина листьев, раскрашенных осенью в нежные пастельные тона, еще на ветвях, вторая половина устилает землю, мягким ковром.

На молодых березах кора гладкая, меловая, с угольными поперечными рисками. Ствол материнской березы испещрен глубокими бороздами, покрыт буграми и порос мхом. Это знаки времени, письмена природы. Но, если внимательно присмотреться, то помимо естественной рукописи можно разглядеть меты, оставленные человеком. На высоте двух - двух с половиной метров видны заросшие округлые отверстия - с этой березы давным-давно добывали сок.

Лежим на подстилке из опавших листьев, глядим на ветви деревьев, с которых, повинуясь установленной судьбой очереди, срываются новые и новые листья. Мне вспоминается известная песня поэта Михаила Матусовского и композитора Веньямина Баснера "Березовый сок".

Лишь только подснежник распустится в срок,
Лишь только приблизятся первые грозы,
На белых стволах появляется сок
То плачут березы, то плачут березы...

Грустно улыбаясь, мысленно повторяю запавшие в душу строчки. Они волнуют меня, вызывают множество ассоциаций. Мне хорошо знакомы вкус и аромат березового сока.

Как часто, пьянея средь ясного дня,
Я брел наугад по весенним протокам,
И Родина щедро поила меня
Березовым соком, березовым соком.

Молодой человек, о котором поется в песне, идет по весенним протокам уже в мирные дни. Он опьянен солнечным

светом и запахами весны, у него кружится голова от избытка собственных сил... И нас когда-то шатало из стороны в сторону, и у нас когда-то кружилась голова - но при других обстоятельствах и по другой причине. Мы брели по колено, по пояс в волховских топях. Брели изнуренные, обессилевшие. Но, даже отступая, мы все же шли навстречу Победе.

Где эти туманы родной стороны
И ветви берез, что над заводью гнутся,
Туда мы с тобой непременно должны
Однажды вернуться, однажды вернуться.

Вот я и вернулся в свою тревожную боевую молодость. Вспомни, береза-сестрица, кого ты поила живою водой весной сорок второго года. Вспомни, как у твоего подножия умер истощенный солдат, у которого не хватило сил, чтобы дотянуться до сосуда с целебной влагой. Присмотрись хорошенько, может, узнаешь меня? И я делал привал вот на этом самом месте, и я пил твой сок.

И мне кажется, что береза-донор, тихо шелестя опадающими листьями, отвечает мне: "Помню, помню! Только ты одет был иначе, и лицом очень уж изменился. А где же твои друзья, которые вместе с тобой пили тогда сок из одного солдатского котелка?"

Это длинный и трудный разговор, береза-сестрица! И я рассказываю ей и ее юным дочерям о своих однополчанах. Рядом лежит Леша и тоже смотрит вверх, на падающие листья. У него свои думы, свой разговор с березой.

Еще одни одержимый

Во время странствий по памятным местам, где сражалась 2-я ударная армия, я познакомился с московским историком Борисом Ивановичем Гавриловым. Узнал от него много интересного. Оказывается, Институт истории АН СССР предпринял огромную работу по составлению общесоюзного свода, памятников истории и культуры, которые государство берет под охрану. К тому времени историк Гаврилов закончил составление такого свода по Ярославской области и приступил к аналогичной работе на Новгородчине.

В одних случаях объект для паспортизации ни у кого не вызывал сомнений. Скажем, Софийский собор, Детинец, церковь Спаса-Нередицы, Юрьев монастырь, памятник "Тысячеие России"... Но бывало и так, что мнения на этот счет расходились. Обычно это случалось тогда, когда речь заходила о памятниках истории и культуры, оставленных нам событиями недавними.

В частности, представителю АН СССР подчас приходилось убеждать некоторых новгородских руководящих работников,

историков и краеведов в том, что места, где происходили важнейшие боевые операции Волховского фронта и 2-й ударной армии в сорок втором году, - это свидетели славы советского оружия, а не его позора, свидетели массового героизма и стойкости советских воинов, а поэтому в обязательном порядке должны быть увековечены и внесены в свод.

Я ни в коей мере не хочу умалять заслуги новгородцев в охране памятников истории и культуры. Наоборот, считаю, что в этом отношении Новгород и вся область могут послужить образцом для подражания и заимствования. Однако несомненно и то, что до недавнего времени здесь были довольно сильны тенденции, тормозящие самоотверженную работу наиболее дальновидных историков, краеведов, следопытов. Эти тенденции выражались, прежде всего, в однобоком подходе: по сравнению со стариной недооценивалась современность, в частности период Великой Отечественной войны.

И эти тенденции, к сожалению, не оставались только частными мнениями - от них в какой-то мере зависела деятельность новгородских историков, краеведов, следопытов. Об этом говорит хотя бы тот факт, что три десятиия спустя после окончания войны приехавший из Москвы ученый-историк лазил в резиновых сапогах по волховским топям, ал над ними на вертое и устанавливал самую далекую точку Любанского прорыва, самый дальний рубеж, достигнутый конниками генерала Гусева, определял контуры "долины смерти", искал остатки штабных землянок 2-й ударной, намечал места, где следовало бы установить памятные знаки и обелиски. А ведь всю эту огромную работу уже много назад должны были проделать сами новгородцы. Представителю Академии наук осталось бы только то, что входит в его прямые обязанности, - паспортизировать и заносить в свод.

Правда, колоссальную и поистине подвижническую работу по собственной инициативе проделал краевед и следопыт Н. И. Орлов. Но ему - в силу тех же, упомянутых выше тенденций - не оказали должной поддержки. Николай Иванович был настоящей ходячей энциклопедией по истории Любанской операции. Но многое из того, что он знал, что сам "прочитал" на местности, в письменном виде не фиксировалось, на карты и схемы не заносилось.

И вот недавно - уже после того, как о "коменданте "долины смерти" были написаны главки для этой книги, - Николай Иванович умер. И навсегда унес с собой в могилу немало фактов, которые уже никогда не попадут на страницы описи боевых дел 2-й ударной армии.

Итак, Борис Иванович на ходу доделывал всяческие недоделки местных историков и краеведов, различных учреждений и организаций. И часто с горечью обнаруживал: упущенное наверстать затем бывает очень трудно, а подчас и совсем невозможно. Одно пошло под бульдозер, другое - на переплавку, третье - для хозяйственных нужд, четвертое - так поросло травой забвения, что и следов не найти...

Еду в Челябинск

Уже в "Моей фронтовой лыжне" была поставлена последняя точка, уже, вооружившись остро заточенными карандашами, рукопись читали строгие рецензенты. И вдруг к встречам с прошлым добавились новые страницы. Страницы волнующие, трогательные и, как мне кажется, для завершения моих воспоминаний важные.

Неожиданно получаю приглашение из Челябинска: 3-5 мая 1980 года состоится очередная встреча ветеранов уральских лыжных батальонов.

О-че-ред-ная! Выходит, уже не первая. А я и знать не знаю, что где-то на Урале встречаются ветераны фронтовой лыжни. Но тут же на меня навалились сомнения: и далеко, и рискованно - только что разделался с очередным приступом радикулита...

Взвесив все за и против, все-таки решил: надо ехать. Обязательно поеду!

В Челябинск приехал поездом, на два дня раньше. Встретили представители Совета ветеранов - объятия, поцелуи, цветы... В разгаре первомайская демонстрация, городской транспорт бездействует. К гостинице - до нее около трех километров - идем пешком. И очень удачно, что именно так получилось: город намного выигрывает, если знакомишься с ним Первого мая, в погожий весенний день. Вдобавок рядом шагают внимательные и предупредительные гиды старожилы этого города.

Гостеприимные хозяева разместили приезжих ветеранов в лучшей гостинице Челябинска с типично уральским названием - "Малахит". Знакомлюсь с прибывающими на встречу, издали узнаю их по орденам и медалям. География нашего лыжного братства обширна. Есть приехавшие из Прибалтики и с Украины, из Горького, Смоленска и других городов России. Но больше всего из уральских и приуральских городов: из Перми и Свердловска, из Нижнего Тагила и Магнитогорска, из Уфы и Кургана, из самой Челябинской области...

Из 280-го запасного лыжного полка у меня однополчане нашлись. А 172-й ОЛБ представляю один. Владимир Фунин и Александр Вахонин сообщили: приехать не сможем, не позволяет здоровье. Владимир даже сам написать не смог, это сделала за

него дочь Галина.

А из 173-го и 174-го ОЛБ несколько ветеранов приехало. Собравшись вместе, поговорили всласть. Вспомнили и отменный флотский борщ на станции Буй, и рыбинскую декаду, и бомбежку на станции Медведеве, и авиасабантуй первого разряда при выгрузке в Малой Вишере, и ускоренный марш на лыжах через Гряды Папоротное - Селищенский Поселок к Мясному Бору.

Затем наши фронтовые лыжни разошлись. Однако беседа о дальнейших судьбах лыжбатов не потеряла интереса. К какой дивизии или стрелковой бригаде были приданы? Где воевали? Вспоминали полузабытые названия...

Каждый челябинец знает, что означает сокращение УЛБ - уральские лыжные батальоны. Итак, знакомимся с Советом ветеранов УЛБ. Его возглавляет бывший воин 39-го ОЛБ Михаил Евгеньевич Колесников, заместитель председателя - Степан Савельевич Зубарев, ветеран 44-го ОЛБ. Оба энергичные, подвижные. В эти дни им хватает хлопот!

После войны Михаил Евгеньевич долгое время работал секретарем Челябинского облисполкома. И поэтому не удивительно, что Совет ветеранов обосновался в облисполкоме - в центре города, на улице Цвиллинга. Степан Савельевич до недавнего времени трудился в железнодорожной дистанции лесозащитных насаждений.

Гляжу я на Михаила Евгеньевича - и вспоминаю нашего Авенира. Богатырь из 39-го ОЛБ и ростом, и шириной плеч совсем немного не дотянул до габаритов правофлангового 172-го ОЛБ. И я еще раз поудивлялся: как же таких великанов держали лыжи?!

Заметил такую особенность: в Челябинске в лыжные части набирали, как правило, молодежь. И вот сейчас, к 1980 году, здешние ветераны-лыжники только-только подходят к пенсионному рубежу и лишь немногие переваливают через него. Этакие здоровяки, как на подбор, прямо зависть берет! Вот, к примеру, бывший комвзвод из 60-го ОЛБ - Иван Иванович Гришин. Недавно, к своему 60-ию, вместе с комсомольцами комбината "Магнезит", где и поныне работает, сдал все нормы комплекса ГТО.

Я знаком с деятельностью многих Советов ветеранов Великой Отечественной войны. Но, пожалуй, нигде не встречал такой тесной и широкой связи их с молодежью, как в Челябинске. В Совет входит молодой инженер и начинающий журналист Николай Константинович Крохин - сын фронтовика, погибшего в боях за Москву. Тесными шефскими узами связан Совет с Челябинской детско-юношеской спортивной школой No 5. Она предоставляет Совету актовый зал для проведения встреч

ветеранов, школа организовала в одном из своих классов музей боевой славы, посвященный лыжникам-уральцам.

По инициативе Совета в окрестностях Челябинска ежегодно проводятся соревнования юных лыжников на приз имени Уральских лыжных батальонов. Поначалу эти соревнования были задуманы как областные. Но скоро весть о них шагнула далеко за пределы Челябинской области, их популярность ширится с каждым годом. Так, в олимпийском году команды юных лыжников прислали Пермь и Свердловск, Златоуст и Сыктывкар, Уфа и Казань, Москва и Ленинград, Горький и Хабаровск...

Собралось нас около двухсот. На торжественном акте каждому вручили пятиугольный памятный знак - "Ветерану уральских лыжных батальонов". Были отведены специальные часы для знакомств друг с другом и воспоминаний. Осматривали в спортшколе No 5 музей боевой славы. Встречались со студентами Института физкультуры и курсантами Челябинского высшего военного автомобильного училища, побывали в гостях на предприятиях города. Возлагали венки у Вечного огня и фотографировались на главной городской площади у памятника Владимиру Ильичу...

В последний день встречи мы собрались на прощальный товарищеский ужин в столовой подшефной спортшколы. Нас две сотни... Выглядим довольно внушительно, за столами тесновато. Вместе с тем это всего лишь небольшая горстка воинов-лыжников, которых послал на войну Урал. Ведь только в составе 2-й ударной сражалось 26 ОЛБ. Это более десяти тысяч лыжников, преимущественно уральцев.

И все же в этой скромной столовой гостей во много раз больше, чем треть лыжбата. Каждый из нас мысленно пригласил десятки и сотни фронтовых друзей. И тех, кто еще не знает о рождении нашего ветеранского братства; и тех, кому приехать помешала болезнь; и тех, кто умер уже в мирное время; и тех - их больше всего, - кто навсегда остался на полях сражений.

Товарищеское застолье ветеранов - это сотканные воедино торжество победы и скорбь тризны. Каждому вспоминается свое, у каждого по-своему сопрягается настоящее с далеким прошлым. Но одновременно все эти воспоминания, все эти чувства тесно перепаются и, витая над застольем, создают особую атмосферу, особое эмоциональное поле.

В сугубо прозаической столовой на несколько часов провозглашена Республика Фронтового Братства. В этой республике свой ход времени и свой часовой пояс, свои единицы измерения добра и зла, свои понятия о возрасте человека... Здесь даже работают особые виды транспорта. Стоит произнести

магический пароль Мясной Бор, "долина смерти", Новая Кересть, Синявино, Рабочий поселок номер восемь, Гонтовая Липка, - и нам незамедлительно подают машину времени. На ней мы мгновенно преодолеваем тысячи километров и оказываемся в царстве проволочных заграждений и минных полей, траншей и землянок, в царстве завывания мин и снарядов... Мы вмиг переносимся на десятиия назад - в военное лихоье, в годы великой битвы за нашу Отчизну.

Мать уральских военных лыжников

Когда я был в Новгороде, следопыт Орлов снабдил меня десятками нужных мне адресов. Хотел было дать еще один. Дескать, в 1972 году приезжала в Новгород пенсионерка, бывшая учительница. После от нее было письмо. Она уже много ищет следы своих учеников и родного брата, ушедших добровольцами в лыжные части и пропавших без вести. Учительница собрала огромный материал о боевом пути уральских лыжбатов. Трижды он перетряс свой немалый архив, но письма с адресом учительницы так и не нашел. Экая досада!

Только запомнил, что живет она в каком-то уральском поселке с нерусским названием. Данные слишком приблизительные, чтобы можно было искать.

Теперь можете себе представить мою радость, когда с этой женщиной меня познакомили на челябинской встрече.

В железнодорожном поселке Бердяуш - это западнее Челябинска - живет Александра Ивановна Попова. Она с довоенных и до выхода на пенсию учительствовала в местной средней школе. В октябре 1941 года из 10-го класса, которым руководила Александра Ивановна, вступил добровольцем в лыжный батальон лучший спортсмен школы Митя Бекетов. От него пришло единственное письмо - из Ярославля, где маршевый батальон делал остановку по пути на фронт.

Мать Мити - Евдокия Ефимовна - попросила классную руководительницу организовать поиски сына. Александра Ивановна стала делать от имени матери запросы в различные инстанции. Но отовсюду приходил неутешительный ответ: "Пропал без вести".

Скоро у Александры Ивановны добавились новые тревоги и хлопоты: добровольцем-лыжником стал ее родной брат Дмитрий Полтораднев. Тоже выпускник Бердяушской средней школы, молодой учитель истории. Последнее письмо от него получили весной 1942 года. В нем была фотография Дмитрия и его боевых друзей, сделанная у Огорелья. Как после выяснилось, это одно из новгородских селений в зоне прорыва 2-й ударной. Начались поиски брата. Ответы "пропал без вести" порождали

неопределенность и смятение чувств, являлись поводом для всевозможных догадок, предположений... В беспрестанном ожидании жила сама Александра Ивановна, не находила успокоения ее старенькая мать - Екатерина Григорьевна.

В лыжные батальоны уходили все новые и новые выпускники школы, воинами-лыжниками становились наиболее физически подготовленные юноши-железнодорожники поселка Бердяуш. И если с ними обрывалась связь, родные шли к учительнице Поповой, о которой распространилась молва, что она "специалистка по розыску без вести пропавших".

Закончилась война, оставшиеся в живых фронтовики вернулись домой. Александра Ивановна стала разыскивать бывших лыжбатовцев, надеясь получить какие-то вести из первых рук. Обращалась в советы ветеранов и военкоматы, в адресные столы и отделы социального обеспечения... Писала в районные и областные газеты. Работала в Центральном военном архиве в Подольске. Ездила в Новгород, встречалась там с краеведами и следопытами, изучающими боевой путь войск Волховского фронта, в частности 2-й ударной армии.

Благодаря огромным усилиям Александры Ивановны многое в судьбе без вести пропавших прояснилось. Она разыскала однополчан Бекетова, которые рассказали, что Митя был разведчиком и знаменосцем 39-го. ОЛБ. Тяжело раненного в грудь, его отправили на волокуше в медсанбат. Нашла Александра Ивановна и однополчан своего брата из 40-го ОЛБ. В их памяти Дмитрий Полтораднев сохранился как отважный воин, они же засвидетельствовали его смерть на поле боя.

И хотя далеко не всегда Александре Ивановне удается проследить боевой путь пропавшего без вести до конца и разыскать его могилу, - даже то немногое, что сообщают о павших их фронтовые товарищи, очень много значит для родных!

Результаты своих разысканий Александра Ивановна записывала, сопоставляла, изучала. В ее списках оказались сотни уральских лыжбатовцев - живых и мертвых. Через нее установили между собой контакты многие ветераны-лыжники, разбросанные по всему Уралу, по всей нашей стране. И в конце концов зародилась идея: организовать встречу ветеранов уральских лыжных батальонов. Впервые это было осуществлено в 1975 году. Тогда же был избран Совет ветеранов УЛБ.

Вот почему учительницу-пенсионерку Попову называют "матерью уральских военных лыжников".

Александра Ивановна не только описец ратных подвигов уральских лыжных батальонов - она всячески пропагандирует их заслуги перед Родиной. Публикует статьи и очерки в местной

печати, выступает в школах и рабочих клубах, на предприятиях. Свои лекции и беседы оживляет чтением стихов известных поэтов и собственного сочинения.

Проходят годы и десятиия... Уже нет Екатерины Григорьевны и Евдокии Ефимовны, поумирали другие матери воинов-лыжников, не вернувшихся с фронта. Но память о героях не зарастает травой забвения. Каждая осиротевшая солдатская мать, уходя из жизни, оставляет Александре Ивановне в наследство свое неизбывное материнское горе...

Есть у Александры Ивановны замечательный помощник - ее сын Владимир, работающий врачом-невропатологом. Он тоже увлеченный пропагандист подвигов уральских лыжников в Великой Отечественной войне. С путевкой общества "Знание" и гитарой в свободное от работы время выступает в Челябинске или разъезжает по области. И всюду он желанный гость. Сам себе аккомпанируя, исполняет стихи поэтов-фронтовиков, стихи своей матери. Сам сочиняет музыку к ним.

Выступал Владимир и на нашей майской встрече. Особенно проникновенно он исполнил стихотворение Александры Ивановны, посвященное памяти Дмитрия Полтораднева. Вот оно.

И каждый год, как отцветает
У нас черемуха в саду
И лепестками засыпает
Всю землю, - спать я не могу.
Весной военной этим цветом,
Как снегом, землю занесло,
С весенним фронтовым приветом
Пришло последнее письмо.
С тех пор прошло годов немало...
Теперь уж больше тридцати.
Всю жизнь его везде искала
И не могу никак найти.
Уж я состарилась с годами,
А от него все вести нет...
Есть только присланный на память
В годину трудную портрет.
Стою часами у портрета...
На нем - мой брат, простой солдат.
Войны давно в России нету,
А он все держит автомат...

В гостях у Владимира Фунина

Еще дома, перед отъездом в Челябинск, подумалось: раз уж буду на Урале, обязательно заеду к Владимиру. Но легко сказать "заеду" - Урал ведь не маленький.

От Челябинска до Красноуральска примерно четыреста километров. А тут еще праздничные дни, все виды транспорта забиты.

И все же - еду! Не сделаю этого, так после годами буду казниться. Договорился с Колесниковым: от имени Совета вручу Фунину памятный знак "Ветерану уральских лыжных батальонов".

Как ехал вдоль Уральского хребта на современных перекладных, в подробностях описывать не стану. Добирался до Красноуральска и на электричках, и на поездах дизельной тяги, и на рейсовых автобусах, и на попутной трехтонке, и даже на такси... Из Невьянска сделал крюк в сторону - навестил в Кировграде восьмидесятинюю Пелагею Андреевну, бывшую хозяйку Аси. Очень трогательная получилась встреча! После Нижнего Тагила из окна вагона вдруг увидел название станции: Сан-Донато. И сразу же вспомнился Гриша Пьянков - Итальянец.

Наконец я близок к цели: в канун Дня Победы выхожу на станции Верхняя. Красноуральск в стороне от железной дороги, до него еще десять - двенадцать километров. На привокзальной автобусной остановке многолюдно. Настроение у публики боевое, все готовы к штурму. С большим трудом втискиваюсь в видавший виды автобус и еду буквально в подвешенном состоянии. Но ехать недалеко, и пассажиры скоро угомонились. Даже шуточки отпускают.

Красноуральск. Я уж подумал было, что пришло время распрощаться с последней "тройкой перекладных". Но оказалось, что предстоит еще один "перегон". Город довольно большой и сильно разбросанный. А Фунин, судя по адресу, живет в поселке-спутнике Октябрьском. Надо разобраться с автобусами.

Среди доброй сотни ожидающих мне приглянулась почему-то средних женщина с хозяйственной сумкой в руках. Выясняю у нее, как попасть в Октябрьский.

- А вам какая улица нужна?

- Шахтерская...

- А к кому едете на Шахтерской?

- К пенсионеру Владимиру Фунину...

- К Фунину?! - удивленно переспросила женщина. - Тогда едем вместе. Я дочь Владимира Федоровича - Галина. Только мы живем уже не на Шахтерской, недавно получили новую квартиру на Салдинской...

Надо же! Какая счастливая случайность! Я отрекомендовался. Заочно мы уже были знакомы. Последнее время Владимир отвечал на мои письма, диктуя дочери. А иногда, когда отцу было совсем плохо, Галина Владимировна писала мне от своего имени.

Пока подошел наш автобус, я расспросил Галину

Владимировну о здоровье отца.

- Очень плохо! И он мучается, и мне с ним трудно... Мама умерла, старшие брат и сестра со своими семьями живут в других городах... Остались мы вдвоем...

Галина Владимировна заплакала и на некоторое время умолкла. Из ее писем я примерно представлял себе обстоятельства. Незадолго до оформления пенсии у Владимира пью повисла правая рука. Следствие старого ранения - того самого, которое он получил при выходе из окружения. А спустя несколько Владимира свалил инсульт с полным левосторонним параличом...

- Ну, ничего... - утирая слезы, сказала Галина Владимировна. - Самое страшное и трудное позади. Папа уже сам встает с постели и потихоньку передвигается по комнатам. Представляю себе, как он обрадуется такому неожиданному гостю! Очень удачно получилось. - Она показала на объемистую сумку. - Только что запаслась всякой всячиной на все праздничные дни...

Переступая порог дома, сильно волнуюсь... Ведь расстались мы тридцать восемь назад! И в какой обстановке расстались! В разгар боя, когда наш лыжбат был в отчаянном положении...

- Папа, к тебе гость! - кричит Галина Владимировна из коридора. - Кто такой - не скажу, попробуй узнать сам.

Входим в комнату. Владимир стоит, привалившись к стене. Я останавливаюсь в напряженной позе и, сдерживая себя, жду, даю ему возможность узнать меня. Владимир пристально вглядывается в мое лицо, а я, улыбаясь, смотрю на него. Если бы я не знал, кто передо мной, то, скорее всего, не узнал бы друга. Под тридцать и под семьдесят - слишком большая разница. А тут еще вмешалась страшная болезнь...

- Неужели Геннадий?! - вдруг радостно и вместе с тем изумленно восклицает Владимир.

- Конечно, я!

Отделившись от стены, Владимир подался мне навстречу, дочь поддержала отца, охватив его рукой за поясницу...

Я прогостевал в Красноуральске два дня. Владимир рассказывал мне о самых трагических днях нашего лыжбата, я ему - о странствиях по госпиталям. Владимир выспрашивал у меня подробности моего недавнего путешествия в Ольховку и только что состоявшейся челябинской встречи.

К сожалению, многое забыли и я, и Владимир. Особенно он. У меня по сравнению с ним существенные преимущества: восстанавливал в памяти забытое, разъезжая по местам боев и работая в архивах. Владимир же только что перенес тяжелую болезнь, которая пагубно отражается и на памяти. Тем не менее -

он молодец! Напомнил много такого, что окончательно выветрилось из моей головы.

Вести беседу с Владимиром не так-то просто. Какое-то время после паралича он вообще не мог разговаривать. И сейчас речь восстановлена далеко не полностью: говорит Владимир запинаясь, заикаясь и шепелявя. И еще одно следствие болезни: лишь только в нашей беседе повышаются эмоциональные градусы, мой друг начинает плакать...

Познакомился я с трудным бытом больного. Пока Владимир лежал пластом, дочь находилась при нем неотлучно. Сейчас вернулась на работу. Забегает днем домой, чтобы накормить отца обедом. А если Владимиру захочется пить, к его услугам нехитрое приспособление: с прикрепленного к стене кронштейна свисает на бечевке чайник. Из него можно пить без помощи рук, которые еще не в силах удержать стакан или кружку.

Владимир не утратил присущего ему чувства юмора.

- Вот видишь, Геннадий, - пошутил он, - во второй раз вырываюсь из окружения!

Праздничный ужин... Хлопочет с закусками Галина Владимировна. Посматриваем на телевизор: страна отмечает День Победы.

Наступает наиболее торжественная минута: диктор зачитывает праздничный приказ министра обороны. Я встаю, Галина Владимировна помогает подняться отцу. От имени Совета ветеранов уральских лыжных батальонов прикалываю к груди бывшего старшины 172-го ОЛБ, ныне гвардии капитана в отставке, Владимира Фунина пятиконечный памятный знак с изображением бегущего лыжника в белом маскхалате. Раздаются залпы праздничного салюта, на экране телевизора всплывают вверх и рассыпаются гирлянды многоцветных огней. Владимир плачет... Галина Владимировна вытирает отцу слезы и тоже плачет. Я торопливо нашариваю по карманам платок. Пожалуй, он понадобится и мне...

Прошло пять , и я снова приехал в Челябинск, чтобы 40-ие Победы отпраздновать в кругу однополчан-лыжбатовцев. Конечно же, поубавилось нас, ветеранов фронтовой лыжни! Однако наиболее близкие мои друзья здравствуют. По-прежнему полны энергии и деятельны председатель Совета ветеранов УЛБ Михаил Колесников и его помощники, присутствуют Александра Ивановна и ее сын Владимир с гитарой и баяном. Так что и при меньшем количестве участников нам удалось полностью воссоздать торжественно-приподнятую атмосферу ветеранской встречи.

Один погожий день мы провели на лоне природы: у

построенной к празднику фронтовой землянки в живописном местечке. Здесь в годы войны тренировались лыжники, и отсюда челябинцы провожали их на фронт. В юбилейных торжествах приняли участие юные пионеры, комсомольцы, спортсмены-лыжники, ветераны других родов войск.

Среди многочисленных пожеланий, которыми челябинцы напутствовали нас, гостей, были и такие: "Ждем вас к 45-ию и 50-ию Победы!" Дожить бы до этих юбилейных дат!

Праздник первогвардейцев

18 сентября 1981 года наша страна отпраздновала 40-ие советской гвардии. В Москве собрались ветераны четырех первых гвардейских дивизий, а также первогвардейцы других родов войск - чики, моряки, танкисты...

Среди трехсот ветеранов 4-й гвардейской участников исторических боев у Ельни оказалось совсем немного. Основная их группа уехала праздновать юбилей туда, где дивизия в кровопролитных боях заслужила почетное звание. Чуть побольше, около трех десятков, присутствовало "любанцев". 172-й лыжбат я представлял в единственном числе...

Прежде всего я узнал главного описца 4-й гвардейской - артиллериста Назиба Зариповича Кадырова. С ним я уже встречался в послевоенные годы, работая в Центральном военном архиве. По-ветерански обнялся и расцеловался еще с одним артиллеристом - Валерианой Крыловым. Он опубликовал правдивую и обладающую рядом художественных достоинств документальную повесть "Обыкновенные гвардейцы". Об артиллеристах нашей дивизии в Любанской операции. Разыскал я еще нескольких ветеранов, с которыми одновременно воевал под Мясным Бором и на берегах Керести...

В первый день праздника все четыре дивизии провели вместе, по общему плану.

...Возлагаем венок на могилу Неизвестного солдата. Много раз приходилось видеть эту торжественно-скорбную церемонию на экране телевизора, но никогда она не волновала мою душу так глубоко, как сегодня, когда я сам оказался у Кремлевской стены. Для зарубежных гостей фигура советского воина, надо полагать, всего лишь обобщающий символ. А я воспринимаю ее очень и очень конкретно. Мои затуманенные глаза некоторое время не видят монумента, и передо мною длинной чередой проходят на лыжах Сергей Науменко, Геннадий Кокоулин, Авенир Гаренских, Семен Белых и десятки, сотни других моих однополчан. Все они волей беспощадной военной судьбы стали Неизвестными и покоятся в братских могилах то ли в Мясном Бору, то ли в Мостках, то ли в Спасской Полисти... Или не обнаружены еще в

приволховских топях и ждут своих красных следопытов...

Если сбросить со счетов немногих счастливчиков вроде меня, Вахонина, Фунина, то 172-й ОЛБ можно назвать Неизвестным батальоном. А ведь были в этой погибельной войне и Неизвестные полки, Неизвестные дивизии...

Сегодня я до конца понял мудрый смысл, целесообразность и, более того, необходимость этой благородной традиции. Неизвестные солдаты сражались плечом к плечу с солдатами Известными, вместе с ними шагали по трудным фронтовым дорогам к Победе. Вместе ходили в атаки, штурмовали доты и дзоты, форсировали реки... Слепой Случай, захвативший в хаотической круговерти войны небывалую власть, отнял у них жизнь, лишил их воинских званий и наград, лишил фамилии и имени, которым нарекли их отец и мать...

Вот почему по всей нашей стране на могилах Неизвестных солдат горит Вечный огонь, вот почему мы, живые, возлагаем на них цветы!

Вечер того же дня - торжественное собрание ветеранов в Доме Советской Армии... Нет, я не стану описывать, как это происходило, что говорили выступающие, какие чувства одолевали ветеранов... Боюсь, что у меня не хватит умения привлечь читателя в сопереживатели. Расскажу только об одном эпизоде.

В сопровождении почетного караула на сцену внесли боевые знамена гвардейских дивизий. Все встали. Потрясающая встреча! Ведь подавляющее большинство присутствующих в зале ветеранов увидело свое дивизионное знамя впервые: на фронте, в боях и походах, было не до парадов, не до торжественных церемоний с выносом развернутых знамен.

Мы, солдаты переднего края, знали, что наше дивизионное знамя где-то неподалеку, и в любой обстановке чувствовали ответственность за него. В особо трудные моменты, например при выходе "долиной смерти" на Большую землю, беспокоились о его судьбе. Дивизионное знамя было для нас символом солдатской доблести и чести, символом Родины. Но только сейчас, спустя более трети века после окончания войны, мы видим нашего ветерана-фронтовика так непривычно близко, видим во всей красе и величии.

Мысленно представляю себе путь трудных побед, который прошло наше знамя, водя за собой 4-ю гвардейскую по полям сражений. После Ельни и Волховского фронта - прорыв под Кской северо-западнее Сталинграда, города Шахты, Енакиево, Донецк, Апостолово, Кривой Рог, Одесса, Ясско-Кишиневская операция, Галац, Браилов, Будапешт, Вена... Особое место в этом длинном

перечне занимает столица Австрии. За участие в ее освобождении 4-я гвардейская получила почетное наименование "Венской".

Второй день праздника каждая из четырех дивизий провела в своей подшефной школе. У 4-й гвардейской давнишняя дружба со средней школой No 587 на Можайском шоссе. Здесь обстановка была менее официальной - домашней, уютной. Мы услышали от юных друзей много добрых пожеланий. Учителя и ученики пригласили к себе в гости к 50-ию советской гвардии.

Что и говорить, заманчивая перспектива!

Раздумья о судьбе 2-й ударной

В разгар боев на берегах Керести нам, лыжбатовцам, стало известно, что наша 4-я гвардейская дивизия переподчинена другой армии. Это произошло в конце февраля. Чтобы сделать 2-ю ударную более мобильной, способной пробиваться вперед, командование Волховского фронта передало горлышко "Любанской бутыли" 59-й армии. Не только самую суженную часть, но и достаточно широкую внутреннюю. В эту зону попали Ольховка и Ольховские Хутора, и 4-я гвардейская вошла в 59-ю армию.

Эти решения, принятые в высоких командных инстанциях, почти никак не отразились на судьбе нашей дивизии и моего лыжбата. Наша задача оставалась прежней: любой ценой овладеть Ольховскими Хуторами и Сенной Керестью. А когда наступательный порыв 2-й ударной иссяк, нам было приказано: любой ценой удерживать противника, напирающего со стороны Чудова.

На протяжении всей войны я с особым вниманием следил за успехами 2-й ударной, в которой прошел начальный курс трудной солдатской науки. В январе сорок третьего она участвовала в прорыве ленинградской блокады южнее Ладожского озера. Год спустя, нанеся внезапный удар с Ораниенбаумского плацдарма, сыграла важную роль в полной ликвидации блокады.

Велики заслуги 2-й ударной в освобождении Ленинградской области и Советской Прибалтики, Польши и Германии. Более двадцати раз Верховный Главнокомандующий объявлял в приказах благодарность частям и соединениям 2-й ударной, отличившимся при освобождении городов: Ропши, Кингисеппа, Нарвы, Муствеэ и Иыхви, Таллина, Пярну, Цеханува, Млавы и Дзядлово, Дойч-Эйлау, Вилленберга, Мариенбурга, Эльбинга, Прейсиш-Старграда, Диршау, Данцига, Анклама, Грайфсвальда, крепости Штральзунда, портов Варнемюнде, Свинемюнде, острова Рюгена...

Так что нам, ветеранам этой армии, есть что вспомнить, есть чем гордиться. Однако многим из нас довелось в свое время

пережить и совершенно незаслуженные обиды.

Напомню: отец лейтенанта Сергея Науменко писал мне из Мамлютки, как его тяжело оскорбил один ответственный районный работник: "Кто знает, где ваш сын! Может, с генералом Власовым к фашистам перебежал". Подобные ничем не обоснованные оскорбительные предположения приходилось слышать многим бывшим участникам Любанской операции. Не избежал этой участи и я.

Со временем любители легко бросаться безответственными обвинениями приутихли. Но даже в 1976 году, когда я путешествовал по новгородской земле, мой слух резали такие возгласы: "А-а! Значит, вы из той самой... из власовской армии!" Правда, эта фраза произносилась с различными смысловыми интонациями. Реже чувствовались подозрительность и осуждение, чаще мне сочувствовали, меня жалели. Дескать, досталось же тебе, горемычному! И как тебе удалось выскочить из власовской армии?

Во время многочисленных бесед в Малой Вишере и Чудове, в Мясном Бору и Спасской Полисти, в Селищенском Поселке я убедился, что некоторые местные жители - и их не так уж мало - до сих пор отождествляют 2-ю ударную с власовской РОА. Некоторые старушки сообщали мне как о непреложном факте, будто генерал Власов "уведши к немцам целую армию".

Уже давно детально выяснены обстоятельства сдачи в плен генерала Власова. Не уводил он за собой ни армию или дивизию, ни даже роту или взвод. В момент пленения Власова в крестьянской избе было всего несколько человек. А все соединения, части и подразделения 2-й ударной героически сражались от начала и до конца Любанской операции. Пока хватало сил - наступали, когда силы явно иссякли, а противник подбросил крупные подкрепления - перешли к обороне, удерживая отвоеванный плацдарм, а когда получили приказ Ставки об отходе на восточный берег Волхова - с кровопролитными боями вырывались из кольца вражеского окружения.

Власов приступил к вербовке предателей в РОА значительно позже. Он сколачивал ее из закоренелых врагов советской власти, а также из военнопленных, сломленных морально в фашистских лагерях смерти.

Каким же образом родилась и пошла гулять по свету клеветническая версия о том, что якобы изменник Власов чуть ли не парадным маршем увел на службу Гитлеру несколько советских дивизий? Автор этого измышления - Геббельс. Фашистской пропаганде выгодно было изображать дело так,

будто советские воины массами переходят на сторону Германии во главе со своими генералами. На эту тему гитлеровцы трезвонили по фронтовому радио, всячески расписывали в листовках.

А своему долголетию эта фальшивка в значительной мере обязана усердию не по разуму некоторых наших лекторов, пропагандистов, журналистов и даже авторов исторических романов. В своем стремлении показать предателя в наиболее неприглядном виде они чрезвычайно легкомысленно, более того, безответственно бросались выражениями, вроде таких: "Сдал в плен", "Увел к немцам".

Да, карьерист и трус Власов, командуя 2-й ударной с 16 апреля и до конца Любанской операции, своей бездеятельностью осложнил и без того чрезвычайно трудное положение окруженных дивизий и бригад. Да, далеко не всем удалось прорваться к Большой земле. Тысячи погибли в боях, некоторые встретили свою смерть, уже переходя линию фронта. Как комиссар Зуев. Другие примкнули к партизанам. Третьих поглотили волховские болота. Четвертые, обессилевшие или тяжело раненные, попали в плен. Но и там продолжали борьбу. Как Муса Джалиль. Добровольно сдались в плен и пошли в услужение к гитлеровцам только единицы.

Да, конечная цель Любанской операции не была достигнута: зимой сорок второго года 2-й ударной не удалось прорвать извне кольцо ленинградской блокады. Этому было немало причин. Все мы, от рядовых бойцов до генералов, только-только начинали овладевать азами современной войны. Эвакуированные на восток заводы еще не успели наладить в достаточном количестве производство военной техники и боеприпасов. Поэтому нас еще очень слабо поддерживали авиация, артиллерия и танки. Укрепленные рубежи, доты и дзоты мы атаковали чаще всего легким оружием, гранатами, бутылками с горючей смесью. Вдобавок ко всему - чрезвычайно суровая зима и необычайно трудные природные условия. Каждая отвоеванная пядь земли доставалась нам дорогой ценой.

Однако жертвы ни в коем случае нельзя считать напрасными. Вспомним, в какое время началась Любанская операция. Наши войска только что разгромили врага под Москвой. Чтобы взять реванш и поднять боевой дух вермахта, гитлеровское командование накапливает силы для решающего штурма Ленинграда. И в этот чрезвычайно опасный для нашей страны момент Волховский фронт отвлек на себя более десяти полнокровных фашистских дивизий с приданными к ним частями усиления и массу авиации. Не только отвлек, а изрядно потрепал

и перемолол их. Нетрудно себе представить, насколько осложнилось бы положение Ленинграда, если . бы в начале сорок второго эти дивизии оказались не в волховских болотах, а под Урицком и у Пулковских высот, под Пушкином и Колпино.

Большую роль в восстановлении доброго имени 2-й ударной сыграла военно-историческая наука. В "Советской военной энциклопедии", например, Любанская операция в одноименной статье оценивается так: "Немецкое командование в январе - марте 1942 года перебросило на усиление 18-й армии из состава 16-й армии, а также из Германии, Франции и Югославии 7 дивизий и одну бригаду. Кроме того, в полосу наступления Волховского фронта было перегруппировано до 4-х дивизий из-под Ленинграда. Для поддержки своих войск в районе прорыва противник привлек до 250 бомбардировщиков 1-го воздушного флота.

Любанская операция не получила полного завершения. Однако в ходе ее советские войска захватили инициативу и заставили 18-ю армию противника вести оборонительные бои. Войска Волховского фронта и 54-й армии Ленфронта привлекли на себя главные силы не только 18-й армии, но и всей группы армии "Норд".

Те путаники, которые, зная о боевом пути 2-й ударной всего лишь понаслышке, бездумно и безответственно повторяли всяческие вымыслы, - не только искажали историческую правду. Они оскорбляли лучшие чувства тех воинов фронта и армии, которые остались живы и продолжали воевать, тех ветеранов войны, которые здравствуют и поныне. Их обвинения звучали кощунственно по отношению к тем воинам-волховчанам, которые покоятся сейчас в братских могилах, которые еще не найдены следопытами и ждут погребения. Они отдали жизнь в очень трудную для нашей страны пору. Свет грядущей Победы еще еле-еле брезжил на горизонте, затянутом мрачными грозовыми тучами. Их очень редко награждали, им еще не салютовала Москва, - а ведь воевать тогда было намного труднее, чем в сорок третьем, сорок четвертом и сорок пятом годах.

В 1978 году мои новгородские друзья написали мне: "Наш облисполком принял наконец решение увековечить подвиг воинов 2-й ударной армии, совершенный ими зимой сорок второго года. Обелиск или целый мемориальный комплекс будет установлен где-то в районе прорыва. Сейчас уточняется место будущего памятника, обсуждаются детали проекта".

Я верю: мы, оставшиеся в живых ветераны Любанской операции, в недалеком будущем соберемся у этого обелиска. Обнажив головы, споем гимн волховчан, написанный нашим же

однополчанином - поэтом Павлом Шубиным. Заранее представляю себе, как у берегов древнего Волхова, на земле былинного Садко, величаво и торжественно зазвучат скорбные, суровые и мужественные слова:

Вспомним же тех, кто неделями долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладоге, дрался на Волхове,
Не отступал ни на шаг.
Вспомним и тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу.